

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Ю. Я. ПЕРЕПЕЛКИН

ХОЗЯЙСТВО СТАРОЕГИПЕТСКИХ ВЕЛЬМОЖ

Москва
«НАУКА»

Главная редакция восточной литературы
1988

Ответственный редактор
Е. С. БОГОСЛОВСКИЙ

Рецензенты
О. Д. БЕРЛЕВ, Д. А. ОЛЬДЕРОГГЕ

Книга видного египтолога Ю. Я. Перепелкина посвящена выяснению производственных отношений, существовавших в Египте в древнейшую, доступную подробному изучению пору — время исполинского строительства пирамид Старого (иначе — Древнего) царства (4500—4000 лет назад). В основу исследования положены надписи при изображениях на стенах староегипетских гробниц. Их анализ позволил вскрыть представления о собственности, соотношение между собственностью царской и частной, виды собственности, способы ее приобретения и отчуждения. Исследование помогает выяснить место рабского труда в древнеегипетском производстве.

Книга предназначена для историков, специалистов по древнему миру.

П $\frac{0504010000-206}{013(02)-88}$ 33-88

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1988.

ОТ РЕДАКТОРА

В книге Ю. Я. Перепелкина впервые в истории изучения классического Востока процесс труда и его составляющие исследованы в конкретно-исторической форме. Средства производства (предметы и средства труда) в ней не описаны, потому что они хорошо изучены в многочисленных специальных трудах еще в первой половине XX в. Из-за уникального для сохранности памятников материальной культуры климата Египта это стало возможным уже несколько десятилетий назад, добавить можно только частности. Совершенно иначе дело обстоит с изучением производственных отношений, составляющих предмет политической экономии. Они остались просто неизученными.

Для того чтобы производить, люди должны обладать средствами производства, которые могут принадлежать обществу, группам лиц или отдельным лицам. Поскольку продукт производства в классовом обществе принадлежит тому, кому принадлежат средства производства, то первой проблемой становится изучение отношений собственности, без определения которых невозможно определить способ соединения работника со средствами производства. Способ присвоения средств и результатов производства определяется формами и отношениями собственности, а развитие средств производства приводит к необходимости изменения отношений собственности и всей совокупности общественных отношений. Со своей стороны, отношения собственности влияют на развитие средств производства, и так далее без конца в соответствии с законами материалистической диалектики. Обследовав отношения собственности¹, Ю. Я. Перепелкин счел необходимым ввести в эту книгу основные положения уже опубликованной работы, имея в виду, что анализ производственных отношений непременно должен предваряться исследованием отношений собственности.

Ю. Я. Перепелкин обследовал производственные отношения в сельском хозяйстве, скотоводстве, рыболовстве, а также ткачестве и других доступных исследованию ремеслах, в том числе производящих орудия труда, и выделил ведущую форму хозяйствования.

Вместе с тем рассмотрены как производственное, так и непроизводственное потребление и распределение. Две статьи, посвященные обмену², Ю. Я. Перепелкин опубликовал еще в 1949 и 1960 гг. Результаты этих изысканий тоже следует иметь в виду, читая новую книгу, так как они не повторяются.

Итак, производство, распределение, обмен и воспроизводство, т. е. все составные части единого процесса общественного воспроизводства, детерминированные определенной формой собственности, оказались изученными Ю. Я. Перепелкиным, но изученными необычным способом.

В архиве Ю. Я. Перепелкина сохранились выписки из большого числа ра-

¹ Перепелкин Ю. Я. Частная собственность в представлении египтян Старого Царства. М.—Л., 1966 (=Палестинский сборник. Вып. 16 (79). Перевод на немецкий язык: *Perepelkin Ju. Ja. Privateigentum in der Vorstellung der Agypter des Alten Reichs.* Hrsg. und übersetzt von R. Müller—Wollermann. Tübingen, 1986.

² Перепелкин Ю. Я. Меновые отношения в староегипетском обществе.— Советское востоковедение. 1949, VI, с. 302—311; он же. О деньгах в древнейшем Египте.— Древний Египет. Сборник статей [в память В. С. Голенищева]. М., 1960, с. 162—171.

бот классиков марксизма с систематизирующими эти выписки комментариями. Особенно глубоко были изучены такие труды К. Маркса, как «Капитал» и «Формы, предшествующие капиталистическому производству». На теоретической основе изучения производственных отношений Ю. Я. Перепелкиным были разработаны методы конкретно-исторического анализа древнеегипетского производства и определена специальная форма изложения результатов. К сожалению, Ю. Я. Перепелкин не оставил заключения в окончательно отработанном виде. В его архиве сохранился только эскизный набросок. Тем не менее он сделал самое главное и трудное — проанализировал и сложил дошедшие до нас фрагменты целого воедино, воссоздав очень живую и убедительную картину хозяйственной жизни глубокой древности.

Не успел Ю. Я. Перепелкин проделать и другое — подготовить работу к печати. У него самого это получилось бы, конечно, лучше. Мои немногочисленные примечания отмечены звездочкой (*).

В книге неполно показаны собственно социальная структура и социальные отношения. Соответствующие разделы были написаны (часть из них дошла до нас в рукописи), однако из-за ограничения объема книги Ю. Я. Перепелкин сам отобрал для издания то, что практически не изучалось, оставив в стороне предметы многолетних дискуссий, а также то, что более или менее бесспорно решено другими.

За те годы, которые прошли со времени прекращения работы над темой, из печати вышли новые исследования о структуре управления, должностных званиях, положении царя в системе общества, а самое главное — публикации новых и переиздания старых источников, освещающих разные стороны древнеегипетской действительности. На первом месте среди них стоят папирусы, показывающие положение храмового хозяйства в общей системе хозяйства. Ю. Я. Перепелкин, конечно, не пропускал эти источники по мере их публикации и в ходе работы над подготовкой книги к печати в 1980 — начале 1982 г., в чем можно убедиться не только по поправкам и дополнениям в тексте рукописи, но и по переработке глав (правда, такая переработка по большей части вызывалась ограничением объема книги). Ссылки на содержание некоторых источников, опубликованных после середины 50-х годов и вплоть до последних лет, сделаны самим автором. Работать над этой темой Ю. Я. Перепелкин начал давно. Основной корпус книги был написан 30 лет назад. Но и все последующие годы он продолжал работать над книгой и пополнять ее новыми не столько материалами, сколько наблюдениями. Примечательно, что предлагаемая читателю книга Ю. Я. Перепелкина, в основном написанная давно, не утратила новизны и актуальности. Так, впрочем, всегда бывает с научными исследованиями, обгоняющими свое время.

Евг. Богословский

ВВЕДЕНИЕ

«Памяти староегипетских корабельных ватаг» — несколько диковинное посвящение, и тем не менее оно вполне оправданное. Именно отправляясь от него, удастся, по мнению пишущего эти строки, приподнять ту плотную завесу, которая скрывала от нас общество Старого царства и которую не убрать с помощью признанных видов источников (правовых, летописных, жизнеописательных, счетных и т. п.). Не из них восстают во всем огромном производственном значении корабельные ватаги вельмож, а из источников совсем иного рода — из надписанных изображений на стенах гробниц. Сосредоточив свое внимание прежде всего и преимущественно на этих изображениях, мы будем привлекать по мере надобности и другие источники, в частности такие неожиданные, как заклинания, начертанные в царских пирамидах. Пусть приукрашенным и приумноженным предстает на гробничных изображениях хозяйство вельможи, но они отображают не что иное, как то хозяйство, что было у него при жизни. Глядя на изображенные сельскохозяйственные и ремесленные работы, сановный покойник, по египетским воззрениям, на деле переживал изображенное, таинственно воскрешал для себя то, что имел и что получал когда-то.

Стены внутри вельможеских гробниц — это своего рода окаменелое кино, широко запечатлевшее тогдашнюю хозяйственную жизнь: к изображенным работникам и должностным лицам кроме их обозначений бывают приписаны их разговоры и возгласы, а к представленным действиям — частные и общие пояснения («титры»).

Старое царство, точнее, время V—VI царских домов, отстоящее от нас более чем на четыре тысячелетия, — древнейшая пора египетского общества, доступная изучению в смысле производственных отношений. Производительные силы того времени хорошо известны: медный век с сильнейшими пережитками каменного, но способный с помощью простых орудий покорить могучую производительную силу — Нил. И не производительные силы, а производственные отношения Старого царства составляют более полувека предмет ученых споров.

Настоящая книга была в значительной мере готова в рукописи еще во вторую половину 1950-х годов. Сейчас уже не было возможности дополнить ее новыми данными, полученными

за истекшую четверть столетия. Только в немногих случаях были они введены в изложение. За ограниченностью предоставленного объема из книги были исключены царское и храмовое хозяйства, поскольку вопрос об обществе Старого царства решают данные не о них, а о хозяйстве вельможеском.

Мои личные изыскательские устремления были направлены не в сторону Старого царства, и если в этой книге удалось сделать что-нибудь для его понимания, то побуждение к ее написанию исходило от Института востоковедения и должно быть целиком вменено в заслугу ему.

* * *

В данном исследовании имена царей и частных лиц переданы в составе одних согласных (староегипетская письменность не отмечала гласных). Имена египетских божеств и городов огласованы по возможности на коптский лад, но их в этой книге немного. Использованы некоторые древнерусские обозначения, близкие по смыслу к египетским. Устарелое слово «титло» предпочтено привычному «титул». Последнее слово — в современном его восприятии — означает обыкновенно определенный сан или звание, реже — сочетание нескольких санов или званий. Тут же нужно было слово, которое могло бы передать *ряд любых устойчивых обозначений* того или иного лица, *включая имя* или имена. В таком смысле и применено здесь слово «титло».

В примечания внизу страниц вынесены ссылки на мнения и наблюдения исследователей; ссылки на староегипетские памятники включены в изложение. Названия книг и повременных изданий, в которых воспроизведены или описаны памятники, представлены начальными буквами слов, составляющих эти названия; при этом предлоги и союзы, а в западноевропейских языках также определенные и неопределенные члены не принимались во внимание. В конце книги приложен список сокращений, причем они расположены в порядке последовательности прописных букв (строчные буквы введены главным образом для различения иначе совпадающих сокращений).

Если за сокращением названия следует до двоеточия римское число, то оно обозначает отдельную часть или выпуск издания. Римское число после двоеточия указывает лист (таблицу), арабское же число — страницу. Число или буква, напечатанные курсивом за ссылкой на лист или страницу, обозначают отдельные воспроизведения на листе или странице. Единица или двойка вверху строки непосредственно за сокращением названия указывает на первое или второе издание книги. При сквозной нумерации во всех томах номер тома не указывается. Поясним сказанное примерами: GT: XXXIII=Grab des Ti, л. 33; MAE: 138=Les mastabas de l'Ancien empire, с. 138; RTDG I: XXIII=The Rock Tombs of Deir el Gebrâwî, pt. 1, л. 23;

G XI : 197=Gîza, Bd. 11, с. 197; ДССГЭ : 1 1 — Древнеегипетская скульптура в собрании Государственного Эрмитажа, табл. 1, надпись 1; MG I : XIX=20 58=Die Mastaba des Gerni-kai, Bd. 1, л. 19=с. 20, надпись 58; UAR²:149=Urkunden des Alten Reichs, 2-е изд., с. 149.

При передаче источников употреблены следующие условные знаки. В круглые скобки заключены слова или части слов, никогда в источнике не имевшиеся и вставленные для ясности. В квадратные скобки заключены слова или части слов, восстанавливаемые в разрушенных местах источника. Многоточием отмечены места, сохранившиеся в источнике, но опущенные при передаче. Прерывистой чертой — — — — — отмечены места, ныне в источнике разрушенные и при передаче не восстановленные.

В целях облегчения печатания книги передача египетских согласных латинскими буквами с различительными надстрочными и подстрочными значками заменена передачею русскими буквами без каких-либо различительных знаков над или под строкою. Разумеется, это чисто условная передача, ни в коей мере не притязающая на языковедческую точность.

э	' над строкою	h	с дужкой	х
j	й	h	с черточкой	хъ
с	с над строкою	z		з
w	в	s		с
b	б	š	с птичкой	ш
p	п	k	с точкой	къ
f	ф	k		к
m	м	g		г
n	н	t		т
r	р	i	с черточкой	ч
h	x над строкою	d		д
h с точкой	хъ	d	с черточкой	дж

ПОНЯТИЕ СОБСТВЕННОСТИ (§ 1—5)

§ 1. *джт* — не заупокойное имение

Первой нашей задачей будет показать, что, вопреки распространенному мнению, *джт* не значило заупокойное имение или владения, выделенные на помин души. Это было замечено Б. Грдзеловым¹; примеры, на которых он основывается, отмечены ниже ссылками на него.

На каменных входах в жилища служащих при заупокойном храме царицы *Вджбтн*, расположенные подле него в пустыне, высечены были изображения и титула жильцов, и под каждым подписанным изображением хозяина жилья стояло: «Жилище (*рвт*), что от *джт* его» (UAR:272—273=POu:22). Ясно, что *джт*, по которому обозначено было казенное жилище живого лица, не могло быть его заупокойным имением. Подробнее см. ЧСПЕСЦ:48—56.

В одном из жизнеописаний, помещенных в гробнице царского зодчего *Мрй-р'-мрй-птхъ-нх*, именно там, где повествуют о его молодости, читаем:

«Если был (я) позади (т. е. сопровождал) брата (моего), распорядителя работ — — —, [был] (я) [с?] писанием (? или: (я) писал?) (и?) был (я) с писчей дощечкой его (т. е. носил его письменный прибор, на котором разводились сухие чернила).

И назначили его наставником (т. е. средней руки начальником) строителей, (и) был (я) с тростью его (т. е. носил за ним его трость).

И назначили его распорядителем (т. е. старшим начальником) строителей, (и) был (я) третьим (т. е. ближайшим помощником) его.

И назначили его топорщиком царевым — строителем, (и я) властвовал [для] него (над) городцом (т. е. управлял принадлежавшей брату деревней?); творил (я) для него вещь всякую (т. е. все) в нем (т. е. городце) гораздо.

И назначили его другом единственным (царя), топорщиком

¹ Grdseloff B. Deux inscriptions juridiques de l'Ancien empire.— ASAE. 1943, t. 42, c. 45.

царевым — строителем в обоих домах (т. е. в обеих половинах царства), (и я) учитывал для него им[уще]ство (й[ш]т) его всякое; больше (было) вещей (т. е. добра) в доме его против дома сановника всякого.

И назначили его распорядителем (государственных) работ, (и я) повторял речь его всякую (т. е. передавал все его распоряжения) по (ним) по (способу), за кой жаловал он.

И учитывал (я) для него вещи (т. е. добро) в доме, что от *джт* его, сроком до 20 лет. Никогда не бил (я) человека всякого там до (того, что) являлся он павшим от пальцев (моих); никогда не поработал (я) людей всяких там». «(Что) до людей всяких там, с коими сносился (я) там, (то) я умиротворял их — никогда не спал (я), дуясь там на людей всяких (т. е. я никогда не ложился спать в ссоре с кем-либо там). Я давал... одежду, хлеб (и) пиво н[аг]ому (и) голодному там» (UAR:216—217)².

Не может быть никакого сомнения в том, что хозяйство старшего брата, «дом, что от *джт* его», то хозяйство, учет которому вел младший брат в дни молодости своей в течение целых 20 лет, было не заупокойным, а самым обыкновенным, житейским.

То же словоупотребление находим и в жизнеописании областного князя *Мрий-р^с-нфр*, по прозванию *К^ср*. Князь говорит о себе:

«Давал (я) хлеб (и) пиво голодному, одежду нагому, какого (только) находил (я) в области этой. Давал (я) крынки молока. Отмеривал (я) ячмень верховый из дома *джт* (моей) этого голодному, найденному (мною) в области этой. (Что) до человека всякого, найденного (мною) в области этой (с) зерновою ссудою от другого за ним, (то) я — возмещавший ее владыке (т. е. хозяину) ее из дома *джт* (моей). Я — погребавший человека всякого области этой, у которого не было сына, в одежде (т. е. пеленах) из имущества *джт* (моей)» (UAR:254—255=ASAE XVII:136). Все это князь брал, конечно, из своего житейского, а не заупокойного хозяйства³.

Хвалясь своими добродетелями, областной князь *Йбий* говорит в одной из поврежденных гробничных надписей, что помогал в беде, что делал что-то «с помощью упряжек (быков и) с помощью чади, что от *джт* (моей)» (RTDG I:XXIII=UAR:144; поскольку притяжательное местоимение I-го лица ед. ч. надпись не выписывает, его можно читать также после «упряжек» и «чади» или только после них, опустив после *джт*). Вслед за этим упоминается глагол «пахать» или производное от него существительное, а непосредственно перед «упряжками» стоит *м прт*, к сожалению, без сопроводительного знака после второго слова; в *м прт* тем не менее хотелось бы видеть «с помощью семян». Таким образом, князь хвалился тем, что пахал что-то

² Приведено там же, с. 45, примеч. 4.

³ Приведено там же.

с помощью собственных быков и людей. Прилагательное принадлежности «что от», следующее за «чадью», словом женского рода, стоит тем не менее во множественном числе мужского рода и потому относится одинаково и к «упряжкам» (*хэтрв*), с которыми согласовано в роде, и к «чади», за которою следует. *Джт* и здесь не заупокойное имя.

В гробнице областного князя южной окраины страны, города Йэб (греч. Елефантины), *С'б.н.й* в рассказе о путешествии его в Эфиопию за останками скончавшегося там родителя отбытие князя описано так: «— — — соединение, что от дома *джт* (моей) (и?) 100 ослов (были) со (мною) с [ума]щением, медом, одеждою» и т. д. (UAR:136); об увозе же тела почившего сказано: «...друга единственного (высокий придворный чин) этого на осле. Дал я быть подняту ему соединениями, что от дома, что от *джт* (моей). Сотворил (я) ему ларь (т. е. гроб) — — —» (UAR:136—137=СМІЕА:146—147).

В конце своего рассказа *С'б.н.й* говорит о своем обратном пути из Верхней Эфиопии на север: «Спустился я в *В'в'т* (т. е. Северную Эфиопию) (в?) *Вч(?)к*. Отправил я честного мужа царева *Йрй* с присными (*мр*) 2-мя, что от [дом]а, [что от] *джт* (моей), как провозвестников (?) с ладаном — — — слоно-вым длиною в 3 локтя зубом 1-им, чтобы дать знать (двору), что львиная длиною в 6 (? или 7?) локтей шкура (?) 1, доставленная отцом (моим) этим [с] приношениями всякими, [доставленными (мною)] из (чужеземных) нагорий этих» (UAR:137).

Бесспорно, князь ехал за трупом и возвращался с трупом, но отсюда никак не следует, что сопровождали князя сплошь люди из заупокойного имени. Напротив, было бы вовсе странно, если бы князь пограничной области, отправляясь в далекий и опасный поход за границу, в самое сердце Эфиопии, набрал себе в спутники людей из заупокойного имени и вестниками ко двору послал двух «присных» опять-таки оттуда же! Далее, если заупокойное имя было отцовским, то почему об этом не упомянуто ни в одном из трех мест, а если молодого князя, то не удивительно ли, что, даже не похоронивши отца, он уже имел собственное заупокойное имя? Заупокойное истолкование не подходит к дому *джт* и в этой надписи.

На изображении плача по умершим в гробнице *снх-м-с-хэтр* имеется надпись: «Выход из дома, что от *джт*, на запад добрый (т. е. на кладбище в западной пустыне)» (RTS II:LXXII)⁴. Усматривать тут отбытие на кладбище не из своего дома, а из какого-то неведомого похоронного покоя нет никакого повода; более того, само изображение противится такому объяснению. Дом на изображении дан в виде чертежа, наподобие письменного знака для слова «дом», и рыдающие женщины показаны не только снаружи перед домом, но и внутри его, наполняют его,

⁴ Приведено там же.

хотя гроба с умершим в нем уже нет. Подобная подача вполне понятна, если изображенное здание — собственный дом почившего, жилище его семьи: часть домочадцев уже вышла, часть задержалась дома, но того же нельзя сказать, если представлен некий похоронный покой, так как пребывание в нем по выносе мертвеца было бы лишено смысла.

Можно было бы продолжать приводить доказательства, но и приведенных достаточно, чтобы убедиться, что *джт* и «заупокойное имение» не одно и то же.

§ 2. *джт* — вообще не земельная собственность

Вторую нашу задачу будет показать, что *джт* нетождественно и с «земельной собственностью» вообще. Около пирамиды одной из цариц VI царского дома, *Вджбтн*, были откопаны остатки жилищ занятых в ее заупокойном храме должностных лиц. На притолоке над входом в одно из жилищ читаем титуло повелительницы этих мест: «(Пирамида) „Устойчив (и) жив *Нфр-к'-р'*“. Повелительница, жена царя, возлюбленная его, великая... *Вджбтн*» (РОу:22=UAR:272). На левом косяке в надписи к мужскому изображению читаем: «*Джт* ее (об этой *джт* см. ниже, в § 5), наставник слуг божьих (т. е. жрецов), кто над вещами божьими..., кто в чести у госпожи своей, *Хэм-снх*; имя его доброе (т. е. дружеское обозначение) *Хэмй*». Позади мужчины изображение его сына меньшего размера, надписанное: «Сын его, возлюбленный его, наставник слуг божьих *Якэрий*». Под обоими изображениями строка надписи: «Жилище (*рвт*), что от *джт* его». Сходным образом отделан и правый косяк. Изображение стоящего мужчины надписано так: «Наставник слуг божьих, друг (придворный чин), распорядитель дома *Ихй*. Сын сына его, наставник слуг божьих... писец череды *Сснх.н-птхэ*». Меньшее изображение позади пояснено надписью: «Брат его, наставник слуг божьих *Хэмй*». Строка под обоими изображениями гласит: «Жилище (*рвт*), что от *джт* его». В проходе еще раз назван сын *Хэм-снх*: «Наставник слуг божьих, писец череды, что в чести у Птаха, *Якэрий*».

Что все или почти все названные в этих надписях лица, приходившиеся сродни друг другу, служили в одном и том же заупокойном храме, видно не только из расположения их жилищ по соседству с ним, но и из остатков учредительной его грамоты от 33 г. [*Нфр-к'р' Пйпй II*], где *Якэрий*, [*Хэм*]й и [*Сснх*]-н-[*птхэ*] были названы по имени (UAR:274=РОу:18).

Подобным же образом отделан был вход к другому жилищу, только притолока и правый косяк здесь не уцелели. К мужскому изображению относилась надпись: «— — —, [кто в] чести *Рвд*, сын его старший, возлюбленный его, писец череды *Якэрий*». Два женских изображения меньших размеров позади мужского надписаны: «Слу(жанка) божья (т. е. жрица) Хат-

хор *Къйтт*» и «слу(жанка) божья Хатхор *Ндн*». Под этими тремя изображениями тянется надпись: «Жилище (*рвт*), что от *джт* его».

Так же, несомненно, отделан был и третий вход, от которого уцелели на притолоке конец имени [*Вджбт*] и с ее изображением, начало надписи на левом косяке («*джт* ее — — —»), а на правом — подписи к мужским изображениям, переднему побольше и заднему поменьше («[Наставник слуг божьих], друг (царев), распорядитель дома поварни, кто в чести у госпожи своей, *Имнй*» и «Сын его старший, распорядитель дома, кто в чести, *Хьнв*»), однако строка внизу «[жилище, что от *джт* его]») не сохранилась — отбита (UAR:273=POu:24).

Надписи эти очень поучительны. Перед нами жреческий поселок при заупокойном храме царицы. Над входом в жилища неизменно стоит титул «высокой» владелицы этих мест, и ее же именуют «госпожой своею» проживающие здесь должностные лица. Эти последние называют себя и своих близких на косяках дверей и обозначают дома как «жилища, что от *джт*» их. Однако эти постройки не могли быть частною собственностью служащих: упоминание на одном входе по меньшей мере двух жилищ, одного на левом, другого на правом косяке, доказывает, что эти двери вели не в обособленные домики, построенные владельцами для себя и по собственному усмотрению, а в общие места обитания, выстроенные однообразно из расчета на два семейства. Тем самым правильно будет говорить не о собственных домах, а об «общежитии», разбитом на обособленные жилища. Не приходится говорить, насколько неуместен был бы перевод *джт* не только как «заупокойное имение», но и как «земельная собственность» в приложении к данным надписям. Какой смысл могли иметь обозначения совместных казенных жилищ при заупокойном храме среди пустыни как принадлежащих к заупокойным имениям или земельной собственности проживающих в них должностных лиц?

В указе одного из последних царей Старого царства на имя правителя *Шм'й*, увековеченном на стене храма Мина в Кэбто, говорится об обеспечении поминальной службы по верховному сановнике в личных его поминальных каплицах внутри городского храма. Эти каплицы именуются «двором двойника, что от *джт* твоей», «двором двойника верхним, что от *джт* твоей» (UAR:302):

«Хор, божественный душами.

Указ царя отцу бога (т. е. радетелю цареву) возлюбленному, князю, распорядителю города (при пирамиде, т. е. градоначальнику столицы), привратному судье (т. е. верховному судье, судившему некогда у правительственных врат), правителю (т. е. верховному сановнику), распорядителю писцов грамоты царевой, распорядителю слуг божьих (т. е. жрецов), жрецу Мина *Шм'й*.

Приказало величество (мое) набрать тебе 12 наставников

слуг двойника (т. е. надзирателей за заупокойными жрецами) во двор двойника — — — (пробел, возможно, умышленный, вследствие истребления ошибочно повторенного „что от *джт* твоей“, как допускает К. Зете), что от *джт* твоей („что от“ согласовано в роде с „двором двойника“), чтобы жречествовать тебе, чтобы читать тебе месяц один.

Приказало величество (мое) набрать тебе 12 наставников слуг двойника во двор двойника, что от *джт* твоей, который во дворе божьем (т. е. в храме) Мина Кэбто.

Приказало величество (мое) набрать тебе 12 наставников слуг двойника в каплицу верхнюю, что от *джт* твоей.

Приказало величество (мое) набрать тебе 10 наставников слуг двойника, чтобы творить тебе вещь (т. е. совершать тебе жертвоприношение) в год — — — — —.

Приказало величество (мое) набрать тебе 10 наставников слуг двойника жене [твоей], дочери царевой старшей, красе царевой единственной, *Нбт*, чтобы жречествовать для [нее], чтобы читать для нее месяц один в... — — — во дворе двойника, что [от *джт* твоей].

Приказало величество (мое) набрать [столько-то] наставников слуг двойника — — — из чади, что от *джт* твоей, набр — — — — — семьи в области двух соколов (т. е. в области Кэбто) — — — — —, что от *джт* твоей.

А после дат — — — — — в (или: согласно?) то, что под печатью (т. е. запечатанную грамоту) — — — — —.

Было дано прийти [д]ру[зьям] (царевым) [единственн(ым) *Хъмй* (и) *Ин-йт.ф* по поводу этого].

Запечатано обок царя самого (т. е. в личном присутствии царя) месяца 2-го [Всходов, числа 20-го]» (UAR: 302—303 = =KDAR: против 208).

«Двор двойника, что от заупокойного имени твоего» или «от земельной собственности твоей» звучали бы определенно неестественно применительно к поминальным каплицам внутри городского храма и на храмовой земле.

На стене гробницы придворного *Вп-м-нфт* начертано завещание в пользу старшего сына, в силу которого последнему предоставляется в отчий гробнице не только место для погребения (склеп), но и место для получения заупокойных жертв (каплица). Надпись сопровождается большим изображением завещателя с приподнятой в знак речи рукою. Речь сановника обращена к 15 свидетелям, изображенным каждый за своим именем. Виновник торжества, старший сын вельможи, представлен фигурой скромного размера у ног родителя, стоя лицом к нему.

«Год соединения обеих земель (т. е. год воцарения не названного по имени царя), месяц 3-й Всходов (т. е. зимы), числа 29—30-е.

Друг единственный (придворный чин) *Вп* (сокращение от *Вп-м-нфрт*) рассказывает:

Дал (я) сыну (моему) старшему, уставщику *Ибйй, джт* (мою): склеп (*хѣт*) северный с коморою (*йзт*) северною, что для возглашения (т. е. заупокойного жертвоприношения), которые в гробнице, что от *джт* (моей), что от (места) того, что под богом (т. е. на кладбище у подножия пирамиды царя). (Да) погребут его в ней (и да) возглашают (т. е. приносят заупокойную жертву) для него там. Состоящий в чести это. Не имеет права брат (мой) всякий на нее, (ни) жена (моя) всякая, (ни) дети (мои) все на нее, кроме сына (моего) старшего, уставщика *Ибйй*, коему дал (я).

Дано было обок (т. е. в присутствии) свидетелей многих. Претворено в письмо обок (т. е. в присутствии) его самого» (EG II: между 190 и 191).

Отдельно около самого изображения завещателя и в направлении, противоположном тому, в котором написано завещание, начертано:

«Сотворено обок (т. е. в присутствии) его самого, живого (и) бывшего на ногах своих, (когда) сотворял он приказание слова» (там же).

Что значит *джт* между именем сына и наименованиями частей гробницы, ему предоставленных? Может ли оно быть словом «вечность»? Вряд ли, и вот по каким причинам. Во-первых, при таком его значении закономерная последовательность слов, без того уже нарушенная по староегипетской некоей вольности постановкою косвенного дополнения «сыну» и т. д. перед прямым дополнением «склеп», была бы вконец упразднена помещением не *за*, а *перед* последним еще обстоятельства времени *джт* «навечно»: «Дал (я) сыну (моему) старшему, уставщику *Ибйй*, навечно склеп северный» и т. д. Во-вторых, значение «вечность» невероятно в силу внешнего строения надписи, так как она написана так:

Год, месяц, число		Дано обок свидетелей многих и т. д.	
Друг единственный <i>Вп</i> сказал: Дал сыну старшему, уставщику <i>Ибйй</i> ,			
<i>джт</i> : склеп северный с коморою северною, что для возглашения, которые в гробнице, что от <i>джт</i> , что от того, что под богом	Да погребут его и т. д.	Жена всякая и т. д.	свидетели

Если бы *джт* было существительным «вечность», употребленным как наречие «навечно», то ввиду крайней пространности прямого дополнения перед ним в начале речи естественно было бы ожидать *джт* (в конце 3-й строки после имени *Ибйй*)

Также это *джт* оказывается во главе первой отвесной строки, занятой исключительно прямым дополнением — предметом дарственной. Потому *джт* хочется отнести обязательно к последнему, а никак не к содержанию уровенных строк.

Если *джт* здесь не «вечность», оно должно быть нашим *джт*. Возможность истолковать это *джт* как приложение к имени *Ибйй* исключена. «Сыну (моему) старшему, уставщику *Ибйй*, *джт* (моему)» — ничего похожего на такой оборот невозможно найти в староегипетских надписях. Звание *джт* никогда не стоит в виде приложения после имени, как в этом легко убедиться, пересмотрев собранные ниже примеры. Затем остается в полной силе только что приводившийся довод от внешнего строения надписи. Приложение *джт* мы ожидали бы в конце 4-й строки после имени, которому оно было придано, а не во главе обозначения предмета дарения, вверху отвесной строки, заполненной донизу одним и тем же обозначением.

Потому остается только принять мнение издателя, видящего в *джт* прямое дополнение к «дал (я)». Тем самым *джт* оказывается здесь обозначением того, что отец предоставил сыну. Словом *джт* обозначены в надписи северные склеп и каплица внутри отцовской гробницы, и мы оказываемся в счастливом положении воочию ознакомиться с тем и другим и их местом и значением в усыпальнице в целом.

Гробница представляет собой в основании почти равносided прямоугольник (22×20 м), обращенный своими сторонами примерно на север, юг, восток и запад. Это внушительное каменное сооружение, вышиною не менее чем в три средних мужских роста, отчасти иссеченное из скалы, отчасти сложенное из отесанного камня. Вход внутрь этой громадной каменной гряды — с востока из небольшого двора. Следует скромная передняя, из которой дверь на юг ведет в тайник с каменными изваяниями, дверь на запад — следовательно, прямо против входа — в каплицу хозяина с двумя ложными дверями в глубине, дверь на север — в каплицу сына. Позади каплиц сквозь толщу гробницы глубоко в скалу уходят колодцы склепов, по одному колодцу за каждой каплицей.

Бросается в глаза странное несоответствие в размерах между каплицею отца и каплицею сына: последняя (9,12 м в длину, 1,98 м в ширину, 3,19 м в высоту) чуть ли не в два раза больше первой (5,10 м в длину, 2,28 м в ширину, 2,37 м в высоту). Но сыновняя каплица превосходит отчую не только величиною: она не в пример той и лучше отделана. У отца привозным из каменоломен по ту сторону реки белым известняком были облицованы только ложные двери, у сына — сами стены его объемистой каплицы. Из того же белого известняка был сложен и ее потолок; дверь в нее тоже, по меньшей мере частично, была облицована этим камнем. Даже там, где высекались изображения и надписи, как на притоках и косяках, двери в каплицу, отец довольствовался поверхностью скалы,

из которой они были высечены. Изображения на этих дверях чисто семейного порядка, и надписи не идут дальше титулов и заупокойных пожеланий. Заупокойными пожеланиями на имя хозяина они ограничиваются и на притоках его ложных дверей. Совсем иное дело — каплица сына. Наддверные надписи и изображение не представляют ничего примечательного, но внутри каплицы помимо завещания и изображений завещателя, его сына и свидетелей с соответствующими приписками на одной из стен изваяны четыре пояса производственных изображений — медники, лошильщики, столяры, ваятели, изготовители украшений, пивовары и хлебопеки — со множеством надписанных над ними деловых разговоров и кратких обозначений работников. Отделана в каплице изображениями и надписями только южная часть восточной стены. Остальные стены остались без них, не были отделаны, как не были, по-видимому, доделаны и ложные двери в двух углублениях по концам западной стены. Однако, как замечает издатель, белокаменная обшивка каплицы, несомненно, была рассчитана на такую отделку.

Чем объясняется поразительное несоответствие по размерам и отделке между двумя каплицами? Объяснение может быть только одно: отец уступил своему рано умершему сыну каплицу, которую приготовил для самого себя. И это не только единственное возможное объяснение, это свидетельство самих надписей, явственно слышное, стоит лишь внимательно прислушаться. Отец был очень высокопоставленным лицом. Его звания указывают на личную близость к царю, которому он был не только «другом единственным» (высокий придворный чин), но и прямым помощником при облачении (как «энхабец главный, таинник дома утра»), «руководителем дворца» и распорядителем по столовой части (как «настоятель выдачи при дворе жизни»)⁵. Мало того, он состоял в родстве с самим царским домом, так как жена его с громким именем *Мрс-снх* — известно несколько цариц с этим именем — была «дочерью царя». И вот при подобных связях сын и внутри своей богатой каплицы, и в отчете завещания, и в приписке к сопутствующему изображению, и на притоке над дверью в нее не может похвалиться ни одним сколько-нибудь звучным званием. «Уставщик (*хьрй-хъбвт*), таинник (неизвестно чего), писец книги божьей, состоящий в чести у владыки своего повседневно» — вот самое пышное титуло, какое ему можно было придумать (EG II: между 190 и 191). Что то были совсем заурядные звания, подчеркивается наглядно тем обстоятельством, что и другой сын хозяина гробницы был тоже «уставщиком, писцом книги божьей» (EG II: 186). Естественно потому предположить, что *Йбйй* умер молодым, не успев дослужиться до больших чинов. Только что упомянутый другой сын хозяина титулом своим под-

⁵ О значении этих званий см.: Gardiner A. H. The Mansion of Life and Master of the King's Largess.— JEA. 1938, vol. 24, с. 83—91.

тверждает то как нельзя лучше. Отождествлять этого сына с *Ибйй* нет никаких оснований. В той же передней, где последний над дверью в свою каплицу на обеих притолах назван *Ибйй* (EG II:189=LXXII=LXXIII), другой сын на косяке двери в отцовскую каплицу именуется *Хв-р^c*. *Ибйй*, и только *Ибйй*, дважды зовется сын внутри своей каплицы, как в полном своем титуле, так и в правовой надписи — в самом отцовском завещании. Потому совсем невероятно, чтобы «*Ибйй*» было прозвищем *Хв-р^c*. В том, что оба сына одинаково именуются «старшими», нет ничего, что говорило бы за их тождество. Ведь «старший», как известно, значило тогда отнюдь не «первенец», но прилагалось к любому из здравствующих сыновей, который в данное время был старшим среди своих братьев⁶. По смерти старшего сына *Ибйй* старшим сыном становился *Хв-р^c*, и это снова свидетельствует о том, что *Ибйй* умер молодым.

Но есть еще одно любопытное обстоятельство, бросающее яркий свет на судьбы каплицы, уступленной *Ибйй*, и одновременно на его собственную судьбу. Снимки (EG II:LXXIV—LXXVI) совершенно ясно показывают, что завещание и связанные с ним приписки к изображениям завещателя, его сына и свидетелей начертаны совсем иначе, нежели приписки к соседним производственным изображениям. В то время как приписки к производственным изображениям выполнены все выпуклыми письменами, требовавшими большого труда, так как надо было вокруг них осторожно снимать окружающую поверхность, завещание и связанные с ним надписи написаны знаками, просто врезанными в камень. Это тем примечательнее, что так написаны даже титулы к изображениям хозяина и его сына. Даже раздельительные черты у надписей и изображений выпуклые в производственной и врезанные в завещательной части. Далее, завещание и соединенные с ним изображения и надписи просто прилеплены сбоку и отчасти сверху к поясам производственных изображений, не имеющим к завещанию ни малейшего отношения. Положение представляется вполне ясным. Ко времени смерти *Ибйй* каплица в гробнице его отца была вся уже изнутри облицована и приготовлена для нанесения на стены ее изображений и надписей, но из тех и других до кончины *Ибйй* успели выполнить только четыре пояса надписанных производственных изображений. Когда *Ибйй* умер, отец представил для его поминака свою незаконченную каплицу и поместил об этом завещание и соответствующие надписанные изображения около готовых четырех поясов. Последние занимали лишь часть стены и достигали только половины ее в высоту. Своими добавлениями отец нарастил отделанную часть поверхности как в ширину, так и в высоту и так получил цельный, отделанный сверху донизу кусок стены, внешне представительное целое, хотя и бессвязное внутри. Добавления делались упрощен-

⁶ Goedicke H. Zwei Inschriften aus dem Grabe des Mttj aus Sakkara.— ZAS. 1958, 83, с. 26.

ным способом, и надписи их были только врезаны, но не изваяны. Тогда же были надписаны над дверью в каплицу титулы ее нового владельца и заупокойное пожелание на его имя.

Согласно завещанию, отец предоставил сыну северный склеп. И действительно, в склепе внизу колодца, позади усыпальницы *Ибий*, оказался каменный гроб с человеческими останками.

Поскольку завещание говорит о северном склепе и о северной каплице, южный склеп и южная каплица должны были уже существовать ко времени составления дарственной или по меньшей мере твердо намечены к выполнению. Во всяком случае, оба они или одна каплица не были готовы настолько, чтобы приютить в себе зараз прах и поминальную службу умершего сына. Южная каплица так никогда и не была закончена, если судить о том по ее голым стенам, лишенным как белокаменной обшивки, так и каких-либо надписей и изображений. Глубокий колодец позади этой каплицы, ведущий к южному склепу, не был до конца обследован, и потому неизвестно, в каком состоянии был оставлен этот склеп. Склеп и каплица дожили до наших дней, и в них мы имеем двух осязаемых представителей *джт*. Последнее в приложении к ним явно не значило «земельная собственность»: назвать так подземный колодец с могилкой на конце и надземную капличку, внутри чужой гробницы и посреди пустыни, можно было только разве в шутку. Склеп и каплицы были не более как частицами отчей усыпальницы, вкрапленными в ее каменную толщу, и эта толща составляла сами их стены. И вообще словом *джт* охотно определяли слово *йз* «гробница»: «гробница *джт* ее (т. е. умершей)» (гробница *Н(й)-м'ет-рс* и *Нфр.с-рс*, EG II:205, LXXVIII 2 и 3), «гробница, что от *джт* (моей)» (гробницы *Рмнв-кс*, EG II:173=LXI 2; *Н(й)-м'ет-рс*, EG II: между 220 и 221; *Хэгл-н-пгхэ*, DAeAe II:LXXII=UAR:187; *Вп-м-нфрт*, EG II: между 190 и 191; вероятно, также два раза у *Чйй*, TT I:X=GT:IX), «гробница *джт* (моей)» (гробницы *Н(й)-м'ет-рс*, EG II:213=LXXXI 1; *Мпр-в(й)-к'*, MM:CCXII—CCXIII=UAR:88; *Пн-мр.в*, ASAE XLII:39=42—44; безымянная гробница около пирамиды *Хс.ф-рс*, три раза, DARMK:XVIII=UAR:11—12, 14—15=IHCE:I=ThIAe:1210—1212=RTRPhAEA XXIX:75—79), «гробница *джт*» (гробница *К'-хр-пгхэ*, G IX:78). Повсюду здесь *джт* также не могло значить «земельная собственность», так как могила на царском кладбище за тридцать земель от имений умершего, посреди сыпучих песков пустыни очень мало походила на земельную собственность.

В своем припоминавшемся уже выше в § 1 гробничном жизнеописании областной князь *Мрй.й-рс-нфр*, по прозвищу *Кс'р*, хвалится не только тем, что кормил голодных зерном «из дома *джт*» своей, уплачивал за должников зерновые ссуды «из дома *джт*» своей, но и тем, что «погребал не имевших сына в пеленах» из имущества «*йшт* *джт* своей» (UAR:254—

255=ASAE XVII:136). Различие, которое здесь делается между «домом *джт*» и просто «*джт*», показательно. Выдавать зерно было естественно из «дома», из хозяйства; запасы зерна должны были иметься там у князя постоянно и в большом количестве, были неотъемлемой составной частью хозяйства. Иное дело — «одеяние» для погребения. Нельзя же было, в самом деле, сказать: я погребал всякого жителя области, у которого не было сына, в саване из моего дома или хозяйства. Княжский дом и его хозяйство не были заведением похоронных дел. Сказать же: в одеянии, приготовленном из моего добра, т. е. моих запасов ткани, было вполне правильно. Здесь *джт* противопоставлено дому *джт* и, конечно, не имеет никакого земельного смысла: «из имущества земельной собственности моей» звучало бы применительно к гробовым пеленам по меньшей мере нелепо.

Во всех этих примерах *джт* определенно не могло означать «земельная собственность».

§ 3. *джт* противопоставлено государственному

Особенно отчетливо это противопоставление выступает по отношению к *хънв* «Местожительству (царя)».

В гробнице областного князя *Йбйй* хозяин представлен смотрящим на всевозможные ремесленные работы: каменотесные, плотнические (судостроительные), столярные, обработку меди, золота, самоцветов, изготовление каменной посуды, низание ожерелий, ваяние — и на учет производства писцами. Надпись над князем, поясняющая изображение в целом, гласит: «Смотрение на работу всякую в помещении мастеров в руках мастеров всяких, что *изнутри* (и) *извне*, счет рук мастеров всяких писцами, что от *джт* его, сотворение замысла работы всякой» (RTDG I:XIII).

Над частными изображениями находим, между прочим, следующие надписания. Между двумя мужчинами, лощащими ларь, написано: «Топорщики (в данном случае — столяры), что от Место жительства» (RTDG I:XIV).

Между двумя другими мужчинами, занятыми тем же делом, непосредственными соседями двух первых, стоит: «Топорщики, что от дома *джт*» (там же).

Над каменотесами, совместно обтесывающими глыбу камня, находится надпись: «Камнесечцы, что от Место жительства (и) дома *джт*, творящие жалуемое (т. е. благоугодное хозяину)» (RTDG I:XVI).

В общем надписании выражение, переданное мною словами «что *изнутри* (и) *извне*», по-египетски читается *нт хънв рвт*, досл. «что от внутреннего (и) внешнего». Поскольку в частных пояснениях первым членом противоположения является похожее по звучанию слово — *хънв*, переданное мною как «местожи-

тельство», естественно, возникает вопрос: не одно ли и то же слово употреблено в обоих случаях, в частных надписях и в обобщающем их общем?

Конечно, *хънв* «местожительство» — производное от *хънв* «внутреннее», поскольку «местожительство» есть внутреннее, а не «наружное» по отношению к дому или поселению, однако словоупотребление уже Старого царства таково, что *хънв* «местожительство» имеет свое собственное, особое значение. Определение «что изнутри (и) извне» не есть принадлежность одной данной надписи, но вполне обычный и широко распространенный оборот. Гробница *Ибйй*, где эта надпись находится, была создана в последние десятилетия VI царского дома и расположена далеко от столицы в Среднем Египте; от начала того же дома дошла печатка некоего «таинника (т. е. посвященного в труднодоступные для других дела) царя в месте его всяком, что изнутри (и) извне» (RTRPhAEA XXIX:XXXII 41); один из частных служащих вельможи *Pc-вр*, современника середины V царского дома, *Mr-св-снх*, в гробнице своей подле Мэнфе называет себя «распорядителем имущества его (т. е. вельможи) всякого, что изнутри (и) что извне» (EG I:109=LXVIII 3). Значение «местожительство» как будто не подходит к *хънв* данного определения «что от внутреннего (и) внешнего» по той простой причине, что противопоставление здесь чисто пространственного порядка: «внутреннее» — «внешнее», а не «местожительство» — «внешнее». «Что от внутреннего (и) внешнего» дается как определение словам самого разного содержания: «ремесленники», «места», «имущество», и во всех перечисленных случаях определение следует за обобщающим «всякий»: «ремесленники всякие (или: все)», «место его всякое», «имущество его всякое». Потому нельзя ли себе представить, что и выражение «что изнутри (и) извне» служит простому обобщению, является усиленным подтверждением предшествующего обобщающего «всякий», именно в приложении его к пространству? Словарь для *нт хънв рвт* из гробницы *Ибйй* предлагает с вопросительным знаком перевод: «здесь и сторонние»⁷, следовательно, не находит здесь никакого «местожительства». «Ремесленники всякие внутренние (и) внешние», «место его всякое внутреннее (и) внешнее», «имущество его всякое внутреннее (и) внешнее» звучит как будто не так уж плохо и могло бы значить «ремесленники всякие отовсюду», «место его всякое повсюду», «имущество его всякое повсюду». «Что изнутри (и) извне» окажется равноценным «всюду», «повсеместно». Правда, при таком понимании «внутреннее—внешнее» в обобщающей надписи не будет совпадать с «внутренним (=местожительство) — домом *джт*» в частных надписях, иными словами, то и другое не будет разным выражением одной и той же противоположно-

⁷ Erman A., Grapow H. Wörterbuch der ägyptischen Sprache. Bd. 2. Lpz., 1928, с. 404.

сти. Но скажут, быть может, что это только хорошо, так как вторые члены этих противопоставлений — «внешнее» и «дом Джт» — слова совсем не похожие друг на друга.

Но есть одно обстоятельство, которое в корне подрывает доверие к такого рода рассуждению. *Йбйй* был отцом и предшественником в управлении XII верховною областью князя *Джсв*, по прозванию *Шм'й* (ср. RTDG I:V с RTDG II:X), и гробница *Йбйй* была расположена рядом с гробницею *Джсв*, общею у него с одноименным же сыном и преемником. И вот в гробнице князя *Джсв*, по прозванию *Шм'й*, тоже, оказывается, есть изображение хозяина, наблюдающего за ремесленными работами, притом явственно перекликающееся с изображением в отчей гробнице. Ваятель, делающий изваяние, и живописец, расписывающий другое, двое лошильщиков, лошущих кровать, столяры, отделяющие носилки и столбик, просто списаны с изображений у *Йбйй* (RTDG II:X=RTDG I:XIV). Отклонения, если они есть, ничтожны. Все кораблестроители *Джсв* заимствованы у *Йбйй* (RTDG II:X=RTDG I:XVI), плавильщики меди только уменьшены в числе (RTDG II:X=RTDG I:XIV). Нескольким изменено положение рук у золотых дел мастеров и у лошильщиков, лошущих ларец одинакового в обоих случаях вида (RTDG II:X=RTDG I:XIV). Налицо и шкаф, только столяр перед ним у *Джсв* разрушен (RTDG II:X=RTDG I:XIV), и с легкими изменениями столы, устланные ожерельями и уставленные посудой (RTDG II:X=RTDG I:XIII). Должностное лицо с выступающим передником, стоящее посреди ремесленников, повторено и у *Джсв*, только изображены разные люди (RTDG II:X=RTDG I:XIV). Даже там, где сын существенно отклоняется от родителя, зависимость сразу заметна. Золотой жезл в гробнице *Джсв* вынут из рук мастера и представлен самостоятельно большого размера подле лошильщиков, лошущих для него ларец (RTDG II:X=RTDG I:XIV), но зато мастер был вооружен теслом и в том же положении усажен посреди кораблестроителей, якобы обтесывая весло, но последнее, вопреки надписи, похоже не на себя, а как две капли воды на золотой жезл и держится мастером совершенно так же, как он (RTDG II:X=RTDG I:XIV). Не забыт даже писец, сидящий перед князем и поворачивающий точно так же к нему голову, только писцовая дощечка изменила свое положение (RTDG II:X=RTDG I:XV). Если бы изображение в гробнице *Джсв* сохранилось лучше, сходство могло бы быть прослежено еще дальше. Но и так ясно, что изображения в гробнице сына сплошь заимствованы или переделаны из отцовских. Несколько самостоятельнее *Джсв* в части надписаний, но и тут большинство их повторяют отцовские, полностью или отчасти: «Обтесывание топорщиком столб(ика)» (RTDG II:X=RTDG I:XIV); «Лощение кровати из (дерева) *ссджм*» у *Джсв* (RTDG II:X) — «Лощение кровати мастерами» у *Йбйй* (RTDG I:XIV); «Лощение ларя, что для бога чистого (?)» у *Джсв* (RTDG II:X) —

«Битье ложилами; ларь, что для [бога] чистого (?)» у *Ибий* (RTDG I:XIV); «Обтесывание» носилок черного дерева» у сына (RTDG II:X) — «Обтесывание носилок топорщиком у отца (RTDG I:XIV).

Таким образом, изображения ремесленников и их надписания у *Джсв* не более как сокращенное и переработанное издание соответствующих изображений и надписаний в гробнице *Ибий*. В последней наше внимание удержалось на общем надписании всего изображения в целом, помещенном над головой наблюдающего князя. Как выглядит соответственное надписание в гробнице сына, сохранило ли новое издание старое заглавие или позже его немного видоизменило, и если видоизменило, то как оно пересказало занимающее нас место? К сожалению, концы всех пяти отвесных строк над головой *Джсв* пропали, но и уцелевшие две трети надписи дают много для нашего исследования.

(Над головой *Джсв*,
RTDG II:X)

«Смотрение на работу [пробел в два-три длинных знака], что от *хьнв* (и) дома *дж[т]* князем» таким-то (следует пространное титло).

(Над головой *Ибий*,
RTDG I:XIII)

«Смотрение на работу всякую в помещении мастеров, в руках обеих мастеров всяких, что от *хьнв* (и) внешнего, счет рук обеих мастеров всяких писцами, что от *джт* его, сотворение замысла работы всякой» (следует титло князя).

Итак, отчее «внутреннее» — «внешнее» пересказано сыном как «внутреннее» — «дом *джт*». Теперь выясняется и то, что слова в общем надписании у *Ибий* «мастера всякие, что от внутреннего (и) внешнего» были действительным, а не кажущимся обобщением обозначений отдельных ремесленников в частных приписках: «топорщики, что от внутреннего» и «топорщики, что от дома *джт*», «камнесечцы, что от внутреннего (и) дома *джт*». Перед лицом двукратного соответствия «внутреннего» — «внешнего» «внутреннему» — «дому *джт*» должно смолкнуть всякое сомнение в одинаковом во всех случаях смысле «внутреннего» и *равнозначности в каком-то отношении «внешнего» и «дома джт*». Но что значат тогда все эти выражения?

Начнем с «внутреннего». Ясно, что ни у *Ибий*, ни у *Джсв* оно не употреблено в пространственном смысле, потому что как пространственное понятие оно не могло бы быть противопоставлено «дому *джт*», обозначением пространственного порядка отнюдь не являющемуся. «Внутреннее» могло значить здесь только «местожительство», но спрашивается — чьё? Частным «местожительством» оно не могло быть по той причине, что, как таковое, его нельзя было противопоставить «дому *джт*», который сам прежде всего обозначал частный дом (см. ЧСПЕСЦ:82—88; ср. также *рв.т н.т джт* «жилище, что от

джт», ЧСПЕСЦ:54—55). Быть «местожительством» князя как правителя области наше «внутреннее» вряд ли могло уже потому, что подобного словоупотребления в Старом царстве неизвестно. «Местожиительство» в устах областных князей того времени относится всегда к царскому местопребыванию, никогда не имеет в виду правительственного средоточия в области (ср., например, UAR:137, 138, 254, 255, 259, 264, 267). Это особенно бросается в глаза, когда речь идет о самой области в ее отношении к «местожительству». Областной князь южноегипетского Этбо (ныне — Эдфу) *Мрй.й-р^c-нфр*, по прозвищу *Кэ'р*, говорит в своей гробнице: «Дал (я) стать откормленными быкам области этой лицом (т. е. показными представителями?) быков в хлевах (??) впереди Верховья в целокупности его. Не (есть) найденное (мною) это в руке главы, бывшего в области этой прежде, потому что бдителен был (я), потому что благодетелен был (я), (когда) управлял вещами для Местожиительства» (UAR:254=ASAE XVII:136).

Сходным образом выражается в поврежденной гробничной надписи областной князь Шмина (ныне — Ахмим) *Ййй*, по прозвищу *Мрй.й*: «— — — область эта в счете вещей для Местожиительства» (UAR:264). Если так говорили сами князья, то в устах царя такая речь была подавно уместна. В указе, освобождавшем одну из храмовых усадеб в области города Кэбто (ныне — Куфт) от повинностей и податей в пользу казны, царь *Нфр-к'-р^c Пйнь II* говорит: «Не дает величество (мое) [взирать]... начисляемое [в пользу] Местожиительства в области этой» (следует перечень того, от чего усадьба освободилась) (UAR:289).

Что под «местожительством» *Ййй* и *Дж^cв* разумели не свое княжеское местопребывание, а царское, доказывается также смыслом выражения «что от внутреннего (и) внешнего» в других надписях. Если служащий вельможи *Р^c-вр Мр-св-^cнх* называет себя «распорядителем имущества его всякого, что от внутреннего (и) что от внешнего» (EG I:109=LXVIII 3), то «внутреннее» здесь никак не обозначает областной столицы, так как *Р^c-вр* был не областным князем, а одним из влиятельнейших сановников из ближайшего окружения царя. Напротив, «распорядитель имущества его всякого, что от Местожиительства (царского) (и) что извне» дает вполне приемлемый смысл: *Мр-св-^cнх* хвалится, что управлял всем имуществом богатого царедворца — как в самом царском «Местожиительстве», так и вне столицы. Также и на печатке «таинника» царя в месте его всяком, что от внутреннего (и) внешнего» (RTRPhAEA XXIX:XXXII 41) «внутреннее» может быть только царским «Местожиительством».

Обе последние надписи помогут нам уточнить и значение «внешнего». Выражение «место всякое, что от Местожиительства», или, говоря более по-русски, «место всякое Местожиительства», нередко встречается в староегипетских надписях и обозна-

чает те царские учреждения, где изготовлялись или хранились всевозможные блага. Так, царевич *К'-м-чинт* говорит: «Дало величество его установленну быть для меня возглашению (т. е. заупокойной жертве) из мест всех Местожительства» (UAR:184=ES II:86=LXI 5).

Какого это рода «места», мы ближе узнаем из гробницы столичного верховного жреца *С'бв*: «Да умиротворится (и) даст царь, да умиротворится (и) даст Ануп (излюбленное божество мертвых Старого царства), чтобы выходило для него (т. е. умершего) возглашение (т. е. заупокойная жертва) обеих житниц из обоих домов белых (т. е. хранилищ ценных благ), из комор украшений царя, из дома доставки, из дома изобилия, из места всякого Местожительства, из коего исходит возглашение» (UAR:177=MAE:414=INCE:XCIII).

Неудивительно, что правитель («везир») *К'-гм.н(й)* с особой нежностью отзывается в своей гробнице об этих источниках благ, прилагая к «местам» самое лестное определение. Над шествием из двенадцати мужчин, несущих умершему ценные умащения, стоит: «Доставка пред(почтительнейшего из) умащений, исходящего из Местожительства как жертва, данная царем, из места всякого благого (*мнхт*) Местожительства для привратного судьи (т. е. верховного судьи, некогда судившего у правительственных (врат) правителя *К'-гм.н(й)*)» (MG II:XL—XLI=20—21 221).

Вне связи с поминками в надписи жизнеописательного порядка в составе титула наши «места» упоминаются в гробнице правителя (верховного сановника) *Снджм-йб*, по прозванию *Йнтй*: «— — — распорядитель обоих домов белых (т. е. хранилищ ценных благ), [распорядитель] коморы [украшений] царя, распорядитель дома оружия (т. е. оружейного хранилища), распорядитель места всякого Местожительства, распорядитель домов Верховья» (UAR:59=DAeAe II:LXXXVI).

«Оба дома белых» и «комора украшений царя» известны нам из предыдущих надписей; «дом оружия» был тоже одним из источников благ для умершего (UAR:138=CMIEA I:147—148). Таким образом, перечень званий, предваряющих звание «распорядителя места всякого Местожительства» и этим званием как бы подытоженных, касается того же рода учреждений, что и приведенные выше примеры,— хранилищ и источников вещественных благ.

Естественно будет предположить, что звание «таинник царев в месте всяком, что от Местожительства (и) внешнего» имеет в виду те же столичные учреждения и еще некие иные, сходные с теми, но вне «Местожительства», притом, разумеется, царские, а не частные, так как сановник ведает их «тайны» как «таинник царя».

Следовательно, как у *Мр-св-снх*, так и здесь противоположность между «Местожительством» и «внешним» пространственным порядком, «внешнее» равноценно «внестоличному».

Если это значение ввести в надпись *Ибйй*, то его «ремесленники всякие, что от Местожительства (и) извне», окажутся «ремесленниками столичными и внестоличными». Но тогда спрашивается, где они работали — в столице или в Среднем Египте, где княжил *Ибйй* и где находилась его гробница? Работали они вместе в одном и том же «помещении мастеров», и учитывали их одинаково личные писцы князя («писцы, что от *джт* его»). *Ибйй* мог подолгу жить в столице; некоторые звания его указывают на действительную и тесную связь его с нею и со двором: «распорядитель обоих житниц» (RTDG I:III, XVIII), «распорядитель обоих птичьих прудов» (RTDG I:III, XII), «распорядитель обоих домов белых (т. е. хранилищ ценных благ)», «надзиратель слуг бога (т. е. жрецов) (пирамиды) „*Нфр-к'-р*» устойчив (и) жив“» (RTDG I:IV, XVII, XVIII), разные придворные чины. Можно поэтому представить себе, что у князя в столице была мастерская, в которой совместно работали мастера, как предоставленные ему двором, так и привезенные князем извне — с родины его в Среднем Египте. Но какие бы столичные должности князь ни занимал, он был прежде всего правителем своей области, и в ней, а не в столице создал он себе усыпальницу — свое жилище на веки вечные. Потому правдоподобнее предположить, что мастерская была не в столице, а в области, которою правил князь, и что здесь вместе с местными работниками — для столицы «внешними» — трудились присланные из нее.

Однако есть еще третья возможность понять положение, которое лучше всего отвечает наличным данным.

Место из общего надписания у *Ибйй*

«что от Местожительства (и) внешнего»

пересказано из *Джсв* словами

«что от Местожительства (и) дома *джт*»

и у самого *Ибйй* служит обобщением для противопоставлений частных надписаний:

«что от Местожительства» — «что от дома *джт*»

и

«что от Местожительства (и) дома *джт*».

Так как противоположность между «Местожительством» и «домом *джт*» явно не пространственного порядка — работники Местожительства противопоставлены работникам самого князя, — сама собою напрашивается мысль, что и противоположность между «Местожительством» и «внешним» в данном случае не столько пространственная, сколько общественная: одни работники принадлежат Местожительству, другие — тому, что вне его; одни государственные, другие постороннего, частного лица. При таком понимании совсем не обязательно, чтобы мастера Местожительства проживали при дворе и оттуда направлялись к князю. Они могли проживать у него в области, но числиться за Местожительством, за правительством, за государством. Сильным доводом в пользу последнего толкования

может служить наличие подобной же двойственности в составе сельскохозяйственных и перевозочных работников князей, о чем сказано будет непосредственно ниже. Особенно же веским доводом является то обстоятельство, что деление работников на два противоположных друг другу разряда, как в ремесле, так и в земледелии и при перевозке, мы находим только в гробницах областных князей, к услугам которых были не только их собственные работники, но и рабочие силы области — государственная, «местожительственная» рабочая сила.

Таким образом, за третье толкование говорит все, за исключением только того, что при нем мы несколько отступаем от чисто пространственного понимания противоположности между «Местожительством» и «внешним», являющегося как будто единственно приемлемым для двух других староегипетских примеров определения: «что от Местожительства (и) внешнего», полнее «что от Местожительства (и) что от внешнего» (на печатке у *Мр-св-снх*). Первое и второе толкования не отклоняются от пространственного понимания, подсказываемого двумя другими примерами нашего определения, но этого одного недостаточно, чтобы склонить чашу весов на сторону первого или второго предположения. К тому же третье толкование отнюдь не отказывается от пространственного восприятия противопоставления полностью, а только расширяет его привнесением общественного содержания. Но к какому бы из трех толкований мы ни склонялись, противопоставление у *Йбй* и *Джсв* «дома *джт*» «Местожительству» как частного государственно-му остается бесспорным и есть правильное; противоположение это становится особенно выпуклым.

Противоположности между «домом *джт*» и «Местожительством» отвечает другая — между «домом *джт*» и «царем» или «домом царя».

В гробнице царевича *Хс.ф-хв.ф-в(й)* читаем: «Смотрение на возглашение (т. е. заупокойную жертву), доставляемое из дома царя (и) из городцов его (т. е. царевича) дома *джт*» (ASAE XVI:261).

Здесь «дом царя» противостоит «городцам дома *джт*», т. е. хозяйствам «дома собственного» царевича.

Как было сказано, противопоставление друг другу двух разных по своей принадлежности родов работников наблюдается также на сельскохозяйственных изображениях, притом в гробницах князей, правивших областями в том же Среднем Египте, где княжили *Йбй* и *Джсв*.

В гробнице князя *Вр-йр-нй* изображение жнецов в одном поясе надписано слева: «Жатва ячменя ватагами дома *джт*», справа: «Жатва ячменя ватагою мал(ых)»; в другом же поясе: «Жатва полбы слугами царевыми» и «Жатва ватагою мал(ых)» (RTShS:XVI). В гробнице князя *Хв-нс* над жнецами в одном и том же поясе написано слева «Жатва полбы ватагами дома *джт*», справа: «Жатва полбы слугами царевыми» (DAeAe

II:CVII). Здесь, конечно, никак уж нельзя предположить, что сельскохозяйственные «слуги царевы» были присланы князьям из столицы. «Слуги царевы» появляются в староегипетских гробницах *только* на изображениях жатвы. В страдную пору в личном хозяйстве князя, должно быть, не доставало рабочих рук, обойтись одними ватагами дома *джт* было трудно, и князь привлекал на подмогу им рабочую силу области, которою правил,—«слуг царевых». Неясно, к сожалению, из кого состояли «ватаги мал(ых)», сопутствующие в гробнице *Вр-йр-нй* как «ватагам дома *джт*», так и «слугам царевым», но не подлежит, на мой взгляд, сомнению, что «ватаги дома *джт*» и «слуги царевы» *противостояли* друг другу как две рабочие силы разного порядка. У *Хв-нс* они просто противопоставлены друг другу, у *Вр-йр-нй* противоположность оттенена еще и тем, что как тому, так и другому роду жнецов придано по одинаковой «ватаге мал(ых)». Мне представляется, что противоположность частной рабочей силы и государственной и тем самым «дома *джт*» царю или государству выражена здесь со всею желательной определенностью.

Прямое подтверждение сделанным умозаключениям дает гробница областного князя *Джсв*, по прозвищу *Шм'й*. Над изображением мужчин, влекущих сани с надгробной сенью, написано: «Препровождение надгробной сени соединениями, что от *джт* его (т. е. князя) (и) области под рукою его» (RTDG II:VII).

Следовательно, мертвого князя обслуживают — везут в гробницу тяжелый деревянный чехол для гроба — два рода объединенных в отряды людей: соединения самого князя и соединения областные, лично ему не принадлежавшие, но состоявшие под его властью как правителя области. «Соединения, что от *джт* его», здесь прямо противопоставлены соединениям области, которая только в управлении у князя — лишь «под рукою его».

Гробница *Джсв*, общая у него с одноименным сыном и приемником,—та самая гробница, которая вместе с соседнею с нею отца и предшественника *Йбий* содержит недвусмысленные противопоставления работающих на князя мастеров «Местожительств» его собственным работникам. Гробницы *Йбий*, *Джсв*, *Вр-йр-нй* и *Хв-нс* расположены все в Среднем Египте, следовательно, неподалеку одна от другой и принадлежат одной и той же поре — позднему Старому царству. Это делает их показания как бы взаимно дополняющимися. Но что достойно особого внимания, так это то, что четыре гробницы принадлежат правителям трех разных областей — Горы змеи (*Йбий*, *Джсв*), Зайца (*Вр-йр-нй*) и Антилопы (*Хв-нс*) — и что из всего необозримого множества староегипетских гробниц, следовательно, только в гробницах областных князей мы находим деление работников на собственных, с одной стороны, и государственных — «местожительственных», царских, областных — с другой.

Не следует ли отсюда почти с очевидностью, что двойственный состав рабочей силы у областных князей был обусловлен двойственностью их общественного положения одновременно как частных землевладельцев и как правителей своей области? К услугам князей была и их собственная и областная рабочая сила, и потому только в княжеских гробницах мы встречаем противопоставление государственных работников собственным.

Что противоположность между государственными и собственными работниками сводилась для областных князей, по существу дела, к противоположности областных, т. е. местных государственных, работников личным, особенно наглядно видно в гробнице *Джсв* с ее противопоставлением одновременно работников «Местожительства» работникам «дома *джт*» и «соединений *джт*» соединениям области. Поскольку оба эти противопоставления сделаны в одной и той же гробнице, трудно не связать их одно с другим.

Только под углом зрения двойственности в хозяйственном положении областных князей могут быть поняты и некоторые другие их надписи, которые, не облекая в слова противопоставление государственного «дому *джт*» или *джт*, тем не менее явно такое противопоставление подразумевают.

Областной князь города Этбо (ныне — Эдфу) *Мрй.й-рс-нфр*, по прозванию *Кѳ'р*, так рассказывает свою жизнь в гробнице подле родного города:

«Был (я) юношей, повязавшим повязку (в знак совершеннолетия), во времена (царя) *Ттй*. Доставили (меня) (царю) *Пйпй*, чтобы быть образованну(?) (мне) среди детей глав (областных). Поставлен был (я) другом единственным (придворный чин), распорядителем *хнтйв-ш* дома большого (т. е. дворца) при (царе) *Пйпй*. Дало затем величество (царя) *Мр-н-рс* подняться (по реке) в (область) Носилки Хора (т. е. II верховью область) другом единственным, главою области, распорядителем ячменя верхового, распорядителем слуг божьих (т. е. местных жрецов), потому что горазд был (я), честен был (я) для сердца величества (его). (Когда) пришел (я?) к(?) (себе?), поставлен был (?) (я?) во владыку (?) впереди глав всех Верховья в целокупности его. Я (был) судьбою Верховья в целокупности его.

Дал (я) статью откормленными быкам области этой лицом (т. е. показательными представителями?) быков в хлебах (??) впереди Верховья в целокупности его. Не (есть) найденное (мною) это в руке главы, бывшего в области этой прежде, потому что бдителен был (я), потому что добродетелен был (я), (когда) управлял вещами для Местожительства.

Я был таинником (т. е. посвященным в тайны) речи всякой, доставлявшейся из двери... (чужеземных) нагорий (т. е. пограничной крепости) (и) из (чужеземных) нагорий южных (т. е. из Эфиопии).

Давал (я) хлеб (и) пиво голодному, одежду нагому, како-

го (только) находил (я) в области этой. Давал (я) крынки молока. Отмеривал (я) ячмень верховый из дома *джт* (моей) голодному, найденному (мною) в области этой. (Что) до человека всякого, найденного (мною) в области этой (с) зерновой ссудой от другого за ним, (то) я — возмещавший ее владыке (т. е. хозяину) ее из дома *джт* (моей). Я — погребавший человека всякого области этой, у которого не было сына, в одежде (т. е. пеленах) из имущества *джт* (моей).

Умиротворял (я) (чужеземные) нагорья (т. е. страны) все для Местожительства, так что благодетелен был (я) (и) бдителен был (я) по отношению к ним(?)» (UAR:253—255=ASAE XVII:136).

В приведенном жизнеописании князь говорит прежде всего о своей государственной деятельности. В середине и в конце он употребляет слово «Местожительство», в частности в середине говорит о своих заслугах перед «Местожительством» по части развития скотоводства области, но «дом *джт*» и «*джт*» названы здесь не в связи с «Местожительством». Если бы посреди рассказа о государственной деятельности князь похвалился благодеяниями, оказанными им неимущему населению подведомственной области, всякий был бы вправе подумать, что князь благодетельствовал как правитель области, как государственное лицо за счет государства. Подумать же это было тем проще, что князь, «отмеривавший» всякому голодному бедняку «ячмень верховый» и «возмещавший» за неоплатных должников ссуды заимодавцам, не только возглавлял область и ее хозяйство, но состоял как раз еще «распорядителем ячменя верхового», как сам сообщал то тут же в начале жизнеописания. Правитель, кормящий и выручающий бедных сограждан, заслуживал, конечно, похвалы, но насколько похвальнее была бы его благотворительность, если осуществлялась не из государственных средств, состоявших в его распоряжении, а за свой собственный счет! Указанием на «дом собственный» и «имущество собственное» как источник благодеяний князь устранял всякое недоразумение и мог требовать себе высших похвал. Но вместе с тем делается ясным, что «дом *джт*» и «имущество *джт*» названы здесь в *противовес* государственному достоянию, как противоположная ему личная собственность.

§ 4. Существо понятия *джт*

Если *джт* ни заупокойное имя, ни даже земельная собственность вообще и тем не менее служит обозначением для чего-то собственного, притом частновладельческого в противоположность государственному, значение слова уже почти передано перечисленными отрицательными и положительными определениями. Но его можно найти непосредственно и сполна выраженным самими надписями, прямо, так сказать, вычитать из них в готовом виде.

В надписях пирамид выражение «что от плоти (*джт*)» такого-то там означает «что самого» такого-то, «собственное» такого-то. И притом не только применительно к частям тела, в чем не было бы ничего удивительного, так как собственные очи, грудь или сердце кого-либо действительно «очи имярек, что от плоти его» (АР I:38), «головка (т. е. сосок) груди имярек, что от плоти его» (АР I:21), «сердце твое, что от плоти твоей» (АР I:2, два раза), но и применительно к существам и предметам, частями плоти отнюдь не являющимся:

«Принимает его Хор (или: „Принимает Хор (царя) *Нфр-к'-р^c* — жив он вечно!“) на два пальца своих, очищает от (царя) *Внйс* этого в пруде шакала, отрешает он (от нечистоты) двойника (царя) *Внйс* этого в пруде того, что от Тэ (т. е. на стыке неба и преисподней на востоке), обметает он мясо двойника (царя) *Внйс* этого, что от плоти его (т. е. что самого его, иными словами, собственного)...

(Когда) светлеют обе земли (т. е. Египет), открывает он лицо богов (т. е. открывает их идола), доставляет он двойника (по-египетски „двойник“ и „пища“ одинаково *к'*) (царя) *Внйс* этого (или (царя) *Нфр-к'-р^c*), что от плоти его, в усадьбу большую» (пирамиды царей *Внйс* и *Нфр-к'-р^c Пйпй II*, АР I:193—194).

«Рэ! (Когда) утреннеешь ты в небе, утреннеешь ты для *Внйс*, владыки вещи всякой. (Как) то, что от плоти твоей,— вещь всякая, (так) то, что от двойника *Внйс*,— вещь всякая, (так) то, что от плоти его,— вещь всякая» (пирамида *Внйс*, АР I:24), или, более по-русски:

«Рэ! (Когда) ты поднимаешься рано на небе, ты поднимаешься рано для *Внйс*, владеющего всем. (Как) твоим является всё, (так) двойника *Внйс* является всё, (так) его (т. е. *Внйс*) является всё».

Последний пример особенно поучителен. Прежде всего, он показывает, что выражение «что от плоти» употребительно только с последующим притяжательным местоимением, но не определением-существительным: «что от плоти твоей», «что от плоти его», но «что от двойника *Внйс*», не «что от плоти двойника *Внйс*». И действительно, сколько примеров с *джт* ни рассмотрено в моей книге ЧСПЕСЦ, за *джт* ни разу не следовало определение-существительное: или nämlich было притяжательное местоимение, или вообще не было никакого определения. Далее, из данного примера следует, что выражение «что из плоти» + притяжательное местоимение по значению своему равно выражению «что от» + имя существительное, иначе — что назначение первого выражения такое же, что и второго, и так как последнее выражает только принадлежность и ничего более, то и первое — «что от плоти» + притяжательное местоимение служит той же цели.

Отделить такие обороты пирамидных надписей, как только что приведенные, от однородных выражений в частных

гробницах, выражений, определяющих, как и пирамидные, принадлежность умершему тех или иных существ или предметов (примерами такого словоупотребления пестрят вельможеские гробницы, см. ЧСПЕСЦ), никак невозможно. Пирамидное словоупотребление то же, что и словоупотребление частных надписей, и подсказывает нам прямо то самое значение для *джт*, к которому косвенно подводят эти надписи, если частичные их отрицательные и положительные показания соединить и сопоставить. Есть, впрочем, и частные надписи, которые так же непосредственно раскрывают содержание *джт*, как и пирамиды, стоит только хорошенько в них вникнуть. Я имею в виду прежде всего «завещание» *Вп-м-нфрт* в пользу своего рано умершего сына *Ибйй*, которое сановник начертал внутри своей гробницы на стене северной поминальной каплицы, предназначавшейся первоначально для самого *Вп-м-нфрт*, но затем уступленной им вместе с северным склепом своему сыну. Подробно это «завещание» обсуждалось выше, там же переведена и надпись в целом. Напомню только место ее, непосредственно касающееся *джт*: «Дал (я) сыну (моему) старшему, уставику *Ибйй*, *джт* (мою): склеп северный с коморою северною, что для возглашения (т. е. заупокойного жертвоприношения), которые в гробнице, что от *джт* (моей), что (на царском) кладбище» (EG II: между 190 и 191).

Здесь *джт* названы склеп и поминальная каплица, и, поскольку они сохранились, мы можем в этом случае прямо-таки прощупать *джт* руками. Гробница была расположена посреди пустыни; в ней были два склепа и две поминальные каплицы; каменная толща ее составляла сами их стены, так что обособленно от этой толщи северные склеп и каплица не существовали — существовали лишь пустоты внутри ее. Потому *джт*, которым они объявлены в надписи, не могло быть ни заупокойным именем, ни земельной собственностью, ни даже недвижимостью вообще. Отец говорит просто-напросто, что отдал сыну свой склеп с коморою для поминок, т. е. лично для него предназначавшиеся северные склеп и каплицу, в своей гробнице на кладбище. Иными словами, *джт* здесь — та же самая «плоть», что и в пирамидных надписях, отнесение к которой выражает принадлежность, и эта принадлежность, поскольку речь идет о северных склепе и каплице, есть принадлежность не владения, а назначения. Конечно, владение подразумевается, так как вся гробница в целом принадлежит *Вп-м-нфрт*, но выражено первым *джт* не оно.

Ту же принадлежность по назначению или использованию выражает *джт* и в надписях на входах в жилища служащих при заупокойном храме царицы *Вджбтн*. Хозяева житниц изображают и называют себя и своих близких на косяках дверей, и под надписанным изображением каждого из хозяев неизменно стоит: «Жилище (*рвт*), что от *джт* его» (UAR:272—274 = РОи:22). При этом на одной и той же двери упоминаются

два жилища — двух разных хозяев: одно — на левом, другое — на правом косяке, по бокам входа, ведущего в такое двойное жилище. Это значит, что жилища здесь были не обособленными домами, построенными для себя самими обитателями, а местами совместного проживания, однообразно выстроенными для служащих владыками заупокойного храма из расчета на две семьи каждое. Здесь нельзя говорить о собственных домах, можно говорить лишь о собственных, т. е. *личных*, жилищах внутри казенного общежития, на них разбитого. Иначе, *джт* тут явно не означает ни земельной собственности, ни недвижимости вообще, а является «плотью», отнесением к которой выражена принадлежность жилища в порядке *пользования* лично ее обладателю. Подробнее см. в § 2.

На грани между принадлежностью в смысле «пользования» или назначения и принадлежностью в смысле «владения» стоит словоупотребление одного из царских указов конца Старого царства на имя правителя *Шм'й*. В указе этом, начертанном на стене храма Мина в Кэбто, говорится об обеспечении поминальной службы по сановнике в личных его поминальных каплицах внутри городского храма. Эти каплицы именуются «двором двойника, что от *джт* твоей», «двором двойника верхнего, что от *джт* твоей» (UAR:302—303). *Джт* никак не могло означать здесь «земельная собственность» или «недвижимость», потому что не могла быть «двором двойника, что от земельной собственности (или „недвижимости“) твоей», расположенная на храмовой земле внутри городского храма поминальная каплица частного лица. *Джт* было «плотью», и отнесение к «плоти» сановника его поминальной каплицы выражало посвящение ее лично ему, заупокойной службе лично по нем.

Таким образом, мы и в случае *джт* частных надписей находим такие ее употребления, которые не служат непосредственно для выражения отношений собственности, а ограничиваются указанием принадлежности *более общего порядка в смысле назначения, пользования, посвящения*, т. е. указанием связи лично с тем или иным человеком.

Очень важно, что один из оборотов пирамидных надписей в точности повторяется в частных гробницах, причем эти случаи неотделимы от остальных употреблений нашего. В пирамиде *Внйс* сказано: «Ра-Атум, пришел к тебе сын твой, пришел к тебе *Внйс*. Возвел ты его, окружил ты его объятиями твоими. Сын твой это, что от *джт* твоей, навечно» (AP I:89—90). «Атум, возвел ты *Внйс* этого, окружил ты его объятиями твоими. Сын твой это, что от *джт* твоей, навечно» (AP I:122).

В гробнице *Х^c.ф-р^c-нх* позади хозяина изображен «брат его, что от *джт* его, друг дома большого (т. е. дворца; важный придворный чин) *Иттй*» (DAeAe II:IX).

В гробнице *'х-мрвт-нй-свт* перед ним представлен «брат его, что от *джт* его, распорядитель дома... к'» (GAR:LXIX).

Строение, состав и порядок слов в подчеркнутых выражениях в пирамидах и гробницах одинаковы: степень родства с притяжательным местоимением, затем прилагательное принадлежности («что от»), наконец, *джт* с притяжательным местоимением. Правописание *джт* во всех четырех случаях одинаково обходится без знака земли: пирамида и *Х^с.ф-р^с-снх* пишут только змею и хлеб, *'х-мрвт-нй-свт* ограничивается даже одной змеею.

§ 5. *джт* как обозначение отдельных лиц

Изложенное в § 1—4 касается прямым образом основного вопроса данного исследования: кто работал на староегипетских вельможах?

Если изучаемое нами *джт* по коренному своему значению не что иное, как «плоть», то большинство случаев общественно осмысленного употребления этого слова не вызывает никаких вопросов. В моей книге ЧСПЕСЦ собраны многочисленные примеры определения «что от плоти» (*нй-джт*), приложенного в смысле «собинный, собственный» к разного рода обозначениям существ и предметов: людей (с. 17—43), животных (с. 43—44), селений (с. 44—48), угодий (с. 44), сооружений (с. 44—56, 98—103), имущества вообще (с. 56—57) и в сочетании «дом *джт*» — «дома» или хозяйства в целом (с. 81—96). Во всех этих случаях отнесение к «плоти» выражало принадлежность. Однако из приложения подобного определения к людям еще не следовало, что их принадлежность была принадлежностью рабскою. «Собинные» чиновные управители селений (с. 40, см. § 15—16), писцы (с. 40), заупокойные жрецы (с. 38—40; о них см. § 12) или родственники покойного (с. 17—38) рабами не были. Но как быть, когда слово *джт* «плоть» или словосочетание *нй-джт* «кто от плоти» употреблены не как определения к другим словам, а как звание того или иного человека?

В. В. Струве было предложено для подобного *джт* значение «тело» в смысле «раб» в духе греческого *сōма*, имеющего и то и другое значение⁸. Абд эль-Мохсен Бакир, ссылаясь на словарь, по которому *нй-джт* такого-то значит «что от тела» такого-то и может означать «собственный» такого-то, полагал, что обозначение людей как *джт* или *нй-джт* происходит от слова *джт* «тело», откуда и значение «собственный»⁹. По мнению ученого, звание *джт* обозначало «тело» в человеческом образе, т. е. человека как вещи, а звание *нй-джт.ф*, известное исследователю по надписям Среднего царства, значило «принадлежащий к его телу», иначе — «его собственный человек» — и обозначало чью-то вещь в человеческом образе, т. е. раба¹⁰. Так

⁸ Струве В. В. Проблема зарождения, развития и разложения рабовладельческих обществ древнего Востока. — ИГАИМК. 1934, вып. 77, с. 67.

⁹ Erman A., Grapow H. Wörterbuch, Bd. 5, с. 504.

¹⁰ Abd el-Mohsen Bakir. Slavery in Pharaonic Egypt. Le Caire, 1952 (Supplément aux Annales du Service des antiquités de l'Égypte. Cahier № 18), с. 35—38.

что же, звания «плоть» и «кто от плоти» действительно значили «раб»?

Слово *джт* употребляется самостоятельно вне состава определений много реже, чем в их составе. Почти всегда такое самостоятельное *джт* служит для обозначения отдельного человека и выражает определенного рода отношение его к лицу, стоящему выше его по своему общественному положению. Можно различить три способа обозначения:

1) титуло высокопоставленного лица + *джт* с относящимся к тому лицу притяжательным местоимением + титул самого обозначаемого;

2) титуло высокопоставленного лица + *джт* без притяжательного местоимения + титул самого обозначаемого;

3) *джт* (случаев с притяжательным местоимением я не знаю) + титул или одно имя самого обозначаемого.

Первые два способа отличаются друг от друга присутствием или отсутствием притяжательного местоимения после *джт*. В остальном они тождественны и как трехчленные противостоят вместе двучленному третьему. С внешней стороны различие между ними и им кажется значительным, но по существу оно не так велико. Высокопоставленное лицо и при обозначении по третьему способу бывало так или иначе известно, и титуло его просто подразумевалось перед *джт*. Не слишком многочисленные, но и отнюдь не малочисленные примеры расположены ниже в последовательности указанных трех способов обозначения.

№ 1. На притолоке над входом в одно из жилищ служащих при заупокойном храме царицы *Вджбтн*, жены *Нфр-к'-р^c Пйпй II*, стоит после имени его пирамида, при которой была погребена царица, ее титуло: «(Пирамида) „Устойчив (и) жив. *Нфр-к'-р^c“*. Повелительница, жена царева, возлюбленная его, великая... *Вджбтн*» (UAR:272=POu:22). На левом косяке, в продолжение надписи на притолоке, читаем: «*Джт* ее, наставник слуг божьих (т. е. жрецов), кто над вещью бога..., кто в чести у госпожи своей, *Хэм-снх*; имя его доброе (т. е. дружеское) *Хэмй*; сын его, возлюбленный его, наставник слуг божьих *Йкэрий*; жилище, что от *джт* его (следовательно, от плоти! его, т. е. собственное его)» (UAR:273=POu:22). Перед нами надписание постройке, и «понимать» его надо с конца: жилище такого-то, чей сын такой-то и кто является *джт* царицы такой-то.

№ 2. Однородное надписание украшало вход в другое жилище при храме, но уцелела на притолоке одна последняя буква имени царицы (*н*) с последующим ее изображением, как и в предшествующей надписи, а на левом косяке — только «*джт* ее — — —» (UAR:272=POu:22).

№ 3. В гробнице *Йр.н-р^c* на притолоке одной из ложных дверей умерший обозначен так: «*К'-н-н(й)-свт — джт* его, распорядитель слуг двойника *Йр.н-р^c*» (G III:159). На косяке той

же ложной двери он величается: «Кто при вещи царя *К'-н(й)-н(й)-свт* — сын его *Йр.н-р^с*, что в чести» (там же).

По своему составу и строению эта чета надписей живо напоминает надпись, приведенную выше первую, с тою разницей, что отношение *джт* и сыновство там объединены были воедино, а здесь распределены по двум самостоятельным титулам. Тем самым данный там перевод находит себе убедительное подтверждение. Смысл же надписей *Йр.н-р^с* совершенно ясен, так как, построенные по одному образцу, они поясняют друг друга:

К'-н(й)-н(й)-свт — *джт* его такой-то,

К'-н(й)-н(й)-свт — сын его такой-то,

т. е. *джт К'-н(й)-н(й)-свт* такой-то и сын *К'-н(й)-н(й)-свт* такой-то.

Хозяин гробницы был, таким образом, одновременно *джт* и сыном приставленника вещи царицы *К'-н(й)-н(й)-свт*, большого сановника, чья богато отделанная гробница сохранилась по соседству. *Йр.н-р^с* сам был придворным, «чистителем царевым», и не только распорядителем заупокойных жрецов, надо думать, своего родителя, но и «наставником (жрецов) слуг божьих». Гробницу «сотворил ему сын его старший *Р^с-м-снх*», так что семья оставалась зажиточной и в третьем поколении после сановного деда.

№ 4. На притолоке *Птхъ-нб-нфрт*, найденной лежащей поверху сильно разрушенной скромной гробницы, принадлежность к которой не может быть доказана, стоит следующая трехстрочная надпись:

(1) «Да будет мирен (и) даст царь, да будет мирен (и) даст Усире возгласение (т. е. заупокойную жертву) ему, (тому, кто) княз(я) исправн(ого), распорядител(я) работ всех царя *Мхъй джт* его,

(2) кто в чести у него, *Птхъ-нб-нфрт*. Распорядитель дома, писец житницы, писец дома белого (т. е. хранилища ценных припасов и изделий), писец череды, *джт* его *Птхъ-нб-нфрт*

(3) — да будет мирен (и) даст царь, да будет мирен (и) даст Ануп — — —, предстоятель чертога божьего, кто на горе своей, владыка земли святой, чтобы дано было ходить ему по дорогам добрым запада (и) возгласилось (т. е. приносилась заупокойная жертва) ему» (G VI:226).

Второе титуло *Птхъ-нб-нфрт*, начинающееся посреди 2-й строки и тянущееся затем до ее конца, заключительным знаком своим, сопроводительным знаком сидящего старика к имени умершего, уходит в конец 3-й строки, так что может не только по сути дела, но и со стороны написания считаться концевкою ко второму заклинию. Итак, смысл первой части надписи будет примерно таков: пусть будет предоставлена заупокойная жертва *Птхъ-нб-нфрт*, являющемуся *джт* высокопоставленного сановника *Мхъй*. Смысл второй надписи можно будет передать так: пусть будут предоставлены такие же посмертные блага такому-то должностному лицу, являющемуся *джт* его, т. е. на-

званного выше высокопоставленного сановника, *Птхъ-нб-нфрт*.

№ 5. На обломке ложной двери *Шпс-п-птхъ* умерший обозначен так: «Повелитель-князь, привратный (т. е. сидящий у правительственных врат) судья, правитель (так называемый „везир“) *Птхъ-хътп*; *джт* его, слуга двойника, (тот), кто в чести у бога большого, старейшина чертога (пирамиды) „Добр-Джод-к'-р^с“ *Шпс-п-птхъ*» (ASAE XL : LX).

Смысл надписи: *джт* верховного судьи и верховного сановника *Птхъ-хътп*, заупокойный жрец, чиновное лицо при царской пирамиде *Шпс-п-птхъ*.

№ 6. На камне с завещанием *Чнтй* читаем: «Мать царева *Хътп-хър.с* — *джт* (таковой), слуга двойника (т. е. заупокойный жрец) *Чнтй* — дочь его, слу(жанка) двойника (т. е. заупокойная жрица) *Ппй* — сказыва(ет): „(Что) до детей этих, данных (мн)е отцом (моим) этим по завещанию, не даю (я) быть властными людям всем в них: раб двойника — — — (следует покрежденный перечень имен)“» (UAR:35=AIKMB:28).

Начало надписи можно было бы перевести и так: «*Джт* матери царя *Хътп-хър.с* — слуга двойника *Чнтй*», сочтя титул царицы матери определением к *джт*, почтительно вынесенным вперед только в написании, но не в произношении, однако предыдущие примеры, где за титулом высокопоставленного лица следовало не простое *джт*, а *джт* с притяжательным местоимением, заставляют сомневаться в правильности такого перевода. Смысл вступления при том и другом переводе остается одним и тем же: царской матери *Хътп-хър.с* *джт* и заупокойного жреца *Чнтй* дочь, заупокойная жрица *Ппй* говорит.

№ 7. Особенно богата данными по занимающему нас вопросу гробница *Мр-св-снх*, знакомящая нас не только с имущественным и общественным положением состоятельного *джт*, но также с его происхождением и взаимоотношениями с высокопоставленным хозяином. Эта гробница примыкает непосредственно к пышной усыпальнице одного из ближайших сановников царя — его «друга» *Рс-вр* (усыпальница издана EG I; любопытная надпись жизнеописательного порядка также UAR:232). Перед громадою вельможеской усыпальницы скромная гробница *Мр-св-снх*, конечно, совершенно теряется, но саму по себе никак нельзя назвать бедной. У нее глубокие склепы (один глубиной до 7,40 м), представительная надстройка над ними (5,45×3,45 м площадью), представительная каплица с полом, высеченным в скале, и хорошо сложенными из камня стенами, с богато отделанным входом и двумя ложными дверями. В гробнице было найдено несколько изваяний умершего и его родни. Некоторые из них являют его в обличье настоящего вельможи с сановой накладной прической до плеч. В ней же щеголяет он и на настенных изображениях, и на них бывает не только треугольный выступ на переднике, отличающий, как известно, начальственных лиц, но и лопатообразный жезл в руке, как у большого барина. Надо думать, что у *Мр-св-снх* бы-

до значительное личное хозяйство с некоторым количеством слуг, так как в гробнице оказалось каменное изваяние работницы, занятой пивоварением,—одно из обычных изображений слуг, долженствовавших служить хозяину и после смерти.

На одной из ложных дверей, посвященных поминовению матери умершего, читаем дважды титул ее, из которого явствует, что *Мр-св-снх* был из чиновной семьи, а также заявление его о себе как соорудителе этой «двери», подтверждающее письменно свидетельство вещественных памятников о его зажиточности:

«Распорядитель отроков Местожительства (царского) *Мр-св-снх*; мать его, распорядитель(ница) дома ткачих *Рвдж-з'в.с*» (EG I:112=LXIX 1).

«Распорядитель(ница) дома ткачих Местожительства (царского), что в чести у бога большого, *Рвдж-з'в.с*». «Это сын ее—сотворивший ей, распорядитель отроков Местожительства (царского), добрый (молодец) *Мр-св-снх*» (EG I:112).

Некоторые титулы умершего особенно содержательны: «Друг (царев) *Рс-вр*—*джт* (такового), распорядитель отроков Местожительства (царского), распорядитель имущества его всего, что от Местожительства и что снаружи, *Мр-св-снх*».

«Друг (царев) *Рс-вр*—я тот, кто в чести у него супротив человека его всякого; честимый это у бога, кто в чести (у) владыки своего; ни разу не сотворил (я) вещи (т. е. чего-либо) против человека всякого» (EG I:109=LXVIII 3=UAR:234).

Две последние сопоставленные надписи снова доказывают, что титул высокопоставленного лица не только писалось, но и почтительно читалось перед *джт* по смыслу, будучи предвосхищенным определением к нему. Поскольку в «Друг *Рс-вр*—я тот, кто в чести у него» «друг *Рс-вр*» никак нельзя перенести назад, так как там место уже занято относящимся к нему притяжательным местоимением («у него»), недопустимо и в первой надписи переносить «друга *Рс-вр*» за *джт*. Ведь оба «друг *Рс-вр*» расположены зеркально относительно друг друга в начале двух отдельных строк на левом и правом косяках ложной двери и потому должны были восприниматься одинаково.

Кроме званий, заключенных в приведенных титулах, *Мр-св-снх* имел также чин «наставника слуг двойника», т. е. второстепенного, хотя и не низшего надзирателя заупокойных жрецов (например, EG I:107—110=LXVIII—LXIX). Любопытно и одно из обозначений его на жертвеннике: «Постоянно любимый владыкой своим, юноша добрый *Мр-св-снх*» (EG I:110=LXVIII 2).

№ 8. С тем же сановником *Рс-вр* связан и другой *джт*, по имени *К'-хр-н(й)-свт*, оставивший на том же кладбище еще более внушительный памятник—каменную гробницу протяжением более чем полтора десятка метров. Перед изображением по-вельможному восседающего с посохом в руках хозяина помещена трехстрочная надпись:

(1) «Да будет мирен (и) даст царь, да будет мирен (и)

даст Ануп, предстоятель чертога божьего, чтобы погребен был он на (месте), что под богом (т. е. на кладбище, у подножия пирамиды царя), состарившись добре весьма, (у?) бога большого,

(2) и возгласение (т. е. заупокойную жертву) (дня-)отверзателя года (т. е. Нового года), Тховтова (праздника), первого (дня) года, (праздника) *B'z*, праздника всякого, новолуния, полумесия, повседневно;

(3) (жрец) сетом, руководитель (облачающихся в опоясание) шенто, друг (царев) единственный *P^c-вр — джт* (такового), слуга двойника (т. е. заупокойный жрец), творец ногтей (т. е. ухаживающий за ногтями) *K'-хр-н(й)-свт* (EG II:67 = XXI 1).

Саму по себе третью строку можно было бы перевести иначе, если б было возможно считать, что титул было написано спереди только из почтения к высокому сану, но на самом деле читалось после *джт*: «*джт* сетом, руководителя (облачающихся в опоясание) шенто, друга единственного *P^c-вр*, слуга двойника, творец ногтей *K'-хр-н(й)-свт*», однако предшествующие примеры не благоприятствуют такому чтению.

«Друг единственный» *P^c-вр* на положении покровителя *джт* не оставит нас и в дальнейшем, и мы еще встретимся с ним в гробнице одноименного придворного учителя пения. Но раньше, оставаясь верными раз принятому порядку, мы должны будем рассмотреть ряд памятников, связанных с именем другого вельможи — «распорядителя дома белого», т. е. хранилища съедобных и несъедобных ценностей, *Йр.н-вр*. Эти памятники — четыре каменных изваяния из его гробницы, и изображают они людей, обязанных служить ему после смерти.

№ 9. До сих пор мы познакомились с *джт*, служившими заупокойными жрецами, по их собственным памятникам; изваяние заупокойного жреца *K'-м-кэд* из гробницы *Йр.н-вр* показывает нам такого *джт* не под его собственным углом зрения в облике чиновного барина, а под углом зрения хозяина, в потребном для хозяина положении. Изваяние изображает мужчину, стоящего на коленях, как то делали при совершении определенных обрядов служащие при заgrabной трапезе. Что изображен человек с известным положением в обществе, видно по разукрашенному его переднику и длинной прическе, а также по изысканной работе: в противоположность последующим трем у этого изваяния вставные глаза из белого и черного камня с веками из какой-то руды (меди?). Надпись на изваянии гласит: «Распорядитель дома белого *Йр.н-вр — джт* (такового), слуга двойника *K'-м-кэд* (SSKPMK:91-XXVI-ZASA XXXV: 119).

№ 10. Все *джт*, с которыми мы пока что встречались, были людьми, отнюдь не стоявшими на нижних ступенях общественной лестницы. Три женщины *джт*, с которыми нам теперь предстоит познакомиться, принадлежали к народным низам.

Первая из них изваяна в согнутом положении, с руками, опущенными в сито, положенное поверх чана. Эта женщина занята пивоварением. Перед работницей надпись: «Распорядитель дома белого *Йр.н-вр — джт* (такового) *Вхъм-нфрт*» (SSKPMK: 91=XXVI=MAE:234).

№ 11. Вторая женщина стоит на коленях и вручную верхним жерновом на нижнем растирает (мелет) зерно. Изваяние надписано: «Распорядитель дома белого *Йр.н-вр — джт* (такового) *Итй*» (SSKPMK:86=ZASA XXXV:122=MAE:233).

№ 12. Третье изваяние изображает женщину, занятую той же тяжелой работой. Надпись гласит: «Распорядитель дома белого *Йр.н-вр — джт* (такового) *Ишт*» (SSKPMK:89=ZASA XXXV:122=MAE:234).

И в этих трех надписях можно было бы читать титул хозяина как определение после *джт* (*джт* распорядителя дома белого *Йр.н-вр* такой-то или такая-то), если бы только не мешали тому те примеры, где налицо притяжательное местоимение у *джт* или иные признаки, доказывающие, что хозяйское титул было почтительно вынесено вперед не только в письме, но и в самой речи.

До сих пор во всех примерах *джт* предварялось титулом высокопоставленного хозяина или покровителя. Теперь пойдут такие *джт*, перед которыми хозяйское титул не названо, хотя и подразумевается молчаливо, как предположительно известное.

№ 13. Вельможа *Рс-вр*, с которым как с господином *джт* нам уже доводилось встречаться, не оставляет нас и тут. В гробнице его тезки, учителя певцов царя *Рс-вр*, величающего себя также «распорядителем полотна» и «службой двойника», на одной из ложных дверей имеется надпись: «*Джт*, распорядитель полотна, слуга двойника *Рс-вр*» (EG I:68).

Гробница сравнительно небольшая (площадь надземной надстройки 3,45×2,25 м), но имеет несколько врубленных в скалу склепов — в одном из них оказался представительный гроб — и несколько ложных дверей, отделанных надписями и изображениями почившего. Гробница расположена около громадной усыпальницы «единственного друга *Рс-вр*», и, так как последний уже известен нам как господин двух *джт*, погребенных подле него в собственных гробницах, не может быть сомнения, что и одноименный с ним «распорядитель полотна» и «слуга двойника» *Рс-вр* был *джт* по отношению к своему вельможному тезке, у которого, вероятно, и заведовал бельем и отправлял заупокойную службу.

№ 14. В отличие от придворного учителя пения два следующих *джт* — люди совсем не чиновные. На обломке стены из гробницы *Тп-м-снх* изображены столяры за работою. У двух из них приписаны звание («топорщик», т. е. ремесленник, работающий топором: плотник, столяр, даже каменотес) и имя; у третьего, отделявавшего ложе (уцелела только одна кисть руки), званию (имя отбито) предпослано еще слово *джт*:

«Джт, топорщик [имярек]» (RME:XII). Поскольку изображение помещалось на гробничной стене, у читавшего надпись не могло быть сомнения, что *джт* перед именем третьего топорщика выражало его отношение к хозяину гробницы.

№ 15. В гробнице *Тп-м-снх* II, откуда, быть может, и предыдущий обломок, в нижнем поясе стены, где изображено подношение жертвенных быков умершему, представлен также слугитель, ведущий антилопу, и это надписано так: «Взятие (т. е. привод) тысячи молодняка, антилоп белых»; «*джт Нфр-хър*» (MAE:199).

Слова «*джт Нфр-хър*» составляют особую отвесную строку, и, если издание точно — а оно часто грешит против точности, — эту строку нельзя понять иначе. Поскольку изображение и надпись находились на стене гробницы, всякому было ясно, если правильно наше чтение, что *Нфр-хър* был *джт* ее хозяина.

Что же значило *джт*, употребленное как звание перед именем того или иного лица? Совершенно ясно, что «*раб*» или «крепостной» это слово не значило. Подневольными людьми могли быть мельничихи (№ 11 и 12) и пивоварка (№ 10), столяр (№ 14) и поводырь (№ 15), но уже заупокойного жреца (№ 9), судя по тому, что известно о таковых (см. § 12), мы не вправе к ним причислить, как бы ни предрасполагало к тому одинаковое назначение его изваяния и изваяний работников, в чьем обществе он в силу того оказался. К тому же его барские волосы, богатый передник и дорогие тройного состава глаза, каких нет у его случайных подруг, ясно свидетельствуют, что «слуга двойника» в жизни не был товарищем трех работников.

Относительно других двух заупокойных жрецов, рядовых «слуг двойника» (№ 6, 8), всякое сомнение в принадлежности их к «свободному» населению исключено заранее самими их памятниками. Один (№ 8) «слуга двойника» и знаток ухода за ногтями известен нам по великолепной надписи на каменной притолоке его гробницы, другой — «слуга двойника» царевой матери — мог завещать своей дочери, тоже «служанке двойника», безусловное право распоряжаться его детьми, исключавшее всякое посягательство на них со стороны, чего «несвободный» завещать не мог бы.

Остальные *джт* уже просто чиновные люди. Сами звания их ясно говорят об этом: «наставитель слуг божьих» (т. е. надзиратель за жрецами) (№ 1), «распорядитель слуг двойника» (т. е. начальник заупокойных жрецов) (№ 3), «наставник слуг двойника» (т. е. надзиратель за заупокойными жрецами) (№ 7), «распорядитель отроков Местожительства» (по-видимому, начальник над молодым воинством столицы¹¹) (№ 7), «писец житницы, писец дома белого» (т. е. хранилища съедобных и несъедобных ценностей) (№ 4), «писец череды» (№ 4),

¹¹ Junker H. Giza V. Wien und Leipzig, 1941 (DAWW. Bd. 71, Abh. 2), с. 159.

«старейшина чертога» пирамиды (№ 5), «учитель певцов царя» (№ 13) и т. д. Вещественные остатки жилищ и гробниц этих *джт* вполне подходят к их начальственным титулам: каменные наличники домовых дверей, украшенные надписями и изображениями (№ 1—2), каменные надписанные гробничные притолоки (№ 3, 4, 5), представительные гробницы с несколькими врубленными в скалу склепами, каменными надстройками над ними, несколькими ложными дверями, покрытыми превосходными надписями и изображениями, с барскою погребальной обстановкой (№ 7, 13, особенно первая из них). Одна гробница (№ 7) содержала даже вещественное косвенное доказательство — в виде изваяния работницы — использования такими *джт* подневольного труда. Если многие должности наших *джт* могли принадлежать им на частной службе у цариц и вельмож (см. ниже), то некоторые звания указывают на состояние одновременно и на государственной службе: «учитель певцов царя» (№ 13), «распорядитель отроков Местожительства (т. е. столицы)» (№ 7). В двух или трех случаях возможно также установить происхождение чиновного *джт* от чиновных же, раз даже знатных родителей. Мать одного из *джт* (№ 7) была начальницей ткацкой мастерской столицы, отец другого (№ 3) — настоящим царедворцем, если только не родственником царского дома, третий (№ 1) происходил, возможно, из рода потомственных «наставников» жрецов.

Следовательно, *джт* не есть обозначение для подневольных людей, и ходячий перевод этого слова несостоятелен. Тем самым отпадает и всякая возможность сопоставления *джт* «плоть» в приложении к людям с греческим словоупотреблением: *сōма* «тело» = «раб». Но, может быть, правильно тогда то толкование, которое видит в занимающем нас сейчас *джт* совсем не звание, а некое обозначение для заупокойного имени? Согласно такому пониманию, титула, сложенные по нашим первому и второму способам (значит, как № 1—12), следует понимать двояким образом — то: такой-то служащий заупокойного имени такого-то высокопоставленного лица, то: такого-то высокопоставленного лица его заупокойного имени служащий такой-то. Слабость подобного истолкования заметна даже при чисто внешнем к нему подходе. Титула, сочиненные по первому и второму способам, построены явно одинаково. Вся разница между ними в притяжательном местоимении, употребительном в одних после *джт* и опускаемом в других. Но и независимо от сходства в построении на одном примере (№ 7) могло быть показано, что титуло высокопоставленного лица читалось на первом месте также при пропуске местоимения. Если в титулах, составленных по второму способу, причудливая перестановка еще могла бы быть как-то объяснена, хотя и ни в коей мере не убедительно, чтением с конца, то в титулах первого способа помещению «*джт* его» перед званием или именем лица, принадлежащего к «заупокойному имению», не подыскать иного

оправдания, как только желание, чтобы притяжательное местоимение следовало как можно ближе за высокопоставленным лицом, к которому относилось. Но и такие надуманные объяснения, разные для одинаковых явлений и потому заранее подозрительные, не помогут понять постоянное вынесение *джт* вперед (перед званием и именем служащего) в титулах, сложенных по третьему способу (№ 13—15), так как тут нет титула высокопоставленного лица спереди, из почтения к которому только и могла быть понята предполагаемая перестановка слов в письме.

Но если перевод с *джт* как «заупокойным именем» оказывается неправдоподобным даже с внешней стороны, под углом зрения строения данных выражений, то есть и основания для отклонения его из-за невозможности считать *джт* определением к последующим за ним званиям.

В гробнице *Мр-св-снх* (№ 7) титул с *джт* выглядело так: «Друг *Рс-вр* — *джт*, распорядитель отроков Местожительства, распорядитель имущества его всего, что от Местожительства и что снаружи, *Мр-св-снх*» (EG I:109=LXVIII 3).

Совершенно достоверно, что *джт* не может быть определением ни к первому, ни ко второму званию умершего. Не может быть *джт* и определением к отстоящему далеко от него имени *Мр-св-снх*, потому что притяжательное местоимение после «имущества» предполагает «друга *Рс-вр*» уже упомянутым. Остается объявить предполагаемое «имение друга *Рс-вр*» почтительно названным впереди определением по смыслу, независимым выражением, намекающим на связь названного затем лица с каким-то вельможеским именем. Однако и последнему предположению не спасти *джт* как «имение» перед лицом той простой истины, что в титулах, составленных по третьему способу, предполагаемый владелец имения, вельможа, не назван, и в начале титула оказывается одно голое *джт*!

Но, может быть, *джт* обозначает совладельца земельной собственности или заупокойного имения вельможи, на тех или иных условиях или безусловно получившего от последнего право пользования его землею или хотя бы доходами? В случае занимающих нас сейчас *джт* те из них, кто были людьми чиновными или заупокойными жрецами, еще могли бы сойти за основных совладельцев или соучастников вельможи, но как поверить, что таковыми были его подневольные люди — мельничихи (№ 11—12) и пивоварки (№ 10), столяры (№ 14) и скотники (№ 15)?

Не поможет и предположение, не обозначало ли наше *джт* всякого, кто каким бы то ни было образом принадлежал к имению. Какой, в самом деле, смысл мог быть в обозначении, одинаково определявшем совладельца имения и подневольного в нем работника по тому признаку, что оба к нему относились, были «именниками»?

После бесплодных попыток разгадать загадку на основании

недоказуемого слова *джт* «имение» вернемся к прошлому нашему способу толкования, отправляющемуся от несомненного слова *джт* «плоть» и оправдавшему себя применительно к *джт* в определениях.

Прежде всего уместно будет спросить: как на самом деле звучало изучаемое нами обозначение? Ответ могут подсказать три памятника, на которых занимающее нас звание имеет букву *н* спереди (№ 16, 17, 18).

№ 16. На обломке гробницы некоего *Птхъ-м* — — — над несколькими повторными изображениями умершего уцелела часть строки, в которой читаем: «— — — [распорядитель работ всех] царя, распорядитель писцов грамот царя *Снджм-йб* — (тот), кто от *джт* [его], писец череды *Птхъ-[м]* — — —» (G VIII:155+DAeAeT:62).

От занимающего нас обозначения новейший издатель заметил только волнистую воду *н(й)* «что от» и змею *дж*, но он уже указал, что в воспроизведении этого места в издании столетней давности под змеею показана между двумя пробелами подотвешная черта, которая и должна быть знаком земли. В пробеле над чертой новейший издатель восстанавливает хлеб *т*; от себя могу добавить, что в пробеле под нею могла быть ушастая змея *ф* «его». Смысл надписи, несомненно, таков: писец череды *Птхъ-м* — — —, принадлежащий к *джт* высокопоставленного сановника *Снджм-йб*.

№ 17. На столбе в гробнице *Хнв* подле пирамиды царя *Внйс* значится: «Хор, зеленеющий (т. е. процветающий в рассуждении) обеих земель (т. е. Верхнего и Нижнего Египта), *Внйс*, царь (и) государь, зеленеющий в обеих владычицах (т. е. как сопричастник обеих — верхнеегипетской и нижнеегипетской — государственных богинь), Хор золота зеленеющий — (тот), кто от *джт* его, (пирамиды) „Добр местами *Внйс*“, (должностное лицо) *хнт(й)-ш*, слуга двойника (т. е. заупокойный жрец), друг (царя) единственный (высокий придворный сан), (жрец-)установщик *Хнв*» (NAWG 1956, № 4:III=PM: :LXIII) и на соседней грани: «Хор, зеленеющий (в рассуждении) обеих земель, [ца]рь (и) [госуда]рь, зеленеющий в обеих владычицах, Хор золота, (пирамида) „Добр местами *Внйс*“, (тот), кто от *джт* его, *хнт(й)-ш* слуга двойника его, друг единственный, установщик *Хнв*» (PM:LXIII).

Смысл надписи, очевидно, такой: тот, кто от *джт* царя *Внйс* как состоящий при его пирамиде, сановник такой-то. «Кто от *джт* его» написано с определителем «земли», на редкость коротким в первой надписи по сравнению с подписанным под ним знаком змеи *ф* (*н(й)*), *дж*, *т*, «земля», *ф*).

№ 18. В гробнице *Хънв*, *Бйв* и *Ппй* во главе несущих заупокойные приношения для *Бйв* идет «(тот), кто от *джт* его, писец *Вхъ'й*» (TRCPII:100), а в толпе несущих такие приношения для *Ппй* идут «(тот), кто от *джт* его, наставник слуг двойника (т. е. заупокойных жрецов) — — — *нйй*», «(тот), кто от *джт*

его, распорядитель слуг двойника *Хъб-снй* и «(тот), кто от *джт* его, *Хъ'й* (ТРСРІІ:101). «Кто от *джт*» написано во всех трех случаях одинаково и без каких-либо определителей после *джт* (*н(й)*, *дж*, *т*, *ф*).

Таким образом, если основываться на пяти написаниях и в свете их расценивать два других, надо будет читать наше обозначение не *джт*, а *н-джт*. В любом отношении это можно только приветствовать, так как женское *джт* как обозначение мужчин выглядит совсем не хорошо, а мыслимое производное от него мужское *джт(й)* не годится для женщин (№ 10, 11, 12), где надо было бы тогда ожидать написание *джтт*, не с одним, а с двумя хлебами *т*. Написание *н-джт* естественно было бы читать *н(й)-джт* «кто от *джт*», прилагательное принадлежности *нй* + существительное *джт*. Тем самым разбираемое нами обозначение было бы не чем иным, как хорошо известным нам сочетанием, только употребленным теперь не как определение, а как самостоятельное обозначение наподобие звания.

Чтение *нй-джт* «кто от *джт*», следовательно, «кто от плоти» давало бы для этого обозначения смысл «собинный», «собственный». Если бы такое чтение было неверно, можно было бы предположить употребление слова «плоть/самость» в расширительном смысле, распространяющим плоть/самость на все, к ней принадлежащее, на все, охваченное ею. В таком употреблении *джт* было бы примерно равноценно «собственности», применительно к людям — тому же «собственный/собственная». Но я не думаю, чтобы возможность второго истолкования стоило действительно брать в расчет, так как написание у *Птхъ-м* — — —, *Хнв* и *Хънв*, *Бйв*, *Пнй* определенно говорит в пользу чтения *нй-джт*.

Законно будет, однако, спросить, как звучало при таком чтении наше обозначение применительно к женщинам. Ведь *нй-джт* значит «принадлежащий к *джт*», прилагательное принадлежности здесь мужского рода, применительно к женщинам надо было бы ожидать его в женском роде, вместо мужского *нй* уместно было бы женское *нйт*. При наличных данных сказать тут что-нибудь определенное невозможно. Во всех пяти случаях, когда *н* выписано перед *джт*, обозначаемым является мужчина; там же, где обозначение приложено к женщинам (№ 10, 11, 12), налицо написание без какого-либо *н*. Отвлеченно говоря, мыслимо было бы сосуществование двух написаний женской разновидности нашего обозначения с выписанным и невыписанным *т* после *н(й)*: *н(й)т-джт* и *н(йт)-джт*. За примерами такого колебания в правописании сложных слов недалеко ходить. Хорошим образцом может служить звание *йм(й)т-р'* «распорядительница» (досл. «та, кто в устах (подчиненных)»). Первая часть здесь является таким же производным от предлога *м* прилагательным, как наше *н(й)т* от предлога *н*. В этом звании *ймйт* «та, кто в» пишется то с выписанным, то

с опущенным *т*, так что как обозначение женщины мы находим то *им(й)т-р'*, то *им(йт)-р'*. При известных к тому побуждениях со стороны начертания такое *т* может даже вовсе выйти из употребления. Вспомним хотя бы обозначение кладбища *хър(й)т-нчр* «то, что под богом», где выписанное *т* такая редкость, что до недавнего времени ученые читали это сложное слово как *хър-нчр*. Первая часть здесь также прилагательное, производное от предлога, именно *хър* «под». Примером выпадения *т* в сложном слове, кончающемся на *джт*, может служить написание «сестра *джт*» в гробнице *Нчр-вср* (SM:XXIV = МАЕ:166). Оно находится в приписке к изображению супруги умершего, так что в женском роде обозначенной не может быть сомнения, тем не менее написано не *снт-джт*, как то требовалось бы для «сестры *джт*», а *сн-джт*, точно речь шла о «брате *джт*». Обозначение «сестра *джт*» в сохранном виде известно мне только в этой гробнице (оно имелось, наверно, еще в одном месте — DAeAe II:XXXI, но только в издании оно отсутствует), поэтому можно только догадываться, но не утверждать, что таково было обычное правописание для женской разновидности обозначения. Догадываться об этом можно по тому, что и в других сложных словах, где начертание не благоприятствовало выписыванию *т*, последнее после первого существительного охотно опускалось. Так, например, обстоит дело с распространеннейшим обозначением жриц *хъмт-нчр* «служанка божья», которое обыкновенно пишется *хъм-нчр*, как если бы значило «слуга божий»; в наименовании заупокойных жриц *хъмт-к'* «служанка двойника», куда более редком, правда, чем «служанка божья», выписанное *т* мне вообще никогда не встречалось, так что, если б не женский пол так обозначенных лиц, можно было бы читать «слуга двойника».

Возможно также, что частое опущение в письме женского окончания у начальных частей сложных слов отражало действительную пропажу его в произношении. В отношении *нй-джт* здесь можно было указать на позднейшее, частое в Новом царстве слово *нджт* «челядь — подчиненные — подданные», оторвать которое от нашего *джт* представляется невозможным и которое как собирательное обозначение могло бы восходить к женскому *нйт-джт*. Возможно, однако, что *нджт* восходит к мужскому *нй-джт*, переставшему восприниматься как составное слово с мужскою первою частью и потому ставшему неизменным по роду обозначением не только единичных, но и собирательных представителей определенного рода людей. Впрочем, собирательное выражение *джт* или [*н*] *джт* существовало уже при первых представителях V царского дома (см. ЧСПЕСЦ: 72—75). Если *нй-джт* рано застыло в неизменное по родам *нджт*, оно могло одинаково прилагаться к мужчинам и женщинам, отдельным лицам и собирательным понятиям.

Итак, допустим, что наше *нй-джт* или *джт* так или иначе означает нечто вроде «собинный», «собственный». Принятие

или отвержение этого допущения зависит от того, как укладывается предполагаемое значение в переведенные выше титулы. На первый взгляд может показаться, что «собственный (человек)» может еще подойти к подневольным людям, но никак не годится в обозначение для людей «свободных»; «собственными» могут быть мельничихи и пивоварки, столяры и плотники, но не люди чиновные и именитые, с каменными усыпальницами, барским обличем и замашками. *Все зависит, однако, от того, какой смысл вкладывать в понятие «собственный».* И как ни странно, этот смысл мы можем получить не от подневольных носителей нашего обозначения, к которым «собственный», казалось бы, только и подходит, но от чиновных его носителей, совсем не похожих на чью-либо «собственность».

Отправною точкою для наших изысканий являются надписи из гробницы *Ир.н-р^c* (G III:159, наш № 3). Они расположены непосредственно одна над другою, и от этого их словоупотребление становится еще примечательнее:

«*K'-н(й)-нй-свт — джт* его, распорядитель слуг двойника *Ир.н-р^c*».

«Кто при вещи царя *K'-н(й)-нй-свт* — сын его *Ир.н-р^c*, что в чести».

Конечно, сын царедворца, возможно, даже царского происхождения, *Ир.н-р^c* не был невольником своего родителя. Тем самым «собственный» в смысле вещного права исключено заранее. Но не подойдет и «собственный» в смысле «приближенный, свой человек», так как никакое *джт* даже отдаленно не могло равняться по степени предполагаемой им близости с «сыном»: для сына царедворца было бессмысленно подчеркивать свою близость к нему наименованием себя его *джт*, каковым мог быть всякий, вплоть до последней служанки. Однако каким же еще «собственным» может здесь быть *джт*? За ним стоит должностное звание *Ир.н-р^c*, и, может быть, это звание позволит понять смысл предшествующего обозначения? Издатель надписей совершенно основательно связал одно с другим, но, видя в *джт* заупокойное имя, сделал сына начальником над заупокойными жрецами выделенного на помин души имения. Выше было показано, что *джт* в разбираемых титулах никак не может означать заупокойное или какое иное владение. Но подобного значения вовсе и не нужно, чтобы словоупотребление гробницы представилось вполне осмысленным. В предшествующем уже неоднократно доводилось замечать, что определениям с *джт* в смысле «собственный» присущ бывал оттенок «личный, частный» в противоположность «царский, государственный». Включим такой оттенок и в перевод данного *джт* и поставим последнее в связь с последующим званием — получим вполне вразумительный смысл: «*K'-н(й)-нй-свт* — собственный (т. е. личный, частный, служащий) его, (именно) распорядитель рабов двойника *Ир.н-р^c*». Сын состоял начальником над личными заупокойными жрецами своего отца. Что надзор за заупокой-

ным жречеством почившего поручался иногда его сыновьям, хорошо известно из соответствующих завещаний.

Врученный нам *Ир-н-р^c* ключик без всякого труда позволяет отомкнуть остальные титулы.

№ 1. Царица *Вджбтн* — «собственный (служаший) ее, (именно) наставник слуг божьих» и т. д. *Хэм-снх*. У особо влиятельных цариц заупокойную службу правили не «слуги двойника», а «слуги божьи», храмовые жрецы, в данном случае поминального храма царицы. *Хэм-снх*, проживавший подле этого храма, и был надзирателем над его жрецами — личными или частными жрецами царицы.

№ 2. Несомненно, истолковывался бы, сохранись название должности, как предшествующий случай.

№ 4. Вельможа *Мхэй* — «собственный (служаший) его, жалуемый им, *Птхэ-нб-нфрт*». Какие должности занимал служаший на службе у вельможи, видно из второго титула: «Распорядитель дома, писец житницы, писец дома белого, писец череды, собственный (служаший) его *Птхэ-нб-нфрт*». Изображениями «распорядителей дома» как управляющих вельможеским имуществом полны гробницы. «Писцы житницы» неоднократно изображены в них же на службе у вельможи. «Писцы череды» — подразумевается: заупокойных жрецов — многократно представлены на гробничных стенах. Можно было бы усомниться относительно «писца дома белого» — не была ли то государственная должность, однако изредка в частных гробницах «писец дома белого» занимается учетом как будто личного имущества хозяина (G IV: между 36 и 37, ср. G V:49) и «белый дом» выступает как хранилище, куда стекаются производимые для хозяйства блага (DAeAe II:XCVI). Таким образом, *Птхэ-нб-нфрт* занимал ряд должностей по частному хозяйству своего высокопоставленного господина и был писцом подразделения, наверно, его заупокойных жрецов.

№ 5. Верховный сановник *Птхэ-хэпн* — собственный (служаший) его, заупокойный жрец, должностное лицо при пирамиде царя *Джд-к'-р^c Шпс-п-птхэ*. Как «старейшина чертога» царской пирамиды, *Шпс-п-птхэ* не мог состоять в личном, частноправовом отношении к верховному сановнику. Очевидно, «собственным» его служащим он был как его заупокойный жрец (никакой другой должности не названо). Обломок этой ложной двери был найден на том месте столичного кладбища, где был погребен верховный сановник; можно думать, что *Шпс-п-птхэ* был похоронен подле него.

№ 6. «Мать» царева *Хэпн-хэрс* — собственный (человек, именно) слуга двойника *Чнтий* — дочь его, служанка двойника *Пнй*. Так как по смыслу своему все это — титул завещательницы *Пнй* (заупокойная жрица такая-то, дочь такого-то заупокойного жреца царской матери такой-то), можно усомниться, относится ли «собственный (человек)» к отцу, а не к дочери. Однако совсем неправдоподобно, чтобы отчество могло так

вклиниться между званиями, и потому лучше в согласии с местоположением отнести «собственного (человека)» к отцу, что, конечно, не мешает считать таковым и его преемнику по заупокойному жречеству царицы. *Чнтй* был частным («собственным») заупокойным жрецом на службе у царевой матери.

№ 7. «Друг *Рс-вр* — собственный (человек), распорядитель отроков Местожительства, распорядитель имущества его всего, что от Местожительства и что снаружи, *Мр-св-снх*». Вопрос с этим титулом обстоит не так просто, как с предшествующими. Мне кажется немыслимым, чтобы звание «распорядитель отроков Местожительства» имело в виду не государственную службу — начальство над молодым (военным) ополчением столицы. Последнее тем невероятнее, что речь шла определенно о воинских силах, так как сам *Мр-св-снх* именуется себя «юношею добрым». Более того, приложение «Местожительства» (*хьнв*) к званию «распорядитель отроков» — ср. также в титуле матери «распорядительница дома ткачих Местожительства» — прямо указывает, что дело касается государства, а не частного лица, потому что «Местожительство» как определение противоплагается в обозначениях должностей «собственному» (*джт*) (об этом см. § 3). Возможно, *Мр-св-снх* потому так упорно и прилагает к своему званию, а заодно и к материнскому определению «Местожительства», что являлся одновременно служащим частного лица и было желательно четко разграничить в его титуле оба рода службы. После обозначения *джт* это было особенно желательно, так как, следуя непосредственно за ним, оно в сочетании с ним могло быть понято как «собственный (т. е. частный) распорядитель отроков».

Званием, с которым *джт* стоит в прямой связи, в изучаемом нами титуле *Мр-св-снх* является не стоящее непосредственно позади «распорядитель отроков Местожительства», а последующее — «распорядитель имущества его всего, что от Местожительства и что снаружи». Как управляющий личным имуществом вельможи, столичным и внестоличным, *Мр-св-снх* был, несомненно, «собственным», т. е. частным, его служащим. Надо думать, что таковым был *Мр-св-снх* и в качестве «наставника слуг двойника» (EG I:107=LXVIII). Так, правда, он величает себя не в том титуле, где стоит *джт*, но естественно предположить, что доверенный управляющий своего господина состоял и по смерти его надзирателем заупокойных его жрецов. Что то были заупокойные жрецы какого-то постороннего лица, представить себе гораздо труднее.

№ 8. Вельможа *Рс-вр* — «собственный (человек, именно) слуга двойника, творец ногтей *К'-хр-нй-свт*». Умерший был, несомненно, собственным или личным заупокойным жрецом вельможи. Был ли он также его частным или личным ухаживателем за ногтями, или эту должность он занимал при дворе — решить несколько сложно. Однако упоминание спорной

должности после «собственный», и притом без какого-либо в данном случае прямо необходимого указания на двор как место службы (придворные обработчики ногтей часто величают себя «творцами ногтей дома большого»), предрасполагает в пользу первого решения. Еще более укрепляет в таком заключении то обстоятельство, что на изображениях в вельможных гробницах такие же рядовые «слуги двойника», как и *К'-хр-н(й)-свт*, нередко оказываются, как и он, «творцами ногтей». Что все это были придворные чины — а царские «творцы ногтей» бывали очень важными сановниками, — представляется совершенно неправдоподобным.

№ 9. Вельможа *Ир.н-вр* — «собственный (человек, именно) слуга двойника *К'-м-кэд*». Тут все просто. *К'-м-кэд* был собственным или личным заупокойным жрецом вельможи.

№ 10, 11, 12. Вельможа *Ир.н-вр* — «собственный (человек) имярек». Никакого звания перед именами трех работниц — *Вхэм-нфрт*, *Итй* и *Ишт* — не указано. Судя по занятиям, за которыми они изображены, первая работала в пивоварне, две другие — мельничихами в пекарне, самостоятельной или обслуживавшей то же пивоварение потребным для него ячменным хлебом. Если бы написанное дополнялось изображенным, то смысл надписей был бы, по существу, таким: вельможа *Ир.н-вр* — «собственный (человек, данная пивоварка) *Вхэм-нфрт*», вельможа *Ир.н-вр* — «собственный (человек, данная мельничиха) *Итй* (или: *Ишт*)». Если бы изображенные занятия были случайными работами трех слуганок, смысл надписей был бы более общим: вельможа *Ир.н-вр* — «собственный (человек, работница) имярек». Но как бы то ни было, три женщины были собственными работницами вельможи.

№ 13. «Собственный (человек — подразумевается: погребенного по соседству вельможи, — именно) распорядитель полотна, слуга двойника *Рс-вр*». Знакомые уже по целому ряду случаев с «собственными» людьми на положении простых и начальственных заупокойных жрецов, мы без колебания определим и данного *Рс-вр* как собственного слугу двойника одноименного вельможи. Но мы можем спокойно распространить «собственный» и на непосредственно следующего за ним «распорядителя полотна». Надписанными изображениями «распорядителей полотна», заведующих господским бельем, полны гробницы вельмож. Нередко, совсем как наш *Рс-вр*, эти «распорядители полотна» являются одновременно «слугами двойника». Что *Рс-вр* никак не был придворным «распорядителем полотна», видно особенно наглядно по следующему. *Рс-вр* неоднократно именует себя в своей гробнице «распорядителем полотна», но ни разу ни после *джт*, ни без него не добавляет определения, которое бы указывало на двор как место службы. Стоило, однако, хозяину гробницы единый раз назвать себя «учителем певцов», как он уже не преминул добавить определение «царя»: «учитель певцов царя *Рс-вр*». Здесь речь шла о придворной, госу-

дарственной службе, и человек, бывший одновременно на частной службе, должен был обязательно указать, что как учитель пения он был служащим царя, а не вельможи, так как у последнего могли быть собственные певцы (ср. «певец, что от дома собственного» в гробнице Чйй, GT:LX=LIX). Это противоположение царя и *джт*, государственного и частного очень показательно. С подобным противопоставлением службы по царскому «местожительству» службе частной мы только что имели дело у *Мр-св-снх* (№ 7). С явлениями этого рода нам доводилось встречаться и раньше (см. § 3).

№ 14. «Собственный (человек хозяина гробницы, именно) топорщик [имярек]». «Собственный столяр такой-то» такого-то вельможи не вызывает никаких вопросов. Но можно спросить, почему только один из трех изображенных на обломке столяров удостоился обозначения «собственный»? У двух других надписано только производственное звание и имя: «топорщик *Н(й)-к(')-в-р^c*», «топорщик *Йбб*». Можно было бы предположить, что последние были государственными ремесленниками, работавшими почему-то на вельможу (примеры этого см. в § 27), а тот столяр был его собственным работником. Но тогда мы ожидали бы, как то действительно и оказывается в соответствующих случаях, какого-нибудь указания на то, что двое были государственными работниками, раз третьего сочли нужным выделить как «собственного». Также и то, что у «несобственных» ремесленников указаны их имена, говорит скорее, что оба они тоже были своими, а не посторонними людьми. Видеть в *джт* перед званием и именем столяра знак какого-то особого его отношения к вельможному хозяину было бы просто странно, поскольку *джт* именовались даже служанки, занятые самой тяжелой, самой грубой работой с зернотерками (№ 11, 12). Поэтому вероятнее всего, что различие в обозначении столяров — простая случайность, и допытываться о причинах ее так же мало полезно, как гадать о том, почему одни изображения работников в гробнице подписаны производственным званием и именем, другие — одним именем, а подавляющее большинство — ни тем, ни другим. В разных случаях тому были разные причины, чаще всего, надо думать, чисто внешнего порядка. Сохранись полностью изображение и надписание нашего «собственного» столяра, наименование его одного «собственным» объяснялось бы, наверно, самым непоучительным образом. Мне даже кажется, что при нынешнем состоянии изображения можно уловить, в чем дело. У второго и третьего столяра спереди было достаточно места, чтобы написать в один столбик звание и имя. У «собственного» же столяра сделать это за недостатком места в высоту было нельзя; потому звание и имя пришлось написать не одно над другим, а рядом. Мы не знаем, сколько знаков было в имени, так как оно отбито, но только, наверно, больше, чем в звании, которое писалось всего одним знаком топора, и то не «стоячим», а «лежащим». Стол-

бик с именем такой плоский знак уравновесить никак не мог; перенести знак-другой из имени к «топорщику» и тем самым уравновесить их мастер не мог или не хотел. Тогда он взял и написал над топориком *джт* и получил два столбика: один — со званиями, другой — с именем. Сделать это он мог совершенно спокойно, так как *джт* можно было надписать над любым работником вельможи. Все они были его собственными, в том числе, думается мне, и оба наших «несобственных» столбика.

№ 15. «Собственный (человек хозяина гробницы) *Нфр-хър(й)*». Если все в порядке в старинном издании, то мы имеем здесь случай, сходный с обозначениями пивоварки (№ 10) и мельничих (№ 11, 12), с тою только разницею, что там хозяин был назван спереди, а здесь подразумевался. «Собственным» человеком вельможи мужчина, ведущий скотину, мог быть, конечно, так же хорошо, как и те работники.

№ 16. Вельможа *Снджм-йб* — «собственный (служащий) [его], (именно) писец череды *Птхъ-м-* — — —». Умерший был писцом череды, наверно, заупокойных жрецов хозяина, как и один из предшествующих *джт* (№ 4). Повторное упоминание этой должности подкрепляет догадку, что в обоих случаях речь идет о писце подразделения заупокойных жрецов. Далее, у *Птхъ-м-* — — — только и есть что это звание после *ндж[т]*; поэтому частным и личным («собственным») служащим-вельможи он был именно как писец череды, а это подтверждает правильность вывода, что *Птхъ-нб-нфрт* (№ 4) был частным писцом череды у своего господина.

№ 17. Царь *Внйс* — «собственный (служащий) его» — лицо, связанное с его пирамидой, заупокойный жрец, важный придворный, ученый заминатель *Хнв*. Поскольку в обеих надписях должность заупокойного жреца названа за званием *хнтй-ш*, связанным в данном случае, наверное, с пирамидой, *Хнв*, должно быть, и нес службу заупокойного жреца при ней. Заупокойный жрец, как мы уже не раз видели, мог принадлежать к *джт*. Но тут заупокойно-жреческое звание совсем неожиданное: в поминальных храмах царям служили не «слуги двойника», а «слуги божьи». Редкостному обозначению царского человека наподобие частного служащего («кто от плоти его») отвечало бы редкостное для царской поминальной службы обозначение ее отправителя наподобие частного заупокойного жреца («слуга двойника»)!. Тот же пример сановника *Хнв* со всею наглядностью показывает, что звание «кто от плоти» такого-то само по себе не означало подневольного положения его носителя: *Хнв* был важным придворным — «другом единственным» царя.

№ 18. «Собственный (служащий) его, писец *Вхъ'й*», «собственный (служащий) его, наставник слуг двойника — — — *нйй*», «собственный (служащий) его, распорядитель слуг двойника *Хъб-снй*», «собственный (человек) его *Хъ'й*» несут при-

ношения покойным сановникам вместе с людьми, которых явно связывают с почившими узы родства или поминальной службы. У *Пнй* — это двое его сыновей и брат, у *Бйв* — трое его заупокойных жрецов («слуг двойника, что от плоти его»), из которых один вдобавок его домашний служащий — «руководитель шатра (т. е. столовой)». Не приходится сомневаться, что *Хѣб-снй* и — — — *нйй* состояли первый главным, второй подчиненным начальниками над заупокойными жрецами *Бйв*, и можно думать, что и *Вхѣ'й* был писцом не кого иного, как *Пнй*. Нахождение на службе у частных лиц вполне оправдывало бы наименование всех четырех *н(й)-джт.ф*, т. е. «собинными», личными служащими сановников.

На этом кончается обзор известных мне случаев обозначения людей в их титулах как *джт* или *нджт*.

Думаю, что показано убедительно, что ни то, ни другое — не рабские звания.

РАБСТВО (§ 6—11)

Раб в обычном понимании слова — это человек без средств производства, принадлежащий, что вещь, хозяину и работающий по принуждению. Знало ли Старое царство такое рабство?

Прежде всего хорошо будет выяснить, соответствовало ли что в староегипетском языке русскому слову «раб» в указанном понимании. На сопоставление напрашиваются два слова: *хэм* и *б'к*; посмотрим, по праву ли?

§ 6. *хэм*

В переносном употреблении слово *хэм* встречается в староегипетских надписях бесконечно часто. Оно заключено в храмовом жреческом звании «*хэм* божий», «*хэмт* божья». Употребляется это звание или без определений, или — что бывает особенно часто, а для женщин только и засвидетельствовано — с именами обслуживаемых городских божеств или мертвого царя, например: «*хэм* божий Птаха», «*хэм* божий *Вср-к'ф*», «*хэмт* божья Хатхор, владычицы смоковницы». В такого рода званиях слово *хэм* встречается порой и без определения «божий», например «*хэм* Мина», «*хэм* Эсе». Почти так же часто, как в званиях храмовых жрецов, слово *хэм* попадает в надписях в другом жреческом звании, обозначении частных поминальных жрецов и жриц: «*хэм* двойника», «*хэмт* двойника». С указанием предмета почитания мы находим слово *хэм* и в личных именах, например «*Хэм-р^c*» («*хэм* солнца»), «*Хэмт-р^c*» («*хэмт* солнца»).

Если в именах *хэм* могло бы быть еще употреблено в смысле «раб» — в знак полной принадлежности или преданности именуемого своему божеству, — хотя и тут вполне возможно значение «слуга», в жреческих званиях последнее определение предпочтительнее. Конечно, царицы и царевны, царевичи и верховные сановники, вельможи, князья и княгини, сплошь и рядом состоявшие «*хэмв* божьими» в храмах, никогда не были храмовыми рабами, как не были ими и обыкновенные «*хэмв* божьи», бывшие очень часто чиновниками-совместителями, получившие за свою жреческую службу наделы и обрабатывав-

шие их руками «чади» (UAR:171=KDAR:против 23). Но и в переносном смысле «хэм божий» не значило «раб божий». В самом деле, если б жрецы считались «рабами божьими», ими должны были бы в еще большей степени считаться подневольные люди храма, однако их никогда так не называли. И это тем показательнее, что храмовые земли именовались «пашнею божьей» (UAR:171—172=KDAR:против 23), храмовое имущество — «вещью божьей» (UAR:170) и сама храмовая чадь входила в состав «жертв(енного достояния) божья», ср. титул «распорядитель поручен(ий) жертв(енного достояния) божья в чади (и) пашне» (SSKPMK:146 дважды).

Лучше подходит значение «слуга» к слову хэм и в звании поминальных жрецов. Звание «хэм/хэмт двойника» мы на каждом шагу находим у лиц состоятельных, с определенным положением в обществе, явно не бывших рабами частного лица (см. § 12). «Хэмв двойника» служили за вознаграждение, в частности получали в условное владение «пашню, людей, вещь всякую», были вольны переходить на другую работу (UAR:11—15, 36—37, 164), имели собственных слуг (UAR:12; см. ниже, с. 92). И если эти жрецы считались «рабами двойника», то почему же «хэмв двойника» никогда не назывались действительно подневольные люди, работавшие во «дворах двойника» и других владениях, выделенных в обеспечение поминальной службы? Ясно, что и для «хэм/хэмт двойника» передача «слуга/служанка двойника» предпочтительнее перевода «раб/рабыня двойника». Сходное словоупотребление наблюдается, по-видимому, и в следующем месте из гробницы *Pc-вр*: «[Никогда не сказывал (я) вещи] всякой плохой (т. е. чего-либо дурного) против людей всяких [цар]ю (или) хэмв его» (UAR:233). Надо полагать, что хэмв здесь не царские невольники, а слуги царя, царские сановники.

Ближе к понятию «раб» выражение «рабы царевы», обозначающее, по всей видимости, уже в Старом царстве подвластное царю или государству, а не частным лицам земледельческое население. Но и эти «хэмв царевы», насколько позволяют судить о них скудные староегипетские данные, не были рабами в настоящем смысле (см. § 3, 5).

Только в четырех из известных мне случаев употребления слова хэм в староегипетских надписях им могли быть обозначены действительно рабы, но и то лишь могли быть обозначены, так как возможно и другое понимание.

На изображении «дома затвора» (см. § 26) в гробнице *И-н-нфрт* одна из работниц, занятая просеиванием толченых (?) фиников через сито, снабжена такою припискою: «Очистка (?) финик(ов). Хэмт» (AeGGASK:VI=27).

Чтение «хэмт» как будто бесспорно, однако значение «рабыня» возможно, но не обязательно. Некоторые из каменных изваяний молольщиц или пивоварок, т. е. работниц, выполняющих работы «дома затвора», надписаны «*джт* такого-то такая».

то» (SSKPMK:86=ZASA XXXV:122=MAE:233; SSKPMK:89=ZASA XXXV:122; SSKPMK:91=MAE:234). Слово же *джт* значило не «раб», а просто человек лично такого-то и могло прилагаться к людям, заведомо не бывшим рабами (см. § 2, 5). И четвертое изваяние, неотделимое от тех трех, изображало поминального жреца, состоявшего тоже «*джт*» (т. е. собственным человеком) распорядителя дома белого (т. е. казнохранилица) *Йр.н-вр*», «слугу двойника *К'-м-кэд*» (SSKPMK:91=ZASA XXXV:119=MAE:234). Какими «рабами» были «*хэмв* двойника», нам только что доводилось говорить.

Второе возможное упоминание *хэмв* в смысле «рабы» содержится в указе одного из последних царей IV дома касательно обеспечения поминальной службы по умершем предшественнике *Мн-к'в-р^c*. К несчастью, от указа сохранились одни обломки:

«Хор честной большой.

Год царствования после раза первого счета быков (и) мелкого скота — — —.

Сотворено в присутствии царя самого.

Царь (и) государь *Шпсс-к' [.ф]* сотворил как памятник свой царю (и) государю [*Мн-к'в-р^c* — жив он вечно! —] жертву — — — — — в (пирамиде) „Божествен *Мн-к'в-р^c*“.

— — — — — [Что] до жертвы — — — — — , положено

— — — — — , за который жречествуют, вечно.

— — — — — руководство (или: поручение) его всякое, вечно („вечно“ выписано один раз под обеими отвесными строками).

— — — — — (пирамида) „Божествен *Мн-к'в-р^c*“.

— — — — — тяжело — — — — —

— — — — — (пирамида) „Божествен *Мн-к'в-р^c*“. Не дал

— — — — — им *хэмв* (или: для них *хэмв*) — — — — —.

[Сотворило величество его это из жела]ния, чтобы крепки были (жрецы-)чистители его(?) [в долготу вечности]» (UAR:160=KDAR: против 16).

Несмотря на плачевное состояние памятника, можно все-таки уловить общее его содержание. Речь шла не об одних жертвах покоившемся в своей пирамиде *Мн-к'в-р^c*, но и об обеспечении служившего при ней — в ее поминальном храме — жречества. Жрецам обеспечивалось что-то, «за которое» они жречествовали, притом «навечно», и царь не позволял («не давал») делать что-то в ущерб своим установлениям. Жрецам обеспечивалась, очевидно, и рабочая сила (*хэмв*), и делал все это царь с целью вечного(?) обеспечения жрецов мертвого фараона. Заключительное заявление имеет в виду не крепость жрецов пирамиде — для этого употреблен был бы другой глагол, скажем *мн*, но никак не *нхт*, выражающий телесную крепость, силу, но не пребывание за кем-либо или за чем-либо. В перенос-

ном смысле *нхт* могло означать «быть обеспеченным, состоятельным», потому что производный от него глагол *снхт* определенно обозначал в староегипетском «укреплять» в смысле «обеспечивать, обогащать»¹. Князь областей Горы змеи и Земли великой *Ибий* говорит в своей гробнице, что то-то и то-то имело место, «когда (был) я властелем двора дома затвора пашни сот 203 (1 сот ≈ 2735 кв. м), дан[ной мне] величеством владыки (моего), чтобы укрепить (меня)» (UAR:144). В письме на тот свет конца VI царского дома вдова и сын жалуются умершему: «Смотри же, *Всбвт* пришла с *Иссйй*. Разорил(а?) дом твой, взяла она вещь всякую, бывшую в нем, чтобы укрепить *Иссйй*: возлюбилы они сделать убогим сына твоего укреплением сына *Иссйй*» (ELDMOMK:I=I A).

Очевидно, «крепости» или обеспеченности жречества *Мн-к'в-р^c* служило и мероприятие касательно *хэмв*, мужчин и женщин, судя по двойному сопроводительному знаку мужчины и женщины. В чем заключалась эта мера, при нынешнем состоянии надписи точно определить нельзя. Можно, однако, предположить, судя по родственным памятникам, только одно из двух: либо царь ограждал людей самих жрецов от посягательств со стороны, либо давал жрецам своих людей, обеспечивая опять-таки их неприкосновенность. В подкрепление первого предположения можно было бы сослаться на завешание из гробницы ныне безымянного сановника, где возбраняется брать у поминальных жрецов не только их братьев и сестер, но также их работников, причем последние, как собственные люди жрецов, отличаются от людей, даваемых завещателем в условное владение за поминальную службу (перевод соответствующей надписи см. в § 12; UAR:11—15). В подтверждение второй догадки можно указать на то же завешание, поскольку в нем неоднократно говорится о «пашне, люде, вещи всякой», данных поминальным жрецам в их личное пользование на договорных началах (UAR:12—14), и в особенности на обильную грамоту *Нфр-йр-к'-р^c*, приведенную в § 12 и охраняющую челядь, работающую на храмовой пашне, выделенной жрецам за службу (UAR:171=KDAR:против 23).

Людей, названных «работниками» или «рабами» (*б'к*) и находившихся у таких нечиновных людей, как простые поминальные жрецы частного лица, естественно, конечно, счесть за настоящих рабов. Работников, данных тем же поминальным жрецам в условное пользование работодателем, несмотря на то что они обозначены иначе, чем собственные работники жрецов (те — «рабы», эти же — «люди», притом в трех местах надписи), тоже нетрудно принять за подлинных рабов. Сделать это тем легче, что давали «людей» за службу таким мелким служащим, несомненно, в очень небольшом количестве, только

¹ Gardiner A. H., Sethe K. *Egyptian Letters to the Dead Mainly from the Old and Middle Kingdoms*. L., 1928, с. 12; Erman A., Grapow H. *Wörterbuch*, Bd. 4, с. 170.

единицы, и положение таких людей было таково, что их на деле можно было продать (предусматривая такую возможность, завещатель именно и запрещает отчуждать их, как данных лишь в условное владение, при условии отправления поминальной службы — UAR:12). Несколько труднее признать частновладельческими рабами ту «чадь», которая работала на храмовых жрецов на храмовой земле:

«Не дал (я, т. е. царь) быть властну человеку всякому взять чадь всякую, которая на пашне божьей всякой, жречествоуют за которую слуги божьи (т. е. жрецы) всякие, на деятельность и работу всякую области» (UAR:171). «(Что) до человека всякого области, что возьмет чадь, которая на пашне божьей, на деятельность и работу всякую области, направишь ты (т. е. сановник-получатель указа) его в дом-заповедник (т. е. пекарню-пивоварню, см. § 26) двора божья, (причем) помещен будет [сам] он на дело [всякое], [и]ли место пахоты ячменя ————— (UAR:172=KDAR:против 23; подчерк-
нутое здесь и в предыдущем отрывке — общее нескольким местам надписи, но выписанное единожды). Обозначение чади не как принадлежащей жрецам, а как той, «которая на пашне божьей», делает вероятным, что речь идет о храмовых, а не частных или по меньшей мере в большинстве своем не частных рабочих. Храмовую же рабочую силу, как и вообще рабочую силу крупных владений Старого царства, мы не можем считать рабами в точном значении этого слова (см. § 2, 5). Тем самым общественное положение *хъмв* указа *Шнсс-к'.ф* остается неясным, и они могли быть *хъмв* царя, отданными лишь в услужение жречеству.

Третий и четвертый случаи возможного употребления слова *хъм* для обозначения настоящих рабов находятся в надписях пирамид², строго говоря, в разночтениях двух из них для одного и того же заклинания. Там, где в одной пирамиде стоит «Пища для *сшмв*», в двух других значится: «Вещ(и) для *хъмв*» (AP:№ 561). Что слово «вещ(и)» значит тут «яства», ясно из сопроводительных изобразительных знаков: хлеб и сосуда с пивом³. Смысл слова *хъм* в этом заклинании стал бы, возможно, яснее, если бы можно было установить смысл разночтения *сшм*. Последнее употреблено еще раз в сходном пирамидном заклинании AP:№ 571: «[Сказывание слов. Вещ(и)] (сопроводительные знаки хлеб и пива) для *сшм*, вещь(и) (те же сопроводительные знаки) для столба (??, *йвн*) —————». В другой связи, по-видимому, то же слово встречается в пирамидах дважды в одном и том же обороте: «чашник (*вднв*) богов, *сшмв* (*сшм*) небесного народа»

² Насколько я помню, на упоминание «рабов» в пирамидах обратил внимание еще М. А. Шер.

³ Ср.: Erman A., Grapow H. Wörterbuch, Bd. I, с. 124: «Speisen, Mahlzeit».

(АР:№ 565, 559). Подходящих староегипетских существительных корня *сшм* «вести» в словаре нет; «водитель» в смысле «руководитель»⁴ и «ведущий (рабочий скот сеятель)»⁵ не подходят к пирамидным местам, где разночтение *хэмв* и соседнее «чашник» требуют слова *сшм* со значением вроде «служитель», а связь с яствами исключает «вожака (=сеятеля)». Ключ к пониманию *сшмв* дают, однако, сами же пирамидные надписи:

«О боги небосклонные! Помещаете вы его (т. е. мертвого царя) в поле жертв. Дали вы блаженну быть ему среди блаженных (мертвых), дали вы властну быть ему среди богов. Сотворяет он вам обед великий, приношение большое. Проходит он небо, ведет *Пйпй* тех, что в поселениях» (АР:№ 879—881).

«(Носилки) Великий... (и) носилки Предстоящего западным (т. е. мертвым), дают они тебе (т. е. мертвому царю) воду в (праздники) главизн (т. е. начал) месячных, в (праздники) главизн полумесячных. Даешь ты великим, ведешь ты малых. Два ребра тебе с бойни Предстоящего западным в качестве твоим владыки (бытия в) чести» (АР:№ 811). Во втором заклинании «ведешь», имеющее прямое соответствие в «даешь», предваряемое спереди заявлением о жертве-питье и сопровождаемое сзади пожеланием мяса, несомненно, тоже касается пищи. В первом заклинании связь слова «ведет» с пищей менее очевидна, но предшествующие заверения касательно устройства умершим своим небесным благодетелям, поместившим его в сытное поле жертв, богатого угощения заставляют подозревать, что и заключительные слова имеют отношение к еде. В самом деле, упоминание здесь водительства мертвого царя по отношению к жителям поселений в смысле руководства или управления было бы неуместным.

В словаре для глагола *сшм* «вести» указаны, между прочим, такие значения: «препровождать кого-нибудь [к еде] = =обеспечивать его едою. Пирамиды; греческое время»⁶; «препровождать, направлять что-нибудь кому-нибудь.— Особенно: а) направлять, подносить жертвы, кушанья. Также с *н*: кому-нибудь» и т. д.; «без объекта... с *н* лица... б) кому-нибудь принести в дар» и т. д.⁷ Ср. там же среднеегипетское существительное *сшм*: «как выражение в расчетах: „распределение“ или сходное. Особенно также в сочетании:... „распределение из этого количества [т. е. из указанных до того поступлений]“»⁸. Первое из только что приведенных особых значений глагола *сшм* как нельзя лучше подходит к обоим местам из пирамид-

⁴ Там же, Bd. 4, с. 288.

⁵ Там же, с. 289.

⁶ Там же, с. 286.

⁷ Там же, с. 287.

⁸ Там же, с. 290; подробнее об этом среднеегипетском *сшм* см.: Scharff A. Ein Rechnungsbuch des Königlichen Hofes aus der 13. Dynastie (Papyrus. Boulaq № 18).— ZASA. 1922, Bd. 57, с. 51—68.

ных надписей: «даешь ты великим, ведешь (к еде) малых», «ведет (к еде) *Пйпй* тех, что в поселениях». Смысл этих выражений превосходно поясняет гробница *К'-гм.н.(й)*, где выдача рыбы из имевшего места улова рабочим дружинам через посредство их начальства названа «отведение (*сшм.т.* т. е. распределение) рыбы соединению дома собственного» (MG I:XX—XXI и 20; подробнее об этом изображении см. § 32).

У *К'-гм.н.(й)* в числе получателей рыбы мы видим не только четверых «распорядителей ватаг» и шестерых «наставников ватаг», принимающих рыбу, но и двух мужчин, наверное рядовых ватажников, уносящих ее с возгласом: «Насыщены мы». Эти двое являются, таким образом, непосредственными доставщиками выданной работникам пищи. Доставщиков пищи работникам мы видим и на других гробничных изображениях: в гробнице *Ибйй* суму с чем-то и корзину с пивом мужчина с нечиновным обличем несет медникам, золотарям, изготовителям украшений из ценного камня (RTDG I:XIII—XIV), ср. также чиновное (?) лицо, доставившее жнецам птиц, молоко и теленка, в гробнице *Пйпй-снх* Среднего (RTM IV:XIV) и довольно частый возглас жнецов: «Пиво ко (мне). Жну (я) ячмень (для пива)» (гробницы *Пйпй-снх* Среднего, RTM IV:XIV; *Мрр-в(й)-к'*, MM II:CLXVIII; *Хътп-хър'-хт*, DAR:XXI=MAE:347). В гробнице *Пйпй-снх* изображены трое мужчин нечиновного вида, несущие всевозможную снедь медникам, ваятелям, изготовителям каменной посуды и украшений, а спереди написано: «Доставка вещей (т. е. яств, с определителем хлеба) мастерам» (RTM IV:XVI).

Однако *сшмв* пирамидных надписей не могут быть доставщиками или «препроводителями» пищи работникам. Во-первых, в вельможеских гробницах нет никаких указаний, что доставщики составляли особый разряд работников, а не были теми же производителями, случайно, на данный раз, выделенными для доставки пищи; чиновное, судя по выступающему переднику, лицо у *Пйпй-снх* Среднего названо не *сшмв*, а «честным (мужем) царевым *Ттй-снх*». Во-вторых, «водители» пирамидных надписей доводят не пищу до питаемых, а питаемых до пищи, иначе «ведение» имеет своим предметом людей, а не еду: царь «ведет» малых, царь «ведет» обитателей поселений. При этом «ведению» подвергаются одни низкопоставленные, «малые» да поселяне: «великих» не «ведут», «великим» «дают». Соответственно и служебное обозначение *сшмв* «водитель» приложено в пирамидах дважды к лицу, кормящему «(небесный) народ», тогда как у владетельных небожителей соответствующее лицо оказывается оба раза «чашником»: «чашник богов, водитель (небесного) народа» (в одном из пирамидных заклинаний мы находим еще «чашника Хора», AP:№ 560). Таким образом, в «водителях» можно видеть лиц, «приводивших» подчиненных получать еду. О приводе целого соединения для наделения, правда, не пищею, но одеждою мы читаем в

письмеце из каменоломен: «Было доставлено писание привратного судьи (т. е. главного судьи), правителя (т. е. верховного сановника) рабу (*б'к*) там, чтобы доставить соединение отрядов *P'-в* (т. е. каменоломен супротив Мэнфе), чтобы одеть обок (*с*) ним (т. е. в его присутствии)...» (ASAE XXV:242—255=JEA XIII:75; полный перевод см. в § 7). Однако из пирамидных надписей следует, что «водители» не только приводили своих людей за пищей, но снабжали их ею, давали им ее. Слова «вещ(и) (т. е. яства) водителям» будут, таким образом, означать скорее, что еда дана «водителям» для передачи, чем то, что она дана в их пользу. Это было бы и последовательнее под углом зрения задач пирамидных заклананий, преследовавших одну цель: благополучие властителя, а не благополучие его слуг.

Надписи в двух других пирамидах видоизменяют «вещи водителям» в «вещи *хэмв*», тем самым приравнивая *хэмв* к «водителям». Очевидно, яства передавались *хэмв* для приготовления или подачи. Заниматься этим могли, естественно, обыкновенные служители, которым для этого совсем необязательно было быть невольниками. Поэтому, выходит, и пирамидные надписи под *хэмв* могли подразумевать не рабов и даже не производителей, а слуг вообще.

В заключение еще один случай употребления слова *хэм* в Старом царстве, позволяющий как будто косвенно заключить о рабовладельческом содержании этого слова. В гробнице упомянут некий «*хэм* двойника, распорядитель полотна *Хэм-нб.ф*» (MAE:381). Конечно, нет причины считать этого поминального жреца (о положении таковых см. выше и в § 12), заведующего вельможеским бельем, невольником, но и имя его любопытно, так как значит «*хэм* владыки своего». Поскольку «владыка» означало также «владелец», «хозяин», может показаться на первый взгляд соблазнительным понять это имя как «раб своего хозяина». Однако, вдумавшись, нетрудно заметить бессодержательность такого перевода, если под «рабом» понимать невольника. В самом деле, что значило бы «невольник своего хозяина», какое полезное последнему качество так названного или какую его добродетель выражало бы оно? Всякий невольник есть невольник своего хозяина уже в силу того, что он невольник, и такое имя походило бы на пустословие. Иное дело, если *хэм* значило здесь «слуга»: «слуга владыки своего», исправный и рачительный, это уже дает смысл. Но еще осмысленнее зазвучит имя, если мы вспомним, что *хэмв*, слугами царя обозначались его сановники. «Слуга» в смысле «исполнителя, проводника воли» «владыки своего», его «доверенного» — выразительное имя для вельможного приспешника. А что такое толкование недалеко от истины, на то указывает как будто сопроводительный знак-изображение к слову *хэм* внутри нашего имени: сидящий мужчина с лопатообразным жезлом в руке. Подобные жезлы — деревянный образчик такого рода

был найден в одной гробнице (G III:226—227) — служили всегда знаком известной власти над людьми или хотя бы над животными (см. § 15—17).

§ 7. б'к

В переносном употреблении слово б'к встречается в староегипетских надписях несоизмеримо реже, чем х'м, потому что совершенно отсутствует в титлах и лишь в виде исключения бывает в именах. Зато внетитловое и внеименное употребление слова б'к в переносном смысле представлено хорошо, много лучше соответственного употребления слова х'м. При этом замечательно, что в отличие от х'м в любых его переносных значениях употребленному в переносном смысле староегипетскому б'к почти всегда присущ оттенок приниженности.

Самоуничижительное обозначение себя в письмах как «б'к там» вроде русского «Ваш покорнейший слуга» было принятым уже в Старом царстве. Так, военачальник, распоряжавшийся при VI царском доме в каменоломнях подле столицы, писал еще более высокопоставленному, чем он сам:

«Распорядитель войска сказывает: Было доставлено писание привратного судьи (т. е. главного судьи), правителя (т. е. верховного сановника) б'к там (о том), что доставить соединение отрядов Р'-в (т. е. каменоломен против Мэнфе), чтобы одеть обок (с) ним (т. е. в присутствии его)..., а б'к там говорит против требования... ущерб работе это в руке б'к там... Сказывает б'к там: Дай знать тому, кто при свитке» (письмо на папирусе, ASAE XXV:242—255=JEA XIII:75—78). Неуничижительными самообозначениями в письмах служили в конце Старого царства «писец там» и — для родни — «сын твой там» (ELDMOMK:II=II A), «брат твой там» (HPKMB:II—III=JEA XXVIII:17=ХДИТ:1—2).

Самообозначение «б'к там» встречается и вне писем. Областной князь Йэба С'б.н.й в обстоятельном повествовании о своем путешествии за южный рубеж государства называет себя так несколько раз, но только к концу рассказа, когда речь заходит о царе и его милости к отличившемуся путешественнику: «Пожаловали б'к там в величестве дворца. И б'к там {восслав}ил (?) бога (?) в пользу (?) царя, ради величины пожалования [б']к там властелином (??), коего сопровождал (т. е. обслуживал?) (я) (?)... И сказал (?) ——— б'к(у?) там... Дали (мн)е пашни сот (1 сот — свыше 2700 кв. м) в Земле низовья (и) Верховье как хнт-ш (пирамиды) „Пребывает (и) жив Нфр-к'-р“ — — —, чтобы пожаловать б'к там» (гробница С'б.н.й, UAR:139—140).

Также и другой именитый путешественник — областной князь Йэба Хв.ф-х'р в длинном своем гробничном рассказе о странствованиях называет себя «б'к там» только тогда, когда начинает говорить о возвращении из-за южного рубежа ко

двору: «И поплыл вниз по течению б'к там к (царскому) местожительству» (UAR:127).

Зайскивающим скромничаньем отдаёт зачисление себя в б'кв большими господами, когда они в своих усыпальницах просят посетителей прочесть для них поминальное заклинание.

Князь и видный придворный Нй-нйñй взывает: «О живые, что на земле, б'кв, подобные мне, что будут сопровождать (т. е. обслуживать) бога (вероятно, местного бога Эбота), что скажут: тысяча хлебом, тысяча пивом, тысяча быками, тысяча птицею князю исправному... предводителю (по части) (царского) седалища (в столовой), предводителю (по части) черного сосуда (у царя же), (царскому) другу единственному, приставнику венца (при облачении царя) Нй-нйñй» (UAR:112).

Тому вторит областной князь Дж^{св}: «О живые, что на земле, б'кв, подобные мне! Любимые царем это, жалуемые богом их городским, те, что скажут: тысяча хлебом, пивом, быками, птицею, алавастро(выми сосудами с умашением), одеждою Дж^{св}, сыну Дж^{св}» (UAR:147).

В своих гробничных жизнеописаниях вельможи тоже неоднократно выставляют себя б'к. Иногда самоуничижение явственно не выражено.

Крупнейший сановник Внй пишет: «[Поставило меня величество] его судьей, приставником (города) Нхн — сердце его полно было (мною) (т. е. он полагался на меня) больше, чем б'к (другим) всяким» (UAR:99).

С'бв, по прозванию Йбб, представлял себя так: «Современник сына солнца Ттй, величайший (из) предводителей мастеров, честимый царем больше б'к (другого) всякого в тайне (т. е. хитрости) работы всякой, кою облюбовало величество его сотворить, сдобрывающий (т. е. осчастливливающий) сердце владыки своего повседневно, великий (среди) предводителей мастеров С'бв» (UAR:82) и далее: «Современник сына солнца Ттй — жив он вечно! — величайший (из) предводителей мастеров, честимый царем больше б'к (другого) всякого, (когда) спускался он в корабль всякий, обеспечивавший охрану, (когда) вступал он на дороги дворца верхового в праздники всякие (царского) воссияния, великий (среди) предводителей мастеров, верховный жрец солнца С'бв» (UAR:83; сходное, но для царствования Внйс, UAR:81).

И то и другое заявления были сделаны уже за несколько царствований раньше царским зятем Птхъ-шпсс (UAR:52), который добавляет: «[Честимый царем больше б']к (другого) всякого, (когда) спускался он в (корабле) „Возносящий богов“ в праздники всякие (царского) воссияния, возлюбленный владыки своего, Птхъ-шпсс» (UAR:53), а до того еще: «[Честимый царем больше б']к (другого) всякого. А пожаловало его величество его за вещь: дало величество его лобзать ему ногу свою, не давало величество его лобзать ему землю — Птхъ-шпсс» (UAR:52—53).

Но и для такого маловыразительного словоупотребления показательно, что, когда вельможа, тот же самый *Птхъ-шпсс*, столько раз называвший себя *б'к*, говорил о себе как родне-фараона, место *б'к* занимал «человек»: «Дало ему величество его дочь цареву старшую *Хс-м'с*т в жену его — возлюбил величество его, (чтоб) была она с ним больше, чем (с) человеком (другим) всяким, *Птхъ-шпсс*» (UAR:52).

К тому же «маловыразительное» употребление слова *б'к* чередуется с вполне выразительным и самоуничижительным, так что имеются все основания полагать, что самоуничижительный привкус был присущ этому слову и там, где он не был оттенен намеренно. *С'бв*, по прозванию *Ибб*, пишет: «А пожаловало меня величество его: дало величество его входить (мне) во внутренние покои. Дал он * во всем, в чем находил (я) дорогу. Никогда не было сотворено подобного *б'к* всякому, подобному (мне), властелином, владыкой (моим), потому что любил меня величество его больше *б'к* своего (другого) всякого ради творения жалуемого им повседневно, потому что был (я) в чести в сердце его; горазд был я у величества его — находил (я) дорогу в хитрости (т. е. хитром деле) всякой (царского) местожительства, честимый величеством его» (UAR:83—84).

Особенно часты уничижительные замечания касательно *б'кв* у *Внй*: «[Ист]ребовал я из руки величества владыки (моего), (чтобы) доставили (мн)е камня белого гроб из (камено-ломен) *Р'-в* (против Мэнфе). Дало величество его пересечь (реку) казнохранителю бога (т. е. фараона) с соединением снаряжителя (т. е. начальника) корабля под рукою его, чтобы доставить (мн)е гроб этот из *Р'-в*. Прибыл он с ним на грузовом судне большом (царского) местожительства с дверью (т. е. крышкой) [своею], ... 1 плитой для возлияний. Никогда не было сотворено подобного *б'к* (другому) всякому. А был горазд (я) в сердце (т. е. в представлении) величества его, был приятен (?) (я) сердцу величества его, полно было сердце величества его (мн)ою (т. е. полагалось на меня)» (UAR:99—100).

«Послало меня величество его впереди войска этого... Открыто было (мн)е число соединений этих. Никогда не открывали *б'к* (другому) всякому» (UAR:102—103).

«(Когда) был (я) спальником (?) двора большого (т. е. дворца) (и) носителем (царской) обуви, поставил меня царь (и) государь *Мр-н-рс*, владыка (мой), — жив он вечно! — князем, распорядителем Верховья, впереди (т. е. на юге) до *Йэба*, на севере в *Мнджит*, потому что горазд был (я) в сердце (т. е. представлении) величества его, потому что приятен (?) был (я) сердцу величества его, потому что полно было сердце величества его (мн)ою (т. е. полагалось на меня). Когда (я)

* Ю. Я. Перепелкин оставил без перевода слово *снхв*. Примерный смысл его ясен — «жизненный успех».

был спальником (?) (и) носителем (царской) обуви, жаловало меня величество его за бдительность, за обеспечение охраны, сотворившееся мною на месте остановки (в пути), больше сановника его всякого, больше знатного [его всякого], больше б'к его всякого. Никогда не была сотворена должность эта (распорядителя Верховья) б'к всякому искони» (UAR:105—106).

Сопоставление б'к с сановником (*ср*) и знатым мы находим у *Внй* еще дважды: «Слушал (я) вещь, будучи один с верховным судьей-правителем в тайне всякой — — — именем царя, женского дома царева, 6 дворов великих (судебных), потому что полно было сердце величества его (мн)ою больше, чем сановником его всяким, больше, чем знатым его всяким, больше, чем б'к его всяким (т. е. полагалось на меня больше, чем на таких-то)» (UAR:99).

«Вели дело в женском доме царевом против жены царицы, великой * втайне. Дало (распоряжение) величество его спуститься мне, чтобы слушать, будучи одним — не было привратного судьи (т. е. главного судьи), правителя всякого, сановника всякого тут, кроме (меня) одного, потому что гораздо был (я), потому что приятен (?) был (я) сердцу величества его, потому что исполнило величество его сердце свое (мн)ою (т. е. полагалось на меня). Я (был) претворявшим в письмо (т. е. ведшим запись), будучи один, с судьей-приставленным (города) *Нхн* одним, а должность (моя) была — распорядитель *хнт-ш* дома большого (т. е. дворца). Никогда подобный (мне) не слушал тайны дома женского царева искони, однако дало (распоряжение) величество его слушать (мне), потому что гораздо был (я) в сердце (т. е. в представлении) величества его больше, чем сановник его всякий, больше, чем знатный его всякий, больше, чем б'к его всякий» (UAR:100—101).

Слова «Никогда подобный (мне) не слушал тайны дома женского царева искони», сопоставленные с приведенными раньше заявлениями той же надписи: «Никогда не было сотворено подобного б'к всякому», «Никогда не открывали (числа соединений) б'к всякому», «Никогда не была сотворена должность эта б'к всякому искони», еще отчетливее выделяют самоуничижительный смысл б'к в подобных местах у *Внй* и других сановников. Упорное помещение б'к после «сановника» и «знатного» также указывает на скромное общественное положение. Надо, однако, отметить, что ни в одном из приведенных переносных употреблений б'к не должно обязательно значить «раб» (фараона); значение «слуга, служащий» не только повсюду вполне приемлемо, но иногда прямо предпочтительней. То же можно сказать о следующем сравнении. Царевичу *К'-м-чнт*, очевидно, от имени его отца, фараона *Иссий*, говорится в гробничной надписи: «— — — сотворением тебе вещи

* Чтение пропущено, вероятно, из-за уникальности словосочетания.

всякой, сотворяемой б'к, любимому владыкой своим» (UAR: 182). Правда, слово «владыка», значащее по-египетски и «владелец», могло бы predispose к переводу здесь б'к как «раб», однако и «слуга, любимый своим господином» дает хороший смысл и даже определенно предпочтительнее, так как нб «владыка» написано с сопроводительным знаком сокола на переносной подставке, т. е. относилось к лицу, почитавшемуся за божественное, именно к фараону.

Иначе обстоит дело с непереносным употреблением слова б'к и особенно производного от него глагола б'к «порабощать». В двойной надписи в своей гробнице судебный чиновник и военачальник Хвв-вр говорит о себе: «Я — приводящий мир, сотворивший бытие в чести, возлюбленный отца своего, возлюбленный матери своей, состоящий в чести у тех, кто с ним (т. е. у своих товарищей), сладостный для братьев (и сестер) своих, возлюбленный б'кв своих, который никогда не сотворил при (?) с людьми всякими» (UAR:46—47).

Перевод б'к словом «раб» здесь сам собою отнюдь не напрашивается, но в завещании или распоряжении касательно поминальных жрецов некоего неизвестного нам по имени придворного такой перевод достаточно естествен: «Не даю (я) властными быть — — — [братьям (моим)], сестрам (моим), отпрыскам (моим) всяким, наставникам слуг двойника (т. е. поминальных жрецов), надсмотрщикам слуг двойника [в] — — — [пашн(е?)], люд(е?), вещь(и?) всякой, сотворенных (мн)ою им (т. е. поминальным жрецам), чтобы возглашать (т. е. приносить поминальную жертву) мне с помощью (того), в б'кв (мужского рода) и[x], [б'квт (женского рода) их, в] братьях их, сестрах их помимо возглашения мне [с помощью (того) на том, что под богом (т. е. на кладбище у подножия царской пирамиды), в] гробнице (моей) собственной, которая в (месте пирамиды) „Велик Х^c.ф-р^c“, согласно тому, как предназначил (?) (я) пашню, люд, [вещь всякую, сотворенные (мн)ою им, чтобы возглашать (мне)] с помощью того. Не дал (я) властну быть слуге двойника всякому личному (моему) (от)дать пашню, люд, [вещь всякую, сотворенные (мн)ою им, чтобы возглашать мне] с помощью (того), в возмещение (т. е. продать в оплату за что-то) людям всяким, (от)дать по завещанию людям всяким, кроме как если дад[ут они детям своим], или тому, кто поделится (в отправлении поминальной службы) со слугою двойника определенным (?) из слуг двойника этих» (UAR:11—13).

К выделенным в условное владение поминальным жрецам — в оплату за службу — пахотной земле, людям и «вещи всякой» завещатель возвращается еще дважды в своей надписи:

«(Что) до слуги двойника всякого личного (моего), что вчинит вещь (т. е. дело) против сотоварища своего, (причем) сотворит грамоту подложную (?) против слуги двойника, [(дабы) отвратить надел], что под ним, ради нее, взяты будут

из руки его пашня, люд, вещь всякая, данные (мн)ою ему, чтобы возглашать мне с по[мощью] (того) — — —» (UAR:13).

«(Если) выйдет он (т. е. поминальный жрец всякий) на другую службу, надел, что под ним, (будет) (жреческой) чередой, при котор[ой он (состоял) — — — — —] пашни, люда, вещи всякой, сотворенных (мною) им, чтобы возглашать мне с помощью (того) в гробнице (моей), которая на [том, что под богом (т. е. на кладбище у подножия царской пирамиды) в (месте пирамиды) „Велик Х^c.ф-р^c“]...» (UAR:13—14).

Таким образом, согласно завещанию, у поминальных жрецов вельможи могли быть работники двух родов. Одни работники — это те «люди», которых вельможа выделяет жрецам за службу вместе с землей и «вещью всякою» и которыми те могут пользоваться, пока состоят на службе: при уходе жреца с нее люди вместе с недвижимостью и движимостью отходят к той чередой поминальных жрецов вельможи, по которой жрец числился, — очевидно, для передачи тому, кто заступит ушедшего. Эти «люди», несомненно, подневольные, притом совершенно порабощенные и глубоко бесправные, так как частное лицо не только выделяет их вместе с землей и вещами из своего достояния в обеспечение навеки своей личной поминальной службы, но и запрещает завещать их на сторону и — что особенно важно — продавать. Иначе — эти «люди» или настоящие рабы, или совсем близки к ним. Но эти «люди» принадлежат работодателю, однако у поминальных жрецов имеются и свои работники, названные особо от «людей», выделенных в условное владение вельможею. В отличие от тех они обозначены не словом *рмч* «люди», а словами *б'к* и, вероятно, *б'кт* (женское производное от *б'к*); что в пробеле стояло *б'кт*, весьма вероятно ввиду последующего «братья их, сестры их», где налицо именно чередование мужского и женского обозначений от одного корня (*снв.сн*, *снвт.сн*). Что братья и сестры проживали часто в полузависимом положении при состоятельных братьях, показано в ЧСПЕСЦ:25—33. При обычае наследования отцовского имущества старшим сыном такие обделенные братья и сестры, приживальщики, исполнявшие те или иные поручения старшего брата, должны были быть обычным явлением. Но кто *б'к* и [*б'кт*], упомянутые перед братьями и сестрами?

Малоправдоподобно, чтобы у таких скромных частных служащих, как поминальные жрецы (см. о них § 12), были вольнонаемные же служащие. Это выглядело бы тем страннее, что работодатель передавал в распоряжение поминальных жрецов подневольную рабочую силу. Да и сам запрет завещателя своей родне и начальству поминальных жрецов пользоваться собственными работниками последних предполагает как будто более тесную связь между ними и их работниками, чем вольный наем, и невозможность для этих работников свободно распоряжаться собою. Тем самым всего проще и естественнее предпо-

ложить, что собственные б'к и [б'кт] поминальных жрецов были их рабами.

«Порабощать» в точном смысле слова означал, по всей видимости, и глагол б'к, одного корня с существительными б'к и б'кт.

Обращаясь к «людям всем Горы змеи», области, которую он правил, а затем и к «гл[авам большим (т. е. областеначальникам)] других областей» и «тем, кто пройдут мимо гробницы», князь Хънкв писал в ней на самом исходе Старого царства: «Я — состоящий в чести, возлюбленный отцов, жалуемый матерей, погребатель старцев, разрешавший си[рот] ваших — — —, влекший вас поверху протока (?), защищавший вас в палате сановников (судей?). Никогда не порабощал (я) дочери одного из вас — — — — — руки ее ко (мне). Не налагал я пут (ни) на одного — — — — — в месте этом, в котором я (был)» (UAR:76—77=RTDG II:XXIV—XXV).

Местоимение «вы» имеет здесь в виду, несомненно, население области, где княжил Хънкв, притом то население, которое поработать можно было только незаконным образом, иначе — нерабское население. Слову «порабощать» придан сопроводительный знак — изображенье, зрительным способом намекающий на смысл глагола. Это изображение сидящей женщины с чертою поперек шеи — скобою или каким другим видимым признаком порабощения. То обстоятельство, что, заявить: «Никогда не порабощал (я) дочери одного из вас» — пришлось на ум составителю надписи после объявления себя защитником населения в палате сановников, наводит на мысль, что князь оправдывался перед подданными в незаконном порабощении их дочерей при содействии продажных судов или управлений. Как бы то ни было, знак женщины с перекладиной поперек шеи слишком красноречив, чтобы здесь можно было б' под глаголом б'к разуместь что-нибудь другое, как «превращать в раба», «порабощать» в самом точном смысле.

Немногом раньше глагол б'к подобным же образом употребил в своем гробничном жизнеописании Мрй-р^c-мрй-птхъ-снх. Рассказывая о своих молодых годах, проведенных при старшем брате, он так описывает свое хозяйствование в его владении:

«И назначили его (т. е. старшего брата) топорщиком царевым — строителем, (и я) властвовал [для] него (над) городом (т. е. управлял принадлежащей брату деревней) — творил (я) для него вещь всякую (т. е. всё) в нем (т. е. в городце) гораздо.

И назначили его другом (царевым) единственным (высокий придворный чин), топорщиком царевым — строителем в обоих домах (т. е. в обеих половинах царства), (и я) считал для него им[уще]ство его всякое — (в) большо(м числе была) вещь в доме (т. е. хозяйстве) его против дома (другого) сановника всякого.

И назначили его распорядителем работ, (и я) повторял

(т. е. передавал) речь его всякую там согласно с тем, за что он жаловал (т. е. к полному его удовлетворению).

И вот [чита]л (я) для него вещь в доме собственном его. сроком (в) 20 лет.

Никогда не бил я человека всякого там до (того, чтобы) явился он павшим под пальцами (моими).

Никогда не порабошл (я) людей всяких там.

(Что) до людей всяких там, с коими (я) сносился там, (то) я умиротворял их. Никогда не провел (я) ночи, дуясь там на людей всяких.

Я был дававшим лекар[ство] (??), одежду, хлеб, пиво. н[агом]у (и) голодному всякому там» (UAR:216—217).

По тому, что «человечностью» при палочных расправах и уважением к «свободе сограждан» составитель надписи похвывается сразу же после того, как подвел итог своему 20-летнему управлению братним хозяйством, можно легко предположить, что в беспощадном избиении и порабощениях посетители гробницы могли заподозрить его именно как управляющего. Это тем вероятнее, что только у нашего бывшего управляющего, состоявшего властелем братнего селения, и областного князя Хнкѣв, тоже имевшего в силу своего положения власть над населением, мы вообще встречаемся с самооправданием в возможном порабощении людей, а с заявлением о милосердии при палочных наказаниях только в данном жизнеописании, так как подобные расправы были, можно думать, одним из главных дел управляющих. Потому вполне возможно, что наш управляющий старался обелить себя в глазах читателей от подозрений в порабощении подначального населения, жителей «городца», повадке, очевидно хорошо известной посетителям как раз у такого рода деятелей. Притом, судя по написанию слова «люди» за глаголом «порабощать» тремя изобразительными знаками — двумя изображеньицами мужчины и одним изображеньицем женщины, отрицалось не только порабощение женщин, как у Хѣнкѣв, но и мужчин. Если речь шла о порабощении мужчин и женщин из числа жителей деревни («городца»), то положение этих селян было уже само по себе настолько пониженным, что дальнейшее их порабощение могло быть только порабощением в полном смысле слова, т. е. превращением в настоящих рабов.

Таким образом, имеются основания думать, что староегипетское существительное б'к было ближе к русскому «раб» в точном его смысле, нежели слово хѣм в его староегипетском употреблении. Подтверждение тому можно видеть, пожалуй, и в исключительной редкости в Старом царстве имен, сложенных из слова б'к и имени того или иного египетского божества, в полную противоположность многочисленности подобных имен с хѣм. В обстоятельнейшем словаре личных египетских имен Х. Ранке мы найдем всего одно имя, сложенное с б'к, от имени Старого царства, притом отмеченное издателем только на

двух памятниках: *Б'к-н-птхъ* «*б'к Птаха*»⁹. Очевидно, *б'к* менее годилось тогда для выражения отношения почитателя к своему божеству, чем *хъм*. И действительно, *б'к* было неупотребительно в Старом царстве и для обозначения жрецов. Мне по крайней мере не известно ни одно жреческое титуло того времени, которое включало бы в себя слово *б'к*. Может быть, не лишено значения и то, что единственное староегипетское имя с *б'к*, притом засвидетельствованное дважды, выставляет своего носителя как *б'к Птаха*. Бог столичного Мэнфе имел свое особое лицо, отличное от прочих староегипетских божеских образов, потому что его жречество — а через него и он сам — было теснейшим образом связано с руководством фараоновской ремесленной промышленностью (см. § 27). Это находило себе отражение и в личных именах. Такое имя, как *Н(й)-хъмвт-птхъ* «Тот, кто от мастерства,— Птах», могло возникнуть только в кругу представлений, связанных с этим божеством ремесел. Хотя слову *б'к* присущ был оттенок «работник» в не меньшей, если в не большей мере, нежели оттенок «слуга», появление имени с *б'к* на почве почитания «работного» бога того времени, и притом только на ней, не было бы уж неожиданностью. Судя по словарю А. Эрмана—Х. Грапова, глагол *б'к* «работать» засвидетельствован лишь со Среднего царства. Потому *нет причины считать занимающее нас староегипетское существительное производным от этого глагола. Напротив, мы имеем здесь скорее обратное развитие — от существительного к глаголу*, как и в славянском «раб—работа—работать».

К несчастью, наличные примеры недостаточны для определения различия между словами *хъм* и *б'к* в староегипетском с большей точностью. Это тем досаднее, что и слово *б'к*, как можно было убедиться на ряде примеров, *не исчерпывается в своем значении понятием «раб»*, хотя и больше приспособлено для выражения его, чем староегипетское *хъм*. Очевидно, по одним засвидетельствованным случаям употребления *хъм* и *б'к* нам не установить с достоверностью их смысла в Старом царстве, и проясниться он может, только если удастся иными путями разобраться в положении подневольных людей вообще в те времена. *Удобства ради* мы будем впредь передавать условно *хъм* как «слуга», а *б'к* как «раб».

§ 8. Последователи (*хтв*)

О существовании в Старом царстве подневольных «последователей» (*хтв*) мы узнаем из письма на тот свет, написанного на полотне около конца VI царского дома. Пишут умершему его вдова с сыном, прося защитить их от обидчиков

⁹ Ranke H. Die ägyptischen Personennamen. Bd. 1: Verzeichnis der Namen. Glückstadt, 1935, с. 91, № 6.

(родственников?), завладевших оставшимся после него имуществом. Письмо довольно длинное, и мы ограничимся приведением мест, имеющих непосредственное отношение к «последователям».

«Сестра, сказывающая брату своему („сестра“ и „брат“ равнозначны здесь „жена“ и „муж“), сын, сказывающий отцу своему: ...Смотри же, *В^{сбвт}* пришла с *Иссй*. Разорил(а?) дом твой, взяла она вещь всякую, бывшую в нем, чтобы укрепить (т. е. обогатить) *Иссй*: возлюбили они сделать убогим сына твоего укреплением сына *Иссй*. Взяла она *И'ст*, *Итй*, *снхй*. Смотри, она берет последователей всех величества твоего после взятия бывшего всего в доме твоём. Будет ли сердце твое холодно к тому? Возлюбила б (я), (чтобы) доставил ты к себе (т. е. на тот свет) бывшего здесь рядом с тобой, лучше, чем видеть (мне) сына твоего при сыне *Иссй* (в зависимом положении). ...Да обоснует сын твой дом твой, как обосновал ты дом отца твоего...» (ELDMOMK:I=I A).

Люди, которых забрала обидчица,— три женщины, как видно по сопроводительному знаку женщины под каждым именем и женскому окончанию первого из них. Не приходится сомневаться в том, что эти три женщины или составляли «последователей всех» покойного¹⁰, или входили в число их. Однако «последователями» могли быть и, надо полагать, бывали мужчины, потому что сопроводительные знаки, приданные слову, изображают мужчину и женщину—с последующими тремя черточками множественного числа—и само слово не имеет женского окончания, является мужским и должно читаться во множественном числе. Ниоткуда не следует, что «последователи», имевшиеся в доме вдовы, были только прислужницами, а не производителями. Беззащитные вдова с сыном были, наверно, людьми скромного положения, и трех служанок для удовлетворения одних личных потребностей было б им как будто многовато. Естественно видеть в этих «последователях» трех рабынь, так как их приходят и забирают в другой дом, как прочие вещи, отобранные обидчиками. Чтобы то были подневольные женщины в духе работавших на больших господ и не бывших настоящими рабынями (см. § 6, 7), невероятно ввиду скромного общественного положения хозяев.

§ 9. Долговое рабство

Предположительному распространению этого вида рабства в Старом царстве присваивается иногда решающее влияние в деле порабощения местного населения¹¹, но, строго говоря, у

¹⁰ Gardiner A. H., Sethe K. Egyptian Letters to the Dead, с. 2, 16.

¹¹ Ср. в особенности: Черезов Е. В. Социальное положение *mr.t* в храмовом хозяйстве Древнего царства.—Вестник древней истории. 1951, 2(36), с. 40—46.

нас нет прямых указаний не только на распространенность тогда долгового рабства, но даже на само его существование. Это, разумеется, не значит, что его не было, и неоплатные должники, на которых ссылаются в доказательство его распространенности¹², действительно были обычным явлением в конце Старого царства.

Хвалясь благодеяниями, оказанными населению подвластной области, князь Этбо *Мрй.й-р^c-нфр* повествовал в своем гробничном жизнеописании: «Давал (я) хлеб (и) пиво голодному, одежду нагому, какого находил (я) в области этой. Давал (я) крынки молока. Отмеривал (я) ячмень верховый из дома собственного (моего) голодному, найденному (мною) в области этой. (Что) до человека всякого, найденного (мною) в области этой (с) зерновой ссудой от другого за ним, (то) я — возмещавший ее владыке (т. е. хозяину) ее из дома собственного (моего). Я — погребавший человека всякого области этой, у которого не (было) сына, в одежде (т. е. саване) из имущества собственного (моего)» (UAR:254—255=ASAE XVII:136).

Окружающие самовосхваления отнюдь не побуждают распространять заявление о погашении зерновой ссуды за должников самим князем из своего имущества на одно только голодное время. Впечатление скорее таково, что князь хвалится постоянною помощью неоплатным должникам, так что они стали уже повседневным явлением, а зерновая задолженность — общественным злом. В таком понимании способно утвердить письмо, написанное на исходе Старого царства неким *Шпсй* на тот свет отцу с просьбою защитить от потусторонних козней покойного же брата и свидетельствующее о распространенности ссуд даже среди ближайших родственников. В письме мы, между прочим, читаем: «...будет ли твориться против меня в присутствии твоём без (чего-либо), сотворенного (или) сказанного сыном твоим там (т. е. мною), братом (моим)? Погреб (я) его, доставил (я) его из Й — — —, положил его посреди сотоварищей его по пустыне (=кладбищу), хотя ячменя верхового 30 (?) четвериков (1 „четверик“ = 4,785 л) было за ним как ссуда: одяние, *мнв* 1, ячменя верхового 6 четвериков, льна *шн* 1... (?), чаша, — хотя сотворил (я) ему то, чего не было сотворено (раньше). Сотворил он это против сына твоего там (т. е. меня) дурно, дурно, потому что сказал ты сыну твоему там (т. е. мне): „Останется имущество (мое) все за сыном (моим) *Шпсй*“. Смотри, пашни мои взяты *Шр*(?)'овым сыном *Хънв*...» (ELDMOMK:II—II A). Пишущий являлся наследником всего отцовского имущества, а предполагаемый потусторонний обидчик — обездоленным братом. Общая стоимость ссуды, выраженная, по распространенному в Старом царстве обычаю, в зерне, невелика, как невелико и количество ссуженного: одежда, немного ячменя, немного

¹² Там же, с. 44.

льна, сосуд и какой-то неизвестный предмет. Очевидно, брат-бедняк нуждался в самом необходимом и, заняв у состоятельного брата, так и не мог вернуть до самой смерти. Для жесткости тогдашнего подхода к должнику показательно, что брат вменяет себе в заслугу, что похоронил брата, задолжавшего ему ничтожную ссуду.

§ 10. Иноплеменные невольники

Изображения иноплеменных слуг — большая редкость в староегипетских вельможеских гробницах. Эти изображения легко опознаются по неегипетскому облику изображенных и по надписаниям, выделяющим племенную принадлежность их. Два таких изображения находятся в гробнице *Нс-нфр* и представляют: верхнее — «эфиопа-казнохранителя *Снб*», нижнее — «эфиопа-проводжатога *Мрй*» (G III:вкладной лист между 166 и 167). Оба эфиопа с длинными прическами, первый — с боковыми прядками неегипетского образца, второй — с бородкою под подбородком. У каждого по повязке вокруг головы. У нижнего бедра обернуты тканью с петлистым узором, совершенно не по-египетски. Одежда верхнего прикрыта полотнищем с тесьмой в верхнем углу, — несомненно, хозяйским облачением, которое ему как «казнохранителю», следовательно, слуге, заведовавшему в первую очередь господским бельем (см. § 30), и пристало носить за господином. Соответственно и нижний эфиоп, как подобало «проводжатому», несет через плечо дорожный бельевого мешок, а в руке — ведро с кистью для омовения или освежения господина в пути¹³. Сходным образом выступает «эфиоп *Хърсй*» в гробнице *Хътп-си'т* (DAeAe II:XXIII). Прическа вроде как у «казнохранителя», бородка — как у «проводжатога», вокруг головы повязка, вокруг бедер ткань с неегипетскими перевязями, в руках господские бельевого мешок и обувь, доказывающие, что, хотя и не надписанный так, он все-таки был тоже «проводжатым». По лицу и прическе все три «эфиопа» (*нхъс(й)*), как и следовало ожидать для Старого царства, представители не черных племен, обитавших тогда еще далеко на юге, а близких египтянам так называемых хамитских племен, соседивших с ними по верхнему течению реки. На снимке кожа у первых двух эфиопов темноватая¹⁴, но у третьего коричневато-желтая, резко отличная от красной раскраски египтян.

Кто эти эфиопы — подлинные ли рабы или иноземные слуги, в силу каких-то превратностей судьбы попавшие в услуже-

¹³ Junker H. Giza III. Wien und Leipzig, 1938 (DAWW. Bd. 70, Abh. 2), с. 179.

¹⁴ Junker H. Vorbericht über die zweite Grabung bei den Pyramiden von Gizeh vom 16. Dezember 1912 bis 24. März 1913. — APhHKAW. Jg. 1913, № XIV, с. 22.

ние к египетским вельможам? Раньше, чем ответить на это, уместно будет пересмотреть то, что нам известно о приобретении и использовании иноземцев Старым царством.

Одним из главных, если не самым главным источником притока иноплеменников в страну были победоносные войны с соседями.

«Разорение земли эфиопов; доставка живых пораженных (т. е. пленных, с сопроводительными знаками иноземца и женщины) 7000, скота 200 000»,— сообщает летопись под одним из годов царствования основателя IV царского дома *Снфрв* (UAR:236), а под другим отмечает: «Доставлено из земли Ливии: пораженных (с сопроводительными знаками иноземца и женщины) живых 1100, скота 13 100» (UAR:237).

В начале V царского дома фараон *С'хъ-в(й)-р^c* увековечил в своем поминальном храме вереницы связанных пленных ливиян, ведомых в дар царю разными его богами и богинями, и свою богиню счета и письма, ведущую запись пленникам, с припиской: «Запись числу пораженных живых, доставленных из нагорья (т. е. неегипетской, недольней страны) всякого» (GKS II:I+V(VI+VII)).

Судя по числам, надписанным тут же (GKS II:I, ср. IV), над изображениями захваченных стад, и учитывая соотношение между взятыми пленниками и угнанным победителями скотом у *Снфрв*, надо думать, что и записываемое нездешнюю письмоводительницею число пленных предполагалось очень большим. Надписанные над стадами числа: для крупного рогатого скота — свыше 113 440, для ослов — 213 400, для коз и козлов — 232 415, для овец и баранов — 243 688.

О приводе множества сиро-палестинских пленных времени VI царского дома при *Мрй-р^c Пйпй* I мы узнаем из победной песни, приведенной в жизнеописании самого полководца *Внй* на поминальной плите:

«Пришло (т. е. вернулось) войско эт[о] в мире (т. е. благополучно)—

перебило оно соединения в ней (т. е. „земле тех, что (обитают) на песке“) в (числе) десятков тысяч многих.

Пришло войско это в мире—

[доставило оно соединения (?)] из нее многочисленн(ые) весьма пораженными живыми (т. е. пленными)» (UAR:103—104).

Поскольку, предпринимая поход, «сотворило величество его войско из десятков тысяч многих» (UAR:101) и перебиты были враги «десятками тысяч многими», число пленных, укажи его надпись, оказалось бы, несомненно, тоже очень внушительным.

Во времена VI царского дома областной князь южной окраины страны *Пйпй-нхт*, по прозвищу *Нфр-хъкъ'-йб*, рассказывал в своем гробничном жизнеописании о походе в Северную Эфиопию:

«Послало меня величество владыки (моего) разорить [зем-

лю] *В'в'т* (и) *Йрчт*. Сотворил (я) (так), что (мог за то) пожаловать владыка (мой). Перебил (я) число там большое: властитель(ей?), детей (их), распорядитель(ей?) воинов гордых. Доставил (я) число большое оттуда в (царское) местожительство пораженными живыми (с сопроводительными знаками мужчины и женщины), причем я (стоял) во главе войск многих сильных из крепких сердцем» (UAR:133).

Тогда же, в конце правления VI дома, в поминальном храме *Нфр-к'-р^c Пйпй II* были изображены связанные иноземные пленные, как ведомые на привязи каким-то египетским божеством (MFPII II:XXXVI=XXXVIII, ср. также CVII), так и коленапоклоненные (MFPII II:30). Сохранившееся пониже последних число захваченного крупного рогатого скота — не менее 32 200 голов — могло бы указывать, что и пленники предполагались захваченными в большом количестве, и царской богине счета и письма — сохранился лишь самый верх ее изображения и приписки «запись [числ]у — — —» было, наверно, много дела с занесением всех в ведомости (MFPII II:XXXVI=XXXVIII). Правда, значение этих изображений как свидетельств о *действительном* приводе тогда многочисленных пленных значительно снижено рабскою зависимостью здесь *Нфр-к'-р^c Пйпй* от своего стародавнего предшественника *С'хъ-в(й)-р^c*: даже имена двух сыновей и жены поражаемого царем ливийского вождя те же, что и добрых два века назад¹⁵!

Другим способом получения иноплеменников была иноземная дань. Судить о том, насколько обильно и равномерно тек этот источник, мы лишены возможности, так как в нашем распоряжении всего одно случайное известие. В летописи под одним из годов царствования основателя V царского дома *Вср-к'ф* было записано:

«— — — — [(какие-то люди — уцелел знак женщины или иноземца)] — — — —».

Приход из (?)...

Поставки (*йнв*), доставленные ими (пирамиде — разумею: ее поминальному храму?) „Чисты места *Вср-к'ф*“: нагорных (т. е. недольних, неегипетских людей) 70» (UAR:240).

Сопроводительный знак за словом «нагорные» или, может быть, лучше «нагорье» в смысле чужеземной страны/народа изображает женщину или безбородого иноземца с длинными волосами на затылке. Доставка зараз для одного установления людской дани в семь десятков иноплеменников звучит внушительно. К сожалению, неясно, для обслуживания ли поминального храма или для постройки пирамиды предназначались эти иноземцы.

Нехорошо тоже, что нельзя вполне точно выяснить смысл любопытного изображения в поминальном храме преемника *Вср-к'ф С'хъ-в(й)-р^c* (GKS II:XII= отчасти XIII). На северном

¹⁵ Capart J. Memphis à l'ombre des pyramides. Bruxelles, 1930, с. 211.

конец восточной стены обводного прохода показаны были большие египетские корабли (уцелели остатки изображений четырех или пяти), стремительно идущие на веслах — с опущенными складными «деревами» для парусов — в северном направлении (судя по расположению судов на изображении на север). Никого, кроме египтян — гребцов, кормчих и корабельных начальников, на судах не видно. На южном конце той же стены изображено до десятка кораблей, вернувшихся из плавания, с приподнятыми веслами и кормилами (складные «дерева» для парусов и тут опущены). Но к корабельной дружине, легко опознающейся по ее узким ленточным передникам (см. § 18), прибавились теперь другие египтяне в цельных передниках, обернутых вокруг бедер и надписанные каждый в отдельности словом «переводчик», и множество сиро-палестинских иноземцев — мужчин, женщин и детей. Мужчины бородатые, длинноволосые, с повязками на головах и в передниках вокруг бедер. Женщины с такими же прическами и в той же одежде, дети почти все совершенно нагие.

Пришедшие корабли с иноземцами на юге стены и идущие на веслах на севере ее одни и те же и одинаково египетские как по облику корабельщиков, так и по египетским письменам, помещенным на носу и корме. Очень похоже на то, что суда шли — на севере стены — за теми иноземцами, с которыми они — на южной ее части — показаны пришедшими¹⁶. Но кто были изображенные иноземцы?

Неправдоподобно, чтобы то были пленные. Ни на идущих кораблях, ни на вернувшихся нет вооруженных людей. Никто из иноплемеников не связан; воздев руки, они вместе с египтянами славят фараона: «Слава тебе, С'хъ-в(й)-р^с, бог живущих! Видим мы доброту (красоту) твою» и т. д.¹⁷. Поэтому П. Монтэ мог предложить другое истолкование изображения, опираясь на темные намеки в приписках к идущим кораблям на приход *нфрт*, долженствующий обеспечить корабельщикам царские пожалования. Под *нфрт* К. Зете готов был разуть египетскую богиню — не то Хатхор, не то особую Нофре, олицетворявшую, согласно имени, «добро», т. е. хорошие вещи, блага¹⁸. Находя странным ожидание прихода какой-то богини к фараону, П. Монтэ предложил видеть в *нфрт* сирийскую царевну, прибывавшую в жены египетскому царю и переимено-

¹⁶ Montet P. Le roi Sahurê et la princesse lointaine.— *Mélanges syriens offerts à monsieur René Dussaud*. T. I. P., 1939 (Haut-commissariat de la République française en Syrie et au Liban, Service des antiquités, Bibliothèque archéologique et historique. T. XXX), с. 194. О том что изображено отбытие и прибытие кораблей, см.: Borchardt L. Das Grabdenkmal des Königs Sa'hu-rec. Bd. 2. Die Wandbilder (=Ausgrabungen der Deutschen Orient-Gesellschaft in Abusir 1902—1908, VII=26. wissenschaftliche Veröffentlichung der Deutschen Orient-Gesellschaft). Text. Lpz., 1913, с. 25—28, и Sethe K. [Комментарий].— Там же, с. 86—88.

¹⁷ Montet P. Le roi Sahurê, с. 194.

¹⁸ Sethe K. [Комментарий], с. 86—87.

ванную в Нофре («Красавица»). Изображение самой царевны приходилось бы на пропавшую часть стены, а уцелевшие изображения сириян относились бы к сопровождению царственной новобрачной. Иными словами, в староегипетском храме было бы наглядно представлено событие вроде хорошо известных из Нового царства¹⁹.

Однако похожи ли прибывшие иноплеменники на «эскорт» царевны? Почему бы в ее сопровождении преобладали мужчины? Чтобы то были воины, ниоткуда не следует — они совершенно безоружны, а главное — и среди детей преобладают мальчики. Да и вообще, к чему было быть стольким детям в сопровождении царевны? Естественно, конечно, видеть во вновь прибывших не сопровождение владетельного лица, не посольство, а просто сиро-палестинские семьи или преимущественно семьи из мужчин, женщин и детей. Можно было бы, конечно, предположить, что служанки царевны прибыли со всеми своими домочадцами, но это было бы ничем не подкрепленным, голым предположением, к тому же никак не объясняющим преобладания мужчин и мальчиков.

Безоружность иноплеменников не благоприятствует предположению, что они — наемные воины, выписанные с семьями в Египет. Догадка, что это невольники, купленные на чужбине, убедительно отстранена П. Монтэ ссылкой на полное отсутствие каких-либо предметов обмена на судах, плывущих — по этой догадке — покупать рабов²⁰.

Остается только предположить, что иноплеменники — людская дань вроде упоминаемой летописью под царствованием предшественника *С'хъ-в(й)-р^c*, доставленная на египетских судах из какой-то сиро-палестинской местности, не имевшей собственных морских кораблей. Одна черточка на изображении хорошо подходила бы к такому объяснению. Кое-кто из египетских корабельщиков и «переводчиков» пинками в затылок или спину понукает иного недостаточно расторопного иноземца или иноземку склониться поглубже перед фараоном, которого они славят воздетыми руками и возгласами. К иноземному посольству или спутникам царевны корабельная дружина вряд ли смела бы применять такое рукоприкладство. Так обращаться можно было беспрестанно разве только что с людьми, захваченными или отданными в неволю.

Возгласы, влагаемые приписками в уста иноземцев и привезших их египтян, славят прежде всего власть египетского царя над зарубежным миром:

«[Слава тебе], *С'хъ-в(й)-р^c*, Добро-Хор (*нфр-хър*, одно из обозначений фараона), владыка нагорий (т. е. недольных, не-египетских стран) всех!»

«[Слава тебе, *С'хъ-в(й)-р^c*], возлюбленный Тховта, владыка нагорий всех!»

¹⁹ Montet P. Le roi Sahurê, с. 194.

²⁰ Там же, с. 194.

«[Слава тебе, *С'хъ-в(й)-р^c*], возлюбленный [Со]птом — —!»

В том же поминальном храме *С'хъ-в(й)-р^c* «Тховт, владыка зарубежных южан (*йвнтйв*)», и «Сопт, владыка нагорий», появляются в качестве богов-покровителей фараона в совершенно недвусмысленно военной связи при «попрании врагов» (GKS II: VIII). «Тховт, владыка нагорий», упомянут и рядом с победным наскальным изображением на Синайском полуострове, показывающим, как другой царь V дома *Нй-вср-р^c* «поражает» местного жителя и «подавляет нагорья все» (UAR:54=DAeAe II:CLII a). «Владыкою нагорий» назван и сам фараон — последний царь V дома *Внйс* — на скале на острове Йэбе, рубеже с Эфиопией (UAR:69).

В данной связи достойно внимания и то, что ныне погибшее изображение царя над изображением отбытия и прибытия кораблей, к которому обращены были приветствия корабельных дружин и иноземцев, на уцелевших скудных обломках тоже содержит намеки воинственного порядка. Впереди отделения царской стражи уцелели слова: «— — — молодц(ы) (*нфр*)» и «[п]равый голосом», т. е. «торжествующий»; последнее слово может относиться только к фараону и, если б даже входило в наименование отряда, звучало бы воинственно на изображении, тем более что позади стражников, вооруженных одними палками, стоит «приставленник оружия» (GKS II:XI), присутствующий отнюдь не случайно и на изображении царской охоты (GKS II:XVII).

Вся эта властолюбивая и воинственная обстановка была бы малоуместна, если бы изображено было плавание для покупки рабов. Не к чему было б, пожалуй, так выставлять вперед любовь к царю его военных богов, которой приписывались его боевые и поработительные успехи, если б имели в виду такое мирное событие, как приезд из-за границы царской невесты. С другой стороны, однако, иной возглас приезжих звучал бы несколько неожиданно, издавай его пленные, взятые на войне, например уже приводившийся возглас: «Слава тебе, *С'хъ-в(й)-р^c*, бог живущих! Видим мы доброту (или: красоту) твою!» Быть может, действительно положение дела лучше всего выражало, к несчастью, не уцелевшее сполна приветствие: «Слава тебе, *С'хъ-в(й)-р^c*! Сопровожда[ем мы тебя (?)]» (GKS II:XII). «Сопровождать» (*шмс*) означало также «служить», и возглас мог выражать намерение приезжих, в том числе иноземцев, верно служить фараону. Если эти иноплеменики были переданы ему в порядке дани, намерение служить новому господину было бы в глазах египетского двора, несомненно, им к лицу. Преклонение перед властью фараона над чужеземцами, добытой, естественно, военным путем, и рабские восторги были бы тогда без труда мыслимы в одних и тех же устах, по крайней мере для составителей надписи.

Остаются еще приписки к отбывающим судам, давшие

П. Монтэ повод к объяснению изображенного события как при-
бытия в жены египетскому царю иностранной царевны. Воп-
рос вертится вокруг значения слова *нфрт*, а это значение как
раз и не может быть точно определено. С внешней стороны
решительно ничто не понуждает видеть в *нфрт* женское сущест-
во, будь то староегипетская богиня или сиро-палестинская
княжна: при втором *нфрт*, которое принимают за обозначение
таковой особы, нет никакого сопроводительного знака, в том
числе знака женщины, который бы изобразительно намекал на
содержание слова. Второе *нфрт* написано точь-в-точь, как пер-
вое, ему непосредственно предшествующее, в котором никто
никогда не усматривал наименования человеческого существа.
Каков бы ни был точный смысл сочетания *впй-с*, дословно «от-
делять положение», с которого начинается одна из приписок,
вп-с м нфрт должно обозначать начало предприятия «в добре».
К. Зете основательно сопоставляет²¹ с этим выражением ста-
роегипетское личное имя *Впв-м-нфрт* (EG II: между 190 и 191)
«начато добром». Невольно хочется понять два рядом стоящих
и одинаково написанных в приписке *нфрт* одинаковым образом,
тем более что, как указано К. Зете, слово *нфрт* притом в том
же написании, встречается дважды в самом же храме со-
значением «добро» в смысле «добрые вещи»²². «Доставляю (я)
тебе добро всякое», — говорит покойному царю раз какой-то
его бог (GKS II: LXVII), другой раз — слово «доставляю» по-
вреждено — одно из владений, олицетворенное в виде достав-
щицы жертвоприношений (GKS II: XXVIII). К. Зете готов был
допустить, что второе *нфрт* в занимающей нас приписке, кото-
рое он считает именем богини — Нофре, тоже значило «добро»
или «блага», только олицетворенные в виде божеского сущест-
ва²³. Существование при том же *С'хъ-в(й)-р-с* богини по
имени Нофре доказывается названием одного из царских вла-
дений: «Двор „Любит-Нофре-С'хъ-в(й)-р-с“» (R: XXXIV), приве-
денным тем же исследователем²⁴. Если во втором *нфрт* изу-
чаемой приписки видеть не имя одной из человекоподобных
государственных богинь, а только олицетворение «добра» или
«благ», можно отклонить и справедливое возражение П. Монтэ,
что нельзя себе представить, чтобы речь шла о действительно-
ном приходе какой-то богини к царю. Но «добро» или «блага»
могли очень хорошо к нему приходить, и обе спорные припис-
ки можно было б тогда передать так:

«Начато добром. Добро — придет (=вернется?) оно сюда
к *С'хъ-в(й)-р-с*, сыну солнца (в итоге плавания?)».

«—[не]бо (?). Придет оно (Добро), через (то, что)
уходим мы, (и) даст оно, чтобы пожаловали нас (т. е. моряков,
с которыми Добро придет к царю)» (GKS II: XI).

²¹ *Sethe K.* [Комментарий], с. 86.

²² Там же, с. 87, примеч. 1.

²³ Там же, с. 87.

²⁴ Там же, с. 86.

На худой конец приписки подходили бы в такой передаче к судам, отбывающим за данью, хотя предполагаемый ее человеческий состав не очень подходит к слову «добро». Если бы эта Нофре была та же, что «Нофре, дочь бога большого», пирамидных надписей, на которую также указывает К. Зете²⁵, подчеркивание сыновней связи царя с солнцем было бы легко объяснимо.

Но что происходило в Египте со взятыми в плен или доставленными в виде дани иноземцами? Как их использовали египтяне? Естественно предположить, что по меньшей мере часть добытых так иноземцев использовалась на производственных работах, однако прямых указаний на это нет, если не считать летописного известия о доставке к пирамиде царя *Вср-к'.ф* 70 иноплеменников. Правда, и тут при желании возможно предположить, что они предназначались в служители или стражники, но не в работники-производители. Однако это маловероятно, потому что 70 человек — значительная рабочая сила, а запись относится ко второму году царствования *Вср-к'.ф* («год после раза первого счета быков»), когда пирамида и поминальный храм царя как действительные установления еще не существовали и только могли быть начаты постройкой. Поэтому естественнее полагать, что семь десятков вновь поступивших иноземцев были направлены на строительные работы — на постройку пирамиды.

В обельной грамоте времени VI царского дома, времени *Мрй-р' Пйй* I, данной городу при двух пирамидах *Снфрв*, читаем следующее:

«Приказало величество (мое) не давать пахать пашню двух (припирамидных) городов этих с уборкою ее эфиопу мирному всякому, помимо *хнт-ш* двух (припирамидных) городов этих.

Приказало величество (мое) не брать *хнт-ш* всяких двух (припирамидных) городов этих, пришедших к месту подчинения (?) их (или) имеющих прийти к месту подчинения (?) их, людям всяким (или) эфиопам мирным всяким к тем, у кого были они, не имеющим грамоты (т. е. права) на них» (UAR: 211).

«Приказало величество (мое), чтобы не выходили эфиопы мирные всякие творить уборку (урожая) в двух (припирамидных) городах этих.

Приказало величество (мое), чтобы не входили люди всякие, которые у эфиопов мирных этих, жречествовать во храме двух (пирамидных) городов этих, взимать месяц (т. е. приносить месячную жертву) во храме двух (припирамидных) городов этих, есть долю всякую во храме двух (припирамидных) городов этих» (UAR: 212).

Кто эти «эфиопы мирные»? Определение «мирные» могло бы навести на мысль, что это пленники, превращенные, скажем,

²⁵ Там же.

в стражников или воинов. В гробнице *Хэп-хэр'-хт(й)* ведомый к хозяину козерог назван «козерогом мирным» (*нй'хэп*), т. е. ручным (DAR:XIX). Но если бы египтяне и смотрели на своих эфиопов как на «ручных», рабами они от этого еще не были ни по положению, ни по происхождению. В противоположность земледельческой «чади» (*мрт*), которой тоже возбранено давать городскую землю для обработки, но которая различена по владельцам («чадь» царицы, царских детей, сановников), «эфиопы мирные» не отнесены ни к каким хозяевам, более того, при них самих могут быть какие-то люди, которые не должны жречествовать и кормиться от жертв во храме, да и сами эфиопы, нагрянув на городскую землю, собирали бы урожай, по-видимому, в собственную пользу. Тем самым общественное положение «эфиопов мирных» совсем не напоминает рабское, но у нас есть возможность установить их положение еще точнее и вместе с тем сделать весьма сомнительным и само происхождение их из пленных.

В начале обельной грамоты перечислены должностные лица, к которым она как царский указ обращена. В конце перечня названы «наставник(и) переводчик(ов), распорядители (эфиопов) *Мдж', Йм' (и) Ирчт* — — —». Представителями этих североэфиопских племен, которые здесь имеются в виду, несомненно, и являются те «эфиопы мирные», о которых говорится в грамоте в дальнейшем. Из всех уцелевших указов Старого царства только в этой грамоте названы вначале «наставники переводчиков» и «распорядители» эфиопов, и только ее постановления касаются «эфиопов мирных». Место возбращаемых грамотой действий лежит далеко от родины эфиопов — две пирамиды *Снфрв* находятся близ стыка Низовья с Верховьем, — и «распорядители» *Мдж', Йм' и Ирчт* — египетские должностные лица, хотя бы и иноземного происхождения, но никак не эфиопские племенные вожди. Эти последние обозначаются в надписях не словом «распорядитель» (*ймй-р'*), а «властитель» (*хэкэ'*): «властители *Ирчт, В'в'т, Йм', Мдж'*» (UAR:109), «властители *Мдж', Ирчт, В'в'т*» (UAR:110), «властители *М[дж', Ирчт, В'в'т]*» (UAR:111), «властитель *Йм'*» (UAR:125, 126 дважды), «властитель *Сч'в, Ирчт*» (UAR:125), «властитель *Ирчт, Сч'в, В'в'т*» (UAR:126, 127); ср. эфиопских же — *В'в'т* и *Ирчт* — «двух властителей нагорий (т. е. недольних, неегипетских стран) этих» (UAR:134) и «детей властителей» (UAR:133, 134). Правда, эфиопские военачальники — а таковыми надо считать «распорядителей *шнв*» (UAR:133, 134) — могли обозначаться словом «распорядитель», но не тех или иных эфиопов, а *шнв* (очевидно, обозначение воинов), и отличались от «властителей» соответствующих племен: «дети властителей, распорядители *шнв* гораздые» (UAR:133), «два властителя нагорий этих..., дети властителей (и) распорядители *шнв*, которые (были) с ни[ми]» (UAR:134). Для египетских же военачальников обозначение «распорядитель войска»

было общепринятым, ср. также редкие военачальнические обозначения: «распорядитель *мнф'т*», «распорядитель *х'*» (JEA XXXIX:32—47). Но хотя и оторванные от родной почвы и поставленные под начальство не своих племенных вождей, «эфиопы мирные» делились, по всей видимости, на отряды по племенной принадлежности, так как «распорядители *Мдж'*, *Й'м* (и) *Ирчт*» названы во множественном числе и племенные обозначения подчиненных отражены в начальнических титулах.

О том, что в Старом царстве эфиопы включались в состав фараоновских войск совершенно мирным способом, не из числа пленных, нам хорошо известно. В своем жизнеописании на поминальной плите вельможа *Внй* так описывает состав египетского ополчения при *Мрй-р^c Пйпй I* в начале VI царского дома:

«Возбранило величество его вещи (т. е. дела, иначе: покорило) сирийцам, что на песках (пустынь). Сотворило величество его войско из десятков тысяч многих в Верховье в совокупности его, на юге от *Иэба*, на севере до XXII области, в Земле низовой, в обеих половинах дома (т. е. низового царства) в совокупности их, в крепости (?), внутри крепостей, из *Ирчт*-ских эфиопов, *Мдж'*-ских эфиопов, *Й'м*-ских эфиопов, из *В'в'т*-ских эфиопов, из *К'в*-ских эфиопов, в земле ливиян.

Послало меня величество его во главе войска этого, а князя, а печатники низового государя, а друзья единственные двора большого (т. е. высокие придворные чины), а (областные) главы, властели дворов Верховья (и) Земли низовой, (царевы) „друзья“, распорядители переводчиков, распорядители слуг божьих (т. е. жрецов) Верховья (и) [Земли] низовой, распорядители половины дома (хозяйственных управлений) (были) во главе соединений Верховья (и) Земли низовой дворов, коими властвовали они, (и) эфиопов нагорий (т. е. не-дольних, неегипетских стран) этих» (UAR:101—102).

Из приведенного отрывка следует не только то, что вспомогательные эфиопские силы входили в состав египетских вооруженных сил, но и то, что даже в таком, временном ополчении эфиопские воины подчинялись египетскому начальству. Совместного движения египетских и местных отрядов в самой Эфиопии касается в своем гробничном жизнеописании князь южно-египетской окраинной области *Ха.ф-хър*, но из его рассказа не вытекает, что эфиопы входили в состав его войска или подчинялись бы ему: «И увидел властитель *Ирчт*, *Сч'в* (и) *В'в'т*, (как) крепко (и) многочисленно (было) соединение *Й'м*, спускавш[ее]ся со (мною) (на север), к (царскому) местожительству, вместе с войском, посланным со (мною)» (UAR:127).

Таким образом, нет никакой необходимости считать, что эфиопские стражники или воины, несшие в Низовье постоянную воинскую службу, были из пленных, а не были вызваны фараоном мирным способом. Конечно, не исключено, что иногда могло иметь место и обратное.

Однако вернемся теперь к давным-давно покинутым нами эфиопам-прислужникам из вельможеских гробниц. Были ли то пленники, или царские пожалования из числа людской дани, или, наконец, вольные приезжие? Царевич *Хэп-си'т*, равно как и «распорядитель крепостей», следовательно, причастный к военному делу областеначальник *Нс-нфр*, в чьих гробницах изображены эфиопы-прислужники, были людьми, которые по своему общественному положению могли легко получить в дар от царя иноземных невольников, а *Нс-нфр* даже самолучно взять в плен. Но в силу своей должности «распорядитель крепостей» мог иметь в личном услужении вестовых из подначальных эфиопов-воинов. Как было отмечено, один из его эфиопов, с дорожными принадлежностями, прямо назван «проводжатым», что хорошо подходило бы к вестовому.

У нас нет возможности определить, каким способом эфиопы попали к двум названным вельможам, но кое-что можно привести в пользу того, что их эфиопские слуги были рабами. Прежде всего, староегипетские «проводжатые» никогда как будто не выступают на памятниках с оружием или в воинском наряде; в Старом царстве они изображаются мирными слугами (см. § 7, 8). Эфиоп царевича и «проводжатый»-эфиоп «распорядителя крепостей» одинаково несут дорожные принадлежности своих господ, но титул царевича не содержит намеков на военную деятельность его носителя (DAeAe II:XXIII). Вдобавок у самого «распорядителя крепостей» второй эфиоп назван «печатником», т. е. «казнохранителем», и, как доказывает полотнище в его руках, подобно другим вельможеским «казнохранителям», ведал господским бельем; военным он, значит, никак уж не был. Далее, обоих эфиопов у «распорядителя крепостей» роднит помимо происхождения и службы еще одна, притом очень существенная черта: оба носят хорошие египетские имена. Имя «казнохранителя» — *Снб* — значит «здоровяк», имя «проводжатого» — *Мрй* — «любимец». Поскольку эфиоп у царевича носит неегипетское имя — *Хэрсей*, довольно правдоподобно, что те два эфиопа оказались у одного хозяина, оба с египетскими именами, потому что ему заблагорассудилось их так переименовать. В позднейшие времена переименование иноземных рабов на египетский лад было обычным явлением, и естественнее всего и в нашем случае предположить, что египетские имена иноземным слугам, упорно сохранявшим собственные прическу и одежду и, следовательно, совсем не стремившимся казаться египтянами, были даны потому, что они являлись людьми подневольными, скорее всего настоящими невольниками. И переименованы были они уж никак не потому, что один из них мог бы быть из вспомогательного эфиопского отряда. Ведь эти отряды составлялись, как мы видели, по племенному признаку, и воины в них, надо полагать, сохраняли свои имена. Наконец, некоторым наглядным подтверждением правильности изложенных соображений служит как будто само

окружение эфиопских изображений у *Нс-нфр*. Слуг у него изображено на одном косяке только четверо. Все изображены одинаково с хозяйскими дорожными принадлежностями, вверху друг над другом оба эфиопа, внизу друг под другом два карлика. Как у каждого из тех надписано «эфиоп» и имя, так у каждого из этих надписано «купленник» и имя. «Купленники» же (*йсв/йсвв*) являются покупными рабами (см. § 11).

§ 11. Купленники

Прямое отношение к вопросу о рабстве имеет любопытный, но замысловатый памятник — ложная дверь «того, кто при вещи царевой», *Тф-х'х'* (SPhE:I). Он состоял «настителем (т. е. умывальщиком) царевым» и «наставником (*схъдж*) (тех), кто при вещи, житницы, предводителем (*хрп*), мерильщик(ов зерна)». Его имя можно прочесть как *Йт-х'х'* «Отец-веяльщик», или *Йт.ф-х'х'* «Отец его — веяльщик», или даже *Йт-х'х'(в)* «Отец веяльщик(ов)», но, так или иначе, глагол *х'х'* «веять (зерно)» входил в состав имени и его носитель не только по своим должностям, но и по наследству мог иметь отношение к деятельности, связанной с зерном. Сановником он отнюдь не был: в хозяйстве должность «наставника» — должность второстепенная, а «предводителя» — третьестепенная. Тем не менее это был человек с известными возможностями, соорудивший себе гробницу и снабдивший в ней ложную дверь множеством изображений и надписей: «Сотворил (я) в силу бытия (моего) в чести у владыки (моего) (судя по определителю, не царя?). Дал (я) славить за меня мастерам бога, творящим то, что под богом (т. е. кладбище, кладбищенские сооружения), за то, именно — вознаграждение соответствующее».

Вверху плиты заупокойная надпись. Под нею хозяин с женою за трапезой, а слева и справа — по сыну. Под хозяевами переведенная только что надпись, а слева и справа от нее — еще по сыну. Ниже налево от собственно «двери» (вверху ее краткое титуло хозяина) четверо сыновей, а над первыми двумя — «загадочная» надпись о *йсвв* и слугах двойника. Под сыновьями одни над другими шесть мужчин и восемь стоящих женщин и внизу — молодщица на коленях. Справа от собственно «двери» четыре женщины и двое мужчин с ношами и шесть женщин и один мужчина, приготовляющие хлеб и пиво («заповедник» — см. § 26). Над четырьмя верхними женщинами повторена та же «загадочная» надпись, что и над двумя сыновьями. Внизу ложной двери полное титуло хозяина.

«Загадочные» надписи слева и справа почти тождественны: «*Йсвв* (определители мужчины и женщины) собственные (мой). Достал (я) их за вознаграждение, (причем) запечатлены они в договоре, что от *хт*, из желания, чтобы возглашали они (т. е. приносили заупокойную жертву) (мн)е (левая над-

тись опускает „(мн)е“ в (том), что под богом (т. е. на кладбище)». Следует еще одна строка: «Слуги двойника (и) слуги (жанк) и двойника (т. е. заупокойные жрецы и жрицы)».

Однако эта добавочная строка не составляет одного целого с предыдущими тремя строками ни слева, ни справа: она отделена от них на всем своем протяжении небольшим промежутком справа, но очень заметным слева (шириною в половину высокого знака). Тем самым надписание, в котором говорится о заупокойных жрецах и жрицах, отграничено каждый раз от надписания, толкующего о *йсвв*.

Подобное разграничение наблюдается и среди изображенных лиц, не принадлежащих к хозяйской семье. Все мужчины, за исключением одного, стоят или идут и никакой производственной деятельностью не заняты, что еще подчеркнуто тем, что половина их стоит, в знак бездеятельности прижав руку к груди, а другие четверо шествуют с легкими поносками: тощим мешком, перекинутым через плечо, с каким-то предметом под мышкой, с маленьким животным в руках или с каким-то кругом. Исключение составляет пекарь, присевший около своей печи и пекущий хлеба, прикрыв лицо ладонью от палящего жара.

Всего отчетливее разграничение среди женщин. Две из них толкут зерно в громадной ступе, три мелют его на зернотерках, одна просеивает сквозь сито, две протирают через решето мокрый хлеб в сосуд. Две женщины несут на головах тяжелые корзины с припасами, одна несет на голове большую корзину или ящик, и лишь одна несет кадилалицу или сосудик с шариком,— должно быть, фимиама. Из восьми стоящих слева от собственно «двери» женщин семь ничего не держат, ничего не делают и в знак бездеятельности, как и четверо мужчин, прижимают руку к груди, и только одна поддерживает рукою примкнутый к плечу ларец. У всех занятых производственной работой женщин волосы на затылке подстрижены, а у четырех с ношами на головах и у их спутницы с кадилалицей даже вовсе сострижены. Напротив, у других восьми, в том числе и у той, что с ларцем, волосы ниспадают на плечи. Все мужчины надписаны своими именами. Все женщины с подстриженными и состриженными волосами также подписаны, но ни одна длинноволосая женщина не надписана. Это тем примечательнее, что ребенок, стоящий подле одной из молольщиц, надписан своим именем.

Стоящих мужчин восемь. Шестеро из них— по левую сторону собственно «двери», двое— по правую (с маленьким животным и с кругом), но они отделены от четырех носильщиц, изображенных над ними, широким промежутком, подобно тому как обе надписи о заупокойных жрицах отделены от надписей о *йсвв*. Длинноволосых женщин тоже восемь (они все налево от собственно «двери»). Трудно удержаться от заключения, что эти восемь мужчин и восемь женщин— мужья и жены и что они и есть заупокойные жрецы и жрицы. Но стоит

прийти к такой мысли, как сразу же станет понятным, почему ни одна из длинноволосых женщин не надписана своим именем — в противоположность и мужчинам, и всем прочим женщинам, и даже ребенку одной из них. Договоры заключались с заупокойными жрецами (см. § 12), а не с их женами, что, конечно, не исключало привлечения к исполнению жреческих обязанностей также домоладцев нанимаемых глав семей. «Не даю (я) быть [в]ластными [детям (моим), братьям (моим)], сестрам (моим), потомкам всем, наставникам слуг двойника, надзирателям слуг двойника, [слугам двойника всем в пашне], людях, вещи всякой, сотворенных (мн)ою им (т. е. заупокойным жрецам), чтобы возглашать (т. е. приносить заупокойную жертву) (мн)е с помощью (их), (а также) в работнике и[х], в работнице их, в[] братьях их, в сестрах их помимо возглашения — — —» (UAR:11—12). Имен жен нанятых заупокойных жрецов работодателю было совсем необязательно знать. Имена их мужей он знал наперечет, равно как и имена своих «йсвв собственных».

Но кто же были эти йсвв? Издатель нашего памятника считал их рабами²⁶. Х. Гёдике видел в них наемных работников²⁷. Но может статься, что истина лежит где-то посередине между этими крайними мнениями.

Не приходится сомневаться в том, что слово йсвв произведено от существительного йсв, которое словарь передает как «замена, вознаграждение, возмещение» (Ersatz, Lohn, Entgelt)²⁸. Слово йсв — не редкость в надписях Старого царства, причем древнейший пример, восходящий ко времени первого царя III царского дома, представляет собой «вознаграждение» в несколько отвлеченном, не просто вещественном смысле. Девять богов города Она говорят: «Дом (т. е. храм) этот добр — — — весьма. Сотворил он (т. е. царь) это — — —. Дадим мы ему жизнь всяческую от нас. Дадим мы ему процветание всяческое от нас. Дадим мы, чтобы сотворил он празднества тридцатилетия (т. е. юбилей). Сотворим мы ему возмещение (йсв) этого, [сотворенного им нам], вещь всякую, возлюбленную им. Сказ[анное им все будет сотворено]» (UAR: 153).

Другие староегипетские надписи употребляют слово йсв в смысле вполне вещественном.

В переведенной только что надписи слово «возмещение» сочетается с глаголом «сотворить»: йрй йсв «сотворить возмещение». В таком сочетании слово йсв встречается позже. «(Тот), кто при вещи царицы (?), старшина чертога, Мр-вй-к', сказыв-

²⁶ Abd el-Mohsen Bakir. Slavery in Pharaonic Egypt. Le Caire, 1952 (Supplément aux Annales du Service des Antiquités de l'Égypte. Cahier № 18), с. 14.

²⁷ Goedicke H. Die privaten Rechtsinschriften aus dem Alten Reich. Wien, 1970 (Beihefte zur Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes), с. 157, 184, 209.

²⁸ Erman A., Grapow H. Wörterbuch, Bd. 1, с. 136.

вает он: Сотворил (я мн)е гробницу эту из имущества правед-
н(ого). Славили за (мен)я мастер(á) бога за сотвор(ение)
возмещения — — —» (G IX:75+73). «Чиститель (т. е. умыва-
тель) царев Ммй рассказывает: Дал (я), чтобы сотворены были
изваяния эт(и) ваятелем, (причем) был умиротворен он (т. е.
остался доволен) возмещением их, сотворенным (мн)ою ему»
(UAR:225). В виде не прямого, а косвенного дополнения слово
йсв употреблено после глагола «сотворить» в надписи заупо-
койного жреца на гробничной притолоке его сановного хозяи-
на: «Завешание. Слуга двойника Хьмтй рассказывает: Дал меня
владыка (мой) в отрока (? — т. е. помощника?)²⁹ слуге двой-
ника, но сотворил (я) ему дверь эту с возмещением свертком
полотна (и) вышел через нее в слугу двойника» (ASAE
XLII:32; при предложенном здесь предположительном перево-
де становится понятным внимание жреца к чужой гробничной
двери: она была сооружена им за тюк полотна и послужила к
возвышению).

Более часто слово *йсв* сочетается с глаголом *рдй* «давать».
«Дай возмещение!» — говорит рыботорговец покупателю (ASAE
XXXVIII:XCVI). «[Д]ай, чтобы посмотрел (я). Дай возмеще-
ние», — обращается продавец овощей, протягивая руку за бу-
сами, предлагаемыми в обмен покупателем (DAeAe II:XCVI).
Мр-снх.ф — «рассказывает он: (Что) до мастеров всех, сотворивших
работу (мн)е, то дал (я), чтобы славили (т. е. молили) они за
(мен)я бога за возмещение, данное (мн)ою им» (EG III:16).

Сочетание *рдй р йсв* «дать в возмещение» значит «про-
дать»³⁰. Безвестный сановник времени IV царского дома пишет
в распоряжении о своих заупокойных жрецах: «Не даю быть
властну слуге двойника всякому собственному (моему) в (от)-
даче пашни, людей, [вещи всякой, сотворенных (т. е. выделе-
нных) (мною) им (т. е. заупокойным жрецам), чтобы возгла-
шать (т. е. приносить жертву (мне)] с помощью их в возмеще-
ние людям всяким (т. е. любым) (и) в (пере)даче по завеща-
нию людям всяким (т. е. любым), кроме как, если да[дут они
детям своим], тому, кто поделится со слугою двойника имярек
из слуг двойника этих» (UAR:12—13). Сходным образом вы-
ражается в своем распоряжении *Снв-снх*: «Не даю (я) быть
властну и[м в да]че в возмещение (или) по завещанию людям
всяким (т. е. любым)» (UAR:36).

Более частым в староегипетских надписях является сочета-
ние *йнй р йсв* «достать за возмещение», т. е. «купить»³¹. Мы
находим его уже в жизнеописании сановника *Мчн* самого на-
чала IV царского дома, притом дважды, в двух тождественных
предложениях. «Достал он (т. е. *Мчн*) за возмещение пашни
сот (мера площади, равная примерно 2735 кв. м) 200 у *свтйв*
(или *нй-свтйв*) многих» (UAR:4=AIKMB:74=DAeAe II:6; в.

²⁹ Там же, Bd. 4, с. 436.

³⁰ Там же, Bd. 1, с. 131.

³¹ Там же.

другой надписи пропущен предлог *p* «за», АІКМВ:79=DAeAe II:3). Оставляя в стороне вопрос о том, кем были «многие» землевладельцы, коснемся языковедческой «трудности», представляемой приведенным (обычным) переводом. Всякому занимавшемуся древнеегипетским языком хорошо известно, что не только подлежащее, но и прямое дополнение предшествует дополнению косвенному. В приведенном же переводе косвенное дополнение предшествует прямому: «достал он за возмещение сот 200», а не «достал он сот 200 за возмещение». Это породило сомнение в правильности перевода, а то даже отказ от него. Тем не менее перевод верен, если даже и противоречит школьным правилам. Стоит лишь пробежать глазами староегипетские летописные записи, чтобы убедиться, что они полны нарушений данного правила, притом в оборотах, очень близких к тем, что у *Мчн* (см. UAR:237—249). Например, «царь (и) государь *Вср-к'ф*, сотворил он как памятник свой для Рэ пашни сот 44 в областях Земли низовой (и) пашни сот 44 для Хатхор в областях Земли низовой» (UAR:241); «[царь (и) госу]дарь *С'хъ-в(й)-р* сотворил как памятник свой для Рэ в (его) святилище) *Снат* жертв божьих ежедневных 138» (UAR:24); «доставлено из земли Ливийской пленных 1100, скота 3100 (голов)» (UAR:23). Последний пример времени царя *Снфрв*, современника *Мчн*.

В прочих случаях употребления словосочетания «достать за возмещение» правило не нарушено. Так, на камне йз Мэнфе: «— — двор двойника (один из видов частновладельческих селений, см. § 17) этот, что достал (я) за возмещение у сланика *Пр-хър-нфрт* (в размере) (1) сот за 30 *ш'т* (мера стоимости), даю (я) ее д[очер]и (моей), что при ве[щи] царе-[вой] (?) — — —». На плите времени VI царского дома читаем: «Достал (я) дом этот за возмещение у писца *Чнтй*. Дал (я) *ш'т* 10 за него: четверной ткани 1 (отрез) — *ш'т* 3, кровать 1 — *ш'т* 4, двойной ткани 1 (отрез) — *ш'т* 3» (UAR:157). В надписях на изучаемой нами ложной двери: «*Йсвв* собственные (мои), достал (я) их за возмещение» и т. д. (см. выше). На притолоке гробницы «(того), кто при вещи царевой, друга дома большого (т. е. дворца) *Рдй.н-птхъ*» «сказывает он: Достал (я) это (на?) (том), что под богом (т. е. кладбище) за возмещение. Ни разу не сотворил (я)* (того), что (было) там (т. е. похороненного там покойника)» (GR:VII A).

Нельзя сказать, чтобы передача египетского *йсв* русским «возмещение» хорошо подходила ко всем случаям, но если и не совсем гладко, то как-никак получается вразумительно. А подкупает такая передача в особенности потому, что в одной староегипетской надписи вместо слова *йсв* употреблено слово *джб'в* «замена, плата»³², производное от глагола *джб'*

* У написанного далее слова *šb* плохо воспроизведен определитель, поэтому Ю. Я. Перепелкин воздержался от перевода слова.

³² *Erman A., Grapow H. Wörterbuch*, Bd. 5, с. 558—560.

«заменять, воздавать за» (ersetzen, vergelten)³³. В своей гробнице сановник *Рмнв-к'* пишет: «Сотворил (я) гробницу эту за хлеб (и) пиво, данные (мною) мастерам всем, сотворившим гробницу эту, причем же дал (я) им возмещение (*джб'в*) в большом (количестве) весьма тканью всякою, требовавшейся ими. Славилы они бога за то» (EG II:LXI 2=173).

Итак, будем передавать слово *йсв* как «возмещенец». Но мы по-прежнему не знаем, кем же были эти *йсв*. Первое, что приходит на ум, это, естественно, то, что они были рабами: куплены и занесены в соответствующие книги. Но наши, вместе взятые, составляют не что иное, как хлебопекарное и пивоваренное производство, иными словами, перед нами работники такого производства.

³³ Там же, с. 555—556.

«СЛУГИ ДВОЙНИКА» (§ 12)

Для выяснения отношения к производственному труду в Старом царстве и тем самым положения в нем производителей существенное значение имеют данные о непосредственном участии в ремесленном и сельскохозяйственном производстве наряду с людьми подневольными и людей, таковыми явно не являвшихся. Данные эти касаются преимущественно заупокойных жрецов — «слуг двойника» — и поучительны особенно потому, что хозяйственное и правовое положение заупокойных жрецов на службе у вельмож, в личном хозяйстве которых они, выходит, также участвовали, нам хорошо известно. Обязаны мы этим завещаниям или распоряжениям вельмож касательно своего заупокойного жречества, увековеченным ими на стенах своих усыпальниц.

Особенно подробно завещание, обнаруженное в безымянной гробнице подле пирамиды *Хс.ф-р^c*. В вводной части свидетельствовалась правовая значимость «завещания», поскольку оно было составлено вельможею, «[когда] он был (еще) жив (и ходил) на ногах своих, (состоя) другом единственным (царя), энхабцем главным¹, набирающим охрану для царя повседневно.

Друг единственный, энхабец главный, управитель (царского садоводства) „Славится Хор, предстоятель [неба]“ — — —, слуги двойника эти собственные (мои) (досл. „(от) плоти (моей)“ как и во всех последующих случаях)».

Приведенные две строки помещены в уложенном положении над другими отвесными и тем самым служили как бы надписаньем для них. После пробела неизвестной длины следует уже собственно завещание:

«— — — против (в смысле „согласно“) [приказ]ания слов всякому, сотворенному (мною) о том.

Не даю я быть властными [детям (моим), братьям (моим)], сестрам (моим), потомкам (моим) всем, наставникам (т. е. второстепенным начальникам) слуг двойника, надзирателям

¹ О переводе и значении этого звания, имевшего, вероятно, отношение к царским уборам, см.: Gardiner A. H. The Mansion of Life and Master of the King's Largess. — JEA. Vol. 24, 1938, с. 83—91.

(т. е. третьестепенным начальникам) слуг двойника, [слугам двойника всем в пашне], людях, вещи всякой, сотворенных (т. е. выделенных) (мн)ою им, чтобы возглашать (т. е. приносить заупокойную жертву) (мн)е с помощью (их), (а также) в работнике и[х, работнице их, в] братьях их, сестрах их помимо возглашения [для (меня) с помощью (их) на кладбище в] гробнице собственной (моей), которая в (месте пирамиды) „Велик *Х^c.ф-р^c“*, согласно тому, как предназначил (я) пашню, люд, [вещь всякую, сотворенные (мною) им, чтобы возглашать для (меня)] с помощью (их). Не дал (я) быть властву слуге двойника всякому собственному (моему) в даче пашни, люда, [вещи всякой, сотворенных (мною) им, чтобы возглашать для (меня)] с помощью (их) в возмещение (т. е. в оплату за что-то купленное) людям всяким, в (пере)даче по завещанию людям всяким, разве что (пере)даст [он сыну своему какому-либо] (или) имеющему поделиться со слугою двойника имярек (?) из слуг двойника этих.

(Что) до слуги двойника всякого собственного (моего), [что] наруш[ит] — — — возглашения, данно(го?) (мн)е царем, чтобы быть в чести (мне), изъято будет из руки его: доля (?), что (была) за ним, (будет) [череде, по которой он (состоял)]. (Что) до слуги двойника всякого собственного моего, что затеет вещь (т. е. дело) против второго (т. е. сотоварища) своего, (притом) сотворит грамоту подложную (?) против слуги двойника, [да отвратят долю,] что за ним, на себя, изъяты будут из рук его пашня, люд, вещь всякая, данные (мною) ему, чтобы возглашать для меня с по[мощью] (их). — — — с помощью (? их ?) — — — — —

— — — — — перед сановниками [о пашне, люде, вещи всякой, сотворенных мною] слугам двойника собственным (моим), чтобы возглашать для меня с помощью (их) в гробнице собственной (моей), которая на кладбище в (месте пирамиды) [„Велик *Х^c.ф-р^c“*]. (Что) [до] слуги двойника (всякого) собственного (моего), что выйдет (т. е. перейдет) под другое руководство (т. е. на другую службу) перед сановниками — — — сановники, (если) выйдет он под другое руководство, доля, что за ним, (будет) череде, при которой он (состоял) — — —] пашни, люда, вещи всякой, сотворенных (мною) им, чтобы возглашать для (меня) с помощью (их) в гробнице (моей), которая на [кладбище в (месте пирамиды) „Велик *Х^c.ф-р^c“*], (так что) выйдет он пусть в мясе своем (т. е. голый, ни с чем?).

(Что) до пашни этой, данной (мн)е царем, чтобы быть в чести (мне) — — —, чтобы возглашать с помощью (ее?) на кладбище.

(Что) до вещи всякой, что выйдет (т. е. пропадет) из данного (мною) и[м], [буду судиться (я) с ними в месте], в коем судятся. Доля цельная после чередам этим из $\frac{1}{10}$. Сотвор(ю?) эт(о?) — — — цельная, чтобы возглашать для (меня)

с помощью (их) на кладбище в гробнице собственной (моей), которая в (месте пирамиды) „[Велик] Х^c.[ф]-р^c“.

[(Что) до городцов (?)] собственн(ых?) (моих), данн(ых?) (мн)е царем, чтобы был в чести (я), которые сохранны (т. е. свободны от повинностей) для возглашения (т. е. заупокойного жертвоприношения) (моего) против (т. е. согласно) перечня — — — ...возглашать для (меня) с помощью (их?) в гробнице собственной (моей), которая на кладбище в (месте пирамиды) „[Велик] Х^c.ф-р^c“ — — — [пашня, люд], вещь всякая, сотворенные (мною) им.

(Что) до городцов собственных (моих), что от чистоты, с [коих] будут чистительствовать (т. е. жречествовать), — — —»
(UAR:11—15=DARMK:112—113=XXVIII 1432=IHCE:I=
=ThIAe:1210—1212=RTRPhAEA XXIX:75—79).

Много короче завешание из гробницы *Сннв-снх*, представляющее собою как бы сжатое изложение предшествующего:

«Слуги двойника собственные (мои) эти с детьми их, также с детьми детей их, имеющими родиться у них вовек — — — — —. Не даю (я) быть властными и[м в] (от)даче в возмещение (т. е. в оплату чего-нибудь купленного) (или) по завещанию людям всяким, но будут давать они детям своим, что от тех, [что] подел[ятся] со слугою двойника из слуг двойника этих.

(Что) до слуги двойника всякого там, что будет отпущен (?) или взят на другую повинность, (пере)йдет вещь всякая, данная (мн)ою ему, ко слугам двойника, которые в чередѣ его. Не даю я — — —

(Что) до слуги двойника всякого из ни[х], что заведет (?) [он] вещь (т. е. дело) против второго (т. е. сотоварища) своего, да будет изъята вещь (т. е. имущество), данная ему, (то) будет дано слуге двойника, на вещь (т. е. имущество) которого он покушается.

Не даю (я) быть властну — — — — —» (UAR:36—37=MAE:318).

Совершенно ясно, что заупокойные жрецы этих вельмож, их «слуги двойника», менее всего подневольные люди. Они правят заупокойную службу «владыке» отнюдь не даром, в порядке повинности, а за весьма ощутительное обеспечение, и состав этого обеспечения таков, что «слуг двойника» самих надо отнести к угнетателям подневольного населения. Свою службу они правят не только за *землю* и всякие «вещи», но и за *людей*, предоставленных им тем же вельможей. И эти люди настолько общественно принижены и настолько во власти «слуг двойника», что у вельможного хозяина неизменно возникает опасение, как бы его заупокойные жрецы не продали выделенных им людей или не передали кому вздумается по завещанию. Если «слуги двойника» зависели от вельможи хозяйственно, поскольку пашня, люди и всякие «вещи» передавались им не в собственность, а в условное владение — с условием от-

правления заупокойной службы, то в правовом отношении они противостояли вельможе как равные равному, как вольные, правомочные сограждане. Все, что может предпринять против них вельможа в случае оставления ими службы или покушения на обеспечение сотоварища, чисто хозяйственные мероприятия — лишение выданного под службу обеспечения. При пропаже чего-нибудь из выданного имущества вельможа грозит своим жрецам судом — и только в государственном присутствии, в «месте, где судят».

На основании первого завещания можно заключить, что «слуги двойника» не только *условно* владели людьми, предоставленными им хозяином, но также имели или могли иметь *собственных слуг*, принадлежавших им самим независимо от их отношений к вельможе. Я не думаю, чтобы можно было иначе понять начало завещания, где сановник возбраняет своим родне и служащим располагать по своему усмотрению «[пашнею], людом, вещью всякою, сотворенными (мною) им (т. е. заупокойным жрецам), чтобы возглашать для (меня) с помощью (их)», и затем распространяет этот запрет и на «работника и[х], работницу их], братьев их, сестер их». Если о «[пашне], люде, вещи всякой» было сказано, что они были «сотворены», т. е. выделены, для заупокойных жрецов хозяином, то о «работнике и[х], работнице их]» ничего подобного не заявлено, более того, они недвусмысленно противопоставлены тем землям, людям и вещам, будучи упомянуты после определения тех как «сотворенных» вельможею, и тем самым выделены из разряда условно предоставленного жрецам имущества. Упоминание наряду с «работником и[х], работнице их]» «братьев их, сестер их» не менее показательно, потому что последние, конечно, никак не могли быть даны заупокойным жрецам работодателем. Имеются, наверное, в виду те братья и сестры, которые, не наследовав от родителей достаточного для пропитания имущества, проживали за старшими братьями-наследниками, завися от них и так или иначе служа им (ср. сказанное по этому поводу в ЧСПЕСЦ: 19—29). Данное запрещение не распространялось, по-видимому, на те случаи, когда домочадцы заупокойных жрецов привлекались для работы на умершего, так как вслед за запретами стоит ограничительное: «помимо возглашения [для (меня) с помощью (их) на кладбище в] гробнице собственной (моей), которая в (месте пирамиды) „Велик Х^{е.ф-р}“, согласно тому, как предназначил (я) пашню, люд, [вещь всякую, сотворенные (мною) им, чтобы возглашать для (меня)] с помощью (их)». Заключительные слова, касающиеся только выделенных вельможею людей и имущества, позволяют, правда, отнести оговорку «помимо возглашения» и т. д. к ним одним, превратив тем самым запрещение в случае домочадцев в безусловное, но только вполне мыслимо, что с поступлением заупокойных жрецов на службу к вельможе и все их домочадцы вместе с ними могли быть использованы для

поминальной службы, править которую жрецы подрядились. Как бы то ни было, и в случае непривлечения домочадцев к этой службе работа их на служащего жреца все равно шла на пользу поминальному служению.

Что отношения между заупокойным жречеством и хозяином основывались не на принуждении, а на вольном договоре, показывает также завешание сановника *Чнтй*:

«(Что) до возглашения (т. е. заупокойной жертвы), имеющего выходить для меня из дома царя: ячменя, полбы, одежды, (то) это жена (моя), что при вещи царицы, *Тп-м-нфрт* — имеющая производить возглашение с помощью (их). Состоящая в чести это (т. е. она) у (меня).

(Что) же до второй из пашни [2] сот (1 сот ≈ 2735 кв. м), что для возглашения, что для матери (моей), что при вещи царицы, *Ббй*, (то) она (т. е. вторая сот) для жены (моей), что при вещи царицы, *Тп-м-нфрт*. Она — имеющая возглашать с помощью (того) для (меня) с матерью (моею), что при вещи царицы, *Ббй*. Я — истребовавший их у царя, чтобы был в чести (я). Я — сын ее старший, наследник ее. Я — погребший ее на кладбище.

Слуга двойника *Нфр-хър(й)* — пашни [3], ячменя четверика 3,

Слуга двойника *Йвфй* — пашни 3, ячменя четверика 3,

Слуга двойника *Сн* — пашни [3], ячменя четверика 3 (?), имеющие выходить для них из доли *Тп-м-нфрт*. Сотворена доля ее для слуг двойника этих сотами (?) малыми...

Если не будут они сидеть (т. е. обитать) во дворе двойника соответствующем, который за женою (моею), [что при вещи царицы, *Тп-м-нфрт*, возвращено будет на место жене (моей) *Тп-м-нфрт*]» (притолока из гробницы *Чнтй*, UAR:163—164).

Несмотря на некоторую неясность относительно состава вознаграждения, не приходится сомневаться, что заупокойные жрецы были наняты именно за него, — по-видимому, за определенные доходы в зерне с мелких полевых участков. Уход жрецов с места своего служения вел только к прекращению их доходов с выделенной для того земли и возвращению их в общую казну заупокойного установления, состоявшего в ведении жены завещателя. Единственное давление, которое оказывает последний на своих заупокойных жрецов, — чисто хозяйственного порядка: *о внехозяйственном принуждении, насильственном закреплении за данною службою мы ничего не слышим*. «Слуги двойника» вольны покинуть «двор двойника»; они не подневольные люди покойного вельможи.

В определенных случаях «слуги двойника» сами могли выступать как «завещатели» и говорить с такою же полноправной уверенностью и почти теми же словами, что и их вельможные господа. Так, дочь заупокойного жреца царской матери и сама

заупокойная жрица, совсем как вельможа, возбраняет кому бы то ни было распоряжаться ее братьями и сестрами, завещанными ей родителем и, по-видимому, также являющимися заупокойными жрецами:

«Матер(и) царя *Хѣтл-хѣрс* собственный (человек), слуга двойника *Чнѣй*. Дочь его, слу(жанка) двойника *Пнѣй*, сказыва(ет): (Что) до детей этих, данных (мн)е отцом (моим) этим по завещанию, не даю (я) быть властными людям всем в них» (следует полуразрушенный конец:) «Слу(жанка) двойника *Бвт*, рожденная (?) *Р^с-шнс* (?)», дано это (или: эти) ей (?) необычный порядок слов?) — — — —, чтобы (?) возгл[ашать?] (т. е. приносить заупокойную жертву)» (камень с распоряжением *Пнѣй*, UAR:35=AIKMB:28).

Рабочее время заупокойных жрецов было строго ограничено. В больших заупокойных установлениях, подчиняясь трехстепенному начальству: «распорядителям», «наставникам» и «надзирателям» «слуг двойника», они тем не менее делились на череды, имевшие своих писцов и носившие каждое особое название. Ср., например, надписания шествий заупокойного жречества в гробнице правителей (верховных сановников) *К'-гм.н(.й)* и *Птхѣ-хѣтл*.

«Наставник слуг двойника», «надзиратель слуг двойника», «писец черед(ы?) слуг двойника» (*К'-гм.н(.й)*), над тремя мужчинами, стоящими позади вельможи; изображения с надписаниями повторены трижды одно над другим: MG II:X=17, № 112, 113, 114).

«Наставники слуг двойника, надзиратели слуг двойника, писцы черед слуг двойника — — — —» (*Птхѣ-хѣтл*, над вереницею мужчин с приношениями; SM:XII=MAE:352). Ср. также особенно подробно выписанное звание кадящего мужчины в гробнице того же *К'-гм.н(.й)*: «Писец, что от череды, что от слуг двойника» (MG II:XXIX—XXXI=JEA XXIV:V); в менее подробном надписании это звание засвидетельствовано множество раз на гробничных изображениях. Имена пяти черед читаются над входами в пяти кладовых в гробнице правителя *Мпр-в(й)-к'* (MM:CXCIX). Также и в гробнице другого правителя, *снх-м.^с-хѣр*, в речи одного из рассекающих жертвенного быка читаем: «Слуги двойника череды этой *Счт* доставляют вещь к жертвенному столу» (RTS II:LVI).

Из надписей гробницы *Чйй* мы узнаем, что заупокойные жрецы чередовались в служении умершему вельможе, работая поочередно в течение месяца. Под заголовком «Доставка кусков мяса другу (царя) единственному *Чйй*» находим двух мужчин, несущих в жертву хозяину по бычьей ноге: первый — как «вещь вечера», т. е. на ужин, второй — как «вещь утра», т. е. на завтрак, но каждый из обонх заупокойных жрецов является одинаково «слугою двойника, что в месяце», т. е. заупокойным жрецом, занятым в данный месяц. В целом надпись читается так (подчеркнутое мною, хотя и выписано сверху единожды,

рассчитано на повторение при чтении, так что, в сущности, перед нами не одно, а два предложения):

«Доставка кусков мяса другу единственному *Чйй* (в) вещь-вечера слугою двойника, что в месяце»;

«Доставка кусков мяса другу единственному *Чйй* (в) вещь-утра слугою двойника, что в месяце» (RTS II:LVl).

Если черед было несколько и они служили только по месяцу, служебная нагрузка заупокойного жречества не могла быть большою. О степени занятости лиц, правивших поминальную службу, можно судить по завещанию сановника *Н(й)-к'-снх*, высеченному на стене его гробницы (около нынешнего Тэхне). К сожалению, неясно, именовались ли жена и дети, которым сановник завещал заупокойное служение по древнем вельможе *Хънкв*, «слугами двойника», а то распорядок службы был бы вдвойне любопытен, указывая на слабую загрузку заупокойных служащих даже в маленьком поминальном установлении вдали от столицы, не располагавшем таким количеством жрецов, как соответствующие установления больших вельмож. Сообщив о передаче жене и детям жреческого служения при храме Хатхор, завещатель продолжает:

«И эти люди — имеющие возглашать (т. е. приносить заупокойную жертву) для знакомого (?) царя *Хънкв*, отца его, матери его, детей его, присных (? — *мр*) его всех.

Добавочные дни года (т. е. 5 дней
в конце его после 12 месяцев
из 30 дней каждый)

(разрушенное имя)

Месяц первый

Месяц 2-й

Половодья (т. е.
1-го времени года)

слуга божий (т. е. жрец)

Хъм-хъвт-хър

Р'-[йнт?]

Месяц 3-й

Месяц 4-й

Хнт-свт-хъвт-хър

Месяц первый

Месяц 2-й

Выхожденья (т. е.
2-го времени года)

Хс-б'в-хъвт-хър

Месяц 3-й

Месяц 4-й

Къ'-свт-хъвт-хър

Всб-к'в-хъвт-хър

Шпс-всб-хъвт-хър

Месяц первый

Месяц 2-й

Месяц 3-й

Жатвы (т. е. 3-го
времени года)

Нсв-'хт-хъвт-хър

Шпс-всб-хъвт-хър

писец грамот царя *Хъм-хъвт-хър*

Месяц 4-й

та, что при вещи царевой
Хъкнв-хъджт (жена завещателя).

И это дети (мои) эти — имеющие возглашать для того, кто при вещи царевой *Хънкв*, отца его, матери его, детей его, присных (? — *мр*) его всех» (UAR:27—28=ASAE III:IV).

Следовательно, в данном случае каждый из служащих заупокойного установления отбывал свою службу по нем всего только в течение одного месяца раз в году. Правда, здесь служат помесечно отдельные лица и нет речи о чередрах. В больших установлениях, где имелось несколько черед, но, может

быть, все-таки не двенадцать, чередование их в заупокойном служении должно было быть более частым.

Но источники содержат данные не только касательно управления и степени занятости черед, они сообщают кое-что о них и как о хозяйственных единицах. В переведенном выше «завещании» безымянного вельможи о своих заупокойных жрецах ясно сказано о «слуге двойника», что, если «выйдет (т. е. перейдет) он под другое руководство (т. е. на другую службу), доля (?), что (была) под ним, (отойдет) к череде, по которой он (состоял)». И в другом месте читаем: «(Что) до вещи всякой, коя выйдет (т. е. пропадет) из данного (мною) и[м], [буду судиться (я) с ними в месте], где судятся. Доля (?) цельная после (будет) чередам этим в (размере) $\frac{1}{10}$ ». Последнее волеизъявление не вполне ясно. Быть может, надел у виновного будет отобран и по восстановлении судебным порядком в первоначальном («цельном») виде распределен между чередами из расчета по $\frac{1}{10}$ его на каждую. Если бы такая догадка оказалась случайно правильной, мы имели бы тут косвенное свидетельство о числе черед в данном заупокойном установлении: поскольку восстановленная доля распределялась бы чередам по $\frac{1}{10}$, их должно было бы быть 10.

Еще любопытнее надпись на небольшом (ныне 67 см) каменном (известняковом) столбе (обелиске), стоявшем некогда перед могилою правителя (верховного сановника) *Птхъ-хъти* Красного (т. е. Рыжего). Под отвесною строкою с титулом хозяина гробницы читаем: «Сотворенное (т. е. посвященное) чередою *Имй-нфрт*».

Череда этого имени имеется в числе пяти названных над входами в кладовые гробницы правителя *Мрр-в(й)-к'* (ММ: СХСІХ), да и какая вообще другая череда, кроме как заупокойных жрецов, могла быть названа без более точного определения на гробничном памятнике верховного сановника в качестве посвяtitеля? Всякий, естественно, подумал бы о них, постоянной службою связанных с местом памятника. Кратенькое посвящение, таким образом, не только показывает, что череда заупокойного жречества могла выступать в общественной жизни как собирательное лицо, но свидетельствует, что такая череда располагала своими средствами, на которые воздвигала памятники в подарок не кому иному, как своему хозяину, будь он даже сам верховный сановник.

О благосостоянии рядовых «слуг двойника» свидетельствуют оставленные ими памятники. Изваяние «слуги двойника», приготовленное для вельможного его хозяина, исключительная редкость (коленопреклоненное — в служебно-обрядовом положении — изваяние «слуги двойника» *К'-м-къд* из гробницы вельможи *Ир.н-вр*; SSKPMK:91=XXVI=ZASA XXXV:119). Зато известен ряд каменных изваяний простых «слуг двойника», изготовленных для собственного их употребления и изображающих умерших в виде чинно восседающих важных бар: двойное

изваяние «слуги двойника» *Чнтй* и его жены (?) *Йй-мрт.ф* (АІКМВ:70), изваяние «слуги двойника» *Хнв-птхъ*, имевшего, впрочем, также звание «надзирателя (младшего начальника) слуг двойника» (EG II:XXI=69). Последнее изваяние происходит из тайника («сердаба») гробницы *К'-хр-н(й)-свт*, где *Хнв-птхъ* была также посвящена маленькая ложная дверь (EG II:67—68). Сохранилась притолока от такой двери с заупокойным заклинанием на имя «слуги двойника *Ртй* (?)» (АІКМВ:39) и притолока с таким же заклинанием на имя «слуги двойника *нх*» (RIEMRCB:4). Но до нас дошли и целые гробницы, иногда внушительных размеров, принадлежавшие рядовым слугам двойника. Таковы большая гробница «собственного», т. е. частного, служащего вельможи *Рс-вр*, «слуги двойника, творца ногтей (т. е. ухаживающего за ногтями) *К'-хр-н(й)-свт*», с десятком склепов, длинной каменной надстройкой (мастаба) (свыше 16 м в длину) и пятью ложными дверями (EG II:66—67=XXI). «Собственному» служащему, должно быть, того же *Рс-вр*, погребенного по соседству, принадлежала скромная гробница (надстройка длиной лишь 3,5 м) «распорядителя полотна (т. е. заведующего бельем), слуги двойника, любимого владыкой своим, *Рс-вр*», содержавшая тем не менее несколько склепов и ложных дверей (EG I:66—67=XLIV). Несколько внушительнее гробница «слуги двойника *Хьм-мв*» с каменной надстройкой (длиною около 6 м), с тайником для изваяний, склепами и тремя ложными дверями (G VI:187—193). Судя по надписям на жертвенниках, «слуге двойника *Нфр-йхъй*» принадлежала небольшая гробница с одним склепом, но каменной надстройкой (длиною 4 м) (G VI:159—162), «состоящему в чести у владыки своего, слуге двойника *Н(й)-св*», ставшему впоследствии «наставником (т. е. второстепенным начальником) слуг двойника» (см. ниже), — гробница с кирпичной надстройкой (G VI:237—238), «слуге двойника *Мдв-нфр*» — гробница, надстройка которой почти полностью погибла (кроме жертвенника уцелела ложная дверь) (G VI:217—218).

Никакой «пропасти» между слугами двойника и их начальниками не существовало. Рядовые слуги двойника со временем превращались в начальников. Так, только что упоминавшийся *Н(й)-св*, именовавшийся в первоначальной надписи на жертвеннике «состоящим в чести у владыки своего, слугой двойника *Н(й)-св*», в позднейших небрежных приписках там же величался уже «состоящим в чести у бога большого, просветителем (т. е. начальником второй степени) слуг двойника *Н(а)-св*» или даже «состоящим в чести у бога большого, просветителем слуг двойника, тем, что при вещи царицы, *Н(й)-св*» (G VI:238). В гробнице областных князей *Мхв* и *С'б.н.й* заупокойный жрец именуется то просто «слугой двойника, руководителем шатра (т. е. кухни), творящим жалуюм(ое) владыкой его», то «наставником слуг двойника, творящим жалуюм(ое) владыкой его» (SMIEA:145). Также и упоминавшийся выше *Хнв-птхъ*, именуе-

мый на ложной двери и на изваянии «служгой двойника *Хнв-птхъ*», на изваянии, по-видимому, назван также «надзирателем» (т. е. третьестепенным начальником) слуг двойника *Хнв-птхъ*» (EG II:XXI=68—69). Поэтому только в порядке вещей, если сыновья начальников заупокойных жрецов оказываются простыми «слугами двойника». Так, в гробнице областных князей *Мхв* и *С'б.н.й.* отцу, именуемому то «руководителем шатра» (т. е. столовой), наставником (в издании ошибочно: другом) слуг двойника», то «руководителем (в издании ошибочно знак булавки *хъдж* вместо знака жезла *хрп*) шатра, распорядителем слуг двойника», помогает неизменно «сын его, слуга двойника *Мхв*» (СМІЕА:144—145), в то время как в соседней гробнице «друга единственного, казначея бога *Сбк-хътп*», один из сыновей «руководителя шатра, распорядителя слуг двойника, творящего жалуемое владыкой его, *Сбк-хътп*» назван «сыном его, служгой двойника *Шб.?.й*» (СМІЕА:196). На ложной двери, посвященной в гробницу «дочери царя от утробы его *'бт*» ее «распорядителем дома, распорядителем слуг двойника *К'й*», последний представлен с целым выводком рядовых заупокойных жрецов, его сыновей и дочерей, служивших, очевидно, под его начальством при гробнице царевны: 1) «слу(жанка) двойника *Нй-м'с-т-хъс'пй*», 2) «слу(жанка) двойника *Хътп-нбв*», 3) «слу(жанка) двойника *Йнт-к(').с*», 4) «слуга двойника *Бйв-птхъ-вр*», 5) «слу(жанка) двойника *Йрт-нб*», 6) «слу(жанка) двойника———*к'нбв*», 7) «слуга двойника *Чнтй*», 8) «слуга двойника *Птхъ* (———?)». Что то были действительно дети посвяtitеля, видно по тому, что слуги двойника представлены нагими, т. е. мальчиками (№ 4 и 8; № 7 поврежден; взрослые «слуги двойника *Нфр-йрв*» и «слуга двойника *Хбнтй*» изображены на двери одетыми), а первая жрица обнимает ногу отца (G I:221). К тому же в собственной гробнице *К'й* упомянуты «сын его *Чнтй*» и «дочь его (*Нй*)-*м'с-т-хъс'пй*» (G I:223—224). Там *К'й* — полное имя *К'п-нй-свт* — носит целый ряд званий, в частности «распорядитель домов детей царя», «писец грамот царя» и «чиститель (т. е. обмыватель) царя», показывающих, что то был немаловажный придворный (G I:223). И на самой двери в гробнице царевны титул его дважды открывается званием «того, кто при вещи царевой» (G I:221).

После всего сказанного неудивительно, что многие рядовые слуги двойника имели звания, указывающие, что то были люди с известным или даже видным положением в обществе; равным образом нас не удивит, что обыкновенные слуги двойника бывали детьми лиц, такие звания имевших. Мы не знаем в точности, как передавать и как понимать частое звание, обычно переводимое как «знакомый царя», но несомненно, что таковыми царскими приближенными были лица именитые. У «знакового (?) [царя], чистителя (т. е. обмывателя) царя, слуги божьего (т. е. жреца) *Хв.ф-вй*, распорядителя дома *Мр-снх.ф*» супруга именовалась «жена его, возлюбленная его, знакомая

ц[арева], слу(жанка) двойника *Нфр-хэти.с*» (гробница *Мр-снх.ф*, EG III:16). В гробнице «распорядителя слуг двойника, наставника (т. е. начальника второй степени) писцов житницы, того, кто при вещи царевой, наставника писцов дома белого (т. е. хранилища вещественных ценностей, судя по другому титулу умершего — (царского местожительства), распорядителя писцов (кладбища пирамиды) „Небосклон(ный?)—*Хв.ф-вй*“ *'хт-хэти*» (EG I:77, ср. 79) одна из близких ему женщин (жена?)— «та, что при вещи царевой, слу(жанка) двойника *Нй-к'-хэти-хэр*» (EG I:85), служившая рядовой заупокойной жрицей под начальством своего мужа (?). На ложной двери (того, кто при вещи царевой, писца дома белого (т. е. хранилища вещественных ценностей) *снх-хс.ф*» совершающий ему возлияние мужчина обозначен как «сын его, слуга двойника...» (HTESBM:XVIII), так что, хотя сам он не назван «тем, кто при вещи царевой», является все же сыном такого лица. Можно назвать еще несколько лиц, самими своими титулами связанных со двором и тем не менее служивших простыми слугами двойника у частных лиц. Таков упоминавшийся выше «распорядитель полотна (т. е. заведующий бельем), слуга двойника, любимый владыкой его, *Рс-вр*», бывший «собственным» или частным служащим, по всей видимости, одноименного вельможи и в то же время состоявший «учителем певц(ов) царя» (гробница певца *Рс-вр*, EG I:66—68=XLIV). Таков далее «слуга двойника, распорядитель ваятелей украшения царя *Ттй*», упомянутый в числе других рядовых заупокойных жрецов в гробнице *Дв'-н-р*^с (MAE:350). Среди этих последних в данной гробнице мы находим также двух писцов: «слугу двойника, писца дома настоятеля обращения (т. е. управления заведующего выдачами) *Хэти-дй-н.ф*» и «слугу двойника *Хьм-мв*» (MAE:350). «Слугу двойника, судью, крепкого голосом (т. е. счетчика-выкликателя при счете зерна), *Йй-кйй-к*(')» мы находим в гробнице *'хт-хэти* градоначальника (TP:XXXIII=MPAS I:XXIV). Несомненно, чиновным лицом был «наставник (т. е. начальник второй степени) дома затвора (*пр-шнсв*, т. е. места приготовления жертвоприношений) (царского солнечного храма) „Приемлет сердце Рэ“ *Сннв*», но один из несущих ему дары на ложной двери из его гробницы назван просто «сыном его, слугой двойника *Йнй-снх*» (HTESBM:XXVII).

Завешание местного сановника, «распорядителя домового двора большого, раба божьего (т. е. жреца) Хатхор, предстоящей Устью Долины (долина к северо-востоку от Энхаба), ...того, кто при вещи царевой, *Нй-к'-снх*», сына «распорядителя дома *'тй*» и «той, что при вещи царевой *Двт*», начертанное в его гробнице (близ Тэхнэ), позволяет умозаключить, что едва ли не все его «слуги двойника» были его собственными детьми:

«Приказание слова, [сотворенное тем, кто при вещи царевой, *Нй-к'*]-*снх* в доме своем устами своими, (когда) был жив он: (Что) до детей (моих) всех и сотворенного мною

[для] них в виде потребного (для того, чтобы) ели они, не даю (я) быть властну человеку [всякому в (пере)даче сотвор]енного (мною) для него по завещанию (или) путем дачи близкому (?) своему всякому, разве только что объявится сын его, коему даст он. Творить будут они под рукою сына (моего) старшего, подобно тому как творили бы они для меня вещь (т. е. нечто) самого. Я — сотворивший наследника (моего) на день, в койй пойду я на запад медлительный (т. е. на кладбище, куда умерший попадет с замедлением?). Слуги двойника те, творящие для (меня) под рукою его — он — учитывающий их по возглашению (т. е. в отношении заупокойной жертвы) для (меня) повседневно, в главизну (т. е. начало) месяца, полумесяца, в праздник(и) года. Не даю (я) быть властну ему (во) взятии их на работу всякую сверх возглашения для (меня) повседневно. Если возьмет он их (на) работу всякую, которая не возглашение, не даю (я) быть властну ему в слугах двойника этих в отношении работы всякой сверх возглашения» (UAR:162=RE 1:30—32).

Итак, среди слуг двойника было немало придворных и государственных служащих, принадлежащих если и не к самым верхам, то все же к господствующим слоям общества. Однако, судя по припискам к бесчисленным изображениям заупокойных жрецов в вельможеских гробницах, подавляющее большинство простых слуг двойника составляли не придворные и не государственные служащие, а служащие самих вельмож. Под углом зрения тогдашних представлений могло считаться только естественным, если те, что ходили за вельможею при жизни, продолжали ходить за ним и после его смерти.

Самые доверенные служащие вельмож не стыдились выступать в качестве простых слуг двойника. Так, в гробнице областного князя *Хнв-хнм* мы находим «распорядителя дома (т. е. управляющего), слугу двойника, творящего жалуемое владыкою его, *К'р*» (СМІЕА:198), на обломке ложной двери — «распорядителя дома, слугу двойника *Сннв*» (НТЕSBM:IX), в гробнице начальника сокровищницы *Джф'в* — «распорядителя дома, слугу двойника.....*.*йб*» (МАЕ:253), в гробнице *Мрр-в(й)-к'* — «слугу двойника, распорядителя дома *Мрй-нн*» (GAR:XC). В гробнице сановника *Сбк-хътп* находим одноименного «руководителя шатра (т. е. столовой), слугу двойника *Сбк-хътп*», служащего хозяину (СМІЕА:196), в гробнице *Сн* — несущего приношения «руководителя шатра, слугу двойника, творящего жалуемое владыкою его, сына его (наверно, не вельможи, а предшествующего мужчины с дарами — „слуги двойника *Йхй...*“ и последующей женщины, тоже с приношениями — „жены его *Нфр-снкъ(т)“* *Снй*» (СМІЕА:200), в княжеской гробнице *Мхв* и *С'б.н.й* — «слугу двойника (в другом месте:

* Эти иероглифы выписаны, но копия не внушает доверия, поэтому Ю. Я. Перепелкин воздержался от транскрипции.

„наставника слуг двойника“), руководителя шатра, творящего жалуюм(ое) владыкою его, *С...нфрй*» (СМІЕА:145), в гробнице *Шфй* — «руководителя шатра *Шфй*» (МАЕ:407). В гробнице верховного жреца *Птхъ-шпсс* несет жертву хозяину «слуга двойника, распорядитель ватаг *Нсй-птхъ*» (СМ:XXIX). В гробнице градоначальника *Птхъ-хътп* охотится «слуга двойника, распорядитель провожатых (род слуг) *Йрй*» (МРАС I:XXII=XXVIII=ТР:XXXII) и несет вельможе жертвенное животное (газель) «слуга двойника, руководитель провожатых *Птхъ-хътп*» (ТР:XXXVII). В той же гробнице мы видим участвующих в ловле птиц «распорядителя полотна (т. е. заведующего бельем), слугу двойника *Й'в*» (ТР:XXXII=МРАС II:XXVI) и во главе шествия с жертвоприношениями «распорядителя полотна, слугу двойника — — —» (МРАС II:XXIII). В гробнице *Птхъ-шпсс* увековечены его служащие *Хъм-нб*, *Сшм-нфр* и *Нс-птхъ*, названные каждый перед именем «служгой двойника, распорядителем полотна» (в титуле *Хъм-нб* изданием, вероятно, а не подлинником опущен знак рта — *р*) (МАЕ:381, 379). От «собственного (т. е. личного) (служащего), распорядителя полотна, слуги двойника, любимого владыкою его, *Р^с-вр*» (ЕГ I:68; короче, «распорядитель полотна, слуга двойника *Р^с-вр*» — там же), состоявшего на службе, наверное, у погребенного подле в громадной усыпальнице одноименного вельможи, до нас дошла скромная гробница, тем не менее о двух склепах и двух ложных дверях, отделанных надписями и отчасти изображениями (ЕГ I:66—68, XLIV). В гробнице *Мррй* представлен несущим ларец карлик — «распорядитель полотна, слуга двойника *Рдй*» (АSAE XLIII:454=XXXIX, В); от «распорядителя полотна, слуги двойника *Хъм-хътп*» дошло небольшое каменное изваяние, предназначенное для него самого, судя по его неслужебной осанке, и изображающее тоже карлика (SSKPMK: 105—106, XXXII). «Слуга двойника, казначей (т. е. хранитель „казны“ в старинном смысле — совокупности чьих-либо ценностей) *Сшм-нфр*» изображен с хозяйским вещевым (бельевым?) мешком и обувью в гробнице правителя *'хт-хътп* (МРАС II:VIII); «слуга двойника, казначей *Сшм-нфр*» и «слуга двойника, казначей *Нфр-тм*» предстают перед нами в гробнице *Шфй* (МАЕ:407), а «слуга двойника, казначей *Йбд.?й*» — в гробнице *Мрр-в(й)-к'* (ММ:XLVI). В гробнице *М''-нфр* мы находим «творца ногтей (т. е. ухаживающего за ногтями), слугу двойника *Снб* (?)» (АІКМВ:117), а на ложной двери — заклинателя *Схм-к'*, несущим дары «творца ногтей *Н(й)-шпсс-н(й)-свт*» (АІКМВ:9=DAeAe II:LXXXIX); «слуга двойника, творец ногтей *Стй-мв*» увековечен в гробнице *Нфр-сшм-си'т* (МАЕ:407). Знатоку «ногтевого» дела, состоявший на службе у ближайшего к царю вельможи *Р^с-вр* — «(жреца) сэтом(а), руководитель(я) (носящих опоясание-)шенто, друг(а) единственн(ого) *Р^с-вр* собственн(ый) (служащий), слуга двойника, творец ногтей *К'-хр-нй-свт*» оставил нам внушительную каменную

гробницу с десятком склепов и пятью ложными дверьми (EG II:66=67, XXI 1). «Слуга двойника *Нфр-хэр-н-птхэ*» несет снедь и ведет жертвенных животных хозяину в гробнице верховного жреца *Птхэ-шпсс* (SM:XXX).

Присутствие сыновей хозяина гробницы в составе рядового заупокойного жречества придает ему еще более домашний облик. На ложной двери «того, кто при вещи царевой, писца дома белого (т. е. хранилища вещественных ценностей) *снх-хэ'ф*» возлияние ему совершает «сын его, слуга двойника...» (HTESBM:XVIII); на ложной двери «наставника (т. е. начальника второй степени) дома затвора (т. е. места приготовления жертвоприношений, см. § 26) (царского солнечного храма) „Приемлет сердце Рэ“» *Сннв* один из несущих дары — «сын его, слуга двойника *Йнй-снх*» (HTESBM:XXVII=п.е. XX). Немного выше было переведено завешание «слуги божьего (т. е. жреца) Хатхор, владычицы Ре-оне..., того, кто при вещи царевой, *Нй-к'-снх*», откуда как будто бы следует, что даже все заупокойное жречество этого лица, все его слуги двойника были сплошь его детьми. Близость между домом и заупокойным жречеством не менее заметна и по частому замещению его начальственных должностей домочадцами — сыновьями и домашними служащими.

Что общее наблюдение за слугами двойника поручалось наследникам умершего, было в порядке вещей. Из только что упомянутого и переведенного выше завешания *Нй-к'-снх* видно, что слуги двойника этого сановника были подчинены его старшему сыну и наследнику. Завешание другого сановника, *Чнтй*, приведенное несколько раньше в настоящей главе, ставит обеспечение слуг двойника, служащих умершему и его матери, под общий надзор его жены, которой для того выделяется собственный участок пахотной земли. В завешании из безымянной гробницы подле пирамиды *Хс.ф-рс* родне умершего и заупокойному жречеству запрещается использовать выделенное для поминальной службы имущество и домочадцев тех лиц, которые ее отправляют, для чего-либо другого, помимо заупокойного служения, и, так как наряду с заупокойным жречеством, и притом впереди него, названа только родня сановника, эта последняя явно предполагалась способной вмешиваться в имущественные дела слуг двойника и распоряжаться их наделами и людьми:

«Не даю (я) быть властными [детям (моим), братьям (моим)], сестрам (моим), потомкам (моим) всем, наставникам (т. е. второстепенным начальникам) слуг двойника, надзирателям (т. е. третьестепенным начальникам) слуг двойника, [слугам двойника всем в пашне], людях, вещи всякой, сотворенных (т. е. выделенных) (мн)ою им, чтобы возглашать (т. е. приносить заупокойную жертву) (мн)е с помощью (их), (а также) в работнике и[х, работнице их, в] братьях их, сестрах их помимо возглашения [для (меня) с помощью (их) на кладбище в] гробнице собственной (моей), которая в (месте пира-

миды) „Велик *Х^c.ф-р^c“*, согласно тому, как назначил (я) пашню, люд, [вещь всякую, сотворен (мною) им, чтобы возглашать для (меня)] с помощью их» (UAR:11—12=IHCE:I=ThIAe:1210=RTRPhAEA XXIX:79=DARMK:113).

В этих завещаниях мы, правда, ничего не слышим о присвоении родственникам, поставленным над заупокойными жрецами, соответственных начальнических должностей, но в других случаях сыновья прямо именуются начальниками над «слугами двойника». Особенно наглядно это видно в гробнице местного сановника *Нй-к'-снх*. Здесь позади пирующего умершего изображены его заупокойные жрецы с указанием, кому из «распорядителей слуг двойника» они были подчинены. Под надписанием «распорядитель слуг двойника, [под рукою его]» находим мужчину, «слугу двойника **н-хър*», и ныне пропавшую женщину, «[служанку двойника] *Нб* — — —»; под надписанием «распорядитель [слуг двойника] — — — [под рукою его]» — мужчину, «[слугу двойника] — — — —», и женщину, «слу(жанку) двойника *З'-эт-мрт*»; под написанием «распорядитель слуг двойника *Хнт-свт*, под рукою его» — мужчину, «слугу двойника *Ш^cй*», и женщину, «слу(жанку) двойника *К'-йхйй*» (UAR:29=ASAE III:125—126, V). «Распорядители слуг двойника» *Шнсс* и *Хнт-свт* будут не кем иным, как сыновьями умершего, поименованными в росписях других служб и доходов, завещанных «детям» (и жене), под полными их именами — *Шнсс-всб-хъвт-хър* и *Хнт-свт-хъвт-хър* (UAR:25—26, 27—28=ASAE III:126—130, V). *Къ'-с[вт]*, который должен быть тождествен с *Къ'-свт-хъвт-хър* упомянутых росписей (UAR:26, 27=ASAE III:131—134, V), изображен на соседней ложной двери в виде мальчика в числе детей *Нй-к'-снх* (ASAE III:III). Кроме того, в помещенной позади заупокойных жрецов надписи они явно подчинены именно детям умершего, тождественным тем самым с начальствующими над этими жрецами «распорядителями слуг двойника»². Надпись эта гласит: «[Слуги двойника эти] под рукою детей (моих) этих. Не даю (я) быть властну (во) взятии их на урок всякий сверх возглашения (т. е. принесения заупокойной жертвы)... — — — слуги двойника эти. (Что) до детей (моих) этих, кои будут творить работу всякую на голову слуг двойника этих, (что) до человека всякого, кой нарушит, буду (я) судиться с ним» (UAR:30=ASAE III:130, V).

Заслуживает внимания, что «распорядители слуг двойника», во всяком случае первый и последний (имя среднего пропало), отличны от старшего сына и наследника, каковым был *Хъм-хъвт-хър* (UAR:31=ASAE III:125), так что здесь начальнические должности явно не связаны с общим надзором за заупокойной службой, осуществляемым наследником.

Иначе обстоит дело в гробнице *Чнтй*. Здесь посвяtitельная

² Sethe K. Urkunden des Alten Reichs. H. 1. 2. Aufl. Lpz., 1932 (Urkunden des aegyptischen Altertums in Verbindung mit Kurt Sethe und Heinrich Schäfer herausgegeben von Georg Steindorff, 1.Abt.), с. 29—30.

надпись гласит: «Это сын его старший, распорядитель слуг двойника, писец *Йвт-н-птхъ* — сотворивший ему это, когда он был погребен на западе (т. е. на кладбище на запад от реки) добром, против (т. е. согласно) сказанного им о (том), когда он был (еще) [ж]ив на ногах своих» (UAR:8=DAeAe II: XXXIVd=MAE:538).

Если сын состоял «распорядителем слуг двойника» своего отца, а не кого-либо постороннего, мы имели бы соединение в его лице наследника и начальника над отцовскими заупокойными жрецами. Совершенно недвусмысленно заупокойное жречество сына поставлено в связь с родителем в гробнице *Йр.н-р^c*. Последний именуется одновременно «того, кто при вещи царевой, *К'-н-ий-свт*, состоящ(его) в чести — сын его *Йр.н-р^c*» и «— — — *К'-н-ий-свт*, собственный (человек) его, распорядитель слуг двойника *Йр.н-[p]^c*» (G III:159).

Особенно часто, однако, должности начальников заупокойного жречества оказываются занятыми руководящими служащими вельможеских хозяйств. На ложной двери в гробнице «дочери царя от утробы его *Й'бтт*» помещена посвятельная надпись: «[Дочь царя от утробы его, возлюбленная его], владычица чести у бога *Й'бтт*. [Сотворено это] распорядителем дома, распорядителем слуг двойника *К'й*» (G I:221=UAR:155).

У царской дочери и управляющий был важным лицом. На ложной двери он дважды величает себя «тем, кто при вещи царевой», а в своей гробнице, примыкавшей к гробнице царевны, *К'й* — полное имя *К'п-ий-свт* — оказывается вдобавок «распорядителем домов детей царевых», «писцом грамот царя», «чистителем (т. е. обмывателем) царя» и т. д. (G I:223). При всей своей чиновности *К'й* начальствовал, однако, над заупокойными жрецами, набранными, по-видимому, почти сплошь из его детей. Правда, на ложной двери в гробнице *Й'бтт* мы видим двух взрослых слуг двойника, считать которых родней посвятителю у нас нет оснований, но остальные восемь юных слуг и служанок двойника, несомненно, сыновья и дочери самого начальника (см. выше перечень их и замечания касательно их родства с *К'й*). Это, конечно, только усугубляет «домашнее» обличье заупокойного жречества царевны: даже у такой особы «распорядитель слуг двойника» — управляющий, а рядовые слуги двойника в подавляющем большинстве своем его сыновья и дочери. Другого, тоже именитого, «распорядителя слуг двойника» мы знаем по его внушительной каменной гробнице. Полное титуло его звучит так: «Слуга божий (т. е. жрец) Хора *Мджв* (первое имя царя *Хв.ф-вй*), слуга божий *Мджв* к обеим владычицам (т. е. верховой и низовой государственным богиням, второе имя того же царя), чиститель царя, слуга божий *Хв.ф-вй*, тот, кто при вещи царевой, распорядитель дома, распорядитель слуг двойника, кто в чести у бога большого, *Нфр*» (G VI:41).

Тройное жречество на службе у мертвого царя *Хв.ф-вй* —

как думают, у трех различных его идолов в пирамидном его храме — было заупокойным по своей природе, однако сообразно божескому титулу властелина считалось «службой» не просто «двойнику», а «богу». Отсюда — звание «слуга бога», не «слуга двойника», и должность «распорядителя слуг двойника» имела в виду заупокойную службу не у государя, а у частного лица. Мы не знаем, кто было это лицо, но, так как *Нфр* и в полном титуле и в сокращенном — «чиститель царя, тот, кто при вещи царевой, распорядитель дома, распорядитель слуг двойника, чтимый у бога большого, *Нфр*» (G VI:60) — одинаково упорно пишет звание «распорядитель дома» рядом со званием «распорядитель слуг двойника», совсем как только что промелькнувший перед нами служащий царевны, следует думать, что сановитый муж состоял тем и другим на службе у одного и того же высокопоставленного частного лица. Что это лицо должно было быть очень высокопоставленным, видно из того еще, что сыновья *Нфр* (а двое мужчин, из которых один изображен держащимся за его посох, а другой не только изображен, но и имел в гробнице свою ложную дверь, должны быть его сыновьями) тоже были людьми чиновными: «судья, просветитель (т. е. начальник второй степени) писцов *Ст-к'*» (G VI:31, 60) и «судья, писец *Ихѣ'*» (G VI:32, 76), впоследствии — на своей ложной двери — уже «судья, распорядитель (т. е. начальник первой степени) писцов *Ихѣ'*» (G VI:76). В гробнице сановника *Сбк-хѣтп* жертвенные дары несут одноименный с хозяином «руководитель шатра (т. е. столовой), распорядитель слуг двойника, творящий жалующее владыкой его, *Сбк-хѣтп*», три его сына, «жена его, жрица Хатхор *Ивт-хѣт-хѣр*» и его дочь, причем второй сын прямо назван заупокойным жрецом: «сын его, слуга двойника *Шб.?.й*» (SMIA:196). Здесь снова под начальством домашнего служащего вся его семья правит заупокойное служение по хозяину. В той же гробнице мы видим подчиненного начальника заупокойных жрецов из тех же заведующих столовою вельможи — «руководителя шатра, наставника слуг двойника *Мквт(?)*», кадящего и сопровождаемого тремя женщинами с дарами: «казначеею *Нфр-нкѣт*», одноименной с нею «дочерью ее *Нфр-нкѣт*» и «дочерью ее *Хѣст*» (SMIA:197). Здесь не только глава правящей службу семьи был служащим у сановника, но и жена его состояла «казначеею», т. е. хранительницей всевозможных ценностей, надо думать, у того же хозяина. В другой гробнице — областных князей *Мхв* и сына его *С'б.н.й* — «руководителю шатра» *Йй.н-хнтй(?)*, именуемому в одном случае «распорядителем слуг двойника», в другом «наставником (читай так вместо *смр* издания) слуг двойника», помогает творить возлияние «сын его, слуга двойника *Мхв*», а с жертвенными дарами сопутствует вся семья: «сын его, слуга двойника *Мхв*», «жена его *Ймй*» и две «дочери его» (SMIA:144—145). Сын, служащий под начальством отца, тут опять недвусмысленно обозначен

как рядовой заупокойный жрец. «Руководитель шатра, наставник слуг двойника, тот, кто от места сердца (т. е. наперсник) владыки своего, *Мн*(?— в издании знак з)-*хэпн*, (чье) имя доброе (т. е. ласкательное) *К'...й*», изображен крошечного размера подле громадного князя, хозяина гробницы, по имени *Н(й)-св-вх*(?) (СМІЕА:161). Все перечисленные «руководители шатра» подвизались на поприще заупокойного служения подле города Свэн. Неизвестного происхождения гробничная плита знакомит нас с «распорядителем дома *Йр.тй*», величаемым тут же трижды «руководителем шатра *Йр.тй*» и дважды «наставником слуг двойника *Йр.тй*» (R1HGNC:38). На ложной двери из Мэнфе хозяин ее, «руководитель шатра, наставник слуг двойника, кто в чести (у) владыки своего *Сн-мн*» (DARMK:74), иначе — «руководитель шатра, наставник слуг двойника, кто в чести (у) бога большого, любимый владыкой его *Сн-мн*» (DARMK:75), несмотря на свое «домашнее» звание, изображен как настоящий барин — сидящим за жертвенным столиком и шествующим с длинной прической из чужих волос. Он действительно был именитым человеком, так как старшая из его дочерей названа «дочерью его старшего, той, что при вещи царевой, возлюбленного его *Чзт*» (DARMK:74), и мог не стыдиться своего скромного на вид домашнего звания, так как «владыкою» его был не кто иной, как верховный жрец государственного бога Птаха, «величайший из руководителей мастеров, распорядитель дома (столичного же бога) Сокера *Нфр.ф-р-с-нх*», почтительно упомянутый вверху ложной двери (DARMK:74.) Мы видим, что «руководители шатра» выступали «наставниками слуг двойника» одинаково как на юге, так и на севере страны и сочетание званий «руководитель шатра, наставник слуг двойника» было не менее, если не более, устойчивым и обычным, чем «распорядитель дома, распорядитель слуг двойника». Это происходило оттого, что домашние и заупокойные должности принято было замещать одними и теми же лицами.

Сказанное, однако, не означает, что из домашних служащих одни «руководители шатра» или «распорядители дома» занимали начальнические должности в заупокойном жречестве. Так, государственный и одновременно частный служащий могущественного царедворца, «друг(а) единственн(ого) *Рс-вр* собственный (человек), распорядитель отроков (царского) местожительства, распорядитель имущества его всего, что от Местожительства (и) что извне, *Мр-св-с-нх*» (EG I:109=LXVIII=UAR:234) неоднократно называет себя также «правителем слуг двойника» (EG I:107=LXVIII 2, LXX), надо думать, того же самого вельможи, чьим имуществом он управлял. Состоять хотя бы только «наставником слуг двойника» у такого важного лица, как *Рс-вр*, было, наверно, почетным и доходным делом, приличным для сановитого служащего, каким, несомненно, был *Мр-св-с-нх* с его представительной каменной гробницей, покрытой его изображениями в виде барина с посохом и

жезлом в руках, с длинной прической и за жертвенным столиком (EG I:105=LXVII, LXVIII 3, 113, ср. изваяния LXX). Наверно, на службе у того же вельможи состоял и «наставник слуг двойника, распорядитель полотна (т. е. заведующий бельем) *Чрв*», поскольку его гробница примыкала, как и гробница *Мр-св-снх*, к усыпальнице *Рс-вр* (EG III:23—25, X—XI). Гробница *Чрв* меньше и беднее гробницы *Мр-св-снх*, сообразно более скромному служебному положению хозяина; в ней мало изображений и надписей, но все же и она каменная, с высококачественной белокаменной ложной дверью, какая по средствам была б скромному «распорядителю полотна» разве только на службе у очень важного барина. В гробнице *Сим-нфр* мы находим «писца, наставника слуг двойника *Нйт-нфр*», ведущего запись, наверно, скоту, привод которого изображен ниже (G III:73=III). *Нйт-нфр* работает не один, а в обществе своих сотоварищей-писцов, и начальник писцового присутствия, являющийся, как принято было, и управляющим хозяйством в целом (см. § 33), предстает тут же, во главе подчиненных, вельможному хозяину. Это «распорядитель дома, распорядитель слуг двойника *Ипв-вр*», так что в лице его *Нйт-нфр* имел дважды начальника: как писец он был подчинен «распорядителю дома», как «наставник слуг двойника» — «распорядителю слуг двойника».

Что заупокойные жрецы ставились в один ряд с храмовыми, доказывает указ царя *Нфр-к'-рс Пйпй* II касательно жертвоприношений изваяниям его самого и его приближенных в храме Усире в Эботе. Уцелела только нижняя часть плиты:

«[Приказало величество (мое), да приносятся (? или: даются?) пол]быка (и) молока крынка в праздник всякий там в (?) жертву распорядителю слуг божьих (т. е. храмовых жрецов) (и) слуг божьих храма этого, будучи сохранны (т. е. неприкосновенны), подобно жертве божьей. Не даю (я) — — —

— в долготу вечности.

{Приказало величество (мое), да приносятся (в жертву) (? или: даются?)} $\frac{1}{8}$ быка (и) [молока крынка] в праздник всякий там изображению *Нфр-к'-рс*, которое во дворе божьем (т. е. храме) Предстоятеля западных, [$\frac{1}{8}$ быка (и) [молока] к[рынка] в праздник всякий там изваянию *Нфр-к'-рс* устойчив(ого?) (и) жив(ого?), матери царицы *снх-нс-пйпй* Старшей, которое во дворе божьем Предстоятеля западных, [$\frac{1}{8}$ быка (и) [молока] крынка в праздник всякий там изваянию *Мр-н-рс*, воссия(вшего?) (и) добр(ущего?), матери царицы *снх-нс-пйпй*, которое во дворе божьем Предстоятеля западных, [$\frac{1}{8}$ [быка (и) молока крынку] в праздник всякий там извая[нию] привратного (т. е. некогда при дворцовых вратах, т. е. верховного) судьи, правителя (т. е. верховного сановника) *Джсв* слугами божьими (и) слугами двойника собственными (т. е. личными), жречествующими за то, будучи сохранны (т. е. неприкосновен-

ны), подобно жертве божьей. Не даю (я) — — — — — в долготу вечности.

Запечатано в присутствии особы царя — — — — — месяца 4-го Жатвы, 8-го» (A:XIX, XXI=UAR:279—280=KDAR:против 88).

Изображению фараона служили, как полагают, только храмовые жрецы — слуги божьи; частные же заупокойные жрецы — «слуги двойника собственные» — обслуживали изваяния частных лиц — матерей обоих царей и верховного сановника. Однако слуги божьи и слуги двойника жречествовали одинаково за те жертвоприношения, которые они приносили и которые поступали в их пользу, полежав некоторое время перед изваяниями.

В указе, изданном одним из последних царей VI царского дома и освобождавшем заупокойных служащих двух цариц этого дома от выполнения государственных повинностей, слуги двойника резко обособлены вместе со слугами божьими от рабочего люда полей и «затворов» (т. е. пищевых заведений), производившего приносимые теми жертвы и отчасти, вероятно, и их пищу.

«Хор, — — — обеих земель — жив он вечно! Год соединения обеих земель, месяц 4-й Жатвы, открытие. [Указ царя (такому-то сановнику)].

Приказало величество (мое), да будут охранены (и) защищены слуги бога (и) слуги двойника, дома, городцы (т. е. поселки), пашен (и) затворов чадь (мрт) [для матери царицы] *нх.н.с-мр(й)-рс* (и) [для матери царицы] *Нйт* от сотворения работы (и) повинности всяких, [дабы] пребывали они, жрецествуя, читая (и) творя жертву божью, во дворе божьем (т. е. храме) матерей царевых этих в долготу вечности [по указу за царя] [(и) государя (имярек)] — жив он вечно-вековечно!

Запечатано в присутствии особы царя].

— — — — — дан (?) хлеб в (?) в грамоту твою» (UAR:307=ASAE XXXI:38).

Слуги божьи и слуги двойника обособлены в указе от «чади» даже по написанию:

слуги божьи	} (трое мужчин) — непронзносимые изобразительные знаки, общие обоим выражениям	дома	пашен	} чадь
слуги двойника		городцы	затворов	

Имеются данные для суждения о количественном составе заупокойного жречества. Указ одного из последних властителей Старого царства касательно набора наставников, т. е. второстепенных начальников слуг двойника в поминальные сооружения («дворы двойника») верховного сановника *Шм'й* в

городском храме города Кэбто, а также для поминальной службы по жене сановника, царевне *Нбт*, читается так:

«Хор, божественный душами.

Указ царя отцу бога возлюбленному (высокое звание, не предполагающее действительного отцовства по отношению к „богу“, т. е. царю), князю, распорядителю города (при пирамиде, т. е. градоначальнику столицы), привратному (т. е. некогда при дворцовых вратах, следовательно, „верховному“) судье, правителю, распорядителю писцов грамоты царевой, распорядителю слуг божьих (т. е. жрецов), жрецу *Шм'й*.

Приказало величество (мое) набрать тебе 12 наставников слуг двойника во двор двойника — — — собственный твой, чтобы жречествовать тебе, чтобы читать тебе месяц один.

Приказало величество (мое) набрать тебе 12 наставников слуг двойника во двор двойника собственный твой, который во дворе божьем (т. е. в храме) *Мина* Кэбто.

Приказало величество (мое) набрать тебе 12 наставников слуг двойника в каплицу верхнюю собственную твою.

Приказало величество (мое) набрать 10 наставников слуг двойника, чтобы творить тебе вещь (т. е. службу) в год — — — — —.

Приказало величество (мое) набрать 10 наставников слуг двойника жен[е твоей], дочери царевой старшей, красе царевой единственной, *Нбт*, чтобы жречествовать для [нее], чтобы читать для нее месяц один в... — — — во дворе двойника [собственного твоего].

Приказало величество (мое) набрать — — — наставников слуг двойника — — — из чади (*мрт*) собственной твоей, набр — — — — — семьи в кэбтоской области — — — — — собственн(ую?) тво(ю?).

А после дат — — — — — в то, что под печатью — — — — —.

Было дано прийти [д]ру[зьям] [единственн(ым) *Хэмй* (и) *Ин-йт.ф* по поводу того].

Запечатано обок (т. е. в присутствии) самого царя месяца 2-го [Всходов, числа 20-го]» (UAR:302—303=KDAR:против 208).

Итак, для заупокойной службы по одной только чете царь набирает не менее 56 одних надзирателей за «слугами двойника». Если каждый из наставников имел под своим начальством хотя бы двух-трех человек, общее число заупокойных жрецов, простых и начальственных, у данной четы было бы не менее 150—200 человек. Конечно, чета исключительно высокопоставленная: верховный сановник царства и старшая дочь царя, но время — самый исход Старого царства — пора полного изнеможения царской власти, и можно спросить себя: сколько слуг двойника для подобной четы могло бы быть набрано всевластным фараоном предшествовавших столетий?

Что наставники слуг двойника были действительно началь-

никами средней руки над рядовыми заупокойными жрецами, показано выше. Здесь же заметим только, что набор по приказу царя одних начальственных наставников без подчиненных, простых слуг двойника, может быть объяснен очень просто, стоит только предположить, что царь брал на себя набор и содержание более дорогого начальствующего состава, предоставив сановнику самому нанять рядовых жрецов, а также, быть может, низших начальников. То, что царь повелевал набрать наставников из людей самого вельможи, как раз показывает, что царское распоряжение было одолжением сановнику.

Из всего изложенного следует, что слуги двойника отнюдь не принадлежали к угнетенным низам общества, но стояли над ними, были часто лично связаны с вельможеским хозяйством и на службе у высокопоставленных господ достаточно многочисленны. Последние два обстоятельства если не подводят нас вплотную, то все же несколько готовят нас к тому странному и неожиданному явлению, к которому мы сейчас переходим и которое, несмотря на всю свою кажущуюся диковинность, хорошо засвидетельствовано памятниками.

Среди людей, окружающих вельможу в его владениях, имеются такие, которые по основным званиям своим не могут быть названы иначе, как обыкновенными слугами, и которые тем не менее именуются еще слугами двойника. Так, в гробнице столичного градоначальника *Птх-хъти* мы находим в составе шествий с заупокойными приношениями три мужских изображения, надписанные каждое «слуга двойника, провожатый (*шмсв*)», раз с добавлением еще имени (*Ихй*) (ТР:XXXVII). «Провожатыми» на службе у вельмож бывали люди самого скромного общественного положения, по-видимому даже купленники-рабы (см. § 11). Основным занятием «провожатых» было сопровождать своего господина в пути, неся за ним дорожные принадлежности. Так как одним из обычных видов странствий вельможного хозяина были прогулки в пустыню для охоты, «провожатые» имели прямое отношение к охоте, пустыне и степным животным. Появление простых «провожатых» со званием заупокойных жрецов, несомненно, несколько неожиданно, но в конце концов никаких существенных выводов из одного этого обстоятельства сделать нельзя: у важных бар и слуги могли быть важными.

Гораздо значительнее другое явление, наблюдающееся на гробничных изображениях, именно участие рядовых заупокойных жрецов, слуг двойника в хозяйстве вельможи на положении непосредственных производителей, притом в самых различных отраслях производственного труда: в земледелии, садоводстве, рыболовстве, птицеводстве, ремесленной промышленности, пивоварении...

В качестве участников земледельческих работ мы находим слуг двойника в гробнице правителя (верховного сановника)

'хт-хътп в Мэнфе. В одном случае изображено складывание хлеба в скирду на гумне: «Скирда из 330 000 (снопов?). Складывание (в скирду) ячменя». Перед скирдою мужчина перевязывает (?) сноп, справа и слева от нее — по мужчине, вскидывающему сноп на нее. У левого мужчины надпись: «Слуга двойника Н(й)-снх-хънм» (MPAS II:VIII). Он одет совершенно так же, как оба его товарища, и притом совсем по-рабочему: на нем только пояс со свешивающимся спереди концом и коротким куском ткани сзади, плохо прикрывающим наготу работающего. В сходном наряде мы находим на гумне и другого заупокойного жреца, помогающего прогонять по току ослов, молотящих хлеб своими копытами. Он идет в данное мгновение впереди ослов, помахивая палкой и, очевидно, готовясь гнать их обратно. Приписка гласит: «Слуга двойника Ир.н-'х» (MPAS II:VIII).

В гробнице среднеегипетского областного князя Пйпй-снх на изображении землепашеских работ слуга двойника выступает в качестве заправского сеятеля — с сумкой с зерном, которое он бросает на пашню длинной густою струею (RTM V:XXX).

За работою в винограднике мы застаем слуг двойника на изображении в гробнице градоначальника Птхъ-хътп, ближайшего родственника правителя 'хт-хътп, в гробнице которого мы только что видели заупокойных жрецов, работающих на гумне. Обе гробницы составляют одно строительное целое, являются двумя частями одного и того же сооружения. Потому то, что мы находим в гробнице сына, служит как бы продолжением того, что имеется в гробнице отца. А это значит, что на изображениях одного и того же преемственно единого хозяйства мы видим слуг двойника, занятых производственным трудом как в землепашестве, так и в виноградарстве.

НАЕМНЫЙ ТРУД (§ 13)

Вопрос о применении в староегипетском вельможемском хозяйстве наряду с подневольным трудом труда наемного, хотя бы и в очень скромных размерах, нельзя считать совершенно праздным. Меновые отношения в староегипетском обществе были достаточно сложны и развиты, и потому Старое царство могло знать применение наемного труда. Зерну тогда принадлежало особое место в обмене как единообразному оценочному и покупному средству, так что зерном могли удобно производиться любые расчеты с наемниками. Какое значение зерновые ссуды приобрели к концу Старого царства, а может быть, и много раньше, показывает жизнеописание современника VI царского дома, князя второй с юга области Верховья *Мрй.й-р^с-нфр*, бывшего одновременно заведующим верхнеегипетским ячменем. Князь так хвалится своею добродетельностью перед посетителями гробницы: «Давал (я) хлеб (и) пиво голодному, одежду нагому, какого (только) находил в области этой. (Раз)давал (я) кринки молока. Отмеривал (я) ячмень верховый из дома собственного (моего) голодному, найденному (мною) в области этой. (Что) до человека всякого, найденного мною в области этой (с) зерновой ссудой от другого за ним, (то) я — возмещавший ее владыке (т. е. хозяину) ее из дома собственного (моего). (Это) я — погребавший человека всякого области этой, у которого не (было) сына, в одежде (т. е. пеленах) из имущества собственного (моего)» (UAR:254—255 = ASAE XVII:136).

Тем самым засвидетельствованы и ссуды зерном, и особое для них слово (*ч'бт*), и неоплатно задолжавшие зерно должники, которых выручать из рук заимодавцев приходилось согласно надписи, местному князю. Зерновые долги были, следовательно, уже настолько часты, что превратились в общественное бедствие. Если таково было положение по части зерновых ссуд, следует ли заранее отрицать распространение в староегипетском обществе найма за зерно работников?

Вопрос, конечно, состоит прежде всего в том, имелись ли тогда в достаточном количестве свободные руки, были ли люди, которые, будучи сами «свободными», готовы были целиком

или частично наняться на работу к другому, и нуждались ли эти другие в наемном труде.

Приведенное место из жизнеописания областного князя свидетельствует не только о распространенности зерновых ссуд, но и о бедственном, безвыходном положении части нерабского населения. От такого обнищания до отдачи себя в наемники было, конечно, недалеко. В гробничном жизнеописании другого сановника, *Мчн*, жившего еще за несколько веков до *Мрий-р^c-нфр*, в самом начале IV царского дома, дважды говорится: «Достал он (т. е. хозяин гробницы) за вознаграждение (разночтение: „(за) вознаграждение“ — с пропуском „за“) пашни 200 сот у *свтъ.в* многих» (DAeAe II:III, VI = AIKMB:74, 79 = UAR:2, 4 = RTRPhAEA XXIX:65, 71). «Достать за вознаграждение» (*йнь р йсв*) — обычное выражение для «купить» уже в Старом царстве. Кто были «*свтъ.в* многие» — установить в точности трудно. Ясно только, что то были люди подначальные. Но кем бы они в точности ни были, продажа ими земли доказывает, что они были людьми «свободными», а скупка ее у многих из них скорее всего говорит о не слишком блестящем их хозяйственном положении. Мы не осведомлены, всю ли свою землю или только часть ее они уступили скупщику. Вероятнее первое, потому что из кусочков, даже скупленных у соседей, невозможно было создать имение в 550 000 кв. м, а представить себе эти земли распыленными по разным местам тоже трудно. Таким образом, очень похоже на то, что уже в самом начале Старого царства множество мелких землевладельцев, притом, по всей вероятности, соседей, что еще более сгущает краски, были вынуждены продавать свою землю богатому скупщику. Если это вело к их обезземеливанию, свободные руки для найма были налицо уже в ту раннюю пору.

Но спрашивается теперь: нуждалось ли в таких руках тоглашнее хозяйство? Ответить на это нелегко за недостатком данных. Что в страдную пору или для тех или иных ремесленных работ в вельможеском хозяйстве недоставало рук, показано в § 15 и 16. Там же выяснено, что в таких случаях областные князья привлекали подвластное, но не принадлежавшее им сельскохозяйственное население и государственных ремесленников, но естественно спросить себя, как поступали другие вельможи, княжескую власть над областью не обладавшие. На полях областных князей наряду с их личными рабочими ватагами и государственными земледельцами в страдную пору работали еще загадочные «ватаги мал(ых)», но достоверно неизвестно, из кого они состояли. Притом, поскольку они засвидетельствованы только в гробницах областных князей, появление их там тоже может быть связано с государственной властью последних и не иметь значения для вопроса о дополнительной рабочей силе в хозяйстве сановников, не состоявших князьями областей.

Есть, правда, одна область, где мы достаточно осведомлены о вознаграждении работников, но, к сожалению, это не область производства, рассчитанного на удовлетворение повседневных потребностей. Речь идет о вознаграждении за сооружение частных гробниц. Так как некоторые владельцы их в доказательство законного своего права на них и тем самым беззаконности всякого притязания на них со стороны считают нужным заверить посетителей, что мастера за сооружение были должным образом вознаграждены, в нашем распоряжении оказалось значительное количество источников¹.

Надписи, говорящие о сооружении гробниц за вознаграждение, суть следующие.

Гробница *Хътп-хър-хт* (й):

«Сотворил (я) гробницу эту из имущества (моего) правильно: никогда не брал я вещи человека всякого. (Что) до людей всех, которые сотворили для (меня) вещь (т. е. что-либо) в (ней), сотворили они, славя ради (меня) бога за то очень весьма: сотворили они это (т. е. гробницу) за хлеб, за пиво, за одежду, за умщение, за ячмень (и) полбу большие (т. е. обильные) весьма. Никогда не сотворил я вещи всякой как могущий (против?) человека всякого. Любит бог вещь правильную. Я — чтимый у царя» (DAR:V=UAR:50=MAE:342).

Гробница *Рмнв-к*:

«Сотворил (я) гробницу эту за хлеб (и) пиво, данные (мною) мастерам всем, сотворившим гробницу эту, причем также дал (я) им возмещения в большом (количестве) весьма добром всяким, потребованным ими, (так что) славили они ради (меня) бога за то» (EG II:173=LXI 2).

Гробница *Н* (й)-*м'с*-*р*:

«(Что) до гробницы собственной (моей), сотворил (я) ее благодаря [бытию (моему) в чести у царя (?)] — — —, данные (мною) мастер[ам] — — — добром всяким — — —» (EG II: вкладка у 220).

«(Что) до гробницы этой, сотворил (я) ее благодаря бытию (моему) в чести [у царя], причем мастера — — — за (?) — — —» (EG II:213).

Ложная дверь безымянного лица:

«Сотворил (я) это (т. е. гробницу) за хлеб, за пиво» (HTESBM:43=UAR:226).

Гробница *Мр-снх.ф*:

«(Что) до мастеров всех, сотворивших работу эту, дал (я) славить им ради (меня) бога — за вознаграждение, данное (мною) им» (EG III:16=18=VI).

Гробница *Нфр-хър-н-птхъ*:

«Кладбищенский (камнечек) *Пнй* был удовлетворен сделкой (*хтмт*), сотворенной (мною) с ним» (GR:VII A=ASAE XLII: 33=G VI:5, примеч. 1).

¹ На надписи этого рода обратил внимание Н. Volten в статье: *Bauherr und Arbeiter im Alten Reich.* — AO. 1931, vol. 9, с. 370—373.

Ложная дверь *Мий*:

«(Что) до мужа всякого, сотворившего для (меня) это, никогда не сердчал он на (меня), будь то мастер, будь то кладбищенский (камнecец) — удовлетворял (я) его» (DAeS:XV=PA¹:CX=PA²:CXX=AO IX:373).

Гробница *Интй*:

«(Что) до мастеров всех, [умиротворил (я) их], после того как сотворили [о]ни это, славя ради (меня) бога за то. Возлюбили они творить (т. е. работать) — не принуждал (я) их творить больше весьма (т. е. слишком много) из любви (к тому, чтобы) славили (т. е. молили) они за (меня) бога в том» (D:VII=UAR:70).

Гробница *Идв* «второго»:

«[(Что) до гробницы этой, удовлетворил (я) мастеров всех, сотворивших (?)] для (?) (меня) работу в ней, так что славили они ради (меня) бога» (Dep:VI=UAR:271).

Сюда же, вероятно, надо отнести надпись из гробницы *Нфр*: «Сотворил (я) это из подношения (?), сотворенного (мн)е владыкой (моим) соответственно бытию (моему) в чести у него. Никогда не... (неизвестный глагол *йндж/ндж*) мастер из-за этого» (G VII:147=UAR:225—226).

Однородная с приведенными надпись уцелела на обломке гробницы военачальника *Шн-счй* из той же Тэнторе, откуда происходит надпись *Идв* «второго». Хотя, возможно, она принадлежит уже времени, непосредственно следующему за VIII царским домом, и тем самым выходит за пределы Старого царства, она настолько близка по содержанию к достоверно староегипетским образцам и дает такой полный перечень вознаграждений, что ее уместно будет привести здесь: «Далее умиротворил (я) мастеров всех, сотворивших для (меня) работу в гробнице этой, хлебом, пивом, двумя ячменями (и) двумя полбами (вероятно, верховыми и низовыми), медью (?), одеж-дами, умощением, медом, вещью всякою доброю из желания, [(чтобы что-то имело место)]» (Dep:XI B).

Об изготовлении за плату одной гробничной двери определенно говорит надпись на притолоке гробницы *И'ртй*, представляющая собою «завещание» в пользу заупокойного жреца *Хьнм.тй*. Последний говорит о хозяине: «Сотворил он дверь эту за вознаграждение, (одежду) *д(')йв* малую (?)» (ASAE XLII:31—32)².

Особого внимания заслуживает надпись на изваянии «чистителя царева» *Мий*, так как это единственное, насколько я знаю, свидетельство об изготовлении на заказ изваяний, правда тоже гробничных: «Дал (я) сотворить изваяния эти ваяте-

² На эту надпись обратил мое внимание И. М. Лурье, любезно предоставивший мне для ознакомления отиск статьи, когда соответствующий год временного издания еще не был получен библиотекою Института востоковедения.

лю, (причем) был удовлетворен он вознаграждением за то — тем, что сотворил (я) ему» (UAR:225=ZASA XLVIII:156).

Таковы эти надписи. Первые четыре, бесспорно, свидетельствуют о сооружении за вознаграждение целой гробницы. Здесь, таким образом, мы можем спокойно говорить о достаточно длительной работе. Несколько сложнее вопрос о тех надписях, которые не сообщают прямо о сооружении гробницы, а вместо нее глухо упоминают «это» или «работу» или вообще ничего не называют «сотворенного». Глядя на предпоследнюю из приведенных надписей, где явственно говорится о сооружении одной только двери, а также учитывая то, что большинство этих надписей помещается на таких частях гробницы, которые могли быть изготовлены отдельно (двери, ложные двери и т. п.), можно заподозрить, что в некоторых случаях под «этим», «работою» или неназванным предметом разумелась не гробница в целом, а только части ее или отделка, полная или частичная. Даже там, где, как у *Интй*, надпись начертана на стене и сама гробница не могла состояться из частей, изготовленных порознь, так как высечена в скале, остается некоторая неуверенность, не были ли оплаченные князем мастера только писцами и резчиками, живописцами и ваятелями, отделявшими внутренность гробницы, а не теми камнесечцами, которые ее высекали в горе. Нет, однако, и убедительных оснований отрицать, что неопределенные надписи не имели в виду гробницу в целом, так как под «этим» в староегипетских надписях иногда бесспорно разумелась именно она, а не ее части, а надписи, определенно говорящие о сооружении за вознаграждение гробницы, тоже бывают начертаны на косяках и притоках.

Надпись *Нфр-хър-н-птхъ* сообщает об удовлетворении камнесечеца сделкою, заключенной с ним заказчиком. Надпись эта помещается на дверной притолоке, которая могла быть заказана и изготовлена отдельно. Потому не исключена возможность, что сделка касалась одной только двери, точнее, двух ее притолок. Однако эта возможность настолько мала, что вряд ли стоит ее принимать во внимание. Обе эти притолоки, особенно нижняя, таких скромных размеров, что заключать касательно их договор и затем торжественно рассказывать об этом посетителям было бы, пожалуй, немного странным. Но что еще существеннее, исполнителем работ назван кладбищенский камнесечец, гробница же как раз высечена в скале и потому, наверно, была делом его рук. Из надписи на ложной двери *Мнй* видно, что работа камнесечеца в подобных заявлениях отличалась от работы мастеров (*хъмвт*) («...будь то мастер, будь то кладбищенский (камнесечец)»). Если камнесечец был приглашен высечь в скале целую гробницу, становятся понятными и обстоятельность, проявленная при найме, и торжественное повествование о нем над гробничным входом. А что проявленная тою и другою стороною обстоятельность была действительно

велика, видно по тому, что договор был заключен в письменном виде и, надо полагать, в надлежащем присутствии и перед многими свидетелями (ср. староегипетскую купчую на очень скромный домик, заключенную в управлении того же кладбища — около Гизэ, — где находится и гробница *Нфр-хэр-н-птах*). Иначе как «припечатанную», следовательно, письменную сделку понять слово *хтмт*, значащее «опечатанное», было бы трудно. Таким образом, мы получаем довольно ясное представление о найме работника для иссечения гробницы: условия найма записаны в письменный договор.

Очень любопытно, чем расплачивались работодатели. Ни в одной из приведенных достоверно староегипетских надписей нет упоминаний о золоте или меди как средствах оплаты. Оплата производится вещами. Примечательно, что она не производится и сполна зерном, которое, как показано в статьях об обмене, имело широкое хождение как оценочное и покупное средство в повседневном обиходе: зерно в составе вознаграждения ремесленников называется только как один из видов, и притом всегда не на первом месте. Таким образом, вознаграждение состояло из *насущенных потребительских ценностей*. Недаром *Рмнв-к'* говорит, что вознаграждал всем тем, что просили работники. Показательно и наименование вознаграждения «добром всяким» (*шс нб*). Там, где виды вознаграждения поименованы в отдельности, они оказываются продовольствием, одеждой и умщением, предметом тоже первой необходимости в стране, где от сухого зноя легко трескалась кожа. *Хэпн-хэр-хт(й)* вознаграждал за сооружение гробницы хлебом, пивом, одеждой, умщением, ячменем и полбою; хозяин безымянной ложной двери соорудил ее или гробницу за хлеб и пиво. Поскольку последние названы на первом месте и у *Хэпн-хэр-хт(й)*, можно думать, что хлеб и пиво, т. е. наипервейшие еда и напиток египетской древности, были особенно излюбленным средством вознаграждения. Сооружение *Й'ртй* гробничной двери за одежду в связи с упоминанием ее и в перечне *Хэпн-хэр-хт(й)* может указывать, что и она имела широкое хождение в качестве платежного средства. Поздняя надпись *Шн-счй* показывает, что перечень *Хэпн-хэр-хт(й)* не был случайностью, обязанной своим появлением исключительной щедрости работодателя, как то можно было бы подумать на основании его собственных заявлений: все предметы, перечисленные *Хэпн-хэр-хт(й)*, входят в состав списка *Шн-счй*, составленного совсем в другое время и в другом месте; очевидно, составляли общепринятый набор вознаграждений за сооружение гробниц. Но список *Шн-счй* включает в себя еще два предмета, которых нет у *Хэпн-хэр-хт(й)*: мед и медь. Упоминание последней весьма любопытно. Думаю, что иначе прочесть соответствующее слово нельзя. Оно написано двумя знаками, из которых первый имеет вид яйца, поставленного на тупой конец и снабженного внизу отростком, как бы ножкой, а второй — обычно-

венная крупная крупинка. Поэтому нет другого выхода, как читать «медь». Знак меди в Старом царстве обычно так и выглядит — как поставленное на тупой конец яйцо, правда, от роста снизу, как правило не бывает, тем не менее можно подобрать некоторое количество примеров, где он, хотя и меньшего размера, все-таки налицо. По сути дела, в таком хвостике нет ничего противоестественного, так как знак изображает слиток руды. Преувеличенная длина и ширина этого хвостика, равно как притупление его нижнего конца в перечне *Шн-счй*, находятся в полном согласии с общей беспомощностью надписей гробницы по части начертания письмен. Чтение «медь» превосходно согласуется с сопроводительным знаком крупинки, обычным после слов, обозначающих руду, а также хорошо подходит к месту нашего слова в перечне, так как оно стоит не между словами, обозначающими продовольствие, а непосредственно перед «несъедобным» словом — «одежды».

Перечни *Хѣтп-хѣр'-хт* (й) и *Шн-счй*, столь похожие и вместе с тем — ввиду упоминания меди во втором из них — отличные друг от друга, разделены несколькими столетиями. *Хѣтп-хѣр'-хт* (й) состоял жрецом в одном из солнечно-царских храмов V царского дома (DAR:XVII) и потому был его современником. Явная беспомощность по части начертания письмен выдает позднее происхождение надписей *Шн-счй*, хотя, с другой стороны, в них нет как будто бы ничего такого, что указывало бы определенно на начало Среднего царства. Следует ли из отсутствия меди в перечне, современном V царскому дому, и присутствия ее в почти тождественном списке, составленном позже падения VI царского дома, что за протекавшие между обоими столетиями несколько веков денежное хозяйство заметно развилось и, если при V царском доме наемных работников вознаграждали только вещами, на исходе Старого царства к вещам присоединялась уже медь? Подобный вывод был бы, конечно, очень заманчив, и вполне возможно, что за время Старого царства денежное хозяйство проделало немалое развитие, однако противопоставления двух родственных источников слишком недостаточно для таких широких обобщений. Нельзя также упускать из внимания, что в перечне *Шн-счй* меди отведено весьма скромное место. Упоминание посреди потребительских ценностей, и притом на пятом месте, могло бы даже навести на мысль, что уплаченная медь была вовсе не деньгами, а производственным сырьем, нужным ремесленникам, хотя бы для их орудий. Но если даже считать эту медь деньгами, деньги эти тонули бы в окружении продовольствия и иных предметов первой необходимости. Более того, они далеко отстояли бы позади хлеба и пива, ячменя и полбы, и такое принижение их в перечне нельзя было бы даже смягчить ссылкой на то, что сперва должно было быть перечислено все продовольствие, а затем несъедобные вещи: мед явно относился к съедобным вещам и тем не менее был помещен как наименее существен-

ный в конце списка. Очень показательны и слова, которыми заканчивается перечень и которые его как бы закругляют или подытоживают. Сказав, что заплачено было такими-то и такими-то предметами, писец добавляет еще: «вещью всякою доброю», что, несомненно, значит: «и всякою другою доброю вещью», и этим медь, если она означала здесь деньги, включалась бы не только на деле — по месту своему в списке, — но также на словах в один разряд с потребительскими ценностями.

Стоит упомянуть еще случай явно краткосрочного оплаченного труда. В гробнице *Чйй* с краю рыночного изображения представлены двое мужчин вполне рыночного вида, с сумами через плечо. Стоящий, слегка нагнувшись, смотрит, как сидящий вырезает печатку. Над материалом надпись: «(Про)резывание печатки печатником». Что этот «печатник» не случайный пришелец на рынке, а пришел сюда основательно поторговать своим ремеслом, доказывает плетенка, на которой он с удобством обосновался (GT:CXXXIII=GAR:XXXV=KAO:260).

В § 12 были собраны случаи найма заупокойных жрецов и приведены договоры с ними. Как мы увидим ниже, неизбежные участники богатых похорон — «повиватель» (трупа) и плакальщица — получали угощение, которым, быть может, частично оплачивалось их участие. Возможно, что за плату, а то и по письменному договору лицам скромного общественного положения приходилось нанимать мастеров для устройства гробницы. Вспомним ключника царской житницы *Нфр-хър-н-пгхъ*, заявлявшего, что «камнесечец *Ппй* был умиротворен (т. е. доволен) договором, сотворенным (мною) с ним».

Однако мы привыкли считать староегипетских ремесленников работниками государственных и вельможеских мастерских. А получается, что мастера зачастую работали за вознаграждение на частных лиц. Это вызывает тем большее недоумение, что хорошо известные случаи сооружения вельможеских гробниц или их частей нарочно для того выделенными царем мастерами. Так, царь *Мн-к'в-р^c* даровал отцу своего приближенного *Дбхъ.н(й)* гробницу и при посещении своей еще строившейся пирамиды в сопровождении царского зодчего и «[двух] великих (среди) предводителей мастеров» выделил 50 человек, с тем чтобы они работали ежедневно над гробницей вельможи без переключения на иную работу (DAeAe II:XXXVIIb=UAR:18—19). У царя *С'хъ-в(й)-р^c* его главный врач *Н(й)-снх-схмт* просил даровать ему в гробницу каменную ложную дверь. Царь велел доставить ему из каменоломен две ложные двери и определил для работы над ними в собственном дворце двух «великих (среди) направителей мастеров» и «мастеров чистой (мастерской)» и сам повседневно следил за продвижением работы (UAR:38—39=MAE:204—205).

Разгадку противоречия отчасти дает небольшая надпись, начертанная на скромной гробнице второстепенного придворно-

го *Mr(й)-хв.ф-в(й)* (STEGPG:21). Представив себя как «владыку бытия в чести у (царя) *Мн-к'в-р^c*», хозяин гробницы заявляет ее посетителям: «Сотворил (мн)е владыка (мой) это (т. е. гробницу) в силу бытия (моего) в чести (у него). Кто сотворит вещь злую против нее (т. е. гробницы) — буду (я) рассужен с ним из-за нее богом большим. Умиротворил (я) мастеров, творивших для [н]его». «Умиротворил» в смысле «удовлетворил» — обычное, как мы видели, выражение в заявлениях о вознаграждении мастеров. Местоимение 3-го лица единственного числа мужского рода *ф* в самом конце надписи повреждено, но читается издателем, и то, что видно на воспроизведении от руки, ни к какому другому знаку, кроме змеи *ф*, не подходит. Местоимение должно относиться к царю, а в таком случае мастера, соорудившие частную гробницу, тем не менее работали «для него». Он отрядил их строить ее, и они пошли, потому что так им было приказано, но хозяин гробницы *Mr(й)-хв.ф-в(й)* вознаградил их за работу.

Равным образом маловероятно, чтобы царица, супруга того же царя *Мн-к'в-р^c*, *Х^c-мрр-нбтй* нанимала для сооружения ей гробницы мастеров со стороны, а не пользовалась предоставленными государством мастерами. К сожалению, надпись царицы сохранилась далеко не полностью, но по одному из кусков — «[умиро]творила (я) мастеров» — видно, что надпись толковала о вознаграждении строителей (ASAE X:46=UAR:156=MIO I:333—336). Если бы мастера были наемными, странно звучало бы и переведенное выше заявление *Йнтй*, что он «[не] принуждал их творить (т. е. работать) больше весьма (т. е. слишком много)» (D:VII=UAR:70).

Пользоваться работой силой, обязанной выполнять работу в принудительном порядке, и рассматривать довольствие как плату за нее было тогда в обычае. Неизбежные участники вельможеских похорон — «повиватель» («повивавший» труп) и плакальщица — получали за свой труд угощение. Вместе эти хлеба, пиво, мясо назывались «пересечение (еды) устами» (*дж'т-р³*). В подобном случае «пересечение устами» может, конечно, сойти за плату. Но что сказать о словоупотреблении надписи, оставленной царевичем *К'-нфр* в среднеегипетской пустыне во время похода туда за камнем? Многочисленное ополчение из 1000 людей дворца, 100 каменотесов, 1200 горнорабочих и еще каких-то 50 людей следовало в пустыню за царевичем отнюдь не добровольно, и тем не менее их начальник считал, что они работали за, именно за (*хър*) «пересечение устами»: «Сотворил (я) работу эту за пересечение устами в виде добра всякого. А дало величество его быков 50, мелкого скота (голов) 200 как ежедневную потребу (на) день всякий» (UAR:149). *Вознаграждением оказывается необходимое пропитание!*

³ Erman A., Grapow A. Wörterbuch, Bd. 5, с. 514.

Однако объяснить все случаи своеобразным способом выражаться все-таки нельзя. Если *Hфр* говорит: «Сотворил (я) это из подношения (*'вт*), сотворенного (мн)е владыкою (моим) в силу бытия (моего) в чести у него» (UAR:225), то всего проще усмотреть здесь оплату работников за счет вещественных благ, отпущенных «владыкою» работодателя. В других случаях заказчики говорят о сооружении гробниц или частей их из своего законного достояния: «Сотворил (я) гробницу эту из имущества (моего) правильного» (*йшт м'с(т)*) (гробницы *Хѣтп-хѣр-хт(й)*, UAR:50; *Мрв-к'*, G IX:75); «Сотворил (я) это (ложную дверь?) из имущества (моего) правильного» (ложная дверь *Н(й)-с-рдй*, BMFA CXVIII:27). Показательна и надпись на гробничной притолоке *Рдй.н-птхѣ*: «Достал (т. е. приобрел) (я) это под богом (т. е. на кладбище) за вознаграждение. Никогда не сотворял (я) замены того, что внутри (т. е. не занимал чужой гробницы)» (GR:VII A). При желании можно попытаться и подобные утверждения истолковать как своеобразное иносказание, выдающее награду за оплату, но осторожнее будет воздержаться от этого и допустить, что мастера имели возможность в нерабочее время наниматься к частным лицам.

К вопросу о вознаграждении мастеров имеют прямое отношение и изображения обмена на стенах погребальных сооружений. Таких изображений известно с добрый десяток. За исключением имевшегося в крытом ходе к пирамиде царя *Внйс*, все они находятся или находились в гробницах частных лиц. И это вызывает недоумение. Хорошо известно, что в вельможеских гробницах Старого царства изображали то, что имело непосредственное касательство к особе хозяина и его собственному хозяйству. Следовательно, рыночные изображения в гробницах — вовсе не бытовые наброски из жизни городского или сельского рынка, неизвестно зачем попавшие на гробничные стены, а изображения, имеющие какое-то, и притом существенное, значение для вельможи. Как мы сказали, подобных изображений немало, но ни на одном из них ни разу не названо занятие покупателей, за одним, и притом частным, исключением. «(Рыба) *бгт* добрая весьма, мастер!» — вызывает продавец рыбы в крытом ходе в пирамиде *Внйс* (ASAE XXXVIII: XCVI). Продавцы умещения говорят в гробнице верховного сановника *К'-гм.н.й*: «Вот умещение сладостное весьма. Уматись, мастер!» (MG I:X=GAR:IX). В гробнице *снх-м-с-хѣр* покупатель просит показать ему спальный подголовник, а продавец отвечает: «Мастер этот, ты что муж благодетельный!» (RTS:XXXII). У *Тп-м-снх* в гробнице продавец, несущий на голове мехи с умещением (?), восклицает: «Я отягчен весьма, мастер этот!» (RME:XIII; надпись также RRLGAR:47).

Очевидно, мастера были основными покупателями на рынке. Но какое дело было до их покупок хозяевам гробниц? Слово «мастер» в приложении к единичному лицу значило в Старом

царстве прежде всего и преимущественно «камнедел» (см. § 27). «Мастера-камнеделы» создавали гробницы вельможам, и за это «мастеров» хозяева гробниц якобы щедро вознаграждали, получая таким образом неоспоримое нравственное право на места своего вечного упокоения. На рыночных изображениях «мастера» меняют избыток благ на любые другие нужные им блага и тем самым воочию доказывают посетителям гробницы, что получили щедрое вознаграждение. У вельмож «мастера» могли быть их собственными ремесленниками и получать довольствие и награды от хозяев (см. § 32). В погребальном сооружении *Внйс* покупателем тоже оказывается «мастер», и этот покупатель, видимо, не кто иной, как один из камнеделов, создававших царю усыпальницу. Такой мастер мог быть только государственным работником, и тем не менее не изображает ли он благодетельствованного, вознагражденного труженика? «Мастера», создававшие припирамидный храм царя *Мн-к'в-р^c*, в пометках на камнях зовутся один раз просто «мастерами» (*хъмвт*) (М:чертеж XI, XXVI) и множество раз «мастерами нагорья» (*хъмвт х'ст*, М:чертеж XII).

СЕЛЕНИЯ (§ 14—17)

§ 14. Виды селений

В составе вельможеского хозяйства ясно различимы три вида селений: хо (*хъвт*), нэ (*нвт*) и ха-ко (*хъвт-к'*) (о селениях кэрке (*гркт*) см. в конце § 15).

«[Смо]трение на приветственное подношение (и) годовичную (?) (жертву) всякую, доставленное из хо (мн. ч.) его (т. е. вельможи), из нэ (мн. ч.) его Земли низовой (и) Верховья, ха-ко (мн. ч.) его от того, что между пограничными знаками (т. е. прибрежными западными и восточными горами или нагорьями), принадлежащих дому собственному» (гробница *К'-гм.н(.й)*, MG II:V).

Самым распространенным является второе обозначение, но и первое попадает часто; третье, сложенное со словом «ко» (*к'*) «двойник», ограничено кругом поминальных установлений.

Слово «нэ» не только встречается чаще двух других, но имеет и более общее значение. Обозначая в узком своем смысле хозяйственную единицу, отличную от хо и ха-ко, оно же, будучи взято в широком смысле, могло служить общим обозначением для всех трех видов селений.

Вместе хо, ха-ко и прочие селения обозначены как нэ в гробнице *'хт-хътп*. Общий заголовок к шествию селений с приношениями и их учету: «Счет поставок нэ (мн. ч.) дома собственного, доставляемых Землею низовой для возглашения (т. е. поминального жертвоприношения)» и т. д. Из двенадцати селений три хо («Хо Животворит-Хор-(царя) *Исй*», «Хо Ласточка-(царя) *Иззй*», «Хо Любо-Мэ (т. е. Правде)-(чтоб) жил-(царь) *Н(й)-вср-р'*») (MPAS II:XV=XIII). Общий заголовок к подобному же изображению: «Счет поставок нэ (мн. ч.) дома собственного, доставляемых Верховьем для возглашения» и т. д. Из пяти поименованных селений одно «Хо Животворит-Ануп-(царя) *Иззй*» и одно «Ха-ко Место-сердце-Хора» (MPAS II:XVI=XIV).

Одни хо без ха-ко объединены вместе с другими селениями под общим обозначением «нэ» в гробнице *Птхъ-хътп* (II). Общий заголовок к шествию с приношениями: «Доставка приветственного подношения (и?) яств со стороны нэ (мн. ч.) дома

собственного Верховья». Из семнадцати селений четыре хо: «Хо Любо-Рэ-(чтоб) жил-(царь) *Йзэй*», «Добр-венцами-(царь) *Йк'в-хэр*», «Любо-Хору-(чтоб) жил-(царь) *Вср-к'ф*», «Любо-Нхбт-(чтоб) жил-(царь) *К'к'й*» (SM:IX—X).

То же, возможно, имело место в гробнице *Й'бтт*, но только здесь «хо» в составе названий селений могло быть употреблено не как обозначение одного из видов селений, а в смысле «двор» или «обитель» такого-то. Общий заголовок изображения: «Доставка возгашения (т. е. поминальной жертвы) из нэ (мн. ч.) ее (т. е. владелицы)» и т. д. Из двух десятков селений два носят имена, сложенные с «хо»: «Хо возлюбленное» (или «возлюбленный»? — *Хэвт-мрт*) и «Хо старца» (G I:221).

Объединение хо в одно целое с другими селениями под общим обозначением «нэ» наблюдается и на изображении несколько иного рода в гробнице *Схм-к'-р*. Здесь изображены не олицетворенные селения, а мужчины из селений, так что названия этих последних выписаны все вместе вверх изображения. Общий заголовок: «Смотрение на поставки властей (т. е. управляющих селениями), пастухов — — — (?) птице[ловов], рыболовов, доставляемое из нэ (мн. ч.) дома [собственного] — — —» и т. д. Из восемнадцати селений два хо: «Хо Любит-Хор-(царя) *Хс.ф-р*» и «Хо *С'т'в-Хс.ф-р*» (DAeAe II: XLII a).

Заслуживает внимания гробница *Йбйй*. В ней изображены двенадцать женщин, олицетворяющих селения, и перед одиннадцатью из них выписано по названию (перед одною не было написано как будто бы ничего). Каждое название представляет то или иное слово или словосочетание: «вино», «селаище», «поле — — —», вписанное в прямоугольник, т. е. в знак для «хо». В общей же надписи к изображению князь говорит: «Сотворил я эти (т. е. изображенные селения) как нэ собственные (мои), как чистое, как жертву-данную-царем, данную (мн) е величеством владыки (моего)» (RTDG I:VII).

Одно, отдельно взятое, хо обозначено словом «нэ», по-видимому, в обельной грамоте *Пйпй* II одному из владений храма Мина кэбтского. Здесь мы читаем: «Приказал царь (и) государь *Нфр-к'-р* — жив он вечно! — чтобы хранили (и) защищали (от разного рода повинностей) „Хо Укрепляет-Мин-*Нфр-к'-р*“ заповедника вместе с чадью (*мрт*) его» и в то же время узнаем: «Приказало величество (мое) сотворить [приказ этот] помещенным на плиту камня белого (т. е. известняковую) у ворот дома Мина в [Кэб]то под (надзор?) того, кто будет приставником земельной подати (? — *хэйт*) нэ этого (или) распорядителем дома-заповедника дома-заповедника этого, вместе с наследником сына — — — (т. е., очевидно, с потомством)» (UAR: 289, 292). Что «приставник земельной подати(?)» имеет дело с «нэ этим», а «распорядитель дома-заповедника» с «домом-заповедником этим», видно уже по способу написания:

«кто будет в (качестве) приставника земельной подати(?) нэ этого
распорядителя дома-заповедника от дома-заповедника,
этого».

Таким образом, налицо некая двойственность в обеляемом владении: в нем представлены и земледельческое нэ и пекарня-пивоварня — дом-заповедник (о нем см. § 26). Но двойственно и само обозначение установления: «„Хо Укрепляет-Мин-(царя) *Нфр-к'-р*“ заповедника». Поскольку этот «заповедник» и «дом-заповедник», которым распоряжается «распорядитель дома-заповедника», одно и то же, зависящий «от заповедника» хо должен быть тождествен с «нэ», подначальным «приставнику земельной подати(?)»¹. Тождество «нэ этого» с «Хо Укрепляет-Мин-*Нфр-к'-р*» подтверждает и сама обельная грамота, составленная для обеления новосозданного «хо», когда говорит о нем как о «нэ новом этом» (UAR:292).

Ха-ко в отдельности от хо тоже подводится под общее понятие «нэ». В гробнице *Сннв-снх* общий заголовок у изображения гласит: «Смотрение на нэ (мн. ч.) дома собственного», а из двенадцати поименованных селений, участниц шествия с постановки, семь названы каждое «Ха-ко *Сннв-снх*» с различными добавочными обозначениями: «Запад(ное)», «Южн(ое)», «Среди(е)», «Северное» и т. д. (МАЕ:317).

В гробнице *Пхъ.н-в(й)-к'* общий заголовок к шествию с по-
ставками: «Доставка приветственного подношения нэ (мн. ч.)
его... (?) собственных его, которые в Низовье (и) Верховье, до-
ма собственного». Первым из пятнадцати селений шествует
«Ха-ко *Пхъ.н*» («*Пхъ.н* — сокращение имени умершего»)
(DAeAe II:XLVI).

В гробнице Чйй приписка к шествию тридцати четырех селений (название одного из них разрушено) читается: «Доставка (мн. ч.) возглашения (т. е. поминальной жертвы) со стороны нэ (мн. ч.), что от — —». Название одного из селений — «Ха-ко Чйй» (GT:III). В той же гробнице приписка к шествию тридцати селений гласит: «Доставка возглашения со стороны нэ (мн. ч.) дома собственного, которые в Земле низовья (п) Верховье, для друга (царев) единственного Чйй». В числе селений одно «Ха-ко Чйй» (GT:CXII).

В гробнице *Шпсс-к'.ф-нх* шестие десяти селений обозначено так: «Доставка возглашения из нэ (мн. ч.) дома собственного в праздник всякий (и) повседневно вечно»; одно из селений — «Ха-ко» (DAeAe II: L a).

В гробнице *Тп-м-снх* шестие одиннадцати селений озаглавлено: «Доставка ему вещи всякой со стороны нэ (мн. ч.) его». Название одного из селений — «Ха-ко *Тп-м-снх*» (МАЕ:196).

То же находим, наверное, и в гробнице $K'(.y)$ -пв-р^с. Шест-

¹ О сельскохозяйственном хозяйстве, приданном пищевой мастерской-заповеднику для ее обеспечения, см.: *Перепелкин Ю. Я.* «Дом шнау» в Старом наместе. М., 1960, с. 4—5.

вие селений пояснено словами: «Смотрение на приветственное подношение (и?) яства, доставляемое из нэ (мн. ч.) дома собственного Земли низовья». Название одного из селений передано изданием (передача столетней давности) как *П-к'-К'(.й)-пв-р^c*, но вместо знака *п* надо, видимо, читать знак *хэвт*: «Ха-ко *К'(.й)-пв-р^c* (MAE:275—276).

Итак, «нэ», обозначая в узком смысле один из видов селений, наряду с «хо» и «ха-ко» в широком своем смысле служило общим обозначением для всех трех видов селений. Напротив, «хо» и «ха-ко» общим обозначением для всех видов селений никогда не служили. Тем самым слово «нэ» оказывается основным и общим обозначением для староегипетских селений, и мы начнем изучение их с нэ, хотя сами египтяне, как мы видели, при перечислении трех видов селений, т. е. употребляя «нэ» в узком смысле, ставили такое «нэ» на втором месте после «хо».

§ 15. Нэ — «город/городец»

Слово «нэ» (*нвт* или *нйвт*) имело в староегипетском довольно расплывчатое значение — населенное место вообще.

«Нэ» могло обозначать местопребывание царя, мы бы сказали — его столицу, «город при пирамиде» — сказали бы тогдашние египтяне. «Возвело меня величество его в должность друга, наставника слуг божьих (т. е. жрецов) (припирамидного) города своего», — говорит о себе на своей плите *Внй* (UAR:98). «Сотворил (я) гробницу эту в городе этом владыки (моего)», — читаем на обломке гробницы (UAR:154). Во вторую половину Старого царства многие видные сановники занимали должность «распорядителя города» (при пирамиде — слово „город“ с определителем пирамиды), иными словами, градоначальника столицы. Так, «распорядителями (припирамидного) города» были верховные сановники *Ттй* (его гробница, MFP II III:69), *Н(й)-хэб-сд-нфр-к'-р^c* (его гробница, MFP II III:59), *Мрй.й-р^c-й'м* (его гробница, MFP II III:52, 53=LIII), безымянный, упомянутый на гробничной перекладине (AIKMB:27=DAeAe II: CXVI), изображенный в поминальном храме царя *Нфр-к'-р^c Пñй II* (MFP II I:LI; III:XLII), *Дж^cв* (его гробница, UAR: 118), *Изй* (его гробница, RTDG II: XIX), **нкэв* (его гробница, RTDG II: XXIII), *Шм'й* (указы царя *Нфр-к'-хэв* на стене кэбтоского храма, UAR:302, 296, 300, 299), *'хт-хэти* и его сын *Птхэ-хэти* (из гробницы TP: XLI=MPAS I: X, XVIII, XX; II: XXI, XXII). Однако «город» при пирамиде не был большим городом, столицей, разрастающейся с каждым новым царствованием. По мере того как поднимались все новые и новые пирамиды, у их подножия возникали все новые и новые припирамидные города. Поэтому некоторые «распорядители города» прибавляли к своему званию наименование той пирамиды, при

которой подведомственный им «город» находился. Так, *Птхъ-хътп* был «распорядителем города (при пирамиде) „Добро (царю) *Иззй*“» (TP:XL1=MPAS II:X) и городов при пирамидах «Остаются места (царя) *Н(й)-вср-р^c*» и «Божественны места (царя) *Мн-к'в-хър*» (MPAS II:VI, XIV)². *Ттй* был «распорядителем города (при пирамиде) „Остается (и в) добром состоянии *Мрйй-р^c*“» и «распорядителем города (при пирамиде) „Остается (и) живет (царь) *Нфр-к'-р^c*“» (MFPII III:69). С наступлением нового царствования город при пирамиде почившего царя не исчезал и мог еще долгие века после него владеть скромное существование. Два города при двух пирамидах — царя IV царского дома *Снфрв* «Воссиявает *Снфрв*» и царя того же дома *Мн-к'в-р^c* «Божествен *Мн-к'в-р^c*» — пользовались попечением царей VI царского дома (обельные грамоты царей *Мрйй-р^c Пйпй I*, UAR:209—213, и *Нфр-к'-р^c Пйпй II*, UAR:277—278). И эти «города» продолжали считаться «(припирамидными) городами» — на письме добавляли к слову «город» определитель пирамиды, выделяли их в особые города: «города (при пирамидах) эти оба» (UAR:209—213), «другой город (при пирамиде)» (UAR:213).

В дни величия припирамидного города, т. е. в царствование строителя данной пирамиды, город являлся местом сосредоточения правительства. Верховный сановник *Снджм-йб* имел «дом собственный свой» в городе «Добро (царю) *Иззй*» (UAR:64—65=DAeAe II:LXXVI c). Подле пирамиды и ее доминальных храмов выросло кладбище придворных и управленческих сановников, громадный каменный город мертвых. Для сооружения всего этого и отделки резными изображениями и надписями, для изготовления изваяний и прочих погребальных принадлежностей поблизости развивалось сложное и большое кладбищенское производство, не говоря уже о промышленности, обслуживавшей житейские нужды двора и вельмож. Однако всего лишь один припирамидный город — именно расположенный у пирамиды царя *Мрйй-р^c Пйпй I* и прозванный по ней *Мн-нфр-пйпй* «Остается (и в) добром состоянии) *Пйпй*» — вырос в действительно большой город, позднейший Мэнфе. Такое его развитие началось, по-видимому, еще при VI царском доме, так как на печатке времени соправительства *Мр.н-р^c Хътй-м-з'.ф I* и *Нфр-к'-р^c Пйпй II* в составе титула ее хозяина значится должность «распорядитель поручений (т. е. работ) (пирамиды или города при ней) „Остается (и в) добром состоянии) *Пйпй*“ по расширению (или возвеличению, досл. деланию большим) города (при пирамиде)» (RTRPhAEA XXXII:41). Следовательно, город при пирамиде умершего царя продолжал расширяться или отстраиваться дальше и годы спустя после его смерти, при его сыновьях.

Словом «нэ» обозначались также главные города областей.

² Davies N. de G. The Mastaba of Ptahhetep and Akhetetep at Saqqareh. Pt II. L., 1901 (Archaeological Survey of Egypt. 9 memoir), c. 12.

Так, в одной и той же области ее князь величался то «направителем земли (звание верхнеегипетских областеначальников) двух Городов Козы» (гробница *Иттй*, по прозванию *Шдв*, D:XXV=UAR:90, ср. 89), то «властелем Города Козы южного» (D:XXXIII, XXXVII, XXXVIII=UAR:90). Столицу своей области имели, наверное, в виду князя и тогда, когда вспоминали родной город: «Пришел (я) ныне из города (моего), спустился (я) из области (моей)» (гробница *Рхъв-р-в.сн*, UAR:265, *Сим-нфр*, UAR:57=DAeAe II:LXXXI). Но так говорили и люди, областными князьями не состоявшие; в их устах слово «нэ» могло относиться столь же хорошо и к любым другим городам. Если «властель хо, друг (царев) правильный *Шн'ейй*», говоривший о себе то же, что и князя (плита JEA XIV:235—245=UAR:263), мог быть в конце концов и областеначальником, то жрецы *Хв-в(й)-вр* (его гробница, DAeAe II:XLIII d, c=UAR:46) и *Нфр-сим-р'с*, по прозванию *Шшй* (его гробница, RTS:XI=UAR:198), таковой должности не занимали, хотя и писали о себе каждый: «Вышел (я) из города (моего), спустился (я) из области (моей)» (у первого жреца «вышел» наполовину разрушено). Неизвестно также, какой город имела в виду жена жреца *Снйй*, хвалившаяся: «Я — ...любим[ая] города своего вкупе» (DAeAe II:CXIV a=UAR:117). К разным городам могло относиться прилагательное «городской» (*нвй*) в сочетании «бог городской». Так, областной князь *Мн-снх-пййй*, по прозванию *Мнй*, приглашал посетителей его гробницы оказать ему поминальные услуги, «если любо вам, (чтобы) были вы в сопровождении (т. е. в числе служителей) бога вашего городского на земле» (Den:2 a=UAR:268). Или, например, в царском указе Старого царства нарушителям царских пожалований грозят, что «не приказывает величество (мое), (чтобы) были они во главе блаженных на кладбище, но (чтобы) в... они связаны..., как те, кто под словами царя, Усире (и) бога их городского» (плиты из кэбтоского храма, UAR:305—306).

В некоторых случаях можно при желании предположить, что город, чьим богом был «бог городской» или откуда «вышел» умерший, был на деле не городом, а городцом, небольшим селением. В староегипетских надписях словом «нэ» всего чаще обозначены несомненные селения, где работают на владельца и откуда для поминальных жертвоприношений ему доставляют все потребное. В последующем изложении мы будем постоянно иметь дело с таким значением нашего слова. Мы будем звать староегипетские нэ-селения городцами, чтобы объединить под одним русским корнем то, что сами египтяне объединяли под одним названием нэ,—города и поселки.

Прежде всего городцы составляли хозяйственные единицы земледельческого порядка. В них или вокруг них сосредоточивалась и разворачивалась хлебопашеская жизнь вельможеских владений. В гробнице *снх-шпсс-к'ф* и *Йй-мрйй* изображение земледельческих работ, на которые глядит *Йй-мрйй*, озаг-

лавлено: «Смотрение (на) пахоту в городцах его дома собственного» (DAeAe II:LI). Тут же над жнецами написано: «Жатва (пшеницы-)двузернянки в городцах его». В гробнице Хв-в(й)-вр над жнецами стоит: «Жатва в городцах его дома собственного» (DAeAe II:XLIII a=EG V:245). В гробнице Чйй читаем: «Смотрение (на) битье (т. е. дерганье) льна, жатву ячменя (и пшеницы-)двузернянки, взятие (прочь, т. е. увоз на ослах), складывание в скирды в городцах дома собственного» (GT:CXXI=DAR:XLIX).

Затем городцы представляли хозяину скот, в том числе степных копытных, которых ловили и приручали (см. § 22), а также птицу. В гробнице М"-нфр одно из изображений озаглавлено: «Смотрение (на) — — — скот [пустыни], откормленных быков, птицу, постоянно доставляемых из городцов дома собственного» (DAeAe II:LXIX=AIKMB:108). В гробнице Мпр-в(й)-к' изображение доставки скота обозначено как «[Смотрение (на) — — — доставляемое из дворов] его, из городцов его Земли низовой (и) Верховья» (MM:XLVIII), а в гробнице К'-м-нфрт — как «Смотрение (на) — — — доставляемое из городцов... дома собственного в Земле низовой (и) Верховье (в количестве) большом весьма» (доставляют быков, антилоп, газель, козерога, МАЕ:248); один же из быков надписан: «лучшее хлевов». На куске гробничной стены в Государственном Эрмитаже над изображением привода степного копытного (белой сабельной антилопы) остатки надписи: «— — — доставляемое из городцов таиннику — — —» (ПИДЕМСС:XIV). В гробнице Нфр-сш-пхх изображение сановника, смотрящего на птичник, ловлю и доставку птицы, снабжено надписью: «Смотрение (на) работу всякую добрую полевую (и схт), творимую в городцах его» (RTS: XC, XCIII). В гробнице 'хт-хэпн изображение вельможи, смотрящего на ловлю и доставку птицы, надписано: «Смотрение (на) — — — (?) [ра]боту поля, доставляемое ловцами из городцов дома собственного» (MPAS II:VI=IV). Многочисленные примеры доставки из городцов скота и птицы в виде «приветственного подношения» приведены ниже, при рассмотрении сельских поставок (см. § 21—22). Вместе поставщики разнородной живности из не перечислены в гробнице Схм-к'-р^c: «Смотрение (на) поставки властелей, пастухов, птиц[еловов], рыболовов, доставляемое из городцов дома [собственного]» такому-то (DAeAe II:XLII a).

«Городцами» управляли «властели» (хэкэ'в). Полное обозначение было «властели городцов», но на памятниках древнее конца V царского дома, когда и в частных хозяйствах начинают множиться «властели дворов» (хэкэ'в хэввт), просто «властелей» можно считать тоже «властелями городцов», а не «властелями дворов».

Властели отвечали за поголовье скота, составлявшего важную статью в вельможеском хозяйстве, и потому чаще всего появляются на изображениях в связи со скотом. В гробнице

Чйй на изображении счета «управую дома собственного» представлено «взятие властелей городцов для (сведения) счета» в ней, а по тому, что ниже, позади и выше властелей изображена доставка скота, видно, что они отчитывались в его поголовье (GT:CXXIX). Также в гробнице *С'бв* «запись приветственного подношения (и) учет властел(ей) управую» (иначе — «доставка властелей городцов (для) учета») изображены в окружении скота и птицы (MAE:145—146). В гробнице *Снджм-йб* поясом ниже «счета властелей» изображен привод скота (DAeAe II:LXXIV). На куске гробницы *'х-мрвт-нй-свт* «властеля» представляют к отчету перед вельможею вместе с несколькими старшими скотоводами — «распорядителями соединений» (см. § 25, GAR:LXIX). В гробнице *Хътп-сш'т* в числе людей, доставляющих скот, «откормленного быка молодого» ведет «властель *Йв.ф-н.й*» (DAeAe II:XXIII). В гробнице *Чйй* на изображении земледельческих работ мужчина торопит мальчика (?) доить корову: «Дои, торопись, раньше, чем придет он, властель этот» (GT:CXI). Также и внешний облик «властелей» нередко живо напоминает скотоводов. На людях, обозначенных одним только словом «властель», без добавления слов «нэ» или «хо», бывает своеобразный передник, с отвесно срезанным впереди выступом, изготовлявшийся из переплетенных растительных стеблей. Такой передник обычен как раз у скотоводов (см. § 25). Одетых так «властелей» мы видим в гробницах *Хътп-сш'т* (DAeAe II:XXIII), *Нй-свт-нфр* (VZGPG:V, два раза), неизвестного сановника (GAe:Abb.195), также в более поздних гробницах *Сшм-нфр* IV (G XI:187) и *Ир.н-вр* (RTShS:XVI). При этом у *Ир.н-вр* и неизвестного сановника «властель» занят совсем не скотоводческими делами: в первом случае принимает посевное зерно, а во втором надзирает за жнецами. У *Нй-свт-нфр* оба властеля присутствуют при сдаче какой-то жидкости, но длинный узкий сосуд, из которого ее льют в поверочный прибор, не похож на молочный.

Естественно, не меньше, чем за скотоводство, «властели» отвечали за земледельческие работы в своих селениях. В гробнице уже времени VI царского дома — областного князя *Пйй-снх* Среднего изображен «с[че]т властелей», притом именно «властелей городцов, пришедших из [город]ц[ов] (?)³ своих» (RTM IV:XV). Что речь идет об отчете властелей в урожай, можно заключить по должностным званиям некоторых из присутствующих: «распорядитель писц(ов) пашни *Вйв*(?)» и «распо[рядитель] писц(ов) пашни — — — *рр*», «доверенный (досл. „тот, кто в головах“) житницы *Нбйй*(?)» и «доверенный житницы *Ирй*». Так как хозяин гробницы — областеначальник, изображенные в ней властели могли бы быть не его личными управителями, а только подчиненными ему как начальнику области. Однако присутствие за спиною князя при вруче-

³ Восстановление К. Зете, см.: Blackman A. H. The Rock Tombs of Meir. Pt 4. L., 1924 (Archaeological Survey of Egypt. 25 memoir), с. 41.

нии ему отчетной ведомости управляющего его личным хозяйством — «распорядителя [до]ма *Нфр-б'кэт*» — исключает такую возможность. В гробнице *Хв-в(й)-вр* на изображении «жатвы в городцах его дома собственного» за жнецами наблюдает «властель» (EG V:245). На ряде изображений того же земледельческого круга нет, к сожалению, указаний на то, чем управляли изображенные «властели» — «городцами» или «дворами». В гробнице областного князя *Йр.н-вр* на большом изображении земледельческих работ «властель» в одном случае принимает посевное зерно от ведущего учет писца (рядом изображены пахота и сев), в другом случае стоит перед писцом и хранителем ведомостей (за властелем изображена уборка льна) (RTShS:XVI). Что работы ведутся на личных полях князя, а не на областных, государственных, подведомственных ему как областеначальнику, указывает участие в работах (в жатве ячменя) «ватаг дома собственного» (см. § 23). О том же говорят остатки общей пояснительной надписи, тоже упоминающей «властелей»: «Смотрение (на) пахоту (в смысле: „возделывание“) ячменя — — — [вз]бывание (т. е. складывание) скирд властелей дома собственного» (RTShS:XVI). На куске гробничной стены (GAe:Abb.195) «властель» надзирает за жнецами и «властель» же наблюдает за молотью. Уцелевший конец надписи над жнецами показывает, что работы производятся в личных владениях вельможи: «— — — дома его собственного». Об изображении в гробнице *К'-м-нфрт* (MAE:246) старинный издатель пишет: «Интендант жатвы принимает счета. Два писца». Следует надпись: «Учет властелей управую дома собственного». Далее издатель продолжает: «Ведут работника для избения палкою». Из надписи видно, что «работник» — «властель» (его вводит, должно быть, пристав с палкою): «Доставка властеля». «Рядом», добавляет издатель, «склады». В гробнице *Сшм-нфр IV* «властель» со жгутом в руке стоит за жнецами (G XI:187), а в гробнице *К'-хъй.ф (Хъй.ф-к?)* изображено «складывание скирды (из снопов) в присутствии властеля» (G VI:147).

«Властели городцов», как мы видели, отчитывались перед «управую дома собственного» (гробница *Чйй*, GT:CXXIX), производился «учет властелей управую» (гробница *С'б*, MAE:145), ср. «учет властелей управую дома собственного в гробнице *К'-м-нфрт*» (MAE:246). Во главе управы стоял «распорядитель дома», т. е. управляющий хозяйством (см. § 33), так что подотчетные ему «властели городцов» состояли под его начальством. Подобно тому как «управа», перед которой они отчитывались, была «управую дома собственного» вельможи, так и они сами были «властелями собственными его» (MM:XXIII), «властелями дома собственного» (RTShS:XVI). Да «властели» и не могли не быть «собственными» управителями вельможи, если управлявшие ими люди были его «собственными» людьми. В гробнице *Хв.н-вх* шествие несущих жертвенные дары вельмо-

же надписано: «Доставка приветственного подношения детьми его, братьями его, властями его, чадью (*мрт*, см. § 33) дома собственного его, слугами двойника (т. е. заупокойными жрецами) дома собственного» (ASAE XII:140). «Властями его» названы «властели» — и здесь уж определенно «городцов» — и в гробнице *Пйй-снх* (RTM V:XXIX). Из надписи в гробнице *Хв.н-вх* видно, что «властели его» как личные люди вельможи входили в круг его приближенных или домочадцев. В довольно древней гробнице царевича *Хэти-си'т* «властель» представлен с сосудом для возлияний и мешочком в руках подле плиты с изображением пирующего хозяина гробницы, т. е. прислуживающим при поминальном жертвоприношении. Также в другой гробнице первой половины Старого царства «властель» присутствует не только при вручении умершему «описи жертвоприношения», но и при совершении заупокойным жрецом возлияния (VZGPG:V). Впрочем, «властелем городца» мог состоять у вельможи даже близкий его родственник, например обездоленный младший брат, проживавший при нем, наследнике отцовского достояния. Так, младший брат царского зодчего, ставший со временем сам сановным строителем, говорит в своем жизнеописании: «И назначили ему (т. е. старшему брату) (быть) рубильщиком царевым, строителем, (а я) властвовал (*хэкэ'*) [для] него (над) городцом, (и) творил (я) для него вещь всякую в нем (т. е. городце) гораздо» (гробница *Мрй-р-мрй-пхэ-снх*, по прозванию *Нхбв*, UAR:216).

Принадлежность властелей к чиновным слоям общества оттенена иногда на памятниках придачею начальнической одежды: треугольного, выдающегося вперед передника (гробницы *К'-хэй.ф*, G VI:147; *Йр.н-вр*, RTShS:XVI). Однако, управляя небольшими селениями, «властели городцов» не были настолько богаты, чтобы оставлять по себе гробницы. По крайней мере я не знаю гробницы, на которой владелец был бы назван «властелем городца».

«Властеля *Вдж-снх-джс*» вместе с «женою его *Йй-нфрт.ф*» изображает раскрашенное известняковое изваяние в Государственном Эрмитаже (ДССГЭ:рис. 10—11, табл. I 1; ПИДЕЭ:XIV). Оно, несомненно, из гробницы властеля и тем самым свидетельствует, что он был настолько обеспечен, что мог создать себе и, надо полагать, своей супруге погребальное сооружение. Чрезвычайно древний облик знаков (ДССГЭ: табл. I 1 — древность начертаний не передана) не позволяет отнести изваяние ко времени позже начала V царского дома. Потому вполне возможно, что наш властель был «властелем городца», если управлял селением частного лица, так как у вельмож «властели дворов» — явление более позднее. Но и в том случае, если он был не у частного лица, он, наверно, был бы «властелем городца», потому что «властель двора», а тем более «властель двора большого» или «властель царев» вряд ли бы не выписал полностью свое должностное звание. От «вла-

стелей дворов», бывших иногда большими сановниками, до нас дошло множество памятников. Что же до «властелей царевых» (*хѣкѣ' н(й)-свт*), то мне известны три таких должностных лица, и все трое были крупными сановниками. Один из них прилагает к себе это звание, но его гробница с несколькими склепами и обширным поминальным помещением — довольно представительное сооружение, и женат он был на «той, кто при вещи (?) царевой» (EG III:99—103). Другой «властель царев», *Хѣтп-хѣр-н-птхѣ*, был не только обладателем гробницы, но и крупнейшим сановником, одним из влиятельнейших лиц при дворе (UAR:231). Третий же «властель царев», *Пхѣ-р-нфр*, управлял разными хозяйственными ведомствами и разными областями и бывал «властелем двора большого» в различных местах (ZASA LXXV:69).

Таким образом, эрмитажный властель скорее всего «властель городца», но тогда памятник благодаря своей надписи едва ли не единственная в своем роде вещь. Н. П. Лихачеву она была уступлена Каирским музеем как излишний «дублет»!

Были ли вельможеские властели нэ частными лицами или государственными служащими? Один из преемников *Нфр-к'-р^c Пйпй* II повелевает распорядителю Верховья: «Сотворишь ты поручение (касательно) пашни дома-заповедника (т. е. пивоварни-пекарни, см. § 26) этого с глава(ми) (областными), властелями нэ (мн. ч.) (и) управами пашенными с (праздничными принадлежностями) *мйвт* (и) [*сндв*] — — — [подобно] празднику доброму божьему» (UAR:293—295). Царь *Нфр-к'-хѣр* предписывает князю, рас[порядителю] слуг божьих (т. е. жрецов) *Идй* замещать своего отца в управлении рядом верховых областей: «Будешь ты князем, распорядителем Верховья, распорядителем слуг божьих в Верховье этом, кото[рое под] надзором твоим, начи[ная] (на юге) от I верховой области (и кончая на) севере XXII верховой областью, (так что) будут творить князь(я), распорядител(и) слуг божьих (т. е. жрецов), [гл]ав(ы) (областные) (и) властели нэ (мн. ч.), которые там под надзором твоим как посредника отца твоего, [отца (т. е. радетеля) бо]жь(я) (т. е. царева) возлюбленного, повелителя, распорядителя (стольного) припирамидного города, [привратного (т. е. того, кто у царских врат, верховного) судьи], правителя (т. е. верховного сановника), распорядителя писцов грамот царевых, [князя, распорядителя Верховья, распорядителя слуг божьих *Шм'й*]» (UAR:299). Отцу же царь сообщает: «Сын твой, князь, распорядитель слуг божьих *Идй*, будет он князем, сокровищником государя, распорядителем Верховья, распорядителем слуг божьих, начиная (на юге) от I верховой области (и кончая на) севере XXII верховой областью, (так что) будут творить князь(я), казначе(и) государя, дру(зья) (царевы) единственны(е), глав(ы) областные (и) властели нэ (мн. ч.), которые там под надзором твоим» (UAR:300—301).

В этих трех надписях из Кэбто властели нэ действуют в одном ряду с явными сановниками, так что должны быть государственными должностными лицами. Спрашивается, почему вельможеским властелям нэ быть существенно иными. В § 16 будет показано, что властелями хо бывали именно государственные служащие, и притом отнюдь не мелкие. Властели хо — явление более позднего Старого царства. Почему властели нэ, предшествовавшие или потом сосуществовавшие с ними (см. § 16), должны быть частными лицами, а не государственными служащими?

Помимо трех обозначений для селений — нэ, хо и ха-ко — имеется еще одно — кэрке (*grgt*), однако его нельзя сопоставить с ними как равное или четвертое. Его решительно никогда не употребляют в общих надписаниях (заголовках) изображений наряду с нэ, хо и ха-ко. Зато селения, в названия которых входит слово «кэрке», часто значатся вместе с другими под общим обозначением нэ — «городцы».

Правда, в древнейшую пору Старого царства, около начала IV царского дома, было такое время, когда кэрке могло обозначать совокупность принадлежавших вельможе селений. В гробнице царевича *Pc-xъtn* (самое начало IV царского дома) изображено шествие одиннадцати поставщиков и поставщиц, олицетворяющих селения, и ни у одного из них в состав названия не входит слово «кэрке», а тем не менее изображение надписано: «(Сведение) счет(а с) кэрке (мн. ч.)» (M:XV = частично RIEMRCB:4 *E.H.950*; ср. M:XI). Также в гробнице *Мчн* примерно того же времени в составе названий у олицетворяющих селения поставщиков и поставщиц то имеется, то отсутствует слово «кэрке», однако сопутствующая надпись говорит только о кэрке: «Основал *Мчн* кэрке (мн. ч.) из (того, что) дал ему отец его *Йнлв-м-снх*» (DAeAe II:VII = AIKMB:77 = UAR:3). Впоследствии подобного уже не встретишь, хотя бывает, что в числе вельможеских селений названо несколько, а то и много содержащих в своих названиях слово «кэрке» (гробница *Сшм-нфр* — три таких селения, DAeAe II:XXVIII; гробница царевича *К'-н-н(й)-свт* — не менее семи, VZGPG:14—16). Возможно, что в начале Старого царства вельможам еще часто приходилось основывать новые селения. Ведь глагол *grg* значит «основывать», а производное от него кэрке (*grgt*) — «основанное» («основанное *Мчн*» — «то, что основал *Мчн*»).

Зато от последующего времени Старого царства дошло немало изображений селений-поставщиц, в числе которых одно носит название со словом «кэрке», а в общем надписании изображения говорится только о нэ: гробница *Шсс-к'.ф-снх* — селение *Гргт-шсс-к'.ф-снх*, общее надписание: «Доставка выходжения (на) голос (т. е. заупокойной жертвы) из нэ (мн. ч.) дома собственного в праздник всякий, повседневно, вечно» (DAeAe II:L b); гробница *Чйй* — *Гргт-чйй*: «Доставка возгла-

шения городцами (нэ) дома собственного, которые в Земле низовой (и) Верховье, другу (цареву) единственному Чйй» (GT:XII, XV); гробница *Птхъ-хътп* и *'хт(й)-хътп* — *Гргт-'хт(й)-хътп*: «Счет доставок городцов (нэ) дома собственного, доставляемых Землею низовой для возглашения сыном его старшим, возлюбленным его, судьей, областеначальником *Птхъ-хътп*» (MPAS II:XV) и *Гргт-ст-йб-хър* — с тем же написанием, лишь с заменой слов «Земля низовая» словом «Верховье» (MPAS II:XVI=XIV); гробница *Пх.н-в(й)-к'* — *Гргт-с^{нх}.н.ф* (или *С^{нх}.н.ф-гргт?*): «Доставка приветственного подношения городцов (нэ) его... собственных его, которые в Низовье (и) Верховье, дома собственного» (DAeAe II:XLVI); гробница *К'-пв-р^с* — *Гргт-к'-пв-р^с*: «Смотрение (вельможи на) приветственное подношение, доставляемое из городцов (нэ) его дома собственного Земли низовой» (MAE:275—276); гробница *Тп-м-с^{нх}* — *Гргт-тп-м-с^{нх}*: «Доставка его (!) (читай: е(му)?) вещи всякой городцами (нэ) его» (MAE:196; ср. ВММА XX:197 — *Гргт-внтй(?)*): «Городцы (нэ) Земли низовой»).

Но в числе селений-поставщиц могло быть и более одного кэрке, и все вместе обозначались тоже одинаковым нэ: гробница царевны *Й'бтт* — селения *Гргт-с^{нх}*, *Гргт-мррв*, *Гргт-врр*, общее обозначение: «Доставка возглашения из городцов (нэ) ее всех в виде вещи всякой доброй, годичных жертв (?) всяких, вещи всякой, сладости всякой повседневно в месячный, праздник, полумесячный праздник дочери царевой от утробы его, возлюбленной его, владычицы чести у бога *Й'бтт*» (G I:221, ранней поры Старого царства); гробница *Сннв-с^{нх}* — селения *Гргт-сннв-с^{нх}* южное, *Гргт-сннв-с^{нх}* северное, *Гргт-сннв-с^{нх}* *Схт*, *Гргт-сннв-с^{нх}* *Вхъ'т*, все прочие селения (именно семь) ха-ко, два безымянных и одно *Йрт-сннв-с^{нх}* *Схт-мчй*, общее надписание: «Смотрение (вельможи на) городцы (нэ) дома собственного» (MAE:317).

В гробнице *Сшм-нфр* среди селений-поставщиц одно ха-ко (*Хъвт-к'-сшм-нфр*) и одно кэрке (*Гргт-сшм-нфр*), но если присутствие ха-ко отмечено в общем надписании, то кэрке в нем отсутствует и, видимо, входит в число нэ, названных там перед ха-ко, притом в число нэ, отличных от ха-ко, нэ не в широком, а в узком смысле (см. начало § 14): «Достав(ка) возглашения всякого доброго городцами (нэ) (и) дворами двойника (ха-ко) собственными» (MAE:398).

Полное отсутствие кэрке в надписаниях изображений, где как общие обозначения селений значатся лишь нэ, хо и ха-ко при неизменном подведении кэрке под обозначение нэ, не позволяет выделить кэрке из числа нэ.

§ 16. Хо (*хъвт*)

Как было показано (см. § 14) слово «нэ» по значению было шире слова «хо» («двор»). Под нэ как общее обозначение мож-

но было подвести и селения хо, но ниоткуда не следует, чтобы словом «хо» во множественном числе можно было обозначать селения нэ. Тем не менее при упоминании вместе хо всегда стоит перед нэ.

Продовольствие для поминок доставляется умершему «из хо (мн. ч.) его, из нэ (мн. ч.) его Земли низовья (и) Верховья (и) ха-ко (мн. ч.) его от того, что между пограничными знаками (т. е. прибрежными западными и восточными нагорьями), принадлежавших дому собственному» (гробница *К'-зм.н.(й)*, MG II:V); «из хо (мн. ч.) его (и) нэ (мн. ч.) его дома собственного, которые в Земле низовья (и) Верховья» (та же гробница, MG II:19 177); «из хо (мн. ч.) его (и) из нэ (мн. ч.) его Земли низовья (и) Верховья» (та же гробница, MG II:II=16 90); «из хо (мн. ч.) его (и) из нэ (мн. ч.) его Земли низовья (и) Верховья, что между пограничными знаками» (гробница *Хнт(й)-к'*, MKhCI:XIV=TPC I:155 1); «из хо (мн. ч.) его (и) из нэ (мн. ч.) его Верховья (и) Низовья, что между пограничными знаками» (гробница *Ччв*, TPC I:155); «из хо (мн. ч.) его (и) из нэ (мн. ч.) его дома собственного в Земле низовья (и) Верховье» (гробница *Нфр-сш-сш'т*, DAR:XLII); «из хо (мн. ч.) его (и) нэ (мн. ч.) его Низовья (и) Верховья» (гробница *Шпсс-птхъ*, дважды, SM:XXIX, XXX; гробница *Птхъ-хътп*, DAeAe II:CII a).

На изображениях шествий с поставками для поминок с надписанными именами селений, из которых каждое олицетворено в виде поставщицы или поставщика, впереди обыкновенно селения хо, а затем селения, так не обозначенные.

В гробнице *Х^с.ф-хв.ф-в(й)* первым идет «Хо Воссиявает-двойник *Хв.ф-в(й)*»; далее следует пять селений, тоже названных в честь царя *Хв.ф-в(й)*, но без «хо» перед именем (ASAE XVI:266—267).

В гробнице *Пхъ.н-в(й)-к'* первым шествует «Хо Ткачиха *С'хъ-в(й)-р^с*», потом идут четыре селения, названные по тому же царю и по царю *Нфр-йр-к'-р^с*, но без «хо» перед названием, и, наконец, четырнадцать селений тоже без «хо», но названные в честь самого вельможи (DAeAe II:XLVII).

В гробнице *Сшм-нфр* IV нижний (начальный) ряд поставщиков открывают «Хо Любо-Рэ-(чтобы) жил-*Изэй*», «Хо Умиротворяет-Рэ-*Изэй*», за ними идут четыре селения с именами в честь царей того же V дома, без упоминания «хо», затем селение с названием, содержащим это слово, возможно, в переносном употреблении, и, во всяком случае, без царского имени; в верхнем (последующем) ряду из восьми названий шесть были сложены с царским именем, но без «хо» (два названия повреждены; G XI:197=DAeAe II:LXXX b=AIKMB:11).

В гробнице *Птхъ-хътп* II первое селение — «X[o] [Жи]во-творит-Хор-[царя такого-то]»; прилегающая часть изображения пропала, но за пробелом названия селений не содержат

«хо»: первые пять сложены с царскими именами, последние восемь — с именем умершего (SM:XVII, XII). В той же гробнице в другом случае впереди идет «Хо Любо-Рэ-(чтобы) жил-(царь) *Изэй*», «Хо Добр-венцами-(царь) *Ик'в-хър*», «Хо Любо-Хору-(чтобы) жил-(царь) *Вср-к'ф*» и «Хо Любо-Нехбо (*Нхбт*)-(чтобы) жил-(царь) *К'к'й*», за ними селение с названием в честь царя *Ик'в-хър*, но без «хо» и двенадцать селений, названных в честь владельца гробницы (SM:IX—X).

В гробнице *Птхъ-хътп* и *'хт-хътп* шествия селений с припасами для поминок подразделены на три отрезка по областям, — правда, не всегда строго. В пределах одной области или отрезка шествия хо отводится обыкновенно первое место. Так, на одном из изображений первым среди селений XI низовой области идет «Хо Животворит-Уто-[(такого-то царя)]», а затем — два селения, названные тоже в честь царей, но не обозначенные как «хо». По западной половине VII низовой области порядок следования сбивчивый: за простым селением «Любит-Мэ-(царя) *Изэй*» следует «Хо Любит-Мэ-(царя) *Н(й)-в[ср-р^c]*», а потом — два селения с названиями, сложенными с царскими именами без «хо». Зато под II низовой областью «хо» опять предшествует простому селению: «Хо Животворит-Хор-*Изэй*» идет впереди «Ласточки-*Изэй*» (MPAS II:X). На другом изображении в той же гробнице порядок, нарушенный в середине предшествующего шествия, восстановлен: в западной половине VII низовой области «Хо[Л]юбо-Мэ-(чтобы) жил *Н(й)-вср-р^c»* шествует во главе трех других селений, прозванных по царям, но не обозначенных как «хо» (MPAS II:XV=XIII).

В той же гробнице в шествиях, составленных с учетом областной принадлежности селений, можно подметить не только стремление выдвигать хо на первые места внутри отдельных отрезков, но и стремление ставить одновременно хо во главе всей вереницы селений в целом. Это заметно и на обоих упомянутых уже шествиях: во главе одного из них идет «Хо Животворит-Ануп-[(такого-то царя)] XX верховой области (MPAS II:X), во главе другого — целых два хо II низовой области: «Хо Животворит-Хор-*Изэй*» и «Хо Ласточка-*Изэй*» (MPAS II:XV=XIII). На третьем изображении из числа надписанных знаками областей впереди других восьми селений, не являющихся «хо», хотя и названных наполовину в честь царей, шествуют два «хо»: «Хо Животворит-Уто-*Изэй*» и «Хо Любит-Нифре(?) -*С'хъ-в(й)-р^c»* (TP:XXXIV+MPAS I:IV 22+XV 327+XVI+40). Четвертое шествие из пяти селений возглавляет «Хо Животворит-Ануп-*Изэй*» XX верховой области. За ним идет простое селение из той же области, без «хо» в составе названия «Добр пожалованиями-(царь) *Мн-к[']в-хър*» и затем три селения из других областей, тоже без «хо» (MPAS II:XVI=XIV). Особенно любопытно пятое шествие. Впереди других восьми селений, не являющихся «хо», идут «Хо Животворит-Ануп-*Иххй* (области) *Нсрт* задней» (т. е. северной, XXI верховой области) и

«Хо-(царя) *Хв.ф-в(й)* (области) *Нсрт* передней» (т. е. южной, XX верховой области). К последнему селению примыкает «Ха-ко Место-сердца-Хора» той же «передней» области, простое же селение «задней» области — «Установление (*grgt*) Место-сердца-Хора» — следует не за «хо» своей области, а за «ха-ко» соседней. Похоже на то, что простое селение «задней» области принуждены были перенести за соседнюю область, чтобы не поставить его впереди его «хо» (TP:XXXV+MPAS I:40, 42).

Всего нагляднее превосходство хо над простыми селениями показано на надписанном областными значками изображении в гробнице *С'бв*. Шествие открывают четыре поставщицы, олицетворяющие селения, с головами, увенчанными знаком «хо» на переносной подставке для священных изображений, и в прямоугольник «хо» каждый раз вписано имя царя *Ттй*. Это «Хо Жалует-Птах-сотворенное-*Ттй*» III низовой области, «Хо Животворит-Птах-*Ттй*» X низовой области, «Хо Добро, творимое-Птахом-*Ттй*» II низовой области, «Хо Остается-(и?) животворит-Птах-*Ттй*» XIII низовой области. Следуют четыре другие поставщицы с названиями, включающими имена более древних царей и без «хо» впереди (*Ттй* — царь VI дома, прочие — цари IV и V домов). И несут эти последние четыре поставщицы на головах своих вместо подставок с «хо» и вписанным в него царским именем корзины со снадью. При этом на область приходится по одному хо, тогда как простых селений на область приходится два (два одной низовой области и два другой низовой области, DARMK:XXI=98—99; ср. IHCE:XCV и MAE:383).

Можно еще отметить, что при расположении шествия в нескольких поясах отдельные пояса открываются селениями хо.

В гробнице *Снджм-йб* (DAeAe II:LXXVI *b*+DAeAeT I:57) первым в нижнем (начальном) ряду селений идет «Хо Добр-пожалованиями-*Йззй*», а за ним — четыре селения с названиями, заключающими царское имя, но без слова «хо» спереди. Средний ряд возглавляет «Хо Животворит-{(такое-то египетское божество)}-(царя) *Йх'в-хър*», следуют три селения, названные в честь царей того же V дома, и одно селение без царского имени в составе названия, все четыре не хо. В верхнем ряду за повреждением неизвестно, было ли первое название с «хо», следующие четыре были без него, хотя и содержали царские имена.

Также в гробнице некоего «направителя дворца» средний ряд открывает селение «Хо *Хв.ф-в(й)*-(в)-добр(ом-состоянии)», за которым идут четыре селения с названиями без «хо», но с именем того же царя; нижний ряд поврежден (DAeAe II:XXXII).

Даже простые «хо» без царского имени получали предпочтение перед названиями с таковыми. В гробнице *Джд.ф-мнв* нижний (начальный) пояс представлен одним селением, названным просто «Хо», а следующий пояс заполнен пятью селе-

ниями, названными в честь царя, но не являющимися «хо» (DAeAe II:XXXIII).

Нарушение правила выдвигать тем или иным способом хо вперед перед другими селениями наблюдается в гробнице *H(й)-к'в-р^c* (DAeAe II:XV), где простое селение «Большой-птицею-Хв.ф-в(й)» предшествует селению «Хо Хв.ф-в(й)». Но это исключение легко объяснимо. В обоих поясах, нижнем и верхнем, поставщицы чередуются с поставщиками, причем от мужского или женского рода названия зависит пол того, кто олицетворяет селение. Ставя во главе шествия мужчину, надо было подыскать для него селение с «мужским» названием, а «хо» как селению «женского» рода (*хъвт* с женским окончанием *т*) отвести второе место. При этом оба селения носят названия, сложенные с именем царя *Хв.ф-в(й)*, тогда как все селения в обоих, нижнем и верхнем, рядах (за исключением одного селения, не названного по царю) с названиями в честь царя *Х^c.ф-р^c*. Весь десяток селений, следующих за «Хо Хв.ф-в(й)», имеет названия без «хо».

Выдвинуты хо вперед и на изображении несколько иного рода, чем шествия олицетворений селений. В гробнице *Схм-к'-р^c* (DAeAe II:XLIIa) представлены действительные жители селений, несущие и ведущие свои поставки царевичу. Соответственно названия селений выписаны вместе в виде одной строки над изображением. И здесь тоже первое и второе места заняты названиями с «хо»: «Хо Любит-Хор-Х^c.ф-р^c» и «Хо З'т'в-Х^c.ф-р^c». Из последующих десяти названий ни одно не содержит слово «хо», хотя семь сложены с именем того же царя.

Итак, за обозначением «хо» кроется нечто большее, чем обыкновенное селение, чем «нэ» в узком смысле слова (§ 15). Как мало по сравнению с прочими селениями у вельмож было этих хо, показывает количественное соотношение тех и других на изображениях. Потому хо могло быть даже намного значительнее нэ. Но в чем же тогда заключалось значение хо? Вопрос тем более законный, что у хо и нэ было много общего.

В составе шествий с припасами на изображениях в вельможеских гробницах олицетворения хо и обыкновенных селений ведут себя одинаково. Это те же женщины (в одном случае хо олицетворяет мужчина!), ведущие скот, несущие животных, птицу, растения, яства и напитки: гробницы некоего «направителя дворца», DAeAe II:XXXII; *Х^c.ф-хв.ф-в(й)*, ASAE XVI:266; *Пхъ.н-в(й)-к'*, DAeAe II:XLVII; *Сим-нфр* IV, G XI:197 = DAeAe II:LXXX b = AIKMB:11; *Птхъ-хътп* — 'хт-хътп, TP: XXXIV, XXXV; MPAS II:X, XV, XVI; *Птхъ-хътп* II, SM:IX, XVII; ложная дверь *С'бв*, DARMK:XXI=98—99; ср. гробницы *Нфр-м'с*т, M:XIX; *Джд.ф-мнв*, DAeAe II:XXXIII.

Как и нэ, хо — производственная единица вельможеского хозяйства.

Хо поставляет зерно. В гробнице *Шнсс-р^c* есть большое

изображение, озаглавленное: «Смотрение (на) суда, (на) плавание вниз по течению... с (зерном) *пх*⁽¹⁾» (в издании ошибочно *пт*) *Хо-Джд-к'-р^c* и молодыми упитанными быками — — —» (DAeAe II:LXII=LXIII). Надписания поясняют и отдельные части изображения. Так, писцы, ведущие учет при участии «крепкого голосом житницы», т. е. счетчика, выкрикивающего количество учитываемого зерна, представляют «управу дома со[бствен]ного, которая мерит (меркою) — — — 32 житницы, доставленное из Верховья, хо (мн. ч.) его (т. е. вельможи) дом[а собственного] — — —». Мужчина с чашею и мешком занят «доставкою (зерна) *пх'*», чтобы посмотрели кое-что (т. е. образец); «доставкою (зерна) *пх'*» занят и другой мужчина. Грузовое судно пришло вниз по течению с грузом зерна *й'ййт* и зерновидных плодов *вх'с*. Еще двое мужчин осуществляют один «доставку (зерна) *й'ййт[т]*», другой «достав[ку] (зерна) *пх'*».

В зерне же, по всей видимости, отчитываются властели хо в гробнице *Хнт(й)-к'* (GAR:LXXII=MKhCI:IX). Пред хозяина и его писцов «дома собственного» вводят пятерых мужчин, надписанных каждый словами «властель хо». Тут же показано разбирательство с неисправными управителями. Поясом ниже представлен учет зерна у житниц. Взаимная связь изображенного в том и другом поясе более чем правдоподобна, потому что оба пояса вместе заключены сверху и снизу между поясами, в которых хлебопечение и пивоварение, и тем самым вставлены в изображение «заповедника», пекарни-пивоварни, потреблявшей для обоих своих производств зерно (см. § 26). В руках у первого из мужчин, вводящих властелей, мешочек и сосуд, из которого струится жидкость. Похоже на то, что в них содержатся образцы произведенного в подотчетных хозяйствах. Сосуд напоминает употребительные для растительного масла. Длинный же мешочек сходен с тем, что изображены в гробнице *Шпсс-р^c*: один раз — в руке у мужчины, доставляющего, согласно надписи, образец зерна *пх'* для осмотра (в другой руке у мужчины чаша, — должно быть, с тем же зерном), и второй раз — в руках у управляющего хозяйством вельможи («распорядителя дома») (DAeAe II:LXII, см. выше).

В гробнице областного князя *Ибий* управляемое им хо поставлено в прямую связь с пахотной землею: «Я (был) властелем хо дома-заповедника (т. е. заведения, производившего в основном хлеб и пиво; см. § 26) (с количеством) пашни 203 сот (1 сот ≈ 2735 кв. м), дан[ных мне] величеством владыки (моего), чтобы укрепить (меня)» (RTDG I:VII=UAR:144).

Уже в начале IV царского дома сочетание хо и хлебопашества в названии вельможеского селения представлялось естественным: в гробнице *Нфр-м'с*т одно из его селений — «Хо пахоты» (*х'эвт н(т?) ск'*).

Но как бы тесно ни было связано хо с земледелием, со скотоводством оно было связано, пожалуй, еще больше.

На обсуждавшемся уже изображении прихода судов с поставками в гробнице *Шпсс-р^c* (DAeAe II:LXII=LXIII) суда, согласно общей пояснительной надписи, спустились вниз по течению не с одним грузом «(зерна) *пх' Хо-Джд-к'-р^c*», но и с «молодыми упитанными быками» (DAeAe II:LXIII). И действительно, на кораблях видны не только большие вместилища, очевидно, для зерна, закупоренные сосуды с напитками, свертки и сумы, но также быки (DAeAe II:LXII). Часть быков уже выгружена на берег, и их тут же кормят.

В общих надписаниях к изображениям доставки животных хо прямо называются как место происхождения таких поставок.

В гробнице *С'бв* значилось: «Смотрение (на) упитанных быков, доставляемых из хо (мн. ч.) его, принадлежащих его дому собственному» (DARMK:XXI=101).

В гробнице *Птхэ-хэти* перед вельможею, смотрящим на доставку скота и птицы, написано: «Смотрение (на) приветственное подношение, поставки хо (мн. ч.) Низовья (и) Верховья дома собствен[н]ого» (TP:XXXIII+XXXI).

Над быками стоит один раз: «Смотрение (на) упитанн(ых) бык(ов), доставленных для (поминального праздника) Тховтова из хо (мн. ч.) (и) ха-ко (мн.ч.) Земли низовья (и) Верховья дома собственного» (TP:XXXI).

Другой раз: «Смотрение (на) учет быков из ~хлево(в) хо (мн. ч.) (и) ха-ко (мн. ч.) дома собственного» (TP:XXXI).

Над птицами стоит: «Смотрение (на) приветственное подношение, птиц, поставки хо (мн. ч.) (и) ха-ко (мн. ч.) Земли низовья (и) Верховья дом(а) собственн(ого)» (TP:XXXI).

Особенно примечательно частое появление «властелей хо» на изображениях откорма и пригона скота. Как мы видели (см. § 15), «властели нэ» имели прямое отношение к поголовью скота в подведомственных им селениях, имели общий надзор за ним и отчитывались в нем. Тем не менее на изображениях откорма и пригона скота начальством являются властели хо, а не нэ.

В гробнице *Шпсс-р^c* изображен «откорм упитанн(ых) бык(ов)», только что выгруженных с пришедших верховых кораблей, и около присутствующего при этом мужчины начальственного вида написано: «Доставка молод(ых) упитанн(ых) бык(ов), пред(почтительнейшего, т. е. лучшего что только есть) хлева властелем хо [е]го (т. е. вельможи)» (DAeAe II:LXII).

В гробнице *Птхэ-хэти* за «откормом» прирученного степного копытного (белой антилопы), «сущего (т. е. лучшего?) в хлеву», следит «властель хо» (DAeAe II:CII b).

В гробнице *С'бв* пригоняемых и учитываемых в присутствии вельможи быков, телок и телят, «доставляемых из хо (мн. ч.) его, что дома собственного», в количестве 435, сопровождает с теленком в руках «властель хо *Ирй*», а позади идет «пастух *С'бв*» (DARMK:XXI=100—101).

В гробнице *Птхэ-хэп* быка ведет «наставник хлева М'», а подгоняет палкою «властель хо *Хв-хэр*» (ТР:XXXI).

В гробнице *Сшм-нфр* IV один раз перед мужчиною, ведущим «упитанного быка», другой раз перед ведущим «молодую упитанную телку» шествует «властель хо» (G XI:между 152 и 153, 204).

В гробнице *Нфр-сшм-р* «властель хо» идет позади «упитанных быков» (RTS:X).

В гробнице *Сшм-нфр* «властель хо» не только изображен впереди скота, но и сам одет в опоясание, собственное скотоводам (с выступающим скошенным передом из переплетенных стеблей болотных растений, DAeAe II:LXXX).

В гробнице *Нфр* ниже изображения идущего быка был представлен «властель хо» (EG III:218).

Кто были те рабочие люди, которые населяли вельможеские хо? Не раз уже использованное нами изображение шествия селений в гробнице областного князя *Йбй* дает на то, по-видимому, недвусмысленный ответ. Из двенадцати женщин, олицетворяющих селения, одиннадцать надписаны названиями, заключенными каждое в прямоугольник, т. е. в знак для «хо»: «Хо Вино», «Хо Седалище» и т. д. (одна женщина, судя по изданию, осталась ненадписанной). Сопроводительная надпись к изображению, к сожалению, несколько повреждена: «Сотворил (я) это (т. е. изображенные селения) городцами (нэ) собственными (моими) вчисте из (царского заупокойного дара) „Да будет-умиротворен-(и)-да-даст-царь“, данного мне величеством владыки (моего), [чтобы] сотворить (мн)е п[аш]нюю — — — [э]то (т. е. селения) с чадью (*мрт*) собственною (моею), будучи полно быками, козами, ослами — — — [из(?)] сотвор[енного] (т. е. приобретенного) мышцею (моею) (?)] помимо вещ(ей) (т. е. имущества) отца (моего), а я (был) властелем хо дома-заповедника (см. § 26) сот 203, данных (мне) величеством владыки (моего), чтобы укрепить (меня)» (RTDG I:VII=UAR:144—145).

Что вельможеские хо были населены «чадью» (*мрт*, см. § 33), можно было заранее предположить, поскольку олицетворяющие хо женщины-поставщицы обыкновенно ничем не отличаются от таких же женщин-поставщиц, олицетворяющих простые селения.

Во главе отдельных вельможеских хо стояли «властели» (*хэкэ'*). Властель заведовал всем хозяйством подведомственного ему хо. Мы уже видели выше, что властели хо отчитывались перед хозяйственной управой (см. § 33) в зерне, надзирали за откормом скота, доставляли его для переучета и хозяйских потребностей.

Видеть во властях хо деревенских старост, выборных глав сельских общин нет никаких оснований. Все, что известно о вельможеских властях хо, заставляет считать их чиновными должностными лицами. В гробнице *Мрр-в(й)-к'* изображен от-

чет властелей хо перед начальством. Под навесом сидит важный писец «судья, распорядитель — — —, таинник *Йзт* большой *Йхъйй*» — и перед ним двое других писцов: «судья *Къ'рй*» и «распорядитель дома *Н(й)-снх-б'*». Присутствие «распорядителя дома» — заведующего личным хозяйством вельможи — доказывает, что отчитываются хо, принадлежащие этому последнему. Властели подползают к навесу на коленях; подводят их, согбенных, приставы, вооруженные палками. С незадачливыми управителями расправляются на месте: привязав к столбу, избивают палками. И вот неожиданность! Властели, с которыми обращаются столь непочтительно, все как на подбор люди с видным положением в государстве. Первый коленопреклоненный — «властель хо, топорщик царев, писец *Мррй*», второй — «властель хо, топорщик царев, писец *Вхъмй*», третий — «властель хо, писец грамот царев(ых) пред лицом *Гфгф*», первый согбенный — «властель хо, распорядитель писц(ов) пашни *Нджм-йб*», второй — «властель хо, распорядитель писц(ов) чади (*мрт*) *Шм'в*», третий — «властель хо, судья, распорядитель писц(ов) *Им-шттв(?)*», избиваемый же — «властель хо, распорядитель писцов пашни *Шпс-п(в)-пхъ*». Получается, что вельможеские властели хо сплошь чиновные лица, и притом далеко не мелкие. Первые три — сановные царские должностные лица, остальные в каждом случае — высшее начальство, «распорядители» (*ймй-р'*), а не «наставники», «предводители» или «надзиратели».

Что с подобными лицами обращаются так неучтиво, не должно нас особенно удивлять. Вряд ли меньше, чем наши властели, значил «распорядитель медников дома большого (т. е. двора), доверенный царев *Нджм-йб*», а он писал в своей гробнице: «Ни разу не били (меня) перед сановником всяким (т. е. каким-либо) с рождения (моего)» (UAR:75=MAE:417—418=ThIAe:1212).

Сходное изображение сведения счета и расправы с властями хо имеется в гробнице *Хнт(й)-к'* того же времени, что и в гробнице *Мрр-в(й)-к'* (начало VI царского дома), и того же местонахождения (рядом с Мэнфе), но тут управители, подводимые к навесу, где сидят хозяин и его писцы, надписаны каждый, к сожалению, просто «властель хо» — самое большое с добавлением (в одном случае) имени («властель хо *Йнй*»), без каких-либо добавочных званий. Что дело касается личного хозяйства вельможи, доказывают надписания его писцов, сводящих счет: «писец дома собственного *Йшт-м'т*» и «писец... (?) дома собственного *Шпсс*» (MKhCI:IX=GAR:LXXI).

«Властели» были главными управителями хо, но у них были или по меньшей мере иногда бывали помощники по управлению хо в целом, тоже подотчетные «управе» (см. § 33) вельможеского хозяйства.

В гробнице *Шпсс-р'* находится изображение, озаглавленное: «Смотрен[ие] (на сведение) счета (с) властями хо (мн. ч.)

его (т. е. вельможи) Низов(ья и) Верхов(ья)» (DAeAe II: LXIV). И действительно, в нижнем (самом «переднем») поясе речь идет о «доставленном» «властеле хо», которого, согбенного и со свитком в руке, вводит вооруженный палкою пристав. Изображение согбенного мужа, вводимого приставом, повторено еще три раза одно над другим в начале последующих поясов (DAeAe II: LXIII). Не приходится сомневаться в том, что согбенные, влекомые мужи такие же «властели хо», как и нижний товарищ их по несчастью, тем более что переведенное выше общее надписание говорит о «властях хо» во множественном числе. Но каждый из четырех верхних поясов разделен продольно пополам позади вводимых властелей (от самого верхнего остались лишь ноги), и каждый раз в верхней и нижней половинках показано по два простертых на земле мужчины в отличие от стоящих тут же совершенно нагих. Шестеро простертых мужчин надписаны каждый «наставник Хо-(царя) Джд-к'-р^c в управе», у одного от этой надписи видно только «— — — Джд-к'-р^c в — — —», у другого — «наставник Хо-Джд-к'-р^c». В двух поясах все четверо передних простертых мужчин надписаны каждый «наставник Хо-(царя) Н(й)-вср-р^c в управе», а четверо задних — «наставник хо в управе» (у одного из них слово «управа» разрушено). Каждый из трех верхних поясов, третий, четвертый и пятый, замыкает изображение стоящего мужчины с надписью «крепкий голосом (т. е. счетчик, выкрикивающий число учитываемого) житницы» (странным образом в старинном издании ни в одном из трех случаев у слова *нхт* «крепкий» нет начального *н*). Во втором поясе позади тоже стоит мужчина, — несомненно, такой «крепкий голосом», только без надписи. Управители отчитываются в произведенном в их хо зерне, и образцы его содержатся, можно думать, в сосудах, которые несут в руках двое мужчин, сопровождающие «властеля хо» в нижнем поясе. На каждого мужчину, стоящего согбенно в начале второго, третьего и четвертого поясов, а также на стоявшего в начале пятого (уцелели лишь ноги) приходится по четыре простертых за ними «наставника хо». Поскольку стоящие впереди их согбенные мужчины должны быть такими же «властелями хо», как и их надписанный сотоварищ в первом поясе, у каждого властеля было не менее четырех помощников — «наставников хо» (*схъдж хъвт*).

Если властями хо бывали государственные должностные лица, притом даже в крупных, как на изображении в гробнице *Мрр-в(й)-к'*, то каково было положение хо относительно их вельможных владельцев, каким образом входили они в состав их владения? А что вельможи не только считали хо своими, но и относили к своему «дому собственному», доказывают надписания изображенных в их гробницах шестивей с приставками для хозяйских поминок.

В гробнице *Птхъ-хътп* и *'хт-хътп* значится: «Смотрение (на)

приветственное подношение, поставки хо (мн. ч.) Низовья (и) Верховья дома собственного» (TP:XXXIII+XXXI).

«Смотрение (на) приветственное подношение птиц, поставки хо (мн. ч.) (и) ха-ко (мн. ч.) Земли низовья (и) Верховья дома собственного» (TP:XXXI).

«Смотрение (на) отборнейших (читай: *стп* вместо *спт*) из быков хлевов хо (мн. ч.) (и) ха-ко (мн. ч.) дома собственного» (TP:XXXI).

Далее мы читаем о поставках: «из хо (мн. ч.) (и) ха-ко Земли низовья (и) Верховья» (гробница *Птхъ-хътп* и *'хт-хътп*, TP:XXXI); «из хо (мн. ч.) его (и) из нэ (мн. ч.) его дома собственного, которые в Земле низовья (и) Верховье» (гробница *К'-гм.н(й)*, MG II:19 177); «из хо (мн. ч.) его (и) из нэ (мн. ч.) его Земли низовья (и) Верховья» (гробницы *К'-гм.н(й)*, MG II:II=16 90; *Мпр-в(й)-к'*, MM:LVII+LVIII, LXV, LXVII, также с разрушенным «Верховье» — XIV, LXI, MM:CXXXIII — с разрушенным «Верховья (и) Низовья»; *Хнт(й)-к'*, MKhCI:IX, XIV=TPC I:155 I; *Птхъ-хътп*, DAeAe II:CII а; *Шпсс-птхъ* II, SM:XXIX, XXX); «из хо (мн. ч.) его (и) нэ (мн. ч.) его дома собственного в Земле низовья (и) Верховье (гробница *Нфр-сшм-сш'т*, DARMK:XLII); «из хо (мн. ч.) его (и) из нэ (мн. ч.) его Верховья (и) Низовья, что между обоими рубежами (т. е. восточной и западной горными цепями)» (гробница *Ччв*, TPC I:155); «из хо (мн. ч.) его (и) из нэ (мн. ч.) его Земли низовья (и) Верховья (и) ха-ко (мн. ч.) его, что от того, что между обоими рубежами, дома собственного» (гробница *К'-гм.н(й)*, MG II:IV).

Что хо числились в составе личного хозяйства вельможи, его «дома собственного», и отчитывались перед управою и «писцами дома собственного», доказывают надписи на изображениях отчета управляющих вельможескими хо. В гробнице *Хнт(й)-к'* пятеро «властелей» приведены для отчета, видимо, в зерне, пред хозяина и его двух писцов «дома собственного» (MKhCI:IX=GAR:LXXI, см. выше и § 14). В гробнице *Шпсс-р^c* на изображении пришедших с юга кораблей с зерном Хо-Джд-к'-р^c и скотом подле выгруженных быков стоит властель и около него надпись: «Доставка молодых быков, пред(почтительнейшего) хлева властелем хо [е]го (т. е. вельможи)» (DAeAe II:LXII). Писцы, хранитель ведомостей и счетчик представляют «управу дома собств[енного], которая мерит — — — ... доставленное из Верховья, хо (мн. ч.) его (т. е. вельможи) дома [собственного] (?) — — —» (DAeAe II:LXII). На другом изображении в той же гробнице, озаглавленном «Смотрение (на сведение) счета (с) властями хо (мн. ч.) его (т. е. вельможи) Низов(ья и) Верховья» (DAeAe II:LXIV), около писцов и весовщика сильно поврежденная надпись, упоминающая «управу (см. § 33) дома (собственного) (вместо *х* старинного издания читай *пр* „дом“), которая [производ]ит [(такой-то учет)] — — —» (DAeAe II:XIV), а немного выше ведомость хо-

заяину представляет «распорядитель дома», следовательно, управляющий личным хозяйством сановника. На другой половине изображения вводимые для отчета властели хо (над одним надпись: «Доставка ... властелем хо...») и простертые на земле «наставники хо»: из шестнадцати одни надписаны каждый «наставник Хо-Джд-к'-р^c», другие — «наставник Хо-Н(й)-вср-р^c», третьи — «наставник хо», но у всех, за одним сомнительным исключением, добавлено «в управе» (за «наставниками хо» стоят «крепкие голосом (иначе — счетчики) житницы», так что отчитывались в зерне) (DAeAe II:LXIII; об этом изображении подробнее сказано выше).

«Собственными» нэ называет свои хо областной князь Ябий. Из двенадцати поставщиц одиннадцать (одна без надписи) надписаны названиями («вино», «седалище» и т. п.), вписанными каждое в прямоугольник «хо». Сопроводительная надпись начинается так: «Сотворил (я) эти (т. е. селения) как нэ собственные (мои)» (RTDG I:VII=UAR:144). Под общее обозначение «собственных» нэ (в широком смысле) хо подведены и в гробницах 'хт-хэtn (MPAS II:XV=XIII, XVI=XIV), Птхэ-хэtn (SM:IX—X), Схм-к'-р^c (DAeAe II:XLII a), см. § 14.

Если хо составляли часть личного хозяйства вельможи, то можно предположительно допустить, что он мог передавать их другому лицу. Из завещания царевича Н(й)-к'в-р^c видно, что не только простые селения, но и хо передавались по завещанию. Царевич «сотворил [завеща]ние, будучи живым (и ходя) на обеих ногах своих, не будучи болен (какой-либо) вещью (т. е. чем-либо)», и «было дано... жене его, возлюбленной его, той, что при вещи (?) царевой, Н(й)-к'в-нбтй», в частности в «Горе рогатой змеи» (т. е. в XII верховой области) «Хо-Х^c.ф-р^c» (или, может быть, «Хо... Х^c.ф-р^c» с разрушенным началом названия: DAeAe II:XV a).

И все-таки, несмотря на все эти свидетельства о принадлежности хо лично вельможам, в хо было что-то такое, что делало их не столь своими для сановных владельцев, как обыкновенные селения. Широко распространен был обычай называть простые селения в честь владельца. Надписи особенно второй половины Старого царства пестрят такого рода названиями, действительными или вымышленными, заключающими в себе так или иначе имя сановника или другого частного лица, до него владевшего селением: «Виноград Пхэ.н», «Вино Пхэ.н», «Смоква Пхэ.н», «Огурец Пхэ.н», «Округлый хлеб (пзн) Пхэ.н», «Пирожок (ш^cт) Пхэ.н», «Доставляющая хлеб Пхэ.н», «Доставляющая пиво Пхэ.н» и т. д. (гробница Пхэ.н-в(й)-к', сокращенно Пхэ.н, DAeAe II:XLVI; названия, должно быть, вымышленные). И поразительно, что огромному числу подобных названий для простых селений нельзя противопоставить ни одного названия вельможеского хо с именем частного лица, даже царевича или царевны. В названиях простых селений наряду с именами частных лиц встречаются и имена

царей, но в названиях хо — только царские: «Хо Хв.ф-в(й)», «Хо Животворит-Хор-Иззй», «Хо Любит-Нфрт-С'хъ-в(й)-р^c», «Хо Любит-Мэ-[Из]зй» и т. д. (гробница *Птхъ-хътп* и *'хт-хътп*, МРАС II:X, ТР:XXXIV, XXXV).

Полное отсутствие среди вельможеских хо, названных по самим владельцам, тем поразительнее, что помимо названий, сложенных с царским именем, в гробницах вельмож встречаются и другие названия для их селений, состоящие из слова «хо» и определения (названия без определения: «Хо», гробница *Джд.ф-мнв*, DAeAe II:XXXIII; «Хо» во множественном числе, хотя относится к одной поставщице-селению, М:XXI). Вот названия со словом «хо» и определением иным, чем имя царя или частного лица: в гробнице *Й'бтт* — «Хо старца» (G I:221); в гробнице *Нфр-м'с*т — «Хо пахоты», «Хо печат(и?)» (М:XXI); в гробнице *Сшм-нфр* — «Хо уложителя(?)» (DAeAe II:LXXX b=AIKMB:11=G XI:197); в гробнице *Хнт(т?)-к'в-с* — «Хо — — —» (G VII:77); в гробнице *'хт-хътп* — «Хо дж(н?) йвтт» (MAE:70; определение похоже на прилагательное). Заслуживают внимания и большей частью поврежденные названия в гробнице *Йбйй*, представляющие собой слова или сочетания слов, вписанные каждое в прямоугольник «хо»: «Хо Вино», «Хо Седалище», «Хо Поле [(такого-то)]» — и еще семь отчасти или вовсе разрушенных названий, судя по уцелевшим знакам, тоже не содержащих ни царских, ни частновладельческих имен (RTDG I:VII). И все эти неименные хо принадлежат самим вельможам, так как представлены в виде поставщиков и поставщиц, несущих потребное для хозяйских поминок.

Имя того или иного частного лица в составе названия селения указывало на основание его данным лицом или по меньшей мере на принадлежность ему, а в случае селений с названием, содержащим слово «кэрке» (*грет*) «основанное» (см. § 15), — уже определенно на основание селения носителем имени, добавленного к слову «кэрке»: «Кэрке Чйй» (GT:СХII), «Кэрке *Птхъ-хътп*» (SM:XII), «Кэрке *Сннв-снх* южн(ое)», «Кэрке *Сннв-снх* северное» (MAE:317) и т. д. Потому вполне возможно, что царское имя в составе названия могло указывать на основание или хотя бы переименование селения царем, носившим такое имя. И действительно, насколько позволяют судить изданные обломки, все хо в каждом из известных царских поминальных храмов носили названия, сложенные с именем того царя, чьим был данный храм: *Снфрв* (ASAE LI:VIII—X=579—581), *С'хъ-в(й)-р^c* (GKS II:XXVI, XXVII, XXVIII, XXXI, ср. LVIII), *Н(й)-вср-р^c* (GKN:XIV, XV), *Нфр-к'-р^c Пйй* II (MFPII III:XX=XIX, XXI, XXV). На одном изображении шествия селений с поставками все хо вместе обозначены как «Хо-Нфр-к'-р^c» (MFPII III:XX=XIX), совершенно так же, как в поминальном храме *Снфрв*, вереницы одинаковых женщин-селений со знаками «Хо-Снфрв» на головах должны были все, в том числе и несохранившиеся, олицетворять хо

Снфрв (ASAE LII:VIII=X). Когда в староегипетской летописи под одним из годов царствования *Снфрв* упоминается о создании по всему Египту царских хо, они все вместе обозначены как хо царствующего царя: «Строительство (в) Верховье (и) Земле низовья хо (мн. ч.) *Снфрв*» (UAR:236). Поэтому весьма правдоподобно, что хо с названиями в честь разных царей, значащиеся в числе вельможеских селений, были основаны этими царями, а не названы всего лишь в их честь угодливыми верноподданными. Притом цари, значащиеся в составе названий вельможеских хо, порою вовсе не современники хозяина гробницы, а стародавние властители, отделенные от него иногда целыми столетиями. Так, среди вельможеских владений, упомянутых в гробнице *Птхъ-хътп* и *'хт-хътп* конца V царского дома, наряду с несколькими хо с названиями в честь современного этим вельможам царя *Джд-к'-р^c Йззй* (TP:XXXIV, XXXV; MPAS II:X, XV=XIII, XVI—XIV) имеются также хо, названные в честь царя *Н(й)-вср-р^c* середины V дома (MPAS II:XV=XIII, в разрушенном виде—X), второго царя этого дома *С'хъ-в(й)-р^c* (TP:XXXIV) и второго царя IV дома *Хв.ф-в(й)* (TP:XXXV). Имена частных лиц, основателей или первоначальных владельцев, сохранялись в названиях селений в течение долгого времени (см. выше), так что у новых хозяев оказывались поселки, носившие названия в честь не их самих, а предшественников. Сходство между названиями с именами царей и названиями в честь вельмож в отношении сохранения исконных наименований при переходе из рук в руки явное.

Отдельные названия хо у вельмож можно осмыслить только в том случае, если владельцами этих хо были первоначально цари: «Хо Кормилица-(царя) *С'хъ-в(й)-р^c*» (гробница *Пхъ.н-в(й)-к'*, DAeAe II:XLII), «Хо Ласточка-(царя) *Йззй*» (гробница *Птхъ-хътп* и *'хт-хътп*, MPAS II:XV=XIII), «Хо (царя) *Хв.ф-в(й)*» (та же гробница, TP:XXXV, и гробница *Н(й)-к'в-р^c*, DAeAe II:XV). При этом известно, что «Кормилица» и «Ласточка» получали в виде определения имя хозяина, когда речь шла о простых селениях вельмож: «Кормилица-*Сим-нфр*» в гробнице *Сим-нфр* (MAE:398), «Кормилица-*Птхъ-хътп*» в гробнице *Птхъ-хътп* (SM:X), «Ласточка-*Чйй*» в гробнице *Чйй* (GT:III). Ср. название простого селения «Ласточка (царя) *Йззй*» в той же гробнице *Птхъ-хътп* и *'хт-хътп*, где и «Хо Ласточка-(царя) *Йззй*» (название первое—MPAS II:X, второе—MPAS II:XV=XIII); и то и другое рядом с «Хо Животворит-Хор-*Йззй*» и оба II низовой области, так что «Хо Ласточка-*Йззй*» превратилось в простое селение «Ласточка *Йззй*»!

И появляются хо, названные по царям, среди вельможеских селений только со временем, не с начала Старого царства.

Мы тщетно будем искать названия хо с именами царей в гробницах знати, в том числе и царевичей, раньше конца IV царского дома. Но в гробницах вельмож конца IV и первой

половины V царского дома среди вельможеских селений имеются уже хо, названные в честь их царственных основателей или владельцев, хотя число простых селений, не хо, значительно преобладает. В гробнице царевича *Хс.ф-хв.ф-в(й)* — одно царское хо (ASAE XVI:266), в гробнице некоего «направителя дворца» — одно (DAeAe II:XXXII), в гробнице верховного сановника *Пхъ.н-в(й)-к'*, — вероятно, два (одно название разрушено, но, поскольку оно предшествует другому, с «хо», оно вряд ли было названием простого селения, DAeAe II:XLVII), в гробнице царевича *Схм-к'-рс* — два (DAeAe II:XLIIa).

К концу V царского дома соотношение начинает меняться в пользу хо. В гробнице *Сшм-нфр* IV на десять или двенадцать простых селений приходится три хо, названные по царю *Изэй* (DAeAe II:LXXX b=AIKMB:11=G XI:197). В гробнице *Птхъ-хътп* и *'хт-хътп* на десятка два простых селений уже девять царских хо (MPAS II:X, XV=XIII, XVI=XIV; TP:XXXIV, XXXV). В гробнице *Снджм-йб* из двадцати селений пять или шесть хо с именами в честь царей V дома (MAE:508—509). В гробнице *Птхъ-хътп* на двадцать шесть простых селений приходится четыре царских хо (SM:IX, XIII). В гробнице *Шпсс-рс* поименованы всего два селения, и оба — царские хо: «Хо *Н(й)-вср-рс*» и «Хо *Джд-к'-рс*». В гробнице *Мпр-в(й)-к'* на десять или одиннадцать простых селений приходится пять хо, названных в честь царя *Ттй* (MM:XLIX). На ложной двери *С'бв* названы четыре простых селения и столько же хо с названиями в честь *Ттй* (DARMK:XXI=98—99).

Заметному умножению царских хо у частных владельцев во вторую половину Старого царства, особенно в его последнюю треть, сопутствует появление и распространение слова «хо» во множественном числе как одного из общих обозначений вельможеских селений наряду со словом «нэ».

Древнейшим, быть может, общим обозначением селения было слово «кэрке» (*grgt*) — «основание, поселение». В гробнице *Рс-хътп* рубежа III и IV царских домов общим заголовком к шестистию селений, надписанных каждое своим названием, служат слова: «(Сведение) счет(а с) кэрке (мн. ч.)» (M:XV). Тогда же, в начале IV царского дома, в гробнице *Мчн* сочетание «кэрке *Мчн*» употреблено как нарицательное обозначение общего порядка: «Основал он (т. е. *Мчн*) 12 кэрке *Мчн* (в) областях низовых — 4—5(?), 6, 2-й» (DAeAe II:VI=AIKMB:74=UAR:4). Однако в той же гробнице в виде общего обозначения появляется и слово «нэ» — «городцы»: «Да умиротворится (и да) даст Ануп, предстоящий земле святой (т. е. кладбищу), (чтобы) возглашалось (т. е. приносились поминальные жертвы) там городцами его (т. е. вельможи) всеми в (праздник) в'г кладбища, (праздник) Тховтов, ... каждый месяц, каждые 10 (дней), повседневно» (DAeAe II:V=AIKMB:86). При этом у каждой из четырех женщин-поставщиц, олицетворяющих селения, стоит знак «нэ» — «городец» (DAeAe II:V=

АІКМВ:85). Также и на плитѣ от гробницы *кнн того же примерно времени изображение женщины с корзиной на голове надписано: «Нэ его (т. е. умершего), имеющее доставлять возглашение (т. е. поминальную жертву) повседневно» (М: XVI).

Ближе к концу IV царского дома, в начале и середине V, «нэ» как общее обозначение вельможеских селений господствует безраздельно. «Смотрение (на) возглашение (т. е. поминальную жертву), доставляемое из дома царева (и) из нэ (мн. ч.) его (т. е. вельможи) дома собственного» (гробница *Хс.ф-хв.ф-в(й)*, ASAE XVI:261; там же: «писец нэ (мн. ч.)», ASAE XVI:259). «Доставка приветственного подношения нэ (мн. ч.)» (над приводом скота, гробница *К'-н-н(й)-свт*, VZGPG: IV=16). «Подача писания нэ (мн. ч.) владыке своему» (домоправитель предъявляет вельможе ведомость, та же гробница, VZGPG:IV, 19). «Доставка возглашения, (совершаемая) нэ (мн. ч.) его (т. е. вельможи) в праздник(и и) повседневно — для *Хэпн-сш'т*» (гробница *Хэпн-сш'т*, DAeAe II:XXIII=DAeAeT I:64). «Счет приветственного подношения нэ (мн. ч.) его (т. е. вельможи) дома собственного» (там же, DAeAe II:XXIII). «Смотрение (на) поставки властелей, пастухов, — — — птицеловов (?), рыбаков, доставляемые из нэ (мн. ч.) дома [собственного] — — — (?) для (такого-то)» (гробница *Схм-к'-рс*, DAeAe II:XLII a). «Приветственное подношение, доставляемое из нэ (мн. ч.) дома собственного» (гробница *Пхэ.н-в(й)-к'*, DAeAe II:XLV c). «Доставка приветственного подношения нэ (мн. ч.) его... собственных, которые в Низовье (и) Верховье дома собственного» (там же, DAeAe II:XLVI). «Смотрение (на) пахоту в нэ (мн. ч.) его (т. е. вельможи) дома собственного» (гробница *снх-шлсс-к'.ф*, DAeAe II:LI). «Смотрение (на) битье (т. е. уборку) льна, жатву ячменя (и) пшеницы-)двузернянки, увоз (на ослах), складывание на гумнах в нэ (мн. ч.) дома собственного» (гробница *Чйй*, GT:CXXI). «Приход (судов) из Земли низовья из нэ (мн. ч.) дома собственного, после того как посмотрел (на) них» *Чйй* (там же, GT:LXXX). «Смотрение (на) приветственное подношение, доставляемое из нэ (мн. ч.) дома собственного, которые в Земле низовья (и) Верховье» (там же, GT:CXXVIII). «Доставка для осмотра приветственного подношения, доставленного из нэ (мн. ч.) дома собственного» (там же, GT:CXXIX). «Доставка возглашения (т. е. поминальной жертвы), (совершаемая) нэ (мн. ч.) дома собственного, которые в Земле низовья (и) Верховье, для (царского) друга единственного *Чйй*» (там же, GT:CXV). «Доставка возглашения, (совершаемая) нэ (мн. ч.), что от — — —» (там же, GT:III=TT:IV). «Смотрение (на) жертвоприношение, доставляемое из нэ дома собственного для возглашения (т. е. поминок)» (гробница *Хэм-рс*, MAE:138). «Смотрение (на) — — —, доставляемое из нэ (мн. ч.)... дома собственного» (гробница *К'-м-нфрт*, MAE:248). «[См]отрение (на) жертвоприношение,

доставляемое нэ (мн. ч.) его (т. е. вельможи) дома собственного для возглашения повседневно» (гробница *С'бв*, МАЕ:144). «[См]отрение (на) приветственное подношение, достав[ляемое] из нэ (мн. ч.) дома собственного» (гробница *Хв-в(й)-вр*, EG V: 248). «Доставка возглашения, (совершаемая) нэ (мн. ч.) его (т. е. вельможи) в месячный (праздник), полумесечный (праздник), в праздник(и), повседневно» (гробница *Йй-джф'*, DAeAe II:C a).

Об одних нэ говорят иногда и гробничные надписи конца V — начала VI царского дома. «Смотрение (на) — — — [мел]-кий скот, упитанных быков, птицу, доставляемых из нэ (мн. ч.) дома собственного» (гробница *М''-нфр*, DAeAe II:LXIX = AIKMB:108). «Смотрение (на) доставку возглашения (т. е. поминальной жертвы) повседневно для наставника сотворяющих волосы царя *М''-нфр*, доставляемого из нэ (мн. ч.) дома собственного» (там же, DAeAe II:LXVII = AIKMB:111). «Смотрение (на) приветственное подношение, годовую жертву (?) всякую добрую, доставляемую из нэ (мн. ч.) Земли (?) Низовой (и) Верховья»; «Доставка приветственного подношения, [скота] нагорья всякого, доставляемого из нэ (мн. ч.) его дома собственного его» (гробница *'хт-хэти*, МАЕ:430). «Смотрение (на) работу всякую добрую поля, сотворяемую в нэ (мн. ч.) его» (гробница *Нфр-сим-пихэ*, RTS:XC, XCIII). Ср. в гробнице *Нфр* надпись EG III:LIX 2 = 206 = DAeAe II:XCv f_а.

Тем не менее с конца V царского дома в качестве сводного обозначения одного из видов вельможеских селений на первом месте впереди «нэ» при перечислении оказываются «хо». Возможно, древнейший пример такого употребления слова «хо» восходит еще к середине V царского дома и содержится в гробнице *Чйй* в поврежденной надписи TT:XXI = XIX, однако быть уверенным в том нельзя. Во всяком случае, то было бы единичное исключение. Вообще же лишь с конца V царского дома и при VI «хо» становятся в вельможеских гробницах полноправными членами общих заголовков к изображениям. «Смотрение (на сведение) счет(а с) властями хо (мн. ч.) его (т. е. вельможи) Низовья (и) Верховья» (гробница *Шнсс-р'*, DAeAe II:LXIV). «Смотрение (на) приветственное подношение, поставки хо (мн. ч.) Низов(ья и) Верховья дома собственного его» (гробница *Птхэ-хэти* градоначальника, TP:XXXIII + XXXI). «Смотрение (на) упитанн(ых) бык(ов) для (поминального праздника) Тховтова из хо (мн. ч.) и ха-ко (мн. ч.) Земли низовой (и) Верховья дома собственного» (там же, TP:XXXI). «Смотрение (на) отборных (читай: *стп* вместо *спт*) тельцов из хлевов хо (мн. ч.) (и) ха-ко (мн. ч.) дома собственного его» (там же, TP:XXXI). «Смотрение (на) приветственное подношение, птиц, поставки хо (мн. ч.) (и) ха-ко (мн. ч.) Земли низовой (и) Верховья дома собственного» (там же, TP:XXXI). «— — — доставленный ему (т. е. вельможе) из хо (мн. ч.) его (и) нэ (мн. ч.) его Низовья (и) Верховья» (гробница *Птхэ-*

хэтл правителя, DAeAe II:CIa). «Смотрение (на) приветственное подношение, доставляемое из хо (мн. ч.) и нэ (мн. ч.) его Низовья (и) Верховья» (гробница *Шпсс-пххэ*, дважды, SM: XXIX, XXX). «Доставляемое из хо (мн. ч.) его (и) из нэ (мн. ч.) его дома собственного в Земле низовой (и) Верховье» (гробница *Нфр-сим-си't*, DARMK:XLII=196). «Приветственное подношение, годовая жертва (?) всякая добрая, доставляемая ему (т. е. вельможе) из хо (мн. ч.) его (и) из нэ (мн. ч.) его Земли низовой (и) Верховья, что между обоими рубежами (т. е. западным и восточным хребтами), детьми его, братьями его, слугами двойника (т. е. заупокойными жрецами) собственными его» (гробница *Хнт(й)-к'*, MKhCI:XIV=TPC 1:155). «Доставка ему (т. е. вельможе) приветственного подношения, приносимого ему детьми его, братьями его, слугами двойника собственными его из хо (мн. ч.) (и) из нэ (мн. ч.) Верховья (и) Низовья, что между рубежами» (гробница *Ччв*, TPC 1:155). «Доставка приветственного подношения, годовой жертвы (?) всякой, доставляемой из хо (мн. ч.) его (и) нэ (мн. ч.) его Земли низовой (и) Верховья слугами двойника дома собственного» (гробница *С'бв*, DARMK:XXI=94). «Смотрение (на) упитанных быков, доставляемых из хо (мн. ч.) его дома собственного» (там же, DARMK:XXI=101). «— — — доставляемое... из хо (мн. ч.) его (и) нэ (мн. ч.) его Земли н[изовой (и) Верховья]» (гробница *Мрр-в(й)-к'*, MM:CXXXIII, ср. MM:XLVIII). «[Смот]рение (на) приветственное подношение, годовую жертву (?) всякую, доставляемую из хо (мн. ч.) его (и) из нэ (мн. ч.) его Земли низовой (и) Верховья наставниками слуг двойника, надзирателями слуг двойника, слугами двойника, людьми всеми дома собственного» (гробница *К'-гм.н(й)*, MG II:11=16 90). «Доставка отборных (кусков мяса), птиц, — — — всякого — — —, доставляемого из хо (мн. ч.) его (и) из нэ (мн. ч.) его дома собственного, которые в Земле низовой (и) Верховье, наставниками слуг двойника, надзирателями слуг двойника, соединени(ями) всеми дома собственного» в такие-то праздники, «в праздник(и) вообще и) повседневно» для того, «кто у врат (дворца — верховного) судьи, правителя *К'-гм.н(й)*» (та же гробница, MG II:19 177). «[Смо]трение (на) приветственное подношение, годовую жертву (?) всякую, доставляемую из хо (мн. ч.) его (и) из нэ (мн. ч.) его Земли низовой (и) Верховья, ха-ко (мн. ч.) его, что от того, что между обоими рубежами, дома собственного» (та же гробница, MG II:V=16 93).

Сходное явление наблюдается и по отношению к должности «властель хо». Насколько могу судить, до конца V царского дома она ни разу не встречается в гробницах вельмож на хозяйственных изображениях, хотя «властели нэ» и просто «властели» там встречаются как до, так и после этого времени.

К середине V царского дома можно приурочить гробницы *Чйй* и *С'бв*. В первой из них изображено «взятие властелей нэ»

(мн. ч.) для сведения счет(а)» пред «управую дома собствен-ного» (GT:CXXIX), во второй — «доставка властелей нэ (мн. ч.) (для сведения) счет(а)» (MAE:145). При VI царском доме в гробнице верховного сановника и «распорядителя Верховья» *Пйпй-снх* Среднего на изображении привода властелей имеется надпись: «Властели нэ, пришедшие из [н]э своих» (RTM IV: XV). Несмотря на причастность вельможи к местному управлению, присутствие позади хозяина «распоряди[теля д]о[ма] *Нфр-б'кэт*» побуждает считать и властелей управителями личных владений сановника. В гробнице *Ч'втй*, бывшего областным князем при том же царском доме, частично сохранилась надпись к изображению приемки князем даров от подчиненных: «— — — [для] того, кто в чести у владыки своего (т. е. царя) *Ч'втй*, со стороны дру(зей) (царевых), распорядителей дома, властелей нэ (мн. ч.) — — —» (DAeAeT:180=UAR:258). Поскольку *Ч'втй* управлял областью, можно подумать, что имелись в виду властели селений, подведомственных князю лишь по должности, а в упоминании на первом месте «дру-зей» царя царских придворных увидеть и подтверждение тому. Однако перед «властями» названы «распорядители дома», следовательно, управляющие личным хозяйством вельможи, и потому следующие за ними «властели» должны быть подчиненными им (см. § 33) управителями селений, принадлежащих самому князю. Отметим и сочетание «властвовать (*хэкэ*)» (над) нэ». В гробничном жизнеописании *Мрй-р^с-мрй-птхэ-снх* (времени VI же царского дома) находим: «И было назначено ему (т. е. старшему брату) (быть) топорщиком (в данном случае зодчим) царевым (и) строителем, (а) властвовал (я) (для) него (над) нэ, творил для него вещь всякую в нем гораздо» (UAR:216).

Просто «властелей», без указания, какого рода селениями они управляли, мы находим до середины V царского дома включительно в гробницах следующих вельмож: *Хэтп-си'т* (DAeAe II:XXIII, дважды), *Н(й)-свт-нфр* (VZGPG:V, дважды), *'х-мрвт-н(й)-свт* (GAR:LXIX), *Чйй* (GT:CXI), *К'-м-нфрт* (MAE:246), на обломке гробницы, вероятно, середины V царского дома (GAe:Abb.195, дважды).

Просто «властели» в гробницах *С'бв* и *Хв-в(й)-вр* были «властями нэ». В первом случае на изображении сведения счета с ними имеется также надпись, называющая их прямо «властями нэ» (MAE:245), во втором случае «властель» наблюдает за жатвой «в нэ (мн. ч.) его (т. е. вельможи) дома собственного» (EG V:245).

Из более поздних гробниц просто «властели» встречаются в следующих: *Сим-нфр* (G XI:187), *К'-хэй.ф* (или: *Хэй.ф-к?* G VI:147), *Йр.н-вр* (RTShS:XVI, «властели дома собственного» и дважды только «властель»), *Тп-м-снх(?)* (GAR:LII=244, дважды), *Мрр-в(й)-к'* (MM:XXIII, «властели собственные»), *Хв.н-вх* (ASAE XII:140, «властели его», т. е. вельможи).

«Властели хо» появляются на хозяйственных изображениях вельможеских гробниц в конце V царского дома, но с этого времени и при VI царском доме они тут обычны. В гробнице *Шпсс-р^c* изображение озаглавлено: «Смотрение (на сведение) счет(а) с властями хо (мн. ч.) его Низовья (и) Верховья» (DAeAe II:LXIV). Здесь же вводится «властель хо» для отчета перед хозяйственной управой вельможи и показана «доставка молодого упитанного быка, что в хлеве, властелем хо [его]» (DAeAe II:LXIII). В гробнице *Птхъ-хътп* правителя «властель хо» наблюдает за откормом скота (DAeAe II:СII b). В гробнице *Сшм-нфр* «властель хо» выступает в двух случаях впереди мужчины, ведущего быка (G XI: между 152 и 153 и 204). В гробнице *Птхъ-хътп* градоначальника «властель хо» подгоняет быка (TP:XXXI). На стене из гробницы *С'бв*, верховного жреца, «властель хо» несет теленка (DARMK:XXI=100). В гробнице *Нфр-сшм-р^c* «властель хо» следует за быками (RTS:X). «Властель хо» сопровождает(?) их и в гробнице *Нфр* (EG III:218). В гробнице *Мрр-в(й)-к'* изображено, как вводят пред писцов шестерых мужчин, из которых каждый назван «властелем хо», и расправляются с седьмым, тоже «властелем хо» (MM:XXXVII). Несмотря на их довольно внушительные другие должности, все семеро, несомненно, управители личного хозяйства верховного сановника, так как один из писцов, принимающих отчет,— «распорядитель дома», иными словами, главный управляющий собственным хозяйством вельможи. В гробнице *Хнт(й)-к'* перед хозяином и его двумя писцами, из которых каждый «писец дома собственного», предстает пятеро подотчетных управителей, и что ни управитель, то «властель хо» (MKhCI:IX=GAR:LXXI).

Таким образом, появление множества хо в составе частных хозяйств к концу V царского дома прослеживается по трем направлениям: учащаются названия селений, сложенные со словом «хо»; это же слово начинает обозначать определенный вид селений среди других общих обозначений для вельможеских поселков; на хозяйственных и иных изображениях в гробницах вельмож появляются их «властели хо». Приняв в соображение сделанные выше выкладки касательно царского, а не частновладельческого происхождения хо в составе вельможеских хозяйств второй половины Старого царства, надо признать, что *произошел большой отлив части царских селений в частные хозяйства*. Но если в частные руки из царских перешло столько хо, казалось бы наименее предназначенных для такого перехода, то почему было бы и части царских нэ не последовать их примеру? Многие названия простых селений в вельможеских гробницах тоже ведь в честь царей одинаково сложены, а то и просто совпадают с названиями царских хо, ставших вельможескими, отличаясь от них отсутствием спереди словечка «хо».

§ 17. Ха-ко

Сочетание «ха-ко» (*хъвт-к'*) значит «хо двойника». Этим уже очерчен определенный, узкий круг применения данного обозначения: оно прилагалось к установлениям, нужным человеку для посмертного благополучия, как его тогда себе представляли. Но внутри этого определенного круга применения обозначение «ха-ко» прилагалось к установлениям неодинакового порядка.

Самое ясное, чтобы не сказать вещественно осязаемое употребление сочетания «ха-ко» — это для обозначения помещения в наземной части гробницы, в котором замуровывали изваяния умерших, их каменные или деревянные двойники.

При раскопках гробницы *Р^c-вр*, влиятельного сановника при дворе царя *Нфр-йр-к'-р^c*, непосредственно перед ее пристройкою, заключавшей в себе помещение для изваяний, была найдена надпись, что некогда была на лицевой стороне пристройки, перед которой, упав при разрушении гробницы, лежала. Надпись содержала титула вельможи как обладателя данного ха-ко: «Писц(а) книги царевой... *Р^c-вр* ха-ко» (*VZGPG:12*). Отсюда Х. Юнкер сделал вывод, что помещение для изваяний умершего в наземной надстройке гробницы называлось «ха-ко» — «двор двойника»⁴. То, что надпись тянулась полосой вдоль верхнего края пристройки по ее лицевой стороне, за которой находился «двор» (дом) с изваяниями, и была врезана большими выпуклыми письменами, не позволяет отнести ее ни к чему иному, как к пристройке в целом.

К концу Старого царства знатные лица имели свои изваяния не только в гробницах ха-ко, но и в особых божницах в городских храмах, где этим изваяниям служили приставленные к ним жрецы. Такие божницы с изваянными из камня или дерева двойниками покойников назывались одинаково с гробничными тайниками «дворами двойника» — «ха-ко», подобно тому как и жрецы, служившие вельможеским изваяниям в храмовых божницах, назывались одинаково со служившими при гробницах «слугами двойника» (*UAR:302—303*).

Что храмовые ха-ко отнюдь были не обязательно только божницами, показывает обильная грамота царя *Мрйй-р^c Пйй I*, данная им ха-ко его матери:

«Област(и) двух богов (т. е. *V* верховой области) (города) Кэбто матери царевой *Йпвт* ха-ко.

(Приказал я, чтобы) охраняли ха-ко... с чадью (*мрт*, см. § 33), быками, мелким скотом от — — — посланца всякого, имеющего подняться вверх по течению с поручением всяким.

Не дало величество (мое) творить доставку всякую, относящуюся до ха-ко.

⁴ *Junker H.* Vorbericht über die zweite Grabung bei den Pyramiden von Gizeh vom 16. Dezember 1912 bis 24. März 1913.— *AphHKKAW*. Jg. 1913, № 14, с. 12.

Не дало величество (мое) направляться (?) к нему сопровождению Хора.

Приказывало величество (мое), чтобы ха-ко это охраняли.

Не дало величество (мое), (чтобы) творили повинность всякую, относящуюся в пользу (царского) местожительства, в ха-ко этом» (UAR:214).

В Кэбто, откуда происходит плита с этой надписью, имелась, должно быть, в городском храме божница с изваянием царицы, но это следует не столько из самой надписи, сколько из изображения сверху ее, на котором царь в сопровождении матери служит Мину кэбтоскому. В собственном же надписи ха-ко царской матери выступает больше как хозяйственная величина, как некое хозяйственное установление, способное выполнять разные повинности, располагающее своею «чадью» и скотом.

Такого же рода установлением было, возможно, и ха-ко самого царя *Пйй* I в городе Шмине (*Ипв*), так как в гробнице местного князя *Ййй* читаем в одной поврежденной надписи: «И далее, не брал (я) ячменя верхового... для работы [всякой, кроме как для] ха-ко *Пйй*, которое в *Ипв*» (UAR:264). Не велись ли разные работы, требовавшие зерна, в пользу этого царского установления?

Сходное сочетание поминального сооружения, на этот раз частновладельческого, с хозяйственным установлением имеется в виду в надписи на притолоке из гробницы *Чнтй*. Завещав жене некоторое количество пахотной земли в обеспечение поминальной службы по завещанию, *Чнтй* определяет количество зерна, причитающегося каждому из «слуг двойника», т. е. заупокойных жрецов, за его службу. При этом оговаривается, что в случае, если жрецы покинут ха-ко, их доли зерна возвращаются жене-душеприказчице. «Если не будут они сидеть в ха-ко соответствующем, которое у жены (моей), (той, что) при вещи царицы(?), *Тп-м-нфрт*, (то) обратятся (данные количества зерна) в место к жене (моей) *Тп-м-нфрт*» (UAR:164).

В большинстве случаев памятники говорят о ха-ко безотносительно заупокойных сооружений как о селениях — поставщиках нужного для вельможеских поминок. Однако при этом обнаруживается, что в некоторых отношениях ха-ко заметно отличается от других вельможеских селений — и от хо и от нэ.

Первое отличие состоит в том, что ха-ко не так разбросаны по всей стране, как хо и нэ, хотя некоторые надписи и уподобляют их в этом смысле. Сравним пояснения к изображениям шествий с приношениями в гробницах двух верховных сановников VI царского дома. У *Нфр-сим-си'т* читаем:

«Доставка отборных кусков (мяса) (и) птиц наставниками слуг двойника, — (всего) доставляемого из хо (мн. ч.) его (и) из нэ (мн. ч.) его дома собственного в Земле низовой (и) Верховье» (DARMK:XLII=195—196).

«Доставка отборных кусков (мяса) (и) птиц наставниками:

слуг двойника (и) надзирателями слуг двойника, доставляемого из ха-ко (мн. ч.) слугами двойника дома собственного в праздник всякий (и) повседневно» (DARMK:XLII=197—198).

В случае ха-ко ни единого слова об их распределении по всему Египту, так что они могли быть сосредоточены в округе Мэнфе недалеко от кладбища, где находилась гробница. У *K'-em.n(й)* читаем: «[Смо]трение (на) приветственное подношение (и) годовую жертву (?) всякую, доставляемые из хо (мн. ч.) его (и) из нэ (мн. ч.) его Земли низовой (и) Верховья (и) ха-ко (мн. ч.) его, что от того, что между обоими рубежами (т. е. западными и восточными горами и нагорьями), что от дома собственного» (MG II:V=16 93). Определение «что от дома собственного» согласовано в роде с «хо», «нэ» и «ха-ко», не со словом «рубежи». Тем самым противопоставление первых двух видов селений как расположенных по всей стране третьему как находящемуся между обоими прибрежными горами и возвышенностями проступает особенно четко. То определение местоположения, которое дано здесь ха-ко, было приложимо к любому отрезку нильской долины; ср. надпись в гробнице *Хнт(й)-к'*: «Приветственное приношение (и) годовая жертва (?) всякая добрая, доставляемые ему из хо его (и) из нэ (мн. ч.) его Земли низовой (и) Верховья, что (по роду согласовано с «Землей низовья» и «Верховьем») между обоими рубежами, детьми (его), братьями его, слугами двойника собственными его» (MKhCI:XIV=TPC I:155 I). Приложимо было то определение и к округе Мэнфе, в которой находилась гробница.

Не определено местоположение ха-ко в гробнице *Сшм-нфр* в пояснении к шествию селений-поставщиц: «Доставка возглашения всякого доброго нэ (мн. ч.) и ха-ко (мн. ч.) собственными» (MAE:398).

Однако в других случаях упоминаемые в надписях ха-ко были или могли быть вдали от вельможеской гробницы в Мэнфе. Так, в гробнице *Птхъ-хътп* и *'хт-хътп* читаем: «Смотрение (на) упитанных быков для Тховтова (праздника), (когда приносили жертвы умершим), доставляемых из ха-ко (мн. ч.) дома собственного в Земле низовой (и) Верховья» (MPAS II:XX); «Смотрение (на) упитанных быков, поставки для Тховтова (праздника) из хо (мн. ч.) (и) ха-ко (мн. ч.) Земли низовой (и) Верховья дома собственного» (TP:XXXI); «Смотрение (на) приветственное подношение, птиц, поставки хо (мн. ч.) (и) ха-ко (мн. ч.) Земли низовой (и) Верховья дома собственного» (там же).

Селение ха-ко, лежавшее явно далеко от царской пирамиды, участвует в шествии поставщиц, изображенном на помпальном храме *Нфр-к'-р^c Пйпй II*. Это — «Ха-ко *Пйпй*, которое в Кос» (MFPII III:XXI).

Своеобразно определено местоположение ряда ха-ко, перечисленных в гробнице *Сннв-снх*. Последние три из семи ха-ко

носят названия, по которым трудно догадаться об их местоположении. Зато названия четырех первых намекают скорее на близость к гробнице, нежели на удаленность от нее. Эти четыре ха-ко зовутся: «Ха-ко *Сннв-снх* запад(ное)», «Ха-ко *Сннв-снх* юж(ное)», «Ха-ко *Сннв-снх*, что в сердце (т. е. среднее)», «Ха-ко *Сннв-снх* северное» (МАЕ:317). Распределить эти селения по разным частям страны из-за обозначения одного ха-ко как «среднее» решительно невозможно. В самом деле, как могло селение прозываться «средним», когда оно находилось на огромном расстоянии от остальных, названных по частям света? Иное дело, если селения были названы по расположению их одного относительно другого и в одной и той же местности,— надо полагать, поблизости от гробницы.

Вторая черта, отличающая ха-ко, наряду с местонахождением предпочтительно неподалеку от обиталища самого ко, т. е. гробницы,— это странное пренебрежение различительными прозваниями. В полное отличие от хо и нэ прозваний, которые отличали бы одно ха-ко от другого, известно поразительно мало. «Ха-ко Любимое-(царя) *Йззй*» в гробнице *Сшм-нфр* (DAeAe II:LXXX b=AIKMB:11=G XI:197) да полуразрушенное «Ха-ко *Нфр-к'-рс*» рядом с остатками, по-видимому, прозвания в поминальном храме *Нфр-к'-рс Пйпй II* (MFPII III:XXVI)— вот все, что я могу указать по части прозваний царских ха-ко. Вышеупомянутое «Ха-ко *Пйпй*, которое в Кос» (MFPII III:XXI) вряд ли сюда относится: слова «которое в Кос» не столько прозвание, сколько определение местонахождения, как и определение у четырех ха-ко *Сннв-снх* (МАЕ:137), о которых было сказано выше. Прочие три ха-ко в гробнице *Сннв-снх* имеют прозвания: «Ха-ко *Сннв-снх* Возлияние», «Ха-ко *Сннв-снх* Двор поразителя (?)», «Ха-ко *Сннв-снх* *Сскэ'*(?)» (МАЕ:317). В гробнице *Птхэ-хэти* и *'хт-хэти* ха-ко в XX верховой области (TP:XXXV; MPAS II:X, XVI=XIV), ха-ко в XXI верховой области (MPAS II:XI) и ха-ко в III низовой области (TP:XXXIV) названы одинаково — «Ха-ко Место сердца Хора», так что хозяева не нашли нужным сколько-нибудь разнообразить прозвания для трех разных селений, из которых два были в соседних областях. Еще поразительнее однообразие в наименовании ха-ко в гробнице *Снджм-йб*. Из пятнадцати ха-ко, олицетворенных в виде женщин-поставщиц, каждое обозначено одним и тем же сочетанием — «Ха-ко *Снджм-йб*», и это в гробнице, где тут же рядом прочие селения шествовали каждое под особым названием (DAeAe II:LXXXVI a, b+DAeAeT:57). Такой простой способ обозначения — «ха-ко»+имя вельможного владельца — был широко распространен: FD:XVIII (гробница *Йн-снфрв-йшт.ф*), DAeAe II:XLVI (гробница *Пхэ.н-в(й)-к'*), МАЕ:276 (гробница *К'-нв-рс*), DAeAe II:LXXXVI a++DAeAeT:57 (гробница *Снджм-йб*), МАЕ:398 (гробница *Сшм-нфр*), МАЕ:196 (гробница *Тп-м-снх*), GT:III, CXVIII (гробница *Чйй*). Иногда обходились даже без имени владельца, ограни-

чиваясь одним «ха-ко»: ASAE III:199 (гробница *Йй-нфр*), DAeAe II:La (гробница *Шпсс-к'.ф-снх*), MAE:305 (гробница *Н-хфт-к'*).

Желая различить ха-ко одного и того же владельца, им не прилагали особых прозваний, а ограничивались добавлением пояснительных определений. Так, четыре «Ха-ко *Сннв-снх*» в его гробнице различены ссылками на местоположение одного относительно другого: «запад(ное)», «юж(ное)», «среднее», «северное» (MAE:317). В поминальном храме *Нфр-к'-р^c Пйñй* II одно из селений названо «Ха-ко *Пйñй*, которое в Кос» (MFRП III:XXI).

Чем объяснить пренебрежение отличительными прозваниями? Не виною ли тому связь между селениями ха-ко и ха-ко божницами? В самом деле, то же самое, что наблюдается у ха-ко селений, наблюдается и у ха-ко божниц. В указе, изданном одним из царей исхода Старого царства в пользу верховного сановника, они различаются, притом с помощью тех же упрощенных приемов, какие применялись в случае селений ха-ко. В указе говорится о «ха-ко [(таком-то)] собственном твоём», о «ха-ко собственном твоём, которое во дворе божьем (т. е. в храме) Мина Кэбто» и о «ха-ко верхнем собственном твоём» (UAR:302—303). Поскольку третье ха-ко определено как «верхнее», разрушенное определение первого могло быть «нижнее», и тогда оба определения — «нижнее» и «верхнее» — указывали бы на положение первого и третьего ха-ко по отношению ко второму, местонахождение которого и определено более точно. Что все три ха-ко были местами поминальной службы, видно по тому, что в каждую из них набирается по двенадцать «наставников слуг двойника», т. е. по двенадцать второразрядных начальников заупокойных жрецов. Поминальной божницей в городском храме в Шмине должно быть «Ха-ко *Пйñй*, которое в *Йнв*», и не столько потому, что определителем служит знак дома, сколько потому, что местный князь до того, как сказать о своем попечении о ха-ко царя, сообщает, что «наполнял сердце его (т. е. был доверенным царя) в доме Мина» (UAR:264). Храмовой божницей было и «ха-ко (царя) *Мрйй-р^c*, которое в Доме Великом», т. е. в городском святилище в Энхабе (DAeAe II:CXVII). Словами «ха-ко» с придачею только титула владельца, без добавления особого прозвания обозначено поминальное установление родоначальницы III царского дома, откуда сановник *Мчи* получал повседневно по сотне жертв: «ха-ко матери детей царевых *Н(й)-м'с-т-хэп*» (DAeAe II:VI = AIKMB:74 = UAR:4). Обозначение по владельцу с предположенным указанием на местонахождение божницы содержит надпись на плите *Мрйй-р^c Пйñй* I из Кэбто: «Область двух богов (т. е. V верховая область), (город) Кэбто, ха-ко матери царевой *Йнвт*» (UAR:214). Что это ха-ко было божницей в храме, следует из того, что сочетание «ха-ко» имеет определителем знак дома и плита найдена в городском храме (вверху

на ней были изображены царь и его мать служащими местному Мину). В то же время божница располагала «чадью» (*мрт*) и скотом и получала освобождение от государственных повинностей, которые она, если б не была обелена, должна была бы нести. Налицо явная связь между храмовой поминальной божницей и ее сельским хозяйством.

Эта связь, возможно, и объясняет, почему у ха-ко нет таких разнообразных наименований, как у нэ и хо. В самом деле, кому пришлось бы на ум коморку с изваяниями в толще гробницы или ее саму называть особым именем? Не было нужды в том и в случае вельможеских поминальных божниц в городских храмах. Не потому ли и селения ха-ко, которых было вдобавок не так уж много, обходились без различительных наименований, будучи связаны с поминальными божницами как их хозяйственные придатки?

Если бы в поминальном хозяйстве вельможи было б всего по одному ха-ко, то уразуметь все было бы просто. Но разве не именно так и обстоит дело? На вельможеских изображениях шестий селений обыкновенно не больше одного ха-ко: гробницы *Йй-нфр.ф* (ASAE III:199), *Шпсс-к'.ф-снх* (DAeAe II:L a), *Н-хфт-к'* (MAE:305), *Йн-снфрв-йшт.ф* (FD:XVIII), *Пх.н-в(й)-к'* (DAeAe II:XLVI), *К'-пв-р^с* (MAE:276), *Сшм-нфр* (MAE:398), *Тп-м-снх* (MAE:196), *Чйй* (GT:III, CXVIII). Соответственно и названия крайне просты. В первых трех гробницах это только «ха-ко» без каких-либо добавлений, в остальных — «ха-ко такого-то». Об одном только ха-ко, в котором должны «сидеть слуги двойника», т. е. заупокойные жрецы, говорит в своем завещании, начертанном в его гробнице, *Чнтй* (UAR:164). Однако гробница *Сшм-нфр* наводит на мысль, что за единичным ха-ко на изображениях селений-поставщиков могло ввиду одинаковости наименований скрываться несколько ха-ко. В этой гробнице шествие селений открывает единственное в числе их ха-ко — «Ха-ко *Сшм-нфр*», но пояснительная надпись к шествию в целом наводит на размышление: «Доставка возгласения (т. е. поминальной жертвы) всякого доброго со стороны нэ (мн. ч.) (и) ха-ко (мн. ч.) собственных» (MAE:398). Но, возможно, дело просто в недосмотре или неувязке. И это тем более правдоподобно, что в гробнице *Снджм-йб* перед каждой из пятнадцати поставщиц выписано одинаково «Ха-ко *Снджм-йб*» (DAeAe II:LXXVI a + DAeAeT:57). Тут несколько не поленились выписать одно и то же название полтора десятка раз.

Затем о множественности ха-ко в поминальном хозяйстве определено и недвусмысленно говорят всего чаще гробницы очень больших сановников, и притом в более поздние времена Старого царства. О ха-ко во множественном числе мы читаем у *Снджм-йб* (конец V царского дома, DAeAe II:LXXVI), *хт-хэти* (того же времени, MPAS II:XX), *Нфр-сшм-си'т* (не ранее конца V царского дома, DARMK:XLII=198), *К'-зм.н(й)* (начало VI царского дома, MG II:V=16 93), *Птхэ-хэти* (конец

V царского дома, ТР:XXXI), *Сим-нфр* (того же времени, МАЕ:398), *Синв-снх* (вторая половина Старого царства, МАЕ:317). Первые четыре были верховными сановниками, *Птхъ-хътп* — градоначальником столицы, и только последние двое не были столь высокопоставленными. У *Снджм-йб* названо пятнадцать ха-ко, у *Синв-снх* — семь. *Птхъ-хътп*, для поминок которого упитанные быки доставлялись «из ха-ко (мн. ч.) дома собственного в Земле низовой (и) Верховье», называет всего-навсего три ха-ко: одно в XX (MPAS II:X=IV, XVI=XIV) и одно в XXI (MPAS II:X=IV) верховых областях и еще одно в III низовой области (MPAS II:XV=XIII). Притом все три селения прозываются одинаково: «Место-сердца-Хора», а одно из них только на одном изображении обозначено как ха-ко («Ха-ко Место-сердца-Хора») в XXI верховой области (MPAS II:X=IV), на другом же, возможно, зовется «Устроение (кэр-ке) Место-сердца-Хора» (MPAS II:XVI=XIV). И это при одиннадцати или двенадцати простых селениях с самыми разнообразными названиями (MPAS II:X—XI=IV ср. XVI=XIV). Даже царских хо, прозывавшихся по их прежним венецносным владениям, у *'хт-хътп* было больше, чем собственных ха-ко, — хо у него было четыре (MPAS II:X—XI=IV, ср. XVI=XIV). *Птхъ-хътп*, градоначальник столицы и наследник *'хт-хътп*, не только не приумножил числа ха-ко, но скорее уменьшил, так как в его поминальном помещении в гробнице, общей с *'хт-хътп*, их названо только два: «Ха-ко Место-сердца-Хора» в XXI верховой области и «Ха-ко Место-сердца-Хора» в III низовой области (ТР:XXXV, XXXIV). Простых селений и хо у *Птхъ-хътп* было тоже меньше, но все-таки их было у него семь обыкновенных селений и четыре хо по меньшей мере (ТР:XXXIV, XXXV). За малочисленностью ха-ко у таких больших господ, как *'хт-хътп* и *Птхъ-хътп*, и всего-навсего однократным упоминанием ха-ко в числе селений ряда вельмож более чем правдоподобно, что ха-ко представляли обыкновенно незначительную часть селений, принадлежавших вельможе. Недаром, перечисляя хо, нэ и ха-ко, ха-ко упоминают неизменно на последнем месте: после хо (гробница *Птхъ-хътп*, ТР:XXXI), после нэ (гробница *Сим-нфр*, МАЕ:398), после тех других (гробница *К'-гм.н(.й)*, MG II:V=16 93).

Итак, похоже на то, что ха-ко чем-то существенно отличались от других селений, раз их было куда меньше, чем хо и нэ, раз они не были так широко разбросаны по стране, как те, раз даже применительно к ним не было нужды в многообразных названиях для отличия одного от другого, как в случае прочих селений. Но, может быть, ха-ко представляли хозяйства, по роду своей производственной деятельности отличные от хо и нэ? Уже по самому наименованию «ха-ко» — «двор двойника» — это маловероятно. Как и прочие селения, ха-ко должны были печься об удовлетворении потребностей двойника в различных видах еды и питья. И действительно, когда ха-ко

выступают в виде поставщиц с припасами для хозяйских поминок, они ведут себя точь-в-точь, как остальные селения — участники таких шествий: несут всякую снедь и напитки, тащат птицу и ведут скот (см., например, изображения в гробницах *'хт-хэпн*, МРАС II:X—XI=IV; *Птхэ-хэпн*, ТР:XXXIV, XXXV; *Чйй*, GT:III, CXVIII; *Шпс-к'.ф-снх*, DAeAe II:L a; *Пхэ.н-(в)й-к'*, DAeAe II:XLVI; *Ин-снфрв-йшт.ф*, FD:XVIII; *Йй-нфр.ф*, ASAE III:199). Особенно поучительно изображение в гробнице *Снджм-йб* (DAeAe II:LXXVI). Здесь на одной стене прохода изображено пятнадцать поставщиц, надписанных каждая словами «ха-ко *Снджм-йб*», во всем подобных пятнадцати же олицетворениям иных селений на противоположной стене, с тою лишь разницею, что длина надписаний у ха-ко не оставляла места внизу для скота, который кое-кто из тех селений вел вельможе. Яства же, напитки, птицу и папирус несут одинаково и те и другие (DAeAe II:LXXVI a, b+DAeAeT:57). Царские ха-ко в составе вельможеских владений ничем в этом отношении не отличались от прочих, если судить по перешедшему, видимо, от царя к вельможе «Ха-ко Любимое-(царя) *Йзйй*», шествующему в ряду других селений со снедью, цветами и птицею для нового хозяина на изображении в гробнице *Сшм-нфр* (DAeAe II:LXXX b=G XI:197). Общие надписания к изображениям доставки вельможе поминальных благ выражают словами то, что наглядно показывают изображения:

«Смотрение (на) упитанных быков для (поминального) Тховтова (празднества), доставляемых из ха-ко (мн. ч.) дома собственного в Земле низовой (и) Верховья» (гробница *'хт-хэпн*, МРАС II:XX).

«Смотрение (на) упитанных быков, поставки для Тховтова (празднества) из хо (мн. ч.) (и) ха-ко (мн. ч.) Земли низовой (и) Верховья дома собственного» (гробница *Птхэ-хэпн*, ТР:XXXI).

«Смотрение (на) отборных (читай: *стп* вместо *спт*) тельцов хлевов хо (мн. ч.) (и) ха-ко (мн. ч.) дома собственного» (там же).

Обе последние надписи относятся к изображениям пригона скота; в ха-ко имелся не только крупный рогатый скот и хлева для него, но также птица:

«Смотрение (на) птицу поставки хо (мн. ч.) (и) ха-ко (мн. ч.) Земли низовой (и) Верховья дома собственного» (гробница *Птхэ-хэпн*, ТР:XXXI, над изображением птиц).

О мясе и птице, поступающих из ха-ко, говорится в гробнице *Сшм-нфр*: «Доставка отборных кусков мяса (и) птиц наставниками слуг-двойника (и) надзирателями слуг двойника (т. е. второразрядными и третьеразрядными начальниками заупокойных жрецов), — (всё) доставляемое из ха-ко (мн. ч.) слугами двойника (т. е. заупокойными жрецами) дома собственного в праздник всякий (и) повседневно» (DARMK:XLII=197).

О поступлении из ха-ко самых различных благ можно заключить по надписанию одного из изображений в гробнице *К'-гм.н (й)*. Вельможа глядит на доставку ему мяса, живой и уже ошипанной птицы, молока, овощей, плодов, хлеба, цветов, папируса, а также тельцов и степных копытных (антилопы и газели): «[См]отрение (на) приветственное подношение, годичную жертву (?) всякую, — (всё), доставляемое из хо (мн. ч.) его, из нэ (мн. ч.) его Земли низовой (и) Верховья (и) ха-ко (мн. ч.) его, что между обоими рубежами (т. е. западными и восточными горами и нагорьями) дома собственного» (MG II:V=16 93).

О том же говорит пояснительная надпись к шествию селений в гробнице *Сим-нфр*: «Доставка возгласения (т. е. поминальной жертвы) всякого доброго со стороны нэ (мн. ч.) (и) ха-ко (мн. ч.) собственных» (MAE:398).

Двусмысленна надпись подле мужчины, изображенного в одной из гробниц запечатывающим сосуд с вином (DAeAe II:XCVI). Надпись можно перевести двояким образом: «Запечатывание вина ха-ко» и «Запечатывание вина для ха-ко» — в зависимости от того, как понять букву *н* между словами «вино» и «ха-ко». Если это *н (й)*, то правилен первый перевод и ха-ко может быть производителем вина, если же то предлог *н* «для», то верен второй перевод и ха-ко скорее место служения умершему, чем селение.

Обстоятельнее всего хозяйство ха-ко очерчено в надписи на плите из Кэбто, воспроизводящей обельную грамоту царя *Мрий-р^c Пйпй I* «двору двойника» царской матери *Ипвт* (UAR: 214). Из надписи, переведенной выше, в начале настоящего параграфа, следует, что ха-ко имел «чадь, [бы]ков, мелкий скот». При этом в первую очередь обельная грамота касалась «чади», освобождая ее от несения государственных повинностей ради снабжения нужными припасами службы по царской матери.

И зависимые люди, и скот, и припасы или были, или производились также в других видах селений помимо ха-ко, и в этом никакого различия между ними уловить невозможно. Да и самим надписям оно, видимо, незаметно, раз они спокойно объединяют ха-ко и прочие селения в единое шествие поставщиков. И сами способы присвоения чужого труда имели нечто общее между собою. И тут и там доставляемое одинаково «поставки» (*йнв*) или «приветственное подношение» (*нджт-хэр*).

Возможно, основное различие между ха-ко, с одной стороны, и хо и нэ — с другой, состояло в разном отношении к особе владельца. Хо и нэ были просто селениями, а ха-ко сугубо личными, частными установлениями и существовавшими не самостоятельно сами по себе, а лишь в связи с определенной личностью. Не потому ли, насколько я знаю, нет ни единого памятника, который говорил бы об управлении ха-ко властеля-

ми (хѣкѣ'), в то время как в качестве управителей хо и нэ они засвидетельствованы?

Относительно властей хо доподлинно известно, что ими бывали государственные должностные лица, притом довольно-таки видные (см. § 16), и нет никаких оснований не считать государственными служащими также властей нэ, напротив, имеются данные, говорящие в пользу того (см. § 15).

КОРАБЕЛЬНЫЕ ВАТАГИ (§ 18—24)

Из всего того, что помогает понять староегипетское общество, мало что так важно, как известия о корабельщиках. Это может показаться странным. Пусть суда много значили для египетского хозяйства, но как из всего трудового населения выдвигать на первое место корабельщиков? И все-таки так поступить правильно затем, что староегипетские корабельщики вовсе не были просто корабельщиками.

§ 18. На судах

Познакомимся сперва с вельможескими, затем с царскими корабельщиками. Начнем с вельможеских, потому что вельможеское хозяйство определяло лицо тогдашнего производства.

Собирательным обозначением для личного состава на частновладельческом судне было слово *йт*. Его мы условимся передавать как «(корабельная) ватага». «Ватаги, что на воде», бегут подле парусного судна — четверо мужчин со свитой бечевой и жердью (*К'-м-рмч*, СЕ:ХС=МАЕ:177). Пятеро мужчин везут в большой лодке своего хозяина, отталкиваясь от дна шестью. Это «спуск в поморье», «отталкивание с ним (т. е. хозяином) ватаги его» (*Й-н-нфрт*, AeGGASK:IV+V=20). «Предводители ватаг дома собственного» стоят на носу парусника с гребцами (*Чйй*, GT:LXXX=TT:XLVII). «Предводитель ватаги *Хьнм-хътп*» распоряжается на носу гребного судна (*Нй-свт-нфр*, G III:167). Посреди парусника с гребцами стоит, склонившись перед вельможей, «предводитель ватаги» (*Чйй*, GT:LXXVII). «Предводитель ватаги» *Йн-к* управляет корабельным парусом (*Тп-м-снх*, МАЕ:197). «Предводитель ватаги дома собственного» бежит с веслом подле корабля (*Чйй*, GT:LXXX=TT:XLVII). «Предводитель ватаги» и «наставник ватаги» стоят на носу грузового судна (DAeAe II:LXII, ср. XLV). «Наставник ватаги» стоит среди гребущих гребцов, склонившись в сторону плывущего на судне вельможи (*Пхъ.н-в(й)-к'*, DAeAe II:XLV). С прибывших грузовых судов к управе вельможеского хозяйства направляется шествие с поносками. Это «доставка распорядителя ватаг вместе с предводителями ватаг

корабля», «доставка свертков предводителями ватаг» (*Шнсс-р^с*, DАеАе II:LXII). На парусном судне «распорядитель ватаг *Нфр-мнхт*» управляет парусом, а «распорядитель ватаг *Нфр-вднт*» — кормилом (*Мрр-в(й)-к'*, MM:CXXXIV). На похоронных судах вельможи один «распорядитель ватаг» стоит на носу с жердью для промера глубины в реке, другой, стоя же, управляет кормовыми веслами (*Пйнь-снх*, RTM V:XLIII) или закрепляет (?) их (там же, RTM V:XLII), а то и просто стоит на корме (там же, RTM V:XLII). В другой раз «распорядитель ватаг» управляет кормилом похоронного судна сидя (там же, RTM V:XLIII). Из вельможеских владений пришли суда и частично уже выгружены. На одних, привезших разную живность, стоит на носу по почтительно склонившемуся навстречу хозяину «старшине древодельческой мастерской», очевидно построившей данное судно. На других же судах, пришедших с зерном и скотом, на носу стоит по склонившемуся «распорядителю ватаг», точнее, стояло, так как сполна уцелела лишь одна приписка и еще одна без первого знака («[распо]рядитель ватаг», TT:XIX=XXIV+XXVI); впрочем, сюда же, несомненно, относится обломок с совершенно сходными изображениями и подписями, в частности верхней частью склонившегося «распорядителя ватаг» (DARMK:XLVII=HAA:37). Совершенно бесспорно, что личный состав частновладельческих судов обозначался словом *йзт*.

Но сколько *йзт* было на одном судне? Обслуживала ли одна «ватага» несколько судов, или каждое судно имело одну, свою «ватагу», или же на судне состояло по несколько «ватаг»? Поскольку подле одного судна бегут «ватаги, что на воде» (*К'-м-рмч*, SE:XC=MAE:177), а на носу каждого пришедшего с зерном и скотом корабля стоит по своему «распорядителю ватаг» (*Чйй*, TT:XIX=XXIV+XXVI), то, видимо, на одном судне могло быть по несколько «ватаг». Что «ватаги» не были большими, следует как будто из того, что хозяина везет на утлой, связанной из осоки лодке не «ватага», а «ватаги его» (*И-н-нфрт*, AeGGASK:IV+V=20). Но, вероятно, для небольшого судна довольно было одной «ватаги».

Перед нашими глазами постоянно мелькали три начальнических звания корабельных «ватаг»: «предводитель ватаги», «наставник ватаги» и «распорядитель ватаг». Кто из них был старше, кто — младше? «Распорядитель ватаг» (*ймй-р' йзвт*) был, разумеется, самым старшим. Он всегда распоряжается «ватагами» во множественном числе, тогда как другие два чина предводительствуют и наставляют обыкновенно по одной «ватаге», — слово «ватага» в их званиях выписано обычно не трижды, а всего единожды (исключение — «предводитель ватаг», TT:LII). Но кто был больше из них двоих — «наставник ватаги» (*схъдж йзт*) или «предводитель ватаги» (*хрп йзт*), из приводившихся мест нельзя усмотреть, и потому ответим на это позже.

Присматриваясь к изображениям частновладельческих «ватаг», замечаешь, что как гребцы и другие рядовые корабельщики, так и начальники носят очень простую, но тем не менее особенную одежду: на них всех обыкновенно узкий пояс с несколькими свисающими спереди полосками ткани. Простые корабельщики-ватажники: *K'-м-рмч*, CE:XC; *Й-н-нфрт*, AeGGASK:IV+V; *Нй-свт-нфр*, G III:167=X; «предводители ватаги»: *Нй-свт-нфр*, G III:167=X; *Чйй*, GT:LXXX=TT:XLVII; «распорядители ватаг», TT:XIX=XXIV+XXVI. Правда, в более торжественных случаях ватажное начальство охотно облачалось в соответственную одежду — обматывало вокруг бедер цельный кусок ткани: на похоронах вельможи, управляя его погребальным судном (*Пйй-снх Хънйй*, RTM V:XLII, XLIII), шествуя в вельможескую управу (*Шнсс-р^c*, DAeAe II:LXII) и т. п. (*Мрр-в(й)-к'*, MM:CXXXIV). Ленточный передник не был присущ одним корабельщикам, его можно видеть иногда и на работниках, как будто бы никакого отношения к судоходству не имеющих, но на судах он был, бесспорно, принятою одеждою. Вельможеские гребцы и прочие вельможеские корабельщики и тогда, когда они не обозначены как «ватаги», хотя, несомненно, изображают их, тоже носят пояс с лоскутьями (например, DAeAe II:XCVI; *K'-м-снх*, G IV:V, VI). Такая одежда была особенно пригодна для работников, занятых часто в воде, так как не стесняла движений при плавании и быстро высыхала. Поэтому передник из отдельных полосок ткани надевали также иногда рыболовы (*Х^c.ф-р^c-снх*, DAeAe II:IX b). Ленточный передник считался, по-видимому, нарядом, свойственным особенно многоводному и заболоченному Низовью, главному месту деятельности лодочников, рыболовов, птицеловов и пастухов. Если верховую часть реки олицетворял тучный мужчина в своеобразном опоясании вроде носившегося соседями в западной пустыне (*С'хъ-в(й)-р^c*, GKS II:XXIX, XXIV; *Нфр-йр-к'-р^c*, GNK:29), то низовую часть реки олицетворял такой же толстяк в ленточном переднике (*С'хъ-в(й)-р^c*, GKS II:XXX; иначе — *Н(й)-вср-р^c*, GrKN:XVI).

Если корабельное начальство одевалось, бывало, не менее просто, чем подчиненные, его все же легко было признать по знакам руководства в руках. Таковыми были жезл, похожий на большую кисточку, и согнутый петлею жгут. Когда жезл бывает изображен подробно, то видно, что ствол его был как бы кольчатым, а расширенный его верх — как бы пуком волос (*Нй-свт-нфр*, G III:167=X)¹; может быть, то было искусственное подражание хвосту животного, некогда использовавшемуся на судах для подачи знаков корабельной дружине, а также для расправы с виновными. Этот жезл держит в вытянутой руке высящийся на носу судна «предводитель вата-

¹ Cp.: *Junker H. Giza III. Wien—Leipzig, 1938 (DAWW), с. 180.*

ги» (*Нй-свт-нфр*, G III:167=X), а у «предводителя ватаги», почтительно стоящего посреди судна перед хозяином, жезл заткнут за пояс (*Чйй*, GT:LXXVII=TT:LXVII). Тем же жезлом вооружены бывают распорядившиеся на судах лица и тогда, когда к их изображениям не приписаны их звания (*Нй-свт-нфр*, G III:167=X; *'хт-хэtn*, ENE:II; ср. *Пхэ.н-в(й)-к'*, DAeAe II:XLV).

Другой знак отличия начальников — жгут держит каждый из «распорядителей ватаг», кланяясь вельможе с пришедших грузовых судов (*Чйй*, TT:XLVII, XLVIII). Жгут в руке держат и двое «предводителей» «дома собственного», стоя на носу гребного парусника (*Чйй*, GT:LXXX=TT:XLVII). Со жгутом в руке и веслом в другой бежит подле парусного судна «предводитель ватаги дома собственного» (*Чйй*, GT:LXXX=TT:XLVII). Тот же жгут держат в руке корабельные начальники и на изображениях, не надписанных их званиями. Так, на ладье с вельможеским изваянием, которую волокут волоком, распорядается на носу мужчина в ленточном переднике и со жгутом в руке (G XI:между 224 и 225). На носу судна стоит мужчина в таком же переднике; перед ним написано распоряжение: «Твори (т. е. держи на)право в головную сторону (т. е. прямо вперед) (от) тебя!» (*'хт-хэtn*, ENE:II); там же изображены жгут (*'хт-хэtn*, ENE:II). Жгуты же держали мужчины в ленточных передниках, бездейтельно стоящие подле кормчих на парусно-гребных кораблях (*Пхэ.н-в(й)-к'*, DAeAe II:XLV a, b). Для чего служил этот жгут? На носу причаливающего похоронного судна «распорядитель ватаг» отдает приказ людям, подтаскивающим ладью за бечевку к берегу: «Вправо!» — и одновременно приподнимает руку со свисающей вниз концами лентой (*Пйпй-снх Хэний*, RTM V:XLIII). То же делает человек на носу другого похоронного судна, еще не причаливающего (*Пйпй-снх Хэний*, RTM V:XLIII). Очевидно, эти ленты служили для подачи знаков людям. Хотя жгуты по виду отличны от подобных лент, вполне возможно, что и они служили той же цели². Карлик, стоящий на корме большой лодки с гребцами и рыбаками, размахивает в воздухе жгутом или по меньшей мере лентою, сложенною петлею и зажатою в кулаке выше концов, как то обычно бывает со жгутом. Однако при желании действие карлика можно растолковать и иначе. Лвою рукою он держится за голову кормчего, и все выглядит так, как если б он замахнулся на того жгутом. Я думаю, что такое толкование будет неправильным; карлик скорее всего сам держится за кормчего, чтобы не упасть с кормы, на которой он стоит и машет, не имея иной опоры (*Интй*, D:V). Тем не менее употребление жгута для наказания или для понукания

² Boreux Ch. Etudes de nautique égyptienne. L'art de la navigation en Egypte jusqu'à la fin de l'Ancien empire. Le Caire, 1925 (Mémoires publiés par les membres de l'Institut Français d'Archéologie Orientale du Gaire. T. 50), c. 472—473.

людей вполне вероятно³. Правда, помимо сомнительного случая с карликом, я не знаю изображений, на которых людей били бы жгутом. Но зато есть изображения, где точь-в-точь такими же жгутами пользуются погонщики животных. Один над другим изображены пятеро мужчин, идущих каждый за одним или несколькими быками. Погонщики второго, третьего и четвертого поясов кладут левую руку на круп животного, а в опущенной правой держат за концы свисающий вниз петлю жгута. Мужчины пятого и шестого поясов тоже кладут левую руку на круп быка, но в правой руке у них по палке, которую второй как бы упирает в животное, а первый держит над ним (*'хт-хътп*, МРАШ II:XXI). На другом изображении от погонщика уцелели только часть ступни и жгут в виде петли, касающейся крупа молодого животного (вероятно, белой антилопы). Тут же погонщик гусей или уток, идущий за ними следом, представлен с опущенной палкою в руке (*С'хъ-в(й)-р^c*, GKS II:LVI). Таким образом, жгут служил погонщицким средством и находил применение не только на кораблях. Мы видим его и в руках надсмотрщиков за разного рода работниками. Его держат надсмотрщики за рыбаками — то стоя и в опущенной руке (*'хт-хътп*, МОР:389; *Схм-к'-р^c*, DAeAe II:XLII), то сидя и в руке, приподнятой перед собою (*Ир.н-вр*, RTShS:XII). Его перекинул через плечо начальник птицеловов (*Ир.н-вр*, RTShS:XII). Жгут в опущенной руке держит «властель», надзирающий за жнецами (*Сшм-нфр* IV, G XI:187). Петля свисающего вниз жгута уцелела позади ног надсмотрщика на изображении откорма ручных газелей (*Птхъ-хътп*, DAeAe II:CII b). Рыбакам, птицеловам, даже жнецам еще могли подавать знаки с помощью жгута, но трудно это себе представить при откорме лежащих животных. Да и руководитель рыбаков, тянувших невод с рыбами, распоряжается, выкинув далеко вперед правую руку, а не с помощью жгута, который бездейственно свисает вниз с опущенной левой (*Схм-к'-р^c*, DAeAe II:XLII). Также и начальник птицеловов обращается к ним с протянутой рукой, в то время как жгут спокойно висит у него поперек плеча (*Ир.н-вр*, RTShS:XII). И вообще подача знаков при подобной ловле птиц большою растягивавшейся сетью производилась не взмахами жгута, а путем растягивания обеими руками во всю их длину направо и налево длиннейшей ленты (*Птхъ-хътп*, TP:XXXII; *Пйпй-снх Хънйй*, RTM V:XXX).

Итак, вряд ли возможно сомневаться в том, что жгутом пользовались для понукания и наказания.

Подведем теперь кратко итог всему сказанному о корабельных людях вельмож. Рядовой личный состав вельможеских судов был объединен в «ватаги» (*йзт*, во мн. ч. *йзвт*). У «ватаг» имелось по меньшей мере трехстепенное начальство. Над отдельною «ватагою» начальствовали в первую очередь «предводитель дружины» (*хрт йзт*; *йзт* обычно в ед. ч.), реже — «на-

³ *Junker H. Giza* XI. Wien, 1953 (DOAW. Bd. 74, Abh. 2), с. 144, 190.

ставник дружины» (*схѣдж ѡт*; *ѡт* в ед. ч.). Некоторое число «ватаг» объединялось под начальством «распорядителя ватаг» (*ѡмь-р' ѡвт*; *ѡт* во мн. ч.). У вельможи могло быть более или менее значительное количество «ватаг» и по нескольку «распорядителей ватаг», не говоря уже о более многочисленном низшем начальстве. Излюбленным нарядом вельможеских корабельщиков, как рядовых, так и начальников, был ленточный передник — пояс с несколькими свисающими лентами впереди. Отличительными признаками корабельного начальства были хвостообразные жезлы и согнутые петлею жгуты в руках. Первыми и, возможно, вторыми подавались знаки подчиненным; вторые наверно, первые возможно служили также для понукания и наказания.

Пока мы остаемся с «ватагами» на кораблях, мы не наблюдаем ничего особенного: корабельщики как корабельщики. Но стоит нам сойти с ними на берег, как они начинают развивать кипучую деятельность, мало, а то и вовсе ничего общего не имеющую с их корабельным ремеслом. Рассмотрим эту деятельность в порядке убывающей близости к корабельному ремеслу.

§ 19. За переноской тяжестей

В гробнице Чий изображена большая лодка, везущая три изваяния вельможи. На ее корме двое кормчих, гребущие кормилами, на носу корабельный начальник со жгутом в правой и простертою вперед левою рукою. Он отдает распоряжение влекущим ладью, вероятно, к причалу пешим людям. К сожалению, от них уцелели лишь часть руки и часть ноги одного мужчины, тянущего бечеву, закрепленную на ладье. Начальник на носу одет в ленточный передник, но, как были одеты влекущие ладью люди, по тому, что осталось от них, уmozаклyчить невозможно (G XI:224—225). Однако на других изображениях в той же гробнице люди, влекущие вельможеские изваяния, составляют «ватагу» своего руководителя и одеты, как и он, в ленточные передники. В одном случае изваяние сановника, поставленное уже на санки, влекут за бечеву шестеро мужчин, одетых в ленточные передники. Надпись гласит: «Доставка изображения» такого-то сановника «в гробницу [кладби]щенскую». Под сани, увлажняя дорогу, льет воду из сосуда мужчина, одетый в тот же ленточный передник. Приписка гласит: «Литье воды предводителем ватаги дома собственного» (TT: LIV, низ = GT LXIV). Другой раз сидячее изваяние влекут на санях семеро мужчин, также одетых и надписанных: «Доставка изображения» такого-то. Водолей одет и надписан как в первом случае (TT: LIV, низ = GT: LXII). На третьем изображении семеро же мужчин в ленточных передниках влекут сани со стоячим изваянием. Одежда и надпись водолея те же (TT: LIV,

верх=GT:LXVII). На четвертом изображении все те же семеро человек в той же одежде тащат сани с изваянием вельможи, поставленным на этот раз внутри божницы. Водолей одет по-прежнему в ленточный передник, но надписан иначе: «Литье воды предводителем ватаг» (TT:LII). Это единственный случай, насколько знаю, что «предводитель» вельможеских людей предводительствует не «ватагой», а «ватагами». Однако навряд ли это объяснимо отягчением саней еще божницею, так как на пятом изображении, где сани с изваянием тянут те же семеро мужчин в ленточных передниках, она налицо, хотя и более легкая по виду, и тем не менее водолей в ленточном переднике не обозначен как «предводитель дружин». Правда, его должность вообще не указана, как и общее надписание: «Препровождение изваяний» такого-то, она поясняет только само действие: «Литье воды» (TT:LIII=GT:LXIX). На шестом изображении над водолеем уцелело только: «Литье воды», общее надписание начиналось, как и на пятом изображении, словами: «Препровождение изваяний» [такого-то], зато влекло сани не семь, а восемь мужчин. И это несмотря на отсутствие божницы, что опять не позволяет придавать ей особое «отягчающее» значение. Судя по первым четырем из восьми людей (остальные четверо полуразрушены), они все были одеты, как и водолей, в ленточные передники (TT:LV=GT:LXIII).

Все эти шесть изображений совершенно тождественны и по своему предмету, и по облику действующих лиц, и хотя на пятом и шестом изображениях из надписей не видно, кто препровождает изваяние, но остальные четыре изображения не оставляют сомнения в том, что это делают и тут «предводитель ватаги» и его люди, таковую «ватагу» составляющие.

Несмотря на количество изображений такого рода у Чэй, важнее еще два изображения у Шнсс-р^c. На одном из них в нижнем поясе сани с изваянием сановника влекут двенадцать мужчин, в верхнем — тринадцать. И внизу и вверху еще по мужчине, льющему из сосуда воду под сани (старинные издатели не поняли действия водолеев и плохо передали сосуды и струи). Все одеты в ленточные передники, но у двух мужчин внизу и у одного вверху из числа тянущих издатели воспроизвели одно опоясание без лент, да от переднего видны внизу только рука, а вверху лишь задняя половина туловища, рука и нога. Верхний пояс надписан: «Препровождение изваяния ватагою дома собственного в гробницу кладбищенскую — — —». Там же надпись над водолеем: «Литье воды. Предводитель дружины» (DAeAe II:LXIVbis b). На другом изображении у Шнсс-р^c сани с изваянием вельможи тянут в нижнем поясе одиннадцать мужчин (двенадцатый отбит), в верхнем — двенадцать. Все они одеты в ленточные передники. В таком же переднике внизу и мужчина, льющий воду под сани; вверху издатели не воспроизвели у него лент. Нижний пояс надписан;

«Препровождение изваяния в гробницу ва[тагами] — — —», верхний пояс: «Препровождение изваяния... ватагами дома собственного». Над водолеем вверху и внизу стоит одинаково: «Литье воды. Предводитель ватаги». Но примечателен передний из числа тянущих мужчин в нижнем поясе. Он надписан: «Наставник ватаги» — должность, встречающаяся нам уже на судах рядом с «предводителем ватаги»; вокруг шеи у него тяжелый круг смотанной бечевы — начало бечевы, за которую тянут сани (DAeAe II: LXIVbis a). Такие круги смотанной веревки мы часто видим на шее у корабельщиков, бегущих подле судна (например, гробницы *Пхъ-н-в(й)-к'*, DAeAe II: XLV a, b; *K'-м-рмч*, CE: XC; ср. GKN: 70; *'хт-хътп*, ENE: III). Особенно примечательно изображение у *'хт-хътп*: около судна бегут трое мужчин в ленточных передниках. Последний придерживает обеими руками свой веревочный круг на шее, но круги у переднего и среднего — свернутые кольцом начало и конец одной и той же длинной бечевы, болтающийся спереди кончик передний держит в левой руке, а правой придерживает на шее свой круг. Ею же придерживает круг на своей шее средний мужчина; левой он держится за бечеву, тянущуюся от круга к кругу между обоими мужчинами (*'хт-хътп*, ENE: III). В гробнице *Шпсс-р^c* круг на шее у «наставника дружины» отвечает кругу переднего мужчины у *'хт-хътп*, второй же круг развернут — это и есть та бечева, которая отходит от круга на шее «наставника» и за которую тянут люди санки с изваянием *Шпсс-р^c*. «Наставник» левой рукой держит начало размотанной бечевы, а правой придерживает у себя на шее неразмотанный круг, свободный кончик которого перекинут у него через эту руку. Сходство полное. Можно догадаться, что круги веревки, с которыми бегут люди около кораблей, — та самая бечева, за которую влекут суда с берега и к берегу. Мы уже видели, как люди в ленточных передниках или иных нарядах тащат за нее разные погребальные суда (*Хътп-хър-'хт*, DAR: IX, XX; *Чйй*, G XI: подл. 224; *Пйпй-снх Хънйй*, RTM V: XLII, XLIII). Как бы для того, чтобы окончательно уверить в том, что влекущие сани люди и их начальники не кто иной, как корабельщики, в гробнице *Шпсс-р^c* бок о бок с ними показаны каждый раз корабли. Налево от первого двойного изображения «препровождения изваяния» — три гребных судна одно над другим (нижние два сильно разрушены). Направо от второго двойного изображения «препровождения изваяния» — два парусника, тоже друг над другом, и на нижнем помимо двух работающих кормил десять весел, никем не занятых. И тут и там корабли находятся позади шествий с изваяниями. В первом случае суда плывут слева направо, и направо прочь от них следуют шествия с изваяниями; во втором случае суда плывут справа налево, и налево, опять прочь от них, следуют шествия с изваяниями. Все выглядит так, как если бы «ватаги» пришли с изваяниями на кораблях и, сойдя на землю, по-

тащили изваяния на саях в гробницу. Вспомним о пустующих веслах на одном из кораблей.

В гробнице *Дбхъ.н(й)* в нижнем поясе люди в ленточных передниках влекут изваяние сановника на саях, под которые мужчина льет воду из сосуда (часть бечевы, струя, одежда водолея не видны из-за повреждений). В верхнем поясе пятеро мужчин тащат на саях изваяние, от которого видна лишь часть ступни. Одежда на людях, где она сохранилась, по-видимому, те же ленточные передники. Общее надписание этого пояса двойное, повыше: «[Препровождение (или: доставка)] изваяний (или: изваяния?), сотворен(ных?) ему в чистой (мастерской), в гробницу — — —», пониже: «Препро[вождение] изваяния (или: изваяний) ватагами дома [собственного]» (нечто, напоминающее знак *х* позади пробела за словом «дом», если вообще знак письма, — то или начало следующего слова, или свешивающийся хвост змеи *дж* от обозначения «собинный»; EG IV:176). В гробнице царицы *Б(в)-нфр* от изображения уцелело немного. Видно лишь женское изваяние, стоявшее внутри божницы на саях, ныне пропавших, как и влекшие их люди (уцелел лишь кусок бечевы, за которую тащили сани?). Надпись сохранилась лучше: «Препровождение женского изваяния в гробницу ватаг[ам]и дома [собственного?]» (остаток мотыки *мр*, показанный после «дом» в издании и прорезанный проломом в камне, или неточное воспроизведение выражения «собинный», «собственный», или часть надписания изваяния в божнице; в последнем случае надпись должна была бы продолжаться под словом «дом»; EG III:188).

Очень жаль, что имеется только описание, без воспроизведения для изображения в гробнице *Тп-м-снх*: «На восточной стене есть еще остатки ряда изображений, которые передают, как тащат статуи к гробнице. Позади первой группы слева — видны ото всех фигур лишь ноги наполовину — стоит (знак) *т*, у второй группы, в которой тащат сидячее [(знак) судно] изваяние умершего в божничке на санных полозьях, стоит у одного мужчины совсем в конце группы: *йвхъв Инт(й?)*» (GKN:122). Последняя надпись навряд ли относилась к какому-либо из тянущих санки мужчин, так как словом *йвхъв* обозначались люди, как будто бы малопригодные для тяжелой работы. *Йвхъв Пий* надписан крошечный человечек, ведущий громадных по сравнению с ним обезьяну и пса (*Чйй*, TT:XVI = XVIII = GT:XV); «распорядителем *йвхъв*» был «предводитель карлик(ов) полотна (т. е. карликов, ведавших царскими полотняными одеяниями)», бывший сам карликом, *Снб* (G V:41—42). Поэтому *йвхъв* у *Тп-м-снх*, возможно, не тащит, а лишь сопровождает изваяние хозяина. К несчастью, от первой приписки уцелело только окончание женского рода какого-то слова, имевшего ввиду определителя судна прямое отношение к судоходству. Сохранись приписка лучше, она, может статься, подтвердила бы, что влекущие изваяние люди были с корабля.

Но думается, что и без такого подтверждения совершенно ясно, что корабельные ватаги не только везли водою, но и влекли сушею вельможеские изваяния. Иными словами, этими ватагами пользовались как тягловой силой. Но если они тащили на саях в божницах или без божниц изваяния хозяина, то не ватаги ли носили его в носилках при жизни? На деле оно так и было.

Вот следует в огромных носилках сановник. «Спереди» и «сзади» — на самом деле, должно быть, слева и справа — бежит по одному мужчине в ленточном переднике; у каждого в руках по длинному древку с прямоугольной сенью (своего рода зонтик) наверху; они оберегают хозяина от палящих лучей солнца. Несут носилки четырнадцать человек в ленточных передниках. Перед носилками идет еще один мужчина, но уже не в ленточном переднике, а в опоясании вокруг бедер. В левой руке у мужчины хорошо нам известный хвостообразный жезл (ясно видно, что верх его расщеплен наподобие кисти), тот самый жезл, который держат начальники на судах, а правая рука приподнята: мужчина отдает распоряжение, и оно звучит совсем по-корабельному: «Направо! Дорога добрая это». «Направо» передано словом *ймй-врт*, употребляемым так как раз на судах, применительно к их направлению. И действительно, мужчина не кто иной, как «распорядитель ватаг *Хънн-тй*» (*Пйпй-снх Хънйй*, RTM V:XXXI). «Распорядителями ватаг» называли, как мы знаем, старших начальников над корабельщиками, и здесь такой начальник распоряжается ими, когда они несут своего господина. Другой раз носилки с вельможею несут десять мужчин (спереди уцелело лишь четверо, но сзади их пятеро), а начальник их шествует тут же перед носилками, на этот раз с тростью в левой руке и жгутом, столь обычным для корабельных начальников, в правой руке. И носильщики и начальник одеты одинаково — в ленточные передники (*Чйй*, G XI:251). В ленточных передниках и несущие как носилки, так и «сени» в гробнице князя *Джсв* (RTDG II:VIII=GAR:X). Иногда ватажный начальник сам как будто участвует в несении носилок. Во главе двенадцати носильщиков, одетых в ленточные передники, идет мужчина в одежде, облегающей бедра и еще далеко выступающей вперед, как то было принято у начальственных лиц⁴. В правой руке у него, возможно, жгут, а левою он, по-видимому, поддерживает носилки. Шествие замыкает мужчина с высоким древком в руках («сень» наверху его ныне разрушена), одетый, как носильщики, в ленточный передник. Заметим, что в этот раз у каждого из двенадцати носильщиков по короткой палке в правой руке (*Йн(.й)-снфрв-йшт.ф*, FD:XX). Короткую палку держат носильщики в правой руке и тогда, когда они не одеты в ленточные передники. Так, палки несут двадцать мужчин в одежде,

⁴ *Junker H. Giza III*, с. 90 и сл.

облегающей бедра, и в поясах, повернутых завязками назад (у двоих за недостатком места завязки не вышли); примерно так же одеты оба носителя «сений». Что эти люди, несмотря на другую одежду, все же корабельщики, видно по их начальнику. Он бежит рядом с носилками, между передним и задним десятком подчиненных, в левой руке у него более длинная палка, а правую он держит перекинутый через плечо жгут. Одет этот начальник, по-видимому, так же, как и на предыдущем изображении, только как завязки у носильщиков, так и у него выступающий передник перекинуты назад,— очевидно, чтобы не мешали при движении (*К'-г.н.(й)*, MG I:X=GAR:IX). Таким образом, возможно, что носильщики вельможеских носилок являются корабельщиками и тогда, когда не одеты в свою рабочую, судовую одежду — ленточные передники (например, *Иттй Шдв*, D:XXIV).

§ 20. За подсобной работой

Но если корабельные ватаги использовались для передвижения тяжестей на суше, их могли также использовать там для других работ, требовавших совместных усилий значительного числа людей. И действительно, «ватаги» оказываются тут как тут, если надо осилить особенно большое жертвенное животное. Вот дюжина мужчин суетится вокруг непокорного быка, такого огромного, что они кажутся перед ним карликами. Кто держит за рога, кто за хвост, кто за ноги. Повреждения и известная неточность старинного издателя не позволяют судить о наряде всех действующих лиц. Один, тянувший, по-видимому, конец веревки, опутывавшей ныне пропавшие передние ноги, был показан в одежде, прикрывающей целиком бедра, но на человеке, залезшем быку на спину и прогибающем назад его рога,— ленточный передник. Над всем изображением надпись: «Хватанье большого длиннорогого быка (*нг'в*) строптивного (? — *ин*) весьма ватагами его», т. е. царевича (*Нб-м'-хт(й)*, DАеАе II:XIV). Конечно, осилить и валить жертвенное животное могли и другие люди. Один раз изображен княжеский смотр скоту, и люди в трех нижних поясах, где представлены быки и коровы, судя по тому, что уцелело от надписей, «пастухи» (в верхнем поясе ведет учет писец). «Пастухами» будут, наверно, и те семеро мужчин, что, ухватившись за ноги, рога и хвост, стараются повалить исполинских размеров молодого большого длиннорогого быка (*нг'в*), хотя один из мужчин и надписан был впоследствии именем княжеского сына. Из всех семерых ни один не в ленточном переднике (*Иттй Шдв*, D:XVIII). Напротив, в другой княжеской гробнице в той же местности люди, валящие быка, наверно, корабельщики. Изображение надписано: «Ловля—вязание (арканом) большого длиннорогого быка (*нг'в*)». Один мужчина стягивает веревкою

задние ноги, другой пытается проделать нечто подобное с передними, двое других пригибают за рога его голову. Все четверо одеты в ленточные передники. Действие происходит совсем не в пастушеском окружении: валят жертвенное животное и рядом его уже рассекают; поясом выше играют и поют, а еще выше пляшут; на все взирают князь с княгиней. Изображен, значит, жертвенный пир. Что люди в ленточных передниках, валящие быка по соседству с рассекающими его резниками, в самом деле корабельщики, доказывают родственные, но более полные и лучше надписанные изображения. Валят телицу безрогую, обычной величины, и, чтобы с нею справиться, довольно трех мужчин: один держит ее за переднюю ногу, другой — за хвост, третий вяжет ноги. В какой одежде первый и третий — из издания усмотреть нельзя, но второй, видимо, был в ленточном переднике. Надпись читается: «Доставка молодой упитанной коровы для вещи (т. е. жертвы) месячной». Далее в том же поясе трижды показано рассечение жертвенных животных: быка, белой антилопы и опять быка. Подле первого быка один резник точит нож («точка ножа резником»), другой, с ножом в левой, запускает правую руку внутрь туши за сердцем. Мужчина рядом одною рукою поддерживает на плече отсеченную бычью ногу, другую руку протягивают за сердцем со словами: «Дай сердце». Подле антилопы один резник точит нож (та же надпись), другой ножом отрезает ей переднюю ногу, которую держит стоймя помощник. Другой помощник уносит отрезанную ногу и кусок мяса. Около последнего быка снова резник, точащий нож (та же надпись), но на этот раз тушу разрезают ножами два резника, из которых один говорит помощнику, оттягивающему назад к себе задние ноги: «Бери к себе!» Все семь резников, как один, в одеждах, обернутых вокруг бедер, все же четверо упомянутых прислужников столь же неизменно одеты в ленточные передники (в ленточном переднике как будто и коленопреклоненный человек — мальчик с сосудом для крови? — возле первого быка). Получается, что по-обычному одеты ведущие действующие лица, знатоки дела — резники, по-корабельному же — в ленточных передниках — подсобная рабочая сила, люди, вяжущие и валящие скотину, держащие отрезаемые части и уносящие прочь добытое мясо. Что все же помощники в ленточных передниках — корабельщики, удостоверяют приписки к шествию с мясом, разворачивающемуся дальше в том же поясе изображений. В этом шествии — «доставка избранного мяса» — участвуют вместе с мужчиною в обычной одежде (какой-нибудь начальник заупокойных жрецов?) люди, одетые в ленточные передники (из пяти участников шествия двое пропали полностью). У одного из людей ничего не написано, зато к другому было приписано «[предводители] ватаги». В целом виде эта приписка — «предводитель ватаги» — сохранилась перед тем доставщиком, от которого, к сожалению, остались лишь рука с большим куском

мяса да кончик копыта от ноги животного, которую он нес на плече (*Всп-нчр*, SM:XXI). Подобное скопление в помощь резникам подсобных работников в ленточных передниках и «предводителей ватаги» в таком же одеянии нельзя понять в ином смысле, как только в том, что резникам помогали в виде подсобной рабочей силы члены корабельных ватаг под начальством своих «предводителей». Вспомним, что при перевозке вельможеских изваяний «ватаги» имели с собою тех же «предводителей ватаги». В той самой гробнице, где находится только что разобранный нами изображение, на противоположной ему стене, помещается другое, во многом ему подобное, но лучше сохранившееся. Как и то, оно занимает весь нижний пояс стены. На одном конце его мужчина ведет на заклание белую антилопу («доставка молодой белой антилопы»). Рядом трое резников режут бычью тушу, в то время как один помощник оттягивает заднюю ногу быка, а другой стоит уже с отрезанной его передней ногою на плече (средний резник надписан: «резник»). Далее у туши («белой антилопы») один резник точит нож («точка ножа резником»), а другой достает из нее сердце («изъятие сердца»). Помощник одною рукою держит на плече отрезанную заднюю ногу животного, а другую руку протягивает за сердцем. Следующая туша бычья. Один резник опять точит свой нож (с тою же припискою), другой отрезает у быка ногу, которую держит помощник, и говорит ему: «Забирай к тебе!» Последняя туша бычья же. Точащий нож резник надписан коротко: «Точка ножа», а над тем, кто достает из быка сердце, стоит снова: «Изъятие сердца». Помощник стоит рядом с бычьей ногою на плече и протягивает правую руку за сердцем со словами: «Дай сердце!» Возле туши коленапреклоненный человек с сосудом для крови. На этот раз ясно видно, что он в обычной одежде, а не в ленточном переднике. Возможно, это столовый служитель, так как в гробнице *Хнт(й)-к' Иххй* на изображении расчленения жертвенных животных мужчина с чаном для крови, здесь, правда, стоячий, надписан словом «чашник» (*вдпв*) (MKhCI:XXII). Все завершается шествием («доставка выбранного мяса») в составе четырех мужчин, направляющихся в сторону пирующего вельможи. Передний мужчина — «наставник слуг двойника», т. е. второстепенный начальник заупокойных жрецов. Мужчина за ним не надписан, так же как и следующий, с бычьей ногою на плече. Зато о мужчине, замыкающем шествие, с кусками мяса в обеих руках, мы читаем: «Предводитель ватаги». Таковым был, наверно, и предшествующий ему доставщик, так как они оба не только имеют, одни на всем изображении, жреческие перевязи через плечо, но и одеты в ленточные передники. В эти передники одеты и все поголовно помощники, тогда как все без исключения резники в одежде, облегающей бедра (*Всп-нчр*, SM:XXIII). Положение дел то же, что и на изображении на противоположной стене, и люди в ленточных перед-

никах, несомненно, из корабельных ватаг; вместе со своими «предводителями» они помогают резникам. Такая помощь была настолько обычной, что изображать при рассечении жертв помощников в ленточных передниках стало если не правилом, то все-таки принятым обыкновением в вельможеских гробницах (например, *Чйй*, GT:LXXI; *Пр-сн*, DAeAe II:LXXXIII; *Вр-йр-н-лхъ*, HTESBM^{п.е.}:XXXVIII; *Птхъ-хътп*, TP:XXX; *Птхъ-хътп*, DAeAe II:LXXI b). Обыкновенно эти помощники держат ногу животного, когда ее отрезает резник; резники же, режущие и потрошащие жертву или точащие нож, бывают одеты в отличие от помощников в обыкновенную одежду. Возможно, что в начале Старого царства рассечение жертвы еще доверялось малоопытным людям, так как в очень старых гробницах и режущий и помогающий бывают одеты одинаково в ленточные передники (*Р^с-хътп*, M:XI). Впрочем, тогда уже делали и различие: в рассечении быка («большого длиннорогого быка» — *нг'в*) участвовали люди в разной одежде — то в платах, обернутых вокруг бедер, то почти оголенные. Однако при этом один из помощников, держащий переднюю ногу быка, одет, как резник, т. е. по-обычному, хотя другие два помощника — держащий заднюю ногу и уносящий отрезанное мясо — одеты более скудно. Можно, правда, предположить, что держащий переднюю ногу — настоящий резник, так как ему поручено более ответственное дело: отрезается как раз передняя нога, но только художник вряд ли изощрялся в таких тонкостях, во всяком случае, надписания называют действующих лиц безразлично «резниками» (*Мчн*, DAeAe II:IV; ср. AIKMB:87, 116). Конечно, нельзя думать, что помощники у резников всегда и везде были корабельщики. Так не думали и сами египтяне. Они не только сплошь и рядом наряжали на изображениях в одни и те же обыкновенные одежды как резников, так и помощников, но также надписывали последних именами лиц, явно служивших не на кораблях. Так, в гробнице *Хят(й)-к' Иххй* не только резники, но и помощники были впоследствии надписаны званиями и именами разных «предводителей шатра», т. е. заведующих столовою у вельможи (MKhCI:IX). Один раз в ленточный передник наряжен не только помощник, держащий обеими руками ногу быка, но и отрезающий ее резник. Однако, возможно, это недосмотр художника, воспроизводившего изображение для издания, так как наряд резника явно не понят. За спиною резника из туши быка растет какой-то странный крючок. На самом деле это точильный прибор, который на привязи прикреплялся к одежде и засовывался за пояс. Прибор был длинным, а на воспроизведении видна от него одна ручка, что было б возможно в том случае, если б прибор был засунут за широкий плат, окутывавший бедра, а не за узкий пояс ленточного передника. Из воспроизведения не усмотришь тоже, к чему же прикреплен другой конец прицепки. Возможно, впрочем, что сбился, а потом толком не исправил себя

древний художник. Такое с ними изредка случалось. Неладно обстоит в издании и с приписками. Второй резник в обычной одежде, точащий нож, назван «служой двойника», т. е. заупокойным жрецом, и «резником», а его странный товарищ надписан над головою лишь «слуга двойника»; слово «резник» же отделено от него настолько, что может быть отнесено не то к коленопреклоненному служителю, собирающему в чан кровь от отрезанной у быка ноги, не то к помощнику, держащему эту ногу. Заметим, что не совсем хорошо с передачей одежды и на «службе двойника», и на «резнике», что точит нож по соседству возле туши другого быка. Ясно, что этот резник одет в обычную одежду, но, кроме пояса ее, от нее ничего не видно, и к чему прикреплена прицепка точильного прибора — остается неизвестным. Помощник, держащий здесь бычью ногу, показан правильно в ленточном переднике, но, как был одет резник, отрезающий ее, за повреждением неизвестно (EG III:173). Если на ином изображении резники и их помощники одеты differently в обычного покроя одежды, будет, естественно, лишь в порядке вещей, если такие помощники сами окажутся теми же резниками. И действительно, резник говорит помощнику в обычной одежде, придерживающему отрезанную тем ногу быка: «Забирай к тебе хорошенько, резник этот!» А другой помощник, делающий то же у туши другого быка, не только одет по-обычному, как отрезающий ногу или точащий нож, но и сам, несомненно, такой же резник: за пояс у него засунут точильный прибор, прикрепленный к одежде точно так же, как у обоих его товарищей (*Птхъ-хътп*, SM:XI).

Некоторый свет на взаимоотношения резников и их помощников, когда эти последние одеты в отличие от тех в ленточные передники, т. е. являются по виду своему корабельщиками, проливает одно изображение в гробнице *Хътп-н(й)-птхъ* (DAeAe II:LXXI b). Оно в значительной мере повторяет уже известные нам из других гробниц, и его своеобразие заключается в приписках. Трое мужчин вяжут и валят быка. Скрутивший ему задние ноги и ухватившийся за одну из передних одеты в ленточные передники. Должно быть, такой же передник был и на держащем быка за рога, но старинное издание воспроизвело один пояс. Первый мужчина говорит: «Твори ты весьма против быка этого: он... весьма». Далее у туши быка один резник точит нож («точка ножа»), а другой отрезает у нее ногу и говорит помощнику, который ее держит: «Забирай к тебе весьма!», на что тот отвечает: «Творю я сообразно с (тем), [что] жал[уешь] [ты]». У второй бычьей туши снова резник, точащий нож с тою же припиской, и другой резник тем же способом отрезает ногу, которую держит помощник. Как и в первом случае, оба резника в обычной одежде, помощник же в ленточном переднике. Но любопытны слова, которыми обмениваются режущий ногу со своим помощником. Резник говорит: «Держи это, ученик (*сб'т(й)*)!»; помощник отвечает: «Тво-

рю я». Отделить это изображение от разобранных выше, на которых вспомогательную силу составляют достоверно корабельные ватаги, никак нельзя. Здесь тоже вяжут и валят быка и помогают в его рассечении люди, одетые в отличие от резника не в обычную одежду, а в ленточные передники. Тем самым выходит, что взаимоотношение между резниками и людьми из корабельных ватаг, приходившими им на помощь, воспринималось как отношение опытных мастеров к неопытным ученикам.

§ 21. За доставкой скота и степных копытных

Пользоваться услугами корабельных ватаг при заклании и рассечении жертвенных животных было тем проще и естественнее, что как раз эти ватаги сплошь и рядом и доставляли потребный скот. Вот пришли суда из владений вельможи. Зерно и сосуды с напитками еще не выгружены, но скот — быки и козлы — уже спущен на берег. Кто привез эту живность, видно из того, что на носу каждого судна стоит, кланяясь хозяину, «распорядитель ватаг», одетый в свой рабочий наряд — ленточный передник (Чйй, ТТ:ХІХ=ХХІV+ХХVІ; DARMK:XLVII). Вот из Верховья пришли другие суда. Часть скота уже выгружена. Кто их привез — недвусмысленно показывают надписи. На одном из судов еще стоят «предводитель ватаги» и «наставник ватаги», на другом — «наставник ватаги». По берегу уже следует с образчиками зерна «предводитель ватаги», а впереди него — «писец ватаг». К хозяйственной управе движется целое шествие, надписанное: «Доставка распорядителем ватаг вместе с предводителями ватаг судна (или: суд(ов)). Доставка свертков для записи предводителя ватаг» (Шпсс-р^c, DAeAe II:LXII—LXIII).

После этого мы не удивимся, если встретим представителей корабельного начальства в числе людей, доставляющих скот вельможе тогда, когда корабли не воспроизведены на изображении. Ведут быков из «хлевов дворов (и) дворов двойника дома собственного». Переднего быка ведет мужчина, одетый в ленточный передник, сзади животное подталкивает «распорядитель ватаг Кзб», одетый в такой же передник (GAR:XVII=TP:XXXI). Заднего быка ведет «наставник хлева М...», а подгоняет палкою «властель двора Хв-хър» (TP:XXXI+42). Как не вспомнить, что возле скота, выгруженного с кораблей, у Чйй стоит «властель», приплывший со скотом на одном из судов, а у Шпсс-р^c после двух быков, которых кормит подчиненный и которые только что выгружены с пришедших кораблей, стоит «властель двора» (надпись: «Доставка молодого упитанного быка, (лучшего), что в хлеву, властелем двора [e]го (т. е. вельможи)», DAeAe II:LXII). Как у Птхъ-хътп, так и у Чйй и Шпсс-р^c одни и те же доставщики: властель, ответ-

ственный за скот, и «распорядитель ватаг», ответственный за перевозку. Показательно и то, что в отличие от ведущих переднего быка, которые в ленточных передниках, «наставник хлева» и «властель двора» одеты иначе: первый — в прикрывающем бедра сзади упрощенном наряде со свисающими спереди концами пояса, второй — в обычной для скотоводов⁵ плетеной одежде из болотных растений с далеко выступающим передом. Звание и имя «наставника хлева» было добавлено впоследствии краскою, но надписания «распорядителя ватаг» и «властель двора», как доказывают тщательно вырезанные знаки, были задуманы и выполнены самим художником, и облик обоих начальников и их спутников во всем согласуется с надписями. Этого нельзя сказать об изображении в гробнице *Шисс-к'.ф.-снх Йй-мрий*, где один из мужчин, доставляющих быков, одет в плетеный наряд скотовода, но задним числом мелко подписан «наставник ватаги *Рс-вр*» (G III:72). Изображение — довольно близкое подражание более старому образчику, находящемуся в гробнице *Сим-нфр*, где погоняющий быка человек в плетеном наряде — безымянный. Кто-то захотел увековечить в хозяйской гробнице «наставника ватаги» *Рс-вр* и, вероятно зная, что таковые начальники доставляли скот, надписал его званием и именем мужчину начальственной наружности (ведет быка не он, а поводырь), не сообразовавшись с его нарядом.

Но особенно часты среди доставщиков быков никак не подписанные люди в ленточных передниках (*Хэп-сш'т*, DAeAe II: XXIV; *К'-н-н(й)-свт*, G II:155; *Йнтй*, D:XI). Одного такого безымянного доставщика в ленточном переднике мы только что встретили в обществе «распорядителя ватаг», и этот доставщик был, несомненно, подчиненным ему корабельщиком. Ничто потому не мешает считать людьми корабельных ватаг и других доставщиков домашнего скота, когда они одеты в ленточные передники.

Но пожалуй, еще чаще в ленточных передниках предстают доставщики степных копытных. В Старом царстве степных животных усиленно приручали, и потому они могли поступать не только непосредственно из пустынь, но также из сельских хлевов. В последнем случае доставка ничем, по существу, не отличалась бы от доставки обыкновенного скота, и доставщиками в ленточных передниках могли быть те же корабельщики, что доставляли быков. Иногда, по-видимому, так и было. Когда двое мужчин в ленточных передниках ведут один упитанного и меченого быка, а другой, следом за первым, волнорогую антилопу, то незачем вроде бы предполагать, что ее ведут прямо из пустыни (*Йнтй*, D:XI). В другом случае обилие степных копытных (козерог, две антилопы, детеныш антилопы (?), газель) среди жертвенных животных, доставляемых из селений,

⁵ Там же, с. 90.

говорит как будто о добыче из пустыни. В пользу того же говорит и надписание двух из шести доставщиков именами «проводящих» царевича — обычных участников охот. Что так надписан один из трех доставщиков в передниках, не должно нас смущать, как будет показано ниже. Однако считать доставляемую дичину охотничьей добычей мешает один из участников шествия — «властель *Йв.ф-н.й*» в плетеном наряде скотовода, ведущий молодого упитанного быка (*Хэп-си'т*, DAeAe II: XXIII). Когда доставляют всего одно животное и оно дикое, тогда бывает уже совсем трудно решить, откуда оно. Так, двое мужчин в передниках, надписанные мелко задним числом «слуга двойника *снх-хэ'ф*» и «предводитель шатра (т. е. столовой) *Н(й)-снх-хэв-т-хэр*», могли получить свою «молодую белую» антилопу как из степи, так и из хлебов (*К'-н-н(й)-свт*, G II: 149).

Но иногда люди в ленточных передниках ведут хозяину копытных животных, определенно только что пойманных в пустыне. Один мужчина, по всей вероятности в таком переднике (в старинном издании наряд мужчины, по-видимому, не понят), ловит в пустыне диких быков арканом, другой же мужчина, уже бесспорно в ленточном переднике, ведет вместе с товарищем в обычной одежде пойманное животное (наверно, белую антилопу; безымянная гробница, DAeAe: XCVI).

§ 22. За ловлей зверей, птиц и рыб

В гробнице *Пхэ.н-в(й)-к'* ее хозяин изображен смотрящим вместе с женою на ловлю и доставку ему степных животных, ловлю птиц и рыб (рыбу тут же потрошат) (DAeAe II: XLVI). Надпись над вельможей, к сожалению лишившаяся своей верхней части, начиналась словами: «[Смотрение на] — — —, (совершаемое) ватаг[ам] и дома собственного» (далее титул сановника). Что «ватаги дома собственного» корабельные, видно по соседним изображениям (DAeAe II: XLV). Там на гребном судне стоят «наставник ватаг» и «предводитель», склонившись в сторону плывущего на судне вельможи. Тут же корабль, с которым рядом бегут его ватаги, несущие корабельные принадлежности и всякую всячину (DAeAe II: XLV a, b). Двенадцать человек в ленточных передниках, одиннадцать же художник для разнообразия нарядил в опоясания иного покроя. На ловцах птиц и рыб на вышеназванном изображении вельможи и его жены, смотрящих на деятельность «ватаг дома собственного», тоже ленточные передники.

§ 23. На поле и гумне

Переходим к самым существенным работам, осуществлявшимся судовыми ватагами на земле и имеющим решающее значение для понимания староегипетского общества.

В гробнице *Ий-нфрт* было изображено, как по засеянной пашне гонят баранье стадо, чтобы оно копытцами втоптало посев. Сопутствующая надпись: «Пахота бара[н]ым стадом ватагами дома его (т. е. сановника) собственного» (AeGGASK: V=VI=24). Из кого состоят эти «землепашеские» ватаги в ленточных передниках, наглядно показано на соседнем изображении. Там представлен «спуск в низовую топь» хозяина в большой ладье, которая с помощью шестов «гонится с ним ватагами его» (AeGGASK:IV=V=20). И эти ватаги, разумеется, тоже в ленточных передниках.

В гробнице *Нфр-б'в-птх* над баранами, втапывающими зерно и подгоняемыми бичами, точь-в-точь такая же надпись: «Пахота бараньим стадом ватагами дома его собственного» (DAeAe II:LVI).

В гробнице *Ий-мрй* баранов гонят бичами четверо мужчин: «Пахота бараньим стадом ватагами его дома его собственного», а встречает стадо, замахнувшись бичом, «наставник ватаги *Рс-вр*», т. е. начальник второго разряда судовых ватаг (DAeAe II:LI). Но посеву предшествует пахота, и четверо мотыжников надписаны: «Копка ватагами его дома его собственного» (там же). Надо думать, что ватагами осуществлялась и жатва, хотя в надписи они не названы: «[Жат]ва пшеницы-двузернянки в городцах (нэ) его» (там же). На «наставнике ватаги *Рс-вр*» старинное издание воспроизвело пояс с одной лентой, на изображении жатвы ленты у поясов вообще не воспроизведены (там же). Все вместе озаглавлено: «Смотрение (на) пахоту (в расширенном смысле: включая и другие землепашеские работы) в городцах его дома собственного» (там же).

В гробнице *Нфр* прямо сказано, что жнецы — ватажники: «Жатва ячменя (и) пшеницы-двузернянки ватагою его (т. е. хозяина гробницы) дома собственного» (G VI:между 72—73=59). В той же гробнице пахота и жатва объединены вместе как работы, выполняемые ватажниками: «Смотрение (на) пахоту (и) жатву ячменя (и) пшеницы-двузернянки ватагою его дома его собственного» (G VI:между 64—65=59).

В гробнице *Ир.н-вр* над жнецами надпись: «Жатва ячменя ватагам(и) дома собственного» (RTShS:XVI).

В гробнице *Н(й)-с(в)-хв* под двумя жнецами написано: «Жатва ячменя ватагами дома собственного» (DAeAe II:CVI b=MENND:453), а над тремя: «Жатва пшеницы-двузернянки ватагами дома собственного» (DAeAe II:CVII=MENND:451).

В гробнице *Н(й)-снх-пйпй* добыча ячменя целиком отнесена за счет ватаг: «Смотрение (на) работу, (связанную с) ячменем верховым (и) низовым, (выполняемую) ватагами дома собственного», причем тут же изображена уборка льна (DAeAeT:66).

В гробнице *Рс-вр* сбор урожая льна производят люди в ленточных передниках, и они же грузят урожай на осла (ослов), а как бы для того чтобы показать, откуда эти люди,

рядом с ними изображена вода и на ней большая ладья (EG I:III 3+7). В этой же гробнице люди в ленточных передниках представлены еще раз за увозом урожая с поля (EG I:XXXIV 2=33).

В гробнице 'хт-х'тл люди в ленточных передниках грузят урожай на осла, и здесь же человек в таком переднике был представлен складывающим снопы в скирду (ИДЕ:XVIII).

В гробнице 'нх-м-с-х'р мужчина в ленточном переднике, правда, не из трех лент, как бывает в большинстве случаев, а из многих, сметая зерно в кучу, говорит веяльнице: «Торопись ты, сестра» (RTS:XXX).

Итак, начиная с пахоты и посева и кончая жатвой, увозом урожая и работою на току, полевые работы выполняли судовые ватаги. Именно потому, что они были судовыми, их никогда не называют «ватагами городцов (нэ)», а называют «ватагами его (т. е. вельможи) дома его собственного», «ватагами его дома собственного», «ватагами дома собственного», хотя работы производились в «городцах его», в «городцах его дома собственного» (см. выше). И если ватаги бывают показаны жнущими хлеб в присутствии местной власти — «властеля» городца (гробница *Йр.н-вр*, RTShS:XVI, ср. обломок гробницы GAe:CXCV), они работают на поле со своим начальством — «наставником ватаги» (DAeAe II:LI; см. выше, совершенно так же, как на кораблях (§ 18) или при таскании тяжестей (§ 19)). Не будучи закреплены ни за каким местом деятельности на суше, судовые ватаги использовались там, где была нужна значительная рабочая сила, прежде всего на полевых работах. Подобное использование судовых ватаг было настолько привычным и закономерным, что *определяло прямым образом лицо староегипетского вельможеского хозяйства*. При разбросанности вельможеских владений по всему Египту (см. § 14—17), при постоянных перевозках и доставках из одного места в другое, осуществлявшихся по реке, судовых ватаг было много, и они представляли огромную рабочую силу, притом легко перебрасываемую по той же воде на собственных же судах из одной местности в другую.

Совокупность судовых ватаг обозначалась словом *чзт* «соединение». В гробнице верховного сановника *К'-зм.н(й)* изображена раздача рыбы ватагам через их «распорядителей ватаг» и «предводителей ватаги» (MG I:XX—XXI+20 66, см. § 25). Изображение в целом, куда входила раздача рыбы, было подписано так: «[Смотрение на работы] поля (*схт*) (и) распределение рыбы соединению дома собственного». «Соединений» у вельможи могло быть не одно. В той же гробнице мы читаем: «[Смотрение на] — — — (?), доставляемое из дворов (хо) его — — — [дома собственного, котор]ые в [Земле низовья (и)] Верховье, наставниками слуг двойника, надзирателями слуг двойника (и) соединени(ями) всеми дома собственного» (тогда-то такому-то, MG II:XX—XXIII; такая же

надпись, частично восполняющая начало этой — MG II:XXXII—XXXIII). Во всех трех случаях слово «соединение» имеет определителем знаки мужчины и женщины. Означает ли это, что и жены числились в соединении, где состояли их мужья? В гробнице двух областных князей *Дж^{св}* надпись над людьми, влекущими (*шмс*) сани с гробовой сенью, называет этих людей «соединени(ями) собственным(и) области под рукою его» (RTDG II:VII). Ввиду изложенного выше вполне вероятно, что «соединение дома собственного» состояло из ватажников.

Было бы опрометчиво утверждать, что судовые ватаги были единственной рабочей силой, применявшейся на полевых работах в вельможеском хозяйстве. Не говоря уже о веяльщиках *дйвт*, частых на изображениях (гробницы *Чйй*, GT:CXXV, GAR:L; *Птхб-хэпн*, SM:XI; *К'-хэй.ф*, G VI:149=X b=XIV b, 149; *Птхб-хэпн-н. (й)*, DAeAe II:LXXIa; *Схм-к'-р^с*, EG IV:110; TPC I:169), женщины бывают показаны, хотя и исключительно редко, за полевыми работами иного рода, чем на гумне. В гробнице *Хэпн-хэр'-хт (й) дйвт* работает на пашне мотыкою (MAE:346), и в той же гробнице женщина вяжет сноп (MAE:347). Областные князья могли привлекать для работы на них в страдную пору в подмогу собственным ватагам население подведомственной области, подобно тому как в мастерских на областных князей помимо собственных работали еще и государственные ремесленники (см. § 28). В гробнице князя *Йр.н-вр* изображены «жатва ячменя ватагами (читай: *йн* вместо *йт*) дома собственного; жатва ячменя ватагою мал(ых)» и «жатва пшеницы-двузернянки слугами царевыми»; «жатва ватагою мал(ых)» (RTShS:XVI). Сходные изображения были помещены, возможно, еще раньше в гробнице областного князя *Н (й)-св-хв*: «жатва ячменя ватагами дома собственного; жатва ячменя ватагою мал(ых)» (DAeAe II:CVI b=MENND:453) и «жатва пшеницы-двузернянки ватагами дома собственного; жатва пшеницы-двузернянки слугами царевыми; жатва пшеницы-двузернянки ватагою мал(ых)» (DAeAe II:CVII=MENND:451; «жатва пшеницы-двузернянки ватагою мал(ых)» только в MENND:451). «Слуги царевы» как царские работники, государственные земледельцы противостоят у обоих князей их собственным ватагам, названным всегда на первом месте как основная рабочая сила, которой приданы добавочные. Из них «ватага мал(ых)», быть может, не что иное, как одно из воинских соединений области, подвластной князю (см. § 3). Затем, не слишком вероятно, чтобы двое полных мужчин, изображенные в гробнице *Хэпн-хэр'-хт (й)* за едой и питьем во время уборки хлеба и льна, были из корабельных ватаг (DAR:XXI).

Было бы очень любопытно узнать, кого представляли многочисленные землепашцы, изображенные в гробнице областного князя *Пйй-снх* Среднего, — ватажников или иных работников. Семь коровьих упряжек (от восьмой уцелели лишь передние части коров), и при каждой помимо пахаря в трех случаях по

погонщику с палкой/палками, а в двух еще по жожаку; впереди идет сеятель, а один погонщик идет за двумя коровами, не запряженными в плуг (RTM IV:XIV). Хотя у четверых работников коротенькие бородки (остальные безбородые), как и у двух жнецов и чиновного лица на том же изображении, имена у тринадцати (четырнадцатый без имени) вполне египетские: — — — *нтф*, *Си(й)-снх*, *Ит-снв.ф*, *Йний*, *Нфр-йбд*, *Хънн-сбк*, *Хъхъй*, *Ит-снх-н.ф*, *Йбдй*, *Хътпй*, *Нбй*, *Йдй*, *Хъкнй*. Но примечательно не это, примечательно то, что имена вообще приписаны. Изображена совместная работа множества людей, они могли бы быть ватажниками, но знали ли изготовители изображения, как их звали? Возможно, *перед нами уже нарождение отношений в земледелии, свойственных последующему времени*: памятник ведь конца Старого царства, поры VI царского дома. Но могло быть и так, что отделывавшие гробницу надписали землепашцев именами хорошо им известных ватажников с одного или нескольких кораблей. Что имена гребцов и других корабельщиков могли быть известны лицам, занятым приготовлением всего необходимого умершему, доказывает небольшой памятник в виде ладьи из гробницы *Мнчв-хътп*, — правда, уже Среднего царства (АКМВ:248—249). Шестнадцать гребцов, кормчий и еще один корабельщик надписаны каждый своим именем, вдобавок с придачею родительского (в двух случаях поврежденного). На другой такой ладье из той же гробницы кормчий подписан своим и родительским именем, а другой корабельщик торжественно обозначен «тот, кто в чести, *Мнчв-хътп*, сотворенный (т. е. произведенный на свет) владычицею (т. е. хозяйкой) дома *С'т-хъвт-хър*» (мать хозяйки носила другое имя, АКМВ:250). К сожалению, все это не более как недоказуемые соображения.

Одно ясно, что у *Пйпй-снх* Среднего изображены не люди, пришедшие на хозяйственную пашню со своею упряжкою; для этого их слишком много у отдельной упряжки. И такое многолюдье — обыкновенно двое мужчин у одной упряжки — частое явление на изображениях пахоты в вельможеских гробницах. *Рабочий скот и сохи были не пахарей, а вельможи*. И недаром на изображении пахоты в гробнице *Чйй*, как показал В. В. Струве⁶, одна из коров, на которой в данное время не пашут, явно хозяйская. Один мужчина говорит другому: «Дои, торопись, ты, потому что идет он, властель этот!» (GT:CXI = GAR:XLIV). Областной князь *Йбйй* говорит, видимо, о том, как приходил на помощь другим «упряжками и чадью (*мрт*, см. § 33) собственными» (RTDG I:XXIII). Слово «упряжка» с определителями сохи и быка, а определение «собственный» (*н(й)в джт*) согласовано в роде с «упряжками», так что относится и к этому слову, и к слову «чадь». Явно вельможескими были и стада ослов, на которых увозили урожай с поля: вель-

⁶ Струве В. В. Проблема зарождения, развития и разложения рабовладельческих обществ древнего Востока. — ИГАИМК. 1934, вып. 77, с. 46—47.

може желали иметь эти стада в 100 (гробница *Йр.н-вр*, RTShS:XVI), 2300 (гробница *Нфр-йрт-н.ф*, МАЕ:325), 2500 голов (гробница *Птхъ-хътп* и *'хт-хътп*, МРАС II:VIII). *Корабельные ватаги не могли работать на поле иначе, как только с помощью рабочего скота хозяина.*

§ 24. Довольствие ватаг

Теперь о том, как обстояло дело с довольствием ватаг. В гробнице верховного сановника (так называемого «везира») *К'-зм.н.(й)* под изображением рыбной ловли в нижнем поясе стены помещено как бы заключение ко всему изображению. В правом углу нижнего пояса представлены сети, развешенные на кольях для просушки, и ныне полуразрушенные сумы для рыбы. Отсюда налево движется шествие из девяти мужчин, груженных множеством рыбы, которую они несут в руках, в кошельках, на веревках, подвешенной к жердям. Надпись вверху гласит: «Доставка рыбы из улова большого весьма для смотра» (налево от поясов с хозяйственными изображениями представлен «смотрящий» на них вельможа). В середине пояса лицами влево сидят в два ряда на земле десять мужчин, каждый из первых четырех назван «распорядителем ватаг» (*ймй-р' йзвт*), каждый из последующих шести — «предводителем ватаги» (*хрп йзт*). Отметим, что из первых четырех начальников каждый начальствует над ватагами во множественном числе, из остальных шести каждый — лишь над одной. Перед нами, следовательно, начальство двух степеней: впереди — управляющие зараз несколькими ватагами, позади — более многочисленные, подчиненные первым — руководители отдельных ватаг. Все низшее руководство, а также третий и четвертый представители высшего начальства сидят еще в ожидании, сложивши руки, но два передних «распорядителя ватаг» принимают уже из рук стоящего перед ними мужчины по большой рыбе. За этим мужчиной стоит уже другой и держит наготове в каждой руке по столь же увесистой рыбине. Между головами обоих мужей надпись: «Два распорядителя рыболовов», а выше помещено обращение одного из них к принимающим рыбу ватажным начальникам: «Прими(те) это, поспеши(те с) кормление(м)» (*шзп нн вн смт*). Таким образом, перед нами приемка начальством ватаг рыбы для раздачи в пищу своим ватажникам. Позади сидящих в ожидании руководителей ватаг двое мужчин, отходящие вправо, нагруженные принятой рыбой. Над ними красноречивая надпись: «Напитаны мы» (*джф'.в(й)н*). В левом углу пояса изображение двойного учета рыбной выдачи. За спиной обоих управителей рыболовов стоит «писец дома собственного (*пр джт*)» и записывает рыбу, которую от тех двоих получают для ватаг их начальники. Еще дальше налево, в самом углу, ведется учет несколько другого

рода. Здесь «писец ватаг» стоит над большим кошельем(?), переполненным рыбой, около которого возится присевший на одно колено мужчина. Оба обращены лицами друг к другу, и, судя по направлению знаков, слова «число — сотворено сто», т. е. «число составляет 100», представляют речь присевшего счетчика, в то время как «то, что имеет быть дано мне», может быть удовлетворенным ответом писца. Коленопреклоненный мужчина мог бы быть, таким образом, тоже выдающим рыбаком. Надпись вверху для пущей ясности еще добавляет: «Запись рыбы». Наконец, имеется и общее пояснение ко всем поясам в целом, помещенное перед смотрящим на изображенную деятельность вельможей. Начало надписи погисло, но конец сохранился, и то, что относилось в ней непосредственно к занимающему нас нижнему поясу, к счастью, уцелело. Пояснение это гласит: «[Смотрение на работы] поля всякие (и на) распределение рыбы соединениям дома собственного». «Распределение рыбы соединениям дома собственного» — по-египетски *сшмт мхѣт н чз.(в)т н(й)т пр н(й) джт*. Первое слово неизвестно словарю, но для более позднего времени — для Среднего царства — в словаре указано слово *сшм*, употребительное в счетной науке со значением «распределение», в частности в отношении вещественных благ⁷. Такое значение как нельзя лучше подходит к данной надписи, и его, наверное, можно придать и староегипетскому слову *сшмт*, не учтенному в словаре. Что касается слова *чзт* «соединение» (воинов или рабочих), употребленного в общем пояснении взамен слова *йѣт* «ватага», стоящего в приписках к отдельным изображениям нижнего пояса, то оно часто употреблялось наряду с *йѣт* для обозначения одних и тех же разрядов людей.

Общее пояснение в сочетании с частными приписками и самими изображениями не допускает ни малейшего сомнения в том, что в хозяйстве староегипетского вельможи под его верховным надзором в строго установленном порядке через посредство ватажного начальника с надлежащим письменным учетом имело место кормление рядовых членов ватаг. На изображении распределения рыбы одни лица — дающие (рыбаки, доставляющие рыбу, и передающие ее управители рыболовов), другие — пользующиеся (ватажное начальство, писцы ватаг, уносящие рыбу ватажники). Может поэтому показаться, что рыболовное начальство представляет особое хозяйственное управление, противостоящее начальству ватажному как выдающее получающему. В действительности дело обстоит иначе. Учет передаваемой рыбы ведут только писцы ватаг. Никаких писцов, которые представляли бы рыболовов, на изображении нет. И нет потому, что рыболовы и их начальники состояли при тех же ватагах, обслуживали их и подлежали учету ватажных писцов. *Ватаги, их начальство, их писцы, обслуживаю-*

⁷ Erman A., *Grapow H. Wörterbuch*, Bd. 4, с. 290.

щие ватаги рыбаковы составляют единое хозяйственное целое, и включение в него рыбаков — поставщиков пищи — доказывает, что кормление ватаг хозяйством было предусмотрено самим его строением, было для него законом.

Само собой разумеется, что изображенное в гробнице *К'-гм.н.(й)* было не единичным явлением, свойственным одному хозяйству данного вельможи. Имевшее место здесь выражало, конечно, общепринятый способ хозяйствования, было только частным проявлением общего порядка. Подтверждением тому служит сильно, к сожалению, поврежденное изображение в гробнице *Чйй*, представляющее собою первоначальное и, по-видимому, более краткое «издание» того, что впоследствии воспроизвел у себя в гробнице *К'-гм.н.(й)*. Как у последнего, в нижнем поясе под изображением рыбной ловли помещается шествие мужчин, в данном случае в количестве не менее восьми (у *К'-гм.н.(й)* их девять, девятый у *Чйй* мог быть на месте теперешней выбоины), тяжело нагруженных рыбою, которую они тоже несут в руках, на шестах и в корзинах. Точь-в-точь как у *К'-гм.н.(й)* над концом шествия представлены сети, развешенные для просушки на кольях, и перед ним опять-таки рыбацкие кошель. В точности совпадает и конец надписи: «— — — — — деяние большое весьма на смотр». У *К'-гм.н.(й)*: «Доставка рыбы как деяние большого весьма на смотр». Судя по воспроизведению от руки (ТТ) — снимок (ГТ) нечеток, но не исключает такое чтение, — перед «деянием» сохранилась буква *т*. У *К'-гм.н.(й)* здесь сова *м* (предлог «как»). Если *т* здесь действительно имеется, оно могло бы быть окончанием *мхът* «рыба», но тогда у *Чйй* пришлось бы предположить пропуск *м* и читать «рыба деяния большого весьма». В отличие от *К'-гм.н.(й)* шествие у *Чйй* движется не справа налево, а слева направо, но, что было изображено правее восьмого с конца мужчины, в точности сказать невозможно, так как здесь начинается досадная выбоина в стене. К несчастью, ни по одному из изданий нельзя установить и размеров выбоины. Продолжение изображения на ней дано только в ТТ. Все, что здесь еще видно, это двое мужчин, сидящие на земле, с левой рукой у груди и приподнятой правой — как у знака мужчины — и глядящие навстречу шествию. За обоими конец отвесной строки, содержавшей пояснение к изображениям на стене в целом, и затем большая ступня вельможи, смотревшего на изображенную деятельность. Под надзором хозяина кормление производилось и у *К'-гм.н.(й)*. Единственное слово, уцелевшее внизу столбца, — то же, что и в конец отвесной строки у того вельможи, — *джт* (у *К'-гм.н.(й)*: «— — — распределение рыбы соединения дома собственного (*пр джт*)»). Хочется думать, что сидящие на земле мужчины — начальники ватаг, ожидающие выдачи рыбы. У *К'-гм.н.(й)* ватажное начальство тоже сидит на земле, только положение рук несколько иное. Если такое истолкование сидящих мужчин верно, изображение у *Чйй* было

построено правильное, чем у *К'-зм.н(.й)*. У последнего рыболовы подносят рыбу сзади получающих ее ватажных начальников, вместо того чтобы подносить ее к ведущим учет писцам или главным рыболовам — раздатчикам. У *Чйй*, где теперь выбоина, могли быть некогда мужи, занятые раздачей, тогда рыболовы сзади подносили бы к ним рыбу, а они передавали бы ее сидящим лицом к ним начальникам ватаг. Хотя самой передачи рыбы из рук в руки у *Чйй* не видно, сходство уцелевших изображений и надписей с имеющимися у *К'-зм.н(.й)* настолько велико, что вряд ли можно сомневаться в том, что обе гробницы содержали, по существу, одно и то же изображение. Гробница *Чйй* была построена в середине правления V царского дома, гробница *К'-зм.н(.й)* — в начале царствования VI дома; так что одна постройка отстоит от другой во времени на много десятков лет. Увековечение в обоих усыпальницах одного и того же хозяйственного явления — кормления ватаг — наглядно доказывает, что это явление могло иметь место в *любом* вельможеском хозяйстве и в разные поры Старого царства.

Поскольку вельможеское земледелие обслуживали ватаги, уместно будет ознакомиться с тем, как кормились на поле люди, работавшие там на хозяев.

На одной из сцен усыпальницы *Схм-снх-пхх* вельможа представлен смотрящим на «работы поля», и эти работы изображены перед ним в пяти полных и одном укороченном поясах. Последний — самый нижний и укорочен в конце, противоположном изображению вельможи. В первом поясе сверху изображена доставка животных пустыни; во втором — ловля водяной птицы и обычная на реке драка лодочников; в третьем — пахота на быках, сев и пахота с помощью баранов, втаптывающих зерно в землю; в четвертом — уборка льна и жатва; в пятом поясе показано, как от вельможи, справа налево, гонят за снопами порожних ослов и им навстречу, слева направо, гонят ослов, нагруженных урожаем; позади последних, в самом левом конце, изображение, о котором речь будет сейчас ниже; в шестом поясе управление вельможеского хозяйства учитывает зерно, а дальше налево изображены веяние, молотьба путем прогонки по хлебан ослов и, наконец, совсем слева складывание снопов в скирду. Занимающее нас сейчас изображение заполняет пятый пояс не во всю высоту его, а только в верхней его половине; ниже не заполненное изображениями пространство, вдающееся прямоугольным возвышением в пятый пояс и продолжающееся через весь шестой, тем самым срезая его слева. Узкое продолжение пятого пояса художнику надо было чем-нибудь заполнить, и он заполнил его следующим подходящим по размеру изображением. Справа на земле стоит большая су́ма и поверх нее две скатки — плащи или циновки из болотных растений, скатанные, свернутые петлей и перевязанные; за ними тщательно сложенные и связанные вместе снопы; дальше налево навес, держащийся на тонких шестах. К потолку под-

вешены два куска мяса, большой и поменьше, и одна водяная птица, гусь или утка. Под навесом поставлены сосуды: один, широкий и высокий, непосредственно под мясом и потому, возможно, полный им же в соленом виде, и другой, с узким горлышком, и потому, несомненно, с напитком; он напоминает большие винные сосуды вроде амфор; у него должно быть остроконечное дно, воткнутое в землю, так как с боков сосуд поддерживается двумя небольшими «холмиками». Между сосудами стоит корзина с хлебами, и на нее и далее позади левого сосуда свалена грудами до потолка всякая снедь: хлебы, два кочана зелени (салат латук) и две плоские корзины со смоквами, гроздь винограда. Что все эти припасы, помещенные под особым навесом, предназначены для участников полевых работ, не подлежит сомнению. Изображение находится в земледельческом окружении: выше два пояса с пахотой, севом, жатвой и уборкой льна, слева увоз урожая и его обмолот. И точно для того чтобы не осталось и тени сомнения, перед навесом с припасами сложены тщательно связанные снопы. Наше изображение непосредственно примыкает к ослам, нагруженным снопами и угоняемым навстречу порожним, направляющимся как раз к снопам, сложенным перед навесом. Таким образом, последний не только связан с полевыми работами, но находится на самом поле, где сложены снопы для увоза их на гумно. Совершенно неправдоподобно, чтобы сваленные в груду припасы могли принадлежать отдельным хозяевам. Притом там, где наблюдается некоторый порядок в размещении предметов, он явно основан не на принадлежности их отдельным владельцам, а на вещественном родстве между собой: куски мяса висят в переднем конце навеса, и под ними широкий сосуд, возможно, с мясом же; наоборот, хлебы, что не в корзине, свалены в значительном количестве вместе в задней части навеса. Единственно удовлетворительное объяснение изображения получим, если предположим, что *земледельцы Схм-нх-пхъ пользовались на поле общим довольствием.*

Другое, еще более наглядное изображение питания работников на поле содержится в гробнице *Хътп-хър-хт(й)* (DAR: XXI). Рядом представлены жатва хлеба и уборка льна. На участке со льном между двумя мужчинами, дергающими лен, изображен третий, который обеими руками приподнимает сосуд и, откинувшись, пьет прямо из горлышка. На участке с хлебом один из жнецов приостановил работу и, засунув серп под мышку, угощается луком. Отчетливо виден стебель, смутнее — головка, но, что это лук или чеснок, видно по тому, что в левой руке, которую он далеко вытянул перед собою, он сжимает пучок несомненно таких овощей: здесь головки и длинные стволы не оставляют в том никаких сомнений. Хотя между этим мужчиной и пьющим работает один из уборщиков льна, далеко отставленную руку первого можно понять только в том смысле, что он протягивает пучок зелени пьющему товарищу. Лукови-

цу, которую он сам закусывает, он вытянул, надо думать, из этого же пучка, а взять пучок он мог только из объемистой корзины, стоящей тут же у его ног и полной хлебами и пивом: из двух больших островерхих предметов, высовывающихся из корзины по бокам от сложенных в середине хлебов, правый, несомненно, пивной сосуд, так как его остроконечный верх — глиняная шапка-закупорка — отделен от низа, как то обычно бывает на изображениях пивных сосудов, поперечной чертой. Оба мужчины, закусывающий и пьющий, рядовые работники: первый — простой жнец, так как под мышкою у него серп, и оба обнажены так, как обыкновенно обнажались только непосредственно за телесной работой. В отличие от окружающих работников, стройных и с густыми волосами, оба они производят впечатление людей более дородных, в особенности едок, и даже лысых или по меньшей мере имеющих много более скудные прически. Мы вряд ли ошибемся, если скажем, что оба они представляют пожилое поколение и именно потому и изображены подкрепляющими себя во время работы, что нуждаются в таком подкреплении. Представляется невероятным, чтобы большую корзину, полную хлебом и пивом, закусывающий мужчина вынес на поле на самое место жатвы для одного себя. Это не только предполагало бы невозможную вместительность его желудка, но и поставило бы нас перед вопросом: почему соответствующих корзин нет у других работников? Допустим, что молодые не нуждались в подкреплении на самом месте работы, и было неестественно помещать корзину с припасами около передвигающегося по полю жнеца, однако у пьющего мужчины она должна была бы иметься, если бы каждый выходил на поле с собственной едою. Но корзины у этого мужчины нет просто потому, что вместительная корзина у ног его товарища рассчитана и на него: ведь его товарищ как раз протягивает ему пучок чеснока или лука, который взял из общей корзины. Если можно было бы придавать значение тому, что закусывающий — жнец, а пьющий — уборщик льна, то можно было бы заключить, что *работавшие на поле независимо от того, какой работой они в данный отрезок времени занимались, пользовались одними и теми же припасами.*

Любопытно, хотя и не совсем понятно изображение в гробнице областного князя *Пий-снх* Среднего (RTM IV:XIV). Изображено поле со спелым хлебом и на нем трое жнущих мужчин. Перед ними, лицом к ним, изображены двое других. Задний по своему наряду — куску ткани вокруг бедер — мог бы сойти за земледельца, тем более что между ладонями он изо всех сил растирает пучок колосьев, — надо полагать, для собственного потребления. Однако надпись над этим мужчиной величает его несколько неожиданно «честным мужем царевым *Н-нкой*». Идущий перед ним мужчина (следовательно, стоящий перед самыми жнецами) несет и ведет всякую живность — теленка, двух гусей или уток, перепелку — и, кроме того, несет

сосуд с молоком, судя по листу, положенному черенком вверх на сосуд для предупреждения скисания содержимого. Это — лицо, несомненно, чиновное. В отличие от окружающих на нем передник с большим треугольным выступом спереди. Однако небритые волосы на щеке и над верхней губой, как у многих простых работников на изображениях в гробнице, птицы, теленок и молоко вряд ли позволяли бы предполагать у изображенного тот высокий сан, который ему придает приписка сверху. Он тоже оказывается «честным мужем царевым» по имени *Ттй-снх*. Титла и имена надписывались подчас над готовым изображением, совсем не предназначенным увековечить на гробничной стене определенное лицо, и подписывались, бывало, невпопад, хотя, надо сознаться, явных несуразиц при этом избегали и в общем держались в пределах возможного. Конечно, именитый мужчина в выступающем переднике со своим теленком, птицами и посудой никак не совершает приятной прогулки по спелым нивам. Нельзя сомневаться, что он доставляет продовольствие себе или другим. За то, что это продовольствие предназначалось для него лично, могло бы говорить соседство с мужчиною, растирающим ладонями колосья явно в пищу самому себе. Однако зачем было вести и нести на поле такое количество живности для одного человека? Не предназначалось ли все это для работников? С назначением для них хорошо согласовалось бы положение руки, в которой муж с треугольным передником держит за крылья двух гусей или уток. Рука согнута в локте и приподнята на уровень плеч, как если бы мужчина показывал или подавал свою ношу работающему перед ним жнецу. Особенно же примечательно, каким призывом раздражаются в сторону его стоящий перед ним жнец или жнецы: «Пиво ко (мне)! Режу (я) (зерновой плод) *бш'*». Этот возглас не отвечает в точности положению: в руках у несущего нет пива, а жнецы жнут хлеб, а не *бш'*. Тем не менее это все-таки просьба о продовольствии и ввиду живности и питья в руках предстоящего вряд ли может не иметь к нему никакого отношения. Притом настроение явно обеденное, как доказывает поведение мужа, растирающего себе ладонями хлебное зерно. Правда, то, что несет и ведет пришедший на поле мужчина, за исключением одного молока, еще нуждается в приготовлении, чтобы стать кушаньем, но в таком же приготовлении оно нуждалось бы и в том случае, если бы предназначалось для самого носителя.

Возвращаясь к возгласу жнеца, имеющему как будто бы отношение к доставке жнецам довольствия и в то же время странным образом не соответствующему обстановке, надо заметить, что это отнюдь не случайный призыв, вырвавшийся самопроизвольно у данного работника, а ходячая присказка, обычная у жнущих. В точности тот же возглас: «Пиво ко (мне!) Режу (я) *бш'*» — издают жнецы и на изображениях в гробницах *Мрр-в(й)-к'* (MM:CLXVIII) и *Хэпн-хэр-'хт(й)* (MAE:347=

=DAR:XXI). На изображении у *Мрр-в(й)-к'* неясно, к кому вызывает жнуший ячмень мужчина: перед ним два других жнеца, а за ними два лица, смотрящие на жатву сложа руки и потому, несомненно, являющиеся должностными лицами. Они одеты в передники с большими треугольными выступами и этим напоминают мужа с птицами и теленком в гробнице *Пйпй-снх* Среднего. Однако тот нес и вел на поле живность, а у этих двух нет в руках ничего, и вряд ли призыв был рассчитан на то, чтобы побудить их возыметь что-нибудь и дать вызывающему, так как оба они входят, по-видимому, в сопровождение вельможи, обзирающего полевые работы (оба они стоят непосредственно перед ним). В гробнице *Хътп-хър-хт(й)* около жнецов, над которыми написан возглас, изображен мужчина в простом наряде и с приподнятыми, держащими что-то руками. К сожалению, изображение повреждено и по снимку нельзя определить, что было в руках у мужчины. Письмена в возгласе повернуты ему навстречу, так что возглас мог быть обращен к нему. Если в руках у него было пиво или какое-нибудь иное продовольствие, просьба была бы небеспредметной и мы имели бы изображение, сходное с вышеописанным из гробницы *Пйпй-снх* Среднего. Если бы то было так, повторное соединение возгласа с изображением доставки на поле продовольствия недвусмысленно показывало бы, что он относился к продовольственному снабжению, а доставляемое предназначалось в пищу жнецам.

Примечательны два надписанных изображения в гробнице областного князя *Пйпй-снх*. На одном из них работники рвут на поле лен и вяжут его в снопы (RTM V:XXX). Работа мыслится широкого размаха: «льна снопов 6200». Мужчина дородный и с лысиной (?), следовательно пожилой, обращается к товарищам со словами: «Творите, спешите (и) дадите вы есть наряду этому хлеб-пиво» (с определителем длинного хлеба, значит, «пищу» вообще). Слово, переведенное мною как «наряд», по-египетски ^{х'} с определителями мужчины и множественного числа. Тут же другой работник говорит: «О муж, открывающий в ^{хвт} своем»; третий же отвечает ему: «Я — это, имеющий творить во время». В словаре есть древнее слово ^{х"} «барщина, принудительная работа»⁸, но нет слова ^{хвт}, есть только новоегипетское ^{хвтй} «обозначение занятия (связанного с судостроением и судоходством)»⁹. Как показывает определитель у нашего ^{х'} — знак мужчины с тремя черточками мн. ч. — в виду имеются не работы, а выполняющие их люди. Новоегипетское ^{хвтй} должно быть производным (нисбой на *й*) от слова ^{хвт}. Странно, что его нет в словаре, потому что оно неоднократно встречается в староегипетских гробницах: помимо *Пйпй-снх* у *Мрр-в(й)-к'* (MM:CLXVIII и GAR:XXVII), точь-в-точь в таком же возгласе, и затем в сходном возгласе у

⁸ Там же, Bd. 2, с. 475.

⁹ Там же, с. 485.

К'-хъй.ф: «Ты где, открывающий в **вт* своем?» (ответ: «Я — это», G VI: между 136 и 137). В последних трех гробницах убирают не лен, а хлеб. Не значит ли «открывающий в **вт* своем» — «передовой в своем судовом отряде»?

Другое надписанное изображение находится вблизи первого, но не бок о бок с ним: непосредственно рядом помещается изображение птичьей ловли. Представлен навес с подвешенными к потолку мясом, птицей и рыбой, на полу под ними корзина с напитками, хлеб и горшок. На земле сидит мужчина, жарящий на вертеле утку, и против него другой, лепящий лепешку. Между ними стоит мальчик, и второй мужчина говорит ему: «Дай объявиться (т. е. сделаться) этому, (и) воззовешь ты к добрым (молодцам), чтобы им есть хлеб-пиво (т. е. пищу: четыре знака хлеба и знак винного сосуда)».

Кто же эти «добрые (молодцы)», по-египетски *нфрв*? Слово это не редкость на староегипетских памятниках, но, к сожалению, в титулах чиновных лиц оно далеко не всегда понятно. Тем не менее при употреблении во множественном числе оно не представляет больших трудностей для понимания.

В поминальном храме царя *Нфр-к'-р^c Пйпй II* изображено шесть «добрых (молодцев)», влекущих сани с уложенным царем зверем (гиппопотамом). Царь поразил его остроугою с челна, так что охота происходила на воде. Одежда сполна видна на одном из шести (на других пяти она или заслонена, или разрушена), и на нем ею служит ленточный передник. Изображение совершенно такого же рода, что и те в вельможеских гробницах, на которых «ватаги» влекут сани с изваянием саноуника. Несомненно, «добрые (молодцы)» у *Пйпй II* те же «ватажники», а в другом поминальном храме — царя *С'хъ-в(й)-р^c* — мы находим тому и полное подтверждение как изобразительное, так и письменное (GKS II:IX). Ниже царского парусного судна изображено двенадцать бегущих мужчин, из которых девять в ленточных передниках, а трое передних — в цельных опоясаниях (начальство?). И если у всех в руке по палке, то у самого переднего мужчины в руках нет ничего (главный начальник?). Из надписи над мужчинами мы узнаем, что это корабельный отряд (*сnp*) «*С'хъ-в(й)-р^c* — честной»; в надписи перед ними говорится о сопровождении, состоящем из «добрых (молодцев)»: «*р'* (смысл неясен) сопровод(ения?) из (?) добрых (молодцев)». Того же рода надпись имеется и на другом изображении в храме (GKS II:LII), но там она стоит перед мужчинами в ленточных передниках, склонившимися и опустившими палки до земли. Там она и несколько длиннее, и в ней говорится не только о сопровождении из «добрых (молодцев)», но и о корабельных отрядах: «*р'* сопровод(ения?) из(?) добрых (молодцев корабельных) отрядов». Над другими людьми в подобных положениях и одежде значится название отряда: «*С'хъ-в(й)-р^c* любим» (ср. то же название над погибшим изображением ниже частично уцелевшего).

В поминальном храме царя *H(й)-вср-р^c* тоже имелось изображение, на котором были «добрые (молодцы)». От надписи остались слова: — — — *йн нфр(в)* — — — «добрыми (молодцами)» или «это добрые (молодцы)» (GrKN:78).

В гробнице *Хэп-хэр-н(й)-птхэ*, обладателя множества разнородных должностей, в том числе должности «распорядителя ватаг», мы читаем: «(Жрец-)установщик главный, великий (среди) видящих (т. е. верховный жрец солнца), распорядитель ватаг, распорядитель заводи всякой, которому царь дал сотворить носилки (*сбнр*)¹⁰, (и) это добрые (молодцы были) носившими его в них позади царя — никогда не было сотворено (такое) человеку всякому (т. е. какому-либо) — *Хэп-хэр-н(й)-птхэ*» (UAR:231). Вспомним ватажников, носящих вельмож в носилках, на изображениях в гробницах.

В корабельном окружении значатся в титулах *Сшмв* его звания, связанные с «добрыми (молодцами)»: «Сокровищник бога (т. е. царя) на двух кораблях больших, распорядитель войска, распорядитель дома оружия войска, чиститель (т. е. умывальщик) царя, распорядитель работ царя, (тот), кто над тайною приказания словесного царя, (тот), кто в сердце владыки своего, (тот), кто над тайною бога своего, [распо]рядитель двух ватаг бога, распорядитель двух (корабельных) отрядов двух кораблей больших, распорядитель предводителей добрых (молодцев), сокровищник бога *Сшмв*»; «Сокровищник бога на двух кораблях больших, распорядитель работ всех царя, распорядитель двух ватаг бога, любимый владыкой своим, (тот), кто над тайной приказания слова царя, (тот), кто в сердце владыки своего, наперсник владыки своего, (тот), кто в чести у бога своего, наставник слуг божьих (т. е. жрецов), распорядитель дома оружия войска, распорядитель обеих житниц, предводитель ватаг бога, распорядитель отрядов двух кораблей больших, (тот), кто над тайною, распорядитель предводителей добрых (молодцев), (тот), кто в чести у бога большого, наставник чистителей царевых, любимый владыкой своим, сокровищник бога в двух кораблях *Сшмв*» (DAeAe II:XCVIIa). Само основное звание *Сшмв* «сокровищник божий на двух кораблях больших» имело прямое отношение к судоходству, так как обозначало лицо, привозившее царю ценности. Наконец, в староегипетских надписях неоднократно встречается звание «предводитель (корабельного) отряда добрых (молодцев)» (M:IX; MAE:88, 89; ETSOSMAEUC:III 4=UAR:230; в последнем случае рядом с должностью «наставник корабля»).

Было бы опрометчиво утверждать, что в Старом царстве «добрыми молодцами» звались только корабельные молодцы и никакие другие. Тем не менее очень похоже на то, что основное употребление слова было именно таким.

¹⁰ Sethe K. Urkunden des Alten Reichs H. 2, 2.Aufl. Lpz., 1932—1933 (Urkunden des aegyptischen Altertums. 1. Abt.), c. 231, f — f.

Касательно снабжения ватаг одеждою известных не имеется, но уместно будет привести скорописное письмо времени VI царского дома, найденное в Мэнфе на западном берегу, однако толкующее о рабочих, занятых на противоположном берегу в каменоломнях¹¹.

«[Год царствования] 11-й, месяц Жатвы, число 23-е.

Распорядитель войска сказывает: Было доставлено писание верховного судьи (и) правителя слуге там (т. е. твоему покорному слуге) (о том), чтоб доставить соединение (из числа) отрядов (каменоломен) *P'-в*, чтобы одеть обок (т. е. в присутствии) его на (или: у?) (сооружении) *срх* добром весьма, а слуга там говорит против требования (по части) местностей (?); письмоносец придет в *P'-в* вместе с широкой ладьею (т. е. грузовым судном для камней), а слуга там брал (т. е. проводил) 6 дней в столице с соединением этим, пока не было одето оно — ущерб работе это в руке слуги там, — а день ведь единый, имеющий быть отнятым у соединения этого, (когда) одевается оно. Сказывает слуга там: „Дай знать письмоносцу“».

Общий смысл этого письма давно разгадан наукою, и разгадан, думается, правильно, но то, что нам особенно существенно было бы знать, — кто были люди, получавшие одежду, — остается, к сожалению, невыясненным.

Из того, что отправитель не называет по имени ни себя, ни верховного сановника, был сделан вывод, что он, подобно последнему, был важным лицом, не каким-нибудь второстепенным, а военным начальником каменоломен, из которых добывался камень для облицовки царских пирамид¹². Из того, однако, что пишущий смиренно именует себя «слугою там», было выведено, что он по своему общественному положению стоял ниже вельможи, к которому обращался¹³. Все это очень правдоподобно. Но только вряд ли следует умозаключить, что сановником, больше начальника главных каменоломен, мог быть только сам верховный сановник, так называемый «везир». При подобном умозаключении письмо производило бы непочтительное впечатление. Верховный сановник не был бы назван в заголовке, но зато упомянут в самом письме в третьем лице без какого-либо почтительного введения вроде «владыка мой». Да и само третье лицо вместо второго, притом без всякого введения, которое указывало бы, что упоминаемый сановник есть собеседник пишущего («владыка мой такой-то»), представляется странным в письме. Естественнее потому будет предположить, что высокопоставленное лицо, которому писал военачальник,

¹¹ Gunn B. A Sixth Dynasty Letter from Saqqara.—ASAE. 1925, t. 25, c. 242—255; Gardiner A. H. An Administrative Letter of Protest.—JEA. 1927, vol. 13, c. 75—78.

¹² Gardiner A. H. An Administrative Letter, c. 76.

¹³ Там же, примеч. 1.

нетождественно с верховным сановником¹⁴. У начальника над рабочими главных каменоломен могло быть и другое непосредственное начальство, нежели верховный сановник, притом достаточно сильное, чтобы вступить перед последним за своего подчиненного. Таким начальством мог быть «распорядитель работ всех царя». Носители этого высокого звания часто упоминаются в староегипетских надписях, и нередко то бывали самые видные лица в государстве — царевичи и сами верховные сановники.

Содержание письма сводилось, наверно, к следующему¹⁵. Верховный сановник потребовал, чтобы люди из каменоломен были доставлены к нему на левый берег для получения ими там одежды; военачальник возражал против этого, указывая, что одежда могла бы быть прислана в каменоломни в ближайший приезд туда письмоносца с грузовым судном и тем самым предотвращена потеря рабочего времени; из опыта-де ему известно, что поездка с людьми в столицу за одеждою занимает целых шесть дней, на месте же все могло бы быть сделано в один.

Для занимающих нас сейчас вопросов существенно было бы знать, кем были подчиненные военачальника: воинами, отправленными на работы в каменоломнях, или гражданскими рабочими, подчиненными военному начальнику. На основании письма, однако, решить это ни в том, ни в другом смысле нельзя. Звание военачальника предрасполагало как будто бы в пользу первого решения, но если это военачальник распоряжался главными государственными каменоломнями в целом, под его начальством должно было быть множество самых разнообразных работников, а не одни воины. Что люди, которых надо было одеть, составляли одно «соединение», ничего также не доказывает, так как «соединения» были не только в войске, но и в производстве (о ватагах, в частности под тем же обозначением «соединение», см. § 18—24).

¹⁴ Ср.: *Hunn B.* A Sixth Dynasty Letter, c. 244.

¹⁵ *Gardiner A. H.* An Administrative Letter, c. 76—77.

**СКОТОВОДСТВО, РЫБОЛОВСТВО, ПТИЦЕЛОВСТВО
И ПТИЦЕВОДСТВО
(§ 25)**

Скот староегипетских вельмож был их собственным, соби́нным скотом: «быки, мелкий скот (определитель — коза), ослы, что от плоти его» (Ath:XII); «упряжки (определитель — бык)», что от плоти (моей)» (RTDG I:XXIII); «рогатый скот (изображены бык, корова и телята) дома, (что от) плоти» (DAeAe II:XXXI a); «мелкий скот (определитель — баран) дома, что от плоти» (MU:37). Областные князья, ведавшие скотом своей области, четко обособляли его от своего, личного скота: «Смотрение на отдачу (*йрв*) (со стад) со стороны князя, друга (царского) единственного, (жреца-)установщика, того, кто в чести, *Мрйй* Большого из имущества его собственного его (*м йшт.ф джс.ф*); не (есть) [это то, что сказывается „по должности“] (восстановление К. Зете в UAR на основании D:VIII)» (Ath:IX=UAR:267); «Сотворение отдачи быков (и) коз областей средних, смотр упитанных быков (и) коз» (смотрит «князь, друг (царский) единственный *Пйпй-снх* Средний») (RTM V:XVI).

Скот у староегипетских вельмож был разнородный: быки, козы, бараны, ослы, прирученные степные парнокопытные (антилопы, газели, козероги) и даже хищники (гиены); свиньи упоминаются исключительно редко (AIKMB:76 D.I). Степной скот (в том числе гиен!) вельможи охотно ели; все эти животные значатся в перечнях яств, которыми вельможи желают угощаться на том свете, причем хотят иметь каждого рода по тысяче! К изображениям вельможеского скота на гробничных стенах бываю́т приписаны числа, но они вряд ли годятся для суждений о количестве поголовья, потому что они могут быть просто желательными. Однако соотношения их по разным родам скота, вполне возможно, близки к действительным. Так, у *С'бв* для быков показаны числа 405, 1237, 11360, 1220, 1138, 130, 628, 1200, 303, для «молодых белых (антилоп)» — 1308 и 1246, для молодых газелей — 1135 (MAE:146); у *Пйпй-снх*, по прозванию *Хъний*, в «городцах (т. е. деревнях) его» молодых упитанных быков было 300 и 500, длиннорогих быков — 1400, 1400 и 1300, коров — 500 и 300, козлов — 32400; у *Мрйй* было 1200 голов мелкого скота (изображены козлы) и 20000 ослов (для быков число не указано; Ath:XII). Впрочем, эти числа

выглядят довольно умеренными по сравнению с теми, которые князь *Пйй-снх* Средний указывает в своей гробнице для подведомственного ему скота управляемых областей: 760 000, 7000, 700, 77 голов крупного рогатого скота (RTM IV:XVI).

В вельможеском скотоводстве четко различимы две сгороны: содержание скота в хлевах и выпас на подножном корму в Низовье. «Хлева» (*мджвт*) находились в «городцах» (т. е. селениях); в гробнице царевича *К'-н-н(й)-свт* над приводимыми быками так и значится: «Упитанный бык хлева, приветственный дар городцов» (ARhHKKAW XIV:IV). В хлевах содержалось основное скотоводческое богатство вельможи — крупный рогатый скот: «молодой упитанный бык, (лучший), что (есть) в хлеву» (MKhCI:XXXIV, XXXVII дважды; G VIII:85); «молодой упитанный бык, пред(почтительнейшее) хлевов» (над двумя быками, MAE:245); «упитанный бык хлева» (G I:221; ARhHKKAW XIV:IV); «упитанный бык хлева безрогий» (DAeAe II:XXII *a* = AIKMB:90). Но наряду с хлевами крупного рогатого скота существовали и хлева для других животных: «хлева упитанн(ых) бык(ов), хлева мелкого скота (определи-тель — газели или козы) нагорья» (MG I:XIV—XVI = GAR: LXXIX + LXXXVII); «откорм молодой (антилопы) *м'*, (лучшей), что в хлеву», «откорм (антилопы) *нджв*, (лучшей), что в хлеву», «откорм, (антилопа) — — —, (лучшая), что в хлеву» (DAeAe II:CII *b*) (на том же гробничном изображении представлен и откорм газелей). Заведовал хлевом распорядитель (*ймй-р' мджт*). Мы видим этих распорядителей то ведущими быка (MAE:350) или «молодую (антилопу) *м'-хэдж*» (G III:73 = III), то надзирающими за доением коров (GAR: LXXXV, MAE:290), то наблюдающими за тем, как принимают теленка (GAR:LXXXV + 178).

Хлева составляли собственность вельможи: «хлева дома, что от плоти» (M:IХ, XXIV); ср. «распорядитель хлева, что от [дома плоти его?]» (DAeAe II:CII *a*).

Другая сторона скотоводческой деятельности — выпас скота на подножном корму, главным образом на тучных пастбищах влажного Низовья. Конечно, скот мог содержаться в хлевах и в Низовье (см. § 15—16), так как «дворы» и «городцы» (т. е. селения) имелись и там, но низовой особенностью был именно выпас под открытым небом: «выход из низовой топи» (относится к пастухам с коровами, MAE:210); «коровы эти, вышедшие из низовой топи» (над волопасами, переходящими вброд воду со своим стадом, GT:СХII); «[см]отрение на работу полевую всякую добрую, сотворяемую в низовой топи» (перед вельможей, смотрящим на работы, в том числе скотоводческие, MPAS II:XIII); «— — — низовая топь — — —» (над быками, бредущими в воде, GAe:CXCIV); «— — — низов[ая т]опь» (на скотоводческом изображении, MPAS II:XVII); изображение волопасов с их стадом в явно низовых условиях (RTM V:XXX; MAE:243—244) и быков, идущих в воде в болотных (папирус-

ных) зарослях (G IV: между 28 и 29). Ср. также: «доставка приветственного дара пастухами, что в поле», «пригон крупного рогатого скота дома собственного, чтоб видеть (вельможе) счет (с) пастух(ами) при отдаче (приплода?) (со скота)» (DAeAe II:XXXI a), однако пастбища имелись и в Верхнем Египте по берегам реки.

«Пастухи» (*мйв*) у вельможи были «пастухами его» (RTShS:XIII), «пастухами дома, что от плоти его» (D:XVIII). Непосредственным начальником их был «предводитель (*xpn*) пастухов» (MAE:243; TP:XXXI; RTS:XXVIII; GAe:CXCIV); в одном случае упомянут «старшина (*смсв*) — — —» (MPAS II:XVII). Хотя с пастухами можно «счестся» по части «отдачи» со скота (DAeAe II:XXXI a) и они предъявляли вельможе свои «поставки» (*йнв*) наряду с «властелями» (*хэкэ'в*) селений, птицеловами (?) и рыбаками (DAeAe II:XLII a), все же по-настоящему ответственным за приплод от стада был главный скотовод — «распорядитель соединения» (*ймй-р' чзт*).

Областной князь *Мрий* Большой смотрит на «отдачу» (*йрв*) со скота «из имущества его собственного по правде». Впереди предъявляемых быков, козлов и ослов идет «распорядитель соединения *Шм'й*», очевидно рачительный скотовод, потому что о козлах сообщается: «отдача добрая с мелкого скота», а об ослах: «отдача добрая с ослов» с восторженным в придачу возгласом: «Как много этого!» (Ath:IX). «Распорядители соединений» подводят своих быков и козлов к вельможе, смиренно склонившись, а одного так пристав собственноручно наклоняет поглубже: «Склонись гораздо!» (RTM V:XLI). У коленопреклоненного «распорядителя соединения» спрашивают: «Скажи (мн)е (постоянно) даваемое тобою!», и горе тому, кто не может представить положенного — его бьют, приговаривая: «Порицаемый] владыкой своим, (предмет) неприязн(и) для госпожи своей, ненавидимый обоими домами (т. е. верхнеегипетским и нижнеегипетским хозяйствами) владыки своего» (RTDG I:VIII). «Распорядителей соединений» в одном хозяйстве могло быть много: у *Пйпй-снх Хэний* изображено их четверо (RTM V:XLI), а у *Йбйй* — так целых восемь (RTDG I:VIII); недаром у последнего запись ведут трое писцов (RTDG I:VIII), а у первого — в другом случае — четверо, в том числе сам управляющий хозяйством — «[распоря]дитель дома» и «(тот), кто при книге» (т. е. архивариус, RTM V:XXXII).

Слово *йрв*, которое было передано мною как «отдача», согласно словарю означает «то, что должно быть сотворено»¹. У «распорядителя соединения», как мы видели, спрашивают, что он (постоянно) дает. Ну а если он превысил положенное, кому поступал излишек? Вельможе или, хотя бы частично, скотоводу? К несчастью, памятники об этом молчат.

Птицеловство и птицеводство были связаны одно с другим

¹ Erman A., *Grapow H. Wörterbuch*, Bd. 1, c. 113—114.

самым тесным образом, потому что птичники вельмож пополнялись в основном птицею, которую ловили в болотистых зарослях. Но и рыболовство в какой-то степени объединялось с птицеловством, поскольку наивыгоднейшим местом для ловли и в том и в другом случае была низовая топь. Существовали особые обозначения для рыболовов и птицеловов: «ловец рыб» (*vxṣc pme*, DAeAe II:XLII a; ср. DAR:XXVII; DARMK:XIV; ASAE LIII:XIII a) и «ловец птиц» (*vxṣc 'ndv*, SM:XI; ср. ASAE LIII:XV a) и соответственно «распорядитель ловцов птиц» (DAeAe:VI; RTS:XXXV=XXXIV; звание «распорядитель ловцов рыб» мне не попадалось). Однако обычным обозначением для рыболовов и птицеловов было просто «ловец» (*vxṣc*, для рыболовов в звании их начальников «распорядитель ловц(ов)», FD:XXIII; RTShS:XII; RTM IV:VIII; RTM V:XXX; для птицеловов MM:XLI=GAR:XCVI; MAE:210+HAA:35; RTS:XXXVII++XXXIX (в последних двух случаях в возгласах) и в звании «распорядитель ловц(ов)»; RTShS: XII; MG I:VIII; G XI:234).

Рыбаки и рыболовы были «собственными» людьми вельможи: «удильщик (*snḥṣv*) дома собственного» (MG I:IV), «ловц(ы) птиц дома собственного» (SM:XI), «— — — птицы, доставленные ему ловцами дома собственного его» (MM:XLI=GAR:XCVI). Очевидно, они составляли рабочие дружины, работали под начальством своих распорядителей, и притом, особенно рыболовы, по многу человек вместе: рыболовы — DAeAe II:IX b; FD:XXIII; GT:CX—CXI=TT:IX, LXXVII, CXI, CXXIII; GAR:XXVII; RTM IV:VIII; RTM V:XIII, XXX; G VI; между 72 и 73; G XI:168; птицеловы — DAeAe:VI; RTShS:XII; MG I:VIII; RTS:XXXV=XXXIV. Всего больше работников у рыболовов, когда тянут большой невод: в одном случае изображено до 19 человек, не считая распорядителя, но обыкновенно изображено меньше. Ловили рыбу большими и малыми сетями, «мордами», сачками; ужение (MG I:IV) сколько-нибудь значительного производственного значения не имело. Птицу ловили в захлопывавшиеся сети, такие большие, что затягивало их несколько мужчин.

Рыба совершенно отсутствует в перечнях яств, какие вельможи желали вкушать на том свете, хотя такие списки сохранились в огромном количестве, нет ее и на изображениях загробной трапезы вельможи. Зато народ ел рыбу с удовольствием (см. § 24). Птица, напротив, появлялась на вельможеском столе, и притом разнообразная. Подобно тому как Старое царство держало в хлевах степных парнокопытных, оно и в птичниках содержало разные виды птиц, в основном болотных. В перечнях яств, желательных на том свете вельможе, значатся не только гуси и утки, но также журавли и голуби. Основным поставщиком водяной птицы была низовая топь, но ловили и содержали их и в Верхнем Египте: «Смотр приветственного дара — птиц, доставок дворов (и) дворов двойника Земли низовой (и) Верховья дома собственного» (TP:XXI). И тут же

приведены числа для поступившей птицы, числа, конечно, произвольно большие, но соотношения их могут как-то отражать действительность: одних гусей 121 200, других — опять-таки — 121 200, но третьих — только 11 110, лебедей и того меньше — 1225, зато уток одних, шилохвосток, по-видимому, 100 002 (TP:XXI+MPAS I:42+39), число других уток — 121 022, голубей — 111 200, если только число не относится к птенцам; впереди всех изображены журавли, но число их не указано. Держали их по меньшей мере три вида (DAeAe II:L, каждого вида по тысяче!). Различали несколько пород гусей и несколько пород уток (G IV:VII+G VI:y 64).

В смысле питания скотоводы в низовой топи были в значительной мере предоставлены самим себе. Мука, разные виды хлеба, пиво должны были доставляться сюда извне, но печь лепешки, ловить болотную птицу и рыб, обзаводиться говядиной можно было на месте. Сходное положение дел, но с видимым перевесом в сторону самообслуживания наблюдается в отношении одежды. Если полотняные опоясания ткасть среди топей было затруднительно, то одежду из волокон болотных растений здесь можно было плести без малейших трудностей. Отличительный признак пастухов, попавший даже в знак письма, изображавший такового, скатка, похожая на современную (солдатскую), представляла из себя плетеный плащ или цинковку, скатанную и свернутую в виде петли. Ее концы перевязывали, в нее саму просовывали голову (GT:CXII); высухая, растительные волокна в скатке приобретали желтый цвет (G IV:XIII). О назначении скатки служить покровом говорит знак письма, ее изображающий и обозначающий слова з' «защита». В гробнице верховного сановника *Снджм-йб* изображены как готовая скатка, так и обработка ее поверхности (*вх' кэнь*) и приготовление волокон (*сшн джт кэньв* «приготовление папирус(ных волокон для) скаток»; DAeAe II:LXXII). Сходное изображение имелось и в гробнице *Хэпн-хэр'-хт(й)* (DAR:XIV).

Широко была распространена среди скотоводов набедренная одежда, опоясание, плетенное из волокон болотных растений. Отличительная особенность ее — скошенный спереди выступ. Такую одежду мы часто видим на скотоводах. Высухая, волокна и тем самым одежда делались желтыми (G IV:IV, XII; GKS II:LV).

Сравнительно часто в гробницах встречаются изображения, касающиеся питания скотоводов.

В гробнице *Снджм-йб* над чисто скотоводческими изображениями помещаются два пояса таких, которые посвящены, если так можно выразиться, неслужебному быту скотоводов. В нижнем из этих двух поясов четверо мужчин занимаются изготовлением из папируса своих плащей. Так как мужчины сидят на земле, над ними оставалось пустое пространство, которое и было заполнено длинным рядом предметов, треть кото-

рых, к сожалению, ныне разрушена. Среди уцелевших все, что поддается определению, продовольственного порядка: сосуд с неизвестным содержимым и хлебы. В верхнем поясе слева на особом, обычном на пастбищах и в болотах сидище восседает мужчина, который, судя по надписи вверху, пастух. Изображение повреждено, и, если бы воспроизведение столетней давности было бы надежно, можно было бы подумать, что другой муж, стоящий перед сидящим, зачем-то схватил его за руку. Однако вероятнее, что издание ошибочно и стоящий мужчина служит сидящему, поднося ему то или иное угощение, как то обычно бывает на такого рода изображениях (см. ниже). Приготовление угощения представлено в правой части пояса, где трое мужчин жарят птицу и пекут лепешки. Надпись, относящаяся к последнему занятию, издана очень неудовлетворительно, но была, наверно, обычною в таких случаях: «Битье (хлебов) *х'джв*» (см. ниже). Так как повар и пекари сидят на земле, над ними опять оставалось незанятое пространство, которое заполнено было изображениями еды и напитков. Из-за разрушений не видно, что лежало в широкой корзине на ножке и в ее глубокой соседке; три стоячих предмета похожи на пивные сосуды на подставках, а вещи, лежащие между корзинами и сосудами, скорее всего овощи. Если то, что готовили трое мужчин в том виде, как оно показано на изображении, могло быть съедено сидящим в левой половине скотоводом, бывшим, надо думать, не простым пастухом (ср. изображения, обсуждаемые ниже), то съесть и осушить все то, что изображено над изготовителями пищи, было зараз невозможно. Если это продовольствие предназначалось для старшего скотовода, оно было явно заготовлено впредь. Позволительно, однако, усомниться, что все в этом поясе сводилось к кормлению начальника. Не слишком ли велико для этого число обслуживающих: угощающий прислужник, повар и два пекаря? Не проще ли предположить, что по меньшей мере пекари пекли лепешки не на одного начальника, а для всей своей скотоводческой братии и старший пастух только в первую очередь обслуживался их печением? Множество продовольствия, изображенного в нижнем поясе над изготовителями плащей, вне всякой связи с угощающимся скотоводом может только служить подтверждением такому предположению. В безымянной гробнице DAeAe II:XCVI над скотоводческими изображениями представлены два пекаря, такие же небритые, как и кое-кто из изображенных под ними скотоводов. Один пекарь достает тесто из горшка, другой печет в золе лепешки. Над пекарями поврежденное изображение: груда разных предметов, в том числе полотняных (потому что белых) кошелей,— надо думать, с продовольствием. Хотя в поясе над пекарями изображен старший пастух, надзирающий за скотом, печение лепешек и груда продовольствия вверху с этим начальством никак не связаны, и нет потому никакого повода считать, что лепешки и содержимое

кошелей предназначались для одного старшего скотовода. Надпись над пекарем, достающим из горшка тесто: «Битье (теста для хлебов) *х'джв*» — перекликается с соответствующей надписью у *Сндж-йб*. Таким образом, предложенное выше понимание изображения в его гробнице находит, думается, подкрепление в изображениях безымянной.

Еще определеннее в пользу изложенного толкования говорит изображение в гробнице *К'-м-снх* (G IV:XIII). Внизу написаны свернутый петлею тростниковый плащ и два глиняных сосуда, из которых тот, что покороче, засунут в суму. Посередине представлен старый пастух, лысый и небритый, который, сидя на земле, месит тесто в большой глиняной чашке; около глиняный сосуд с небольшим горлышком. Вверху изображения молодой мужчина лепит круглый хлеб и восемь таких же готовых хлебов лежат перед ним, — быть может, уже в горячей золе. Начальствующего пастуха нет ни на самом изображении, ни по соседству, так что нет ни малейшего основания думать, что хлебы пеклись для него одного.

Другим подтверждением предложенному толкованию может как будто бы служить обломок гробничной стены, изданный GAR:LVII A. Слева на своем особом седалище сидит «распорядитель соединений» (*ймй-р' чз(в)т*), судя по званию и по родству изображения с явно скотоводческими, начальник над соединениями пастухов. Перед ним двое пекарей: один достает тесто из горшка, другой лепит в руках хлебец. Надпись над ними: «Битье (теста для хлеба) *х'джв*» — имеет в виду, возможно, только деятельность первого. Далее, направо, третий пекарь печет в золе хлебцы. Надпись вверху: «[Печенье?] (хлеба) *х'джв*». Если лепешки предназначались для одного начальника, то зачем для этого понадобилось трое подчиненных? Надписи не говорят, что печенье предназначалось для «распорядителя соединений»: они представляют собою обычные приписки к производственным изображениям. Более того, сам «распорядитель соединений» пока что еще вовсе не собирается отведавать произведений своих подначальных: он просто надзирает за их работою и не выпускает из рук ни знака своей власти — длинного жезла, ни странного на первый взгляд предмета, оказывающегося при сравнении с вооружением «управителя рыболовов» в гробнице *Вр-йр-ий* (RTShS:XII) веревочным бичом (об этом биче и его применении см. в G VI:68). Таким образом, все указывает на то, что изображено производство общего, а не узколичного назначения и протекает оно, как обычно, под строгим надзором начальствующего.

Несколько неопределенно изображение в гробнице *Чйй* (GT:CXV), помещенное налево от старшего пастуха, наблюдающего за доением коровы, и непосредственно над поением теленка и прикармливанием быка. Поскольку оба последних изображения не заполняли собою пояса доверху, вверху оставалось пустое пространство, которое и было заполнено нашим

изображением. Что изображенные предметы принадлежали скотоводам — несомненно ввиду скотоводческого окружения, но, точно для того чтобы у зрителя не осталось и тени сомнения, художник изобразил рядом с ними теленка. Последний непосредственно примыкает к спине надзирающего за доением начальника и отделяет его собою от скатанной наподобие кресла циновки, на которую положены скатанный петлею и перевязанный тростниковый плащ и длинный прямоугольный мешок. Так как на такого рода «креслах» часто сидят старшины скотоводов и рыбаков, можно предположить, что названные три вещи принадлежат стоящему рядом неподалеку от них старшине, но такое предположение отнюдь не обязательно, так как на подобных «креслах» не менее часто восседают в болотах и рядовые работники, не облеченные никакой видимой властью. Левее «кресла» стоит продовольствие: большой сосуд с высоким горлышком и такой же маленький, несколько чаш с какою-то едою и два стола: один — с двумя оципаннми птицами, другой — с двумя островерхими и одним продолговатым хлебами. В силу изложенных соображений можно предположить, что и все продовольствие предназначалось для старшины, но только это никак не обязательно. Напротив, заслуживает внимания, что так же как мы наблюдали под навесами с довольствием, последнее и здесь размещено частично по вещественному родству предметов: вся птица на одном столе, все хлеба на другом. В этой связи можно указать на то, что непосредственно ниже, в следующем поясе, над работниками, трудящимися над обработкою папируса, точнее, над изображенным вверху двух других, помещены два сосуда с горлышками и между ними глубокая сума. То и другое навряд ли могли иметь какое-нибудь производственное назначение и, наверно, содержали еду и питье. Совершенно неправдоподобно также, чтобы они принадлежали старшине, стоящему спиной к работникам и всецело поглощенному переправкою вброд его стада. Однако соседство со скотоводческим изображением указывает на то, что работники, занятые обработкой папируса, сами скотоводы и готовят обычные у пастухов тростниковые плащи.

От припасов, рассчитанных на всех пастухов, кормились, конечно, и их непосредственные начальники, и притом в первую очередь и, надо думать, особенно обильно. Потому неудивительно, что некоторые изображения посвящены исключительно их кормлению. В гробнице *'хт-хътп* (MPAS II:XVII) около и выше явно скотоводческих изображений представлен целый пир в одиночку. Посередине богато убранный стол — налицо даже благоуханные лотосы, — ломящийся от кушаний. Не все из них уцелели, но и уцелевших достаточно, чтобы судить об изысканности угощения: хлеб, виноград, кошель со смоквами, посуда с какими-то яствами... Пирующий сидит направо от стола на сложенной в виде кресла циновке. Это-

«старшина», хотя неизвестно чего, так как надпись дальше разрушена. Старшина проголодался, во всяком случае, поднося одною рукою ко рту кочан зелени (салата латука), он другою тащит к себе со стола жареного гуся или утку. Налево от стола нагой пастушок держит наготове высокий сосуд с каким-то напитком. Несколько скромнее угощение в гробнице *Хэп-хэр-хт(й)* (DAR:XIV). Над двумя поясами скотоводческих изображений в углу третьего пояса показано кормление начальника, и, хотя рядом и в следующем поясе изображения, касающиеся рыболовства, сходство данного кормления с описанными выше с тем, что будет описано вслед за ним, настолько велико, что в принадлежности этого начальства к скотоводам, а не к рыболовам вряд ли стоит сомневаться. На этот раз старшина сидит прямо на земле, но зато под легким навесом, подпертым тоненькими столбами. К потолку подвешены взрезанная рыба, ощипанная утка, живая еще птица и какой-то непонятный предмет. На полу стоит глубокая корзина с сосуда-ми с пивом — явственно различима глиняная шапка на одном из них, — хлебом, чашей с каким-то кушаньем и кочаном зелени (салата латука). Поверх всей снеди лежит скатанный петлею и перевязанный тростниковый плащ. Перед начальником опять стоит нагой пастушок, только на этот раз он подносит свой высокий сосуд непосредственно к устам старшины. Что за напиток был в сосуде — неизвестно, но, очевидно, такой, который мирился с чесноком или луком, пучок которого угощающийся, по-видимому, держит в руке. Еще скромнее выглядит кормление в гробнице *Схм-снх-птхэ* (GAR:LXXXV), хотя и здесь дело происходит под таким же легким навесом на столбиках и начальник, не выпуская из рук своего посоха, восседает на скатанной в виде кресла циновке. К потолку навеса и здесь подвешены две взрезанные рыбы, кусок мяса, живая птица и какой-то полуразрушенный предмет, зато на полу стоит только большой сосуд с маленьким закупоренным горлышком. Нагой пастушок, стоящий перед начальником, на этот раз подносит к его устам широкую чашу, надо полагать, с молоком, так как тут же перед навесом под наблюдением «начальника хлева» доят корову. Что угощающийся — старшина — тоже скотовод, в том не может быть никакого сомнения: рога и нос коровы прямо заходят на навес, а над данным — нижним — поясом, заполненным доением и угощением, несколько поясов сплошь скотоводческих изображений.

Можно спросить себя, являются ли навесы с продовольствием, в которых трапезуют старшины у *Хэп-хэр-хт(й)* и *Схм-снх-птхэ*, их личными пристанищами на пастбищах или своего рода общими столовыми, в которых они только в данный час угощаются. Скромные размеры навесов могли бы говорить в пользу первого решения, однако размеры эти могли быть только изобразительной условностью, как то на каждом шагу имело место в староегипетском искусстве: изображать на-

вес во всю его длину и ширину, когда имелось в виду изобразить только одного обедающего, было не только не обязательно, но под углом зрения тогдашнего художества, пожалуй, даже неуместно. С другой стороны, эти навесы живо напоминают изображенные в гробницах *Схм-снх-птх* и *Чйй*: у первого — на поле с припасами для земледельцев, у второго — в болотах с самими птицеловами и их имуществом. Те же тонкие столбики, вбитые прямо в почву и снабженные сверху распорами, в которых лежат потолочные жерди. Как там, так и здесь стоят на земле и свешиваются с потолка всевозможные припасы. Даже «кресла», скатанные из циновок, одинаково налицо как в «хижинах» скотоводческих старшин, так и в пристанищах птицеловов (двое из них сидят на таких «креслах»). Таким образом, не так уж невозможно, что в тех и других случаях представлены соору́жения одинакового назначения, навесы для работников и их старшин, снабженные необходимым продовольствием, которым, в первую очередь конечно, располагают начальствующие лица. В пользу такого допущения говорит также способ подачи продовольствия на изображении старшины у *Хътп-хър-’хт(й)*. Здесь угощающий старшина отделен от корзины с припасами поящим его пастушком, и сама эта корзина с большими закупоренными пивными сосудами, заваленными поверху хлебами и другой снедью, настолько напоминает такие же корзины под навесом и под открытым небом на поле у *Схм-снх-птх* и у ног закусьивающего жнеца у самого *Хътп-хър-’хт(й)*, что невольно приходит на ум мысль: *мы повсюду имеем дело с продовольствием одинаковой укладки и одинакового назначения — для людей, занятых в хозяйстве вельможи.*

Заслуживает внимания, что такую же укладку такого же продовольствия в совершенно таких же корзинах можно наблюдать постоянно там, где показаны представительницы или представители селений, доставляющие свои поставки хозяину (указания на издания см. в разделе о поселениях). Нет потому ничего невозможного в том, что корзины с продовольствием и вообще довольствие, которое мы видим вынесенным на поля, луга, в болота, в зависимости от места работы селян, выделялось им сообща управлениями селений или сельских рабочих дружин и этим довольствием на месте работы пользовались как работники, так и их старшины.

Некоторое затруднение представляют в этом отношении скотоводы. Большинство из описанных изображений, касающихся питания пастухов и их старшин, имеют местом действия Низовье. У *Схм-снх-птх* скотоводческие изображения примыкают непосредственно к изображению больших папирусных зарослей (GAR:LXXXV), у *Снджм-йб* плащи изготавливаются пастухами из папируса, равно как и *Чйй*, причем у последнего приписка к изображению вельможи объявляла его смотрящим на «работы всякие Низовья». У *Хътп-хър-’хт(й)* кормление

старшины находится в окружении, также указывающем на болотистое Низовье: выше изображен лов рыбы, рядом — ее потрошение и изготовление тростниковых плащей. Изображения у *К'-м-снх* и в безымянной гробнице не содержат никаких указаний на место действия, и только на куске гробничной стены кормление «распорядителя соединений» соседит с молотьбой, указывающей, быть может, хотя отнюдь не обязательно, на Верховье. Как показано в соответствующем разделе, скот уже в Старом царстве перегонялся на подножный корм в топкие равнины Низовья, а оттуда обратно в расположенные южнее хлева. Если пастухи принадлежали к населению поселков, прилегавших к этим хлевам, им надо было забирать при переселениях на значительное время на низовые пастбища большое количество продовольствия из мест своего жительства или же получать его на севере из тамошних владений хозяина. Второй способ снабжения, пожалуй, правдоподобнее, так как нигде, насколько я знаю, нет указаний, чтобы сколько-нибудь значительные перевозочные средства использовались пастухами при их переселениях.

Изображения кормления рабочих дружин и их начальников в гробнице *К'-гм.н.(й)* и выдачи продовольствия ткачихам и их руководству в гробнице *Птхъ-хътп* свидетельствуют со всей возможной для таких источников определенностью о получении работниками и их руководителями довольствия из вельможеского хозяйства. Прочие изображения, описанные в ходе предшествующего повествования, не могут, конечно, равняться с теми двумя по определенности показаний, но и среди них есть относительно яркие, как еда работников на поле у *Хътп-хър-'хт(й)* или навес с продовольствием на поле же у *Схм-снх-птхъ*. Даже простые кучки продовольствия, которые на первый взгляд могут показаться только художественным средством заполнения пустот над низкими изображениями, при вдумчивом подходе и в общей связи становятся ценными свидетельствами. Можно ли их, в самом деле, оторвать от изображений, где они, так сказать, показаны в действии, где мы, как у *Хътп-хър-'хт(й)*, видим воочию, как таким продовольствием пользуются работники, или, как на изображениях кормления старшин, оно непосредственно включено в состав обеденной обстановки? Как можно обособить горку продовольствия на пашне у *Схм-снх-птхъ* от навеса с едой и питьем на том же изображении, явно выходящем ввиду наличия постройки за пределы ничего не значащего заполнителя пустоты? В своей совокупности и второстепенные источники, дополняя и подкрепляя друг друга, говорят достаточно красноречиво о продовольственном снабжении людей, занятых в вельможеском хозяйстве, непосредственных производителей и их производственного начальства, и тем самым вторят большим изображениям в гробницах *К'-гм.н.(й)* и *Птхъ-хътп*. Такое единодушие показаний само по себе доказательно.

«ЗАПОВЕДНИКИ» (§ 26)

Староегипетские надписи не раз упоминают хозяйственное учреждение *шн^{св}*, или «дом *шн^{св}*». Распространено мнение, что то было не только складочное помещение, но и что-то в роде римского *ergastulum* — места, где содержались и работали рабы, особенно занятые в земледелии. Если бы это было так, то изучить «дом *шн^{св}*» стало бы первоочередною задачей всякого, кто хотел бы понять староегипетское производство. Только на деле это заведение нечто иное, чем *ergastulum*.

Мнение о нем как о таковом возникло под впечатлением от обельных грамот V и VI царских домов, но грамоты — мутный источник, и потому для начала лучше почерпнуть сведения из надписанных изображений.

Четыре раза в гробницах сановников V и VI царских домов изображено хозяйственное заведение, которое по сопроводительным припискам, бесспорно, то, которое нас занимает. Подробнее всего оно показано у *Чйй* (GT:LXXXV—LXXXVI= =GAR:LXX=TT:LXVI=LXVII+LXVIII+LXX+LXXI, с неточностями). Уже внешне изображение представляет собой замкнутое целое. Оно занимает целиком узкую стенку в одном из гробничных помещений и ограничено по верху и по бокам узорным ободком. Внутри оно разбито на семь равновеликих ярусов. В первом снизу изображена приемка изделий заведения, именно хлеба, «управую дома собственного», во втором — печение колоколообразных хлебцев, в третьем — растирание зерна и просеивание муки через сито, в четвертом — то же и толчение зерна в громадной ступе, в пятом — приготовление и печение продолговатых хлебов, в шестом — пивоварение, вымазывание сосудов глиною, разливка по ним пива и закупорка, в седьмом — гончарное производство. Старое царство варило пиво из печеных ячменных хлебцев, какие показаны во втором ярусе. Отсюда — неразрывная связь пивоварения с хлебопечением. Изделия гончаров в верхнем ярусе — почти сплошь пивные сосуды, предназначенные для пива, которое варят рядом. Все эти производства не только изобразительно, но и по сути дела взаимосвязаны, представляют одно производственное целое — хлебо-пивное — с привходящим гончарным. Название этого производственного целого трижды указано в приписках. Внизу

отчитывается перед управою, полулежа на земле, введенный приставом с палкою «распорядитель *шн^св*», посредине изображения за работами наблюдает, опершись на посох, «распорядитель дома *шн^св*», а вверху, среди пивоваров, стоит с ведомостью под мышкой «писец дома *шн^св*».

Второе по обстоятельности изображение *шн^св* находится в гробнице *И-н-нфрт* (AeGGASK:IV—VI=26—31). Большинство изображенных производственных действий находит себе прямое соответствие у *Чйй*: толчение зерна в большой ступе, растирание его, просеивание, печение островерхих хлебцев, пивоварение, вымазывание сосудов, закупорка, приготовление и печение округлых хлебов. Гончаров нет, но зато показаны очистка фиников и приготовление из них напитка (?) и — что особенно существенно — жарение птицы, варка мяса и тут же навес со снедью, преимущественно мясом и птицею, но также хлебами, сосудами и огурцом (?). Хотя в полуразрушенной приписке к пивовару упомянуты рядом «дом *шн^св*» и «бел* дома пива (?)» (AeGGASK:VI=27, где за *хъджт*, видимо, неточно прочтен знак хлеба вместо знака сосуда), однако должностное лицо в выступающем вперед переднике и с палкою (?) в руке, представленное с краю всего изображения надзирающим за работою, не кто иной, как «распорядитель *шн^св*» (AeGGASK:VI=26).

Опущенная у *И-н-нфрт* приемка изделий подробно показана на третьем изображении, помещающемся в гробнице *снх-м-с-хър* (RTS:XXV=GAR:LXXII). Здесь, как у *Чйй*, писцы ведут запись и сдаваемый хлеб принимают с помощью особого прибора, только кроме разных хлебов, округлых и больших острокопечных, тут принимают еще жидкости, из которых одну льют из большого широкого, другую из маленького узкого сосуда. Уцелела лишь часть изображения, но тем не менее с правого края его можно как будто распознать; надпись: «[Распоряди]тель *шн^св* дома собственного». Первое слово несколько сомнительно, потому что обнаженный мужчина позади корзины с хлебами, над которым непосредственно помещена надпись, не очень похож на начальственное лицо, а к одному мужчине впереди корзины надпись навряд ли может относиться. Слово *шн^св* читается в RTS:XXV довольно отчетливо. Слова «дома собственного» не подлежат сомнению.

От четвертого изображения изданы надписи, но собственно изображение, насколько знаю, лишь описано, и притом вкратце, AVAeAG:57. Судя по всему, оно близко напоминает предшествующее, так как и тут сидят «писц(ы) житницы», а перед ними трое подотчетных лиц опускают свои изделия «в большие чаши», очевидно, те же поверочные приборы, что и изображенные в других гробницах. Приписки к подотчетным лицам содержат каждая титло «распорядитель *шн^св*» и название из-

* В рукописи пропуск в три буквы.

делия «(островерхий) хлеб (хъч)», «пиво», «(округлый) хлеб (пзн)», причем каждый раз название написано под титлом. Не представляя себе ясно соотношения надписей и изображений, трудно решить, правильно ли присоединять название изделия к титлу в виде уточняющего определения: «распорядитель шн^{св} (островершого) хлеба», «распорядитель шн^{св} пива», «распорядитель шн^{св} (округлого) хлеба» — так поступает описание, — или же лучше не объединять титло с названием, относя «(островерхий) хлеб», «пиво», «(округлый) хлеб» к тут же изображенным предъявляемым изделиям. Ввиду отмеченного самостоятельного положения названий трех припасов под титлами второе решение, пожалуй, предпочтительнее, но нуждается в проверке по изображению. Как и в гробнице *снх-м-с-хър*, на данном обломке сохранилось только изображение приемки изделий, но очень возможно, что продолжение его, кусок того же развернутого изображения шн^{св}, имеется на другом, известняковом же обломке, поступившем в Берлинский музей в том же, 1898 г. от одного и того же лица — Райнхардта — и получившем соседний с тем обломком номер (№ 14106 и 14107). Описание считает происхождение обоих обломков из одной гробницы вероятным. Изображено на втором обломке толчение зерна или чего-то сходного в большой ступе тремя людьми. Таковую ступу с двумя или тремя толкущими мы дважды встречаем на изображениях изучаемого нами заведения.

Помимо этих четырех случаев, где тождество изображенного заведения с шн^{св} или «домом шн^{св}» удостоверено приписками, в староегипетских гробницах имеется еще несколько изображений, настолько совпадающих по содержанию с описанными, что в тождестве изображенного на них заведения с шн^{св} невозможно сомневаться.

Изображение в гробнице *Иххй* (GAR:LXXI=MKhCI:IX) поделено на пять поясов. В нижнем в присутствии ведущего запись писца (приписанная ему речь почти дословно совпадает с речью писца у *снх-м-с-хър*) принимаются с помощью тех же поверочных приборов, что у *Чйй* и *снх-м-с-хър*, пиво, округлый и остроконечный хлеб. Во втором поясе снизу наливается в посуду пиво — и в присутствии писца, — судя по одной из приписок, деревянное масло. В последнем случае жидкость льется из узкого маленького сосуда, тогда как в нижнем поясе проверяемое пиво льется из крупного широкого сосуда, совсем как у *снх-м-с-хър*, где содержимое широкого и узкого сосудов должно быть тоже соответственно пивом и маслом. Часть второго пояса у *Иххй* занята изображением пекарей, накаливающих изложницы для округлых хлебов, однако продолжение этого изображения помещается в пятом снизу поясе, где показаны приготовление и печение округлых хлебов. Третий пояс показывает учет зерна из житницы, четвертый — отчет «властелей дворов» перед хозяином и писцами и палочную расправу с неисправными подотчетными. Связь пекарни-пивоварни с житни-

цею, откуда им поступало зерно, самоочевидна, но и отчет властелей не был уж вовсе посторонним предметом. В руках у переднего мужчины из числа тех, что вводят властелей перед управу, видны мешочек и сосуд, из которого для большей ясности жидкость показана изливающейся. На изображении отчета должностных лиц в гробнице *Шнсс-р^с* (DAeAe II: LXII) предъявляемые образцы зерна или зерновидного плода (*пх'*, *йхйй*) находятся не только в мисках, но и в мешочках, в частности таких же узких и длинных, как у *Йххй* (приписки к мужчинам с мисками: «достав[ка] *пх'*», «доставка *йхйй*», к мужчине с миской и округлым мешком: «достав[ка] *пх'*», к мужчине с миской и узким мешочком: «доставка *пх'*, чтобы видеть кое-что»; перед предпоследним мужчиной — «распорядитель дома» без приписки, но с узким мешочком). Если и у *Йххй* управе предъявляются образцы зерна и масла, произведенного «дворами», то отчет властелей мог иметь прямое отношение к *шн^св*, потреблявшему то и другое, как показано тут же на других изображениях. К сожалению, ни одна из многочисленных приписок у *Йххй* не называет заведения по имени, но в том, что оно то же, что и изображенное у *Чйй*, *Й-н-нфрт*, невозможно усомниться. Что это заведение у *Йххй* не государственное, а вельможеское, доказывает постоянно повторяющаяся у писцов приписка: «писец дома собственного».

В еще более широкое хозяйственное окружение рассматриваемое заведение вставлено на изображении из гробницы *К'-м-рмч* (DARMK:XLVIII, 1534 A—B=233—234). Если в нижнем поясе, непосредственно под поясом с нужным нам изображением, представлены всевозможные ремесла, к пищевому производству не имеющие отношения, то в третьем поясе снизу мы находим опять учет зерна и отчет властелей перед писцами, но на этот раз уже явно в зерне, так как они изображены посередине между отмериванием зерна и житницами. То, что осталось от верхнего — четвертого снизу — пояса, посвящено самому производству зерна: видны уборка хлебов в скирды и веяние. В занимающем нас втором снизу поясе все та же совокупность хорошо нам известных хлебо-пивных изображений: вымазывание глиною и наполнение пивной посуды, закупоренные сосуды, пивоварение, толчение зерна, растирание зерна, просеивание, приготовление и печение продолговатых хлебов. Менее подробно изображение, сохранившееся в гробнице *Сшм-нфр* IV (G XI:159), но и здесь мы находим объединенными в одно целое толчение, растирание зерна, просеивание, печение островеиных хлебцев, вымазывание пивной посуды, закупоренные сосуды с пивом. Ср. далее гробницы *Н(й)-вдж'-птх^с* (ExG:109—115); *К'-м-снх* (G IV:VIII); *Пйпй* (RTM V:XLIV); *Мнйв* (RTM V:XLVIII); обломок AVAeAG:57=AIKMB:23 и — с изображениями отчета — гробницы *снх-м-с-х^ср* (RTS:XXV) и *Тп-м-снх* (GKN:123—124); ср. и ложную дверь (*Й*)*т-х'х'* (SPHe:I).

Таким образом, в составе вельможеского хозяйства имелось особое заведение, соединявшее в себе пекарню и пивоварню, с придачею — по меньшей мере иногда — подсобного гончарного производства. Печение хлеба и пивоварение были явно основным назначением этого заведения, но это не мешало ему соединять в себе еще какие-нибудь поваренные производства, например готовить мясные блюда. Эта своеобразная пищевая, преимущественно хлебо-пивная, мастерская и была *шн^{св}* или «домом *шн^{св}*». Ткацкие и иные ремесленные мастерские в составе вельможеского хозяйства — меднические, золотарные, камнедельческие, древодельческие, кожевенные — имели свои обозначения и ни разу не названы «домом *шн^{св}*». Равным образом ни одно земледельческое изображение в вельможеских гробницах не указывает на принадлежность землепашцев к «дому *шн^{св}*». Поскольку этим «домом» было заведение, производившее хлеб и пиво, все это только естественно.

А были ли таковыми храмовые «дома *шн^{св}*», упоминаемые царскими указами? Одна обельная грамота и два послания посвящены целиком «дому *шн^{св}*».

В указе царя *Нфр-к'-р^с Пйñй II* (UAR:288—293) от разных государственных повинностей освобождается принадлежащий храму Мина в Кэбто «двор» по имени «Укрепляет Мин *Нфр-к'-р^с*»; и «этот двор», и чадь (*мрт*), вместе с которою он обеляется и которую запрещается привлекать для государственных работ, не просто храмовые владения или люди, но «двор „Укрепляет Мин *Нфр-к'-р^с*“, что от *шн^{св}*» (*хэвт сврд мнв нфр-к'-р^с нт шн^{св}*), и «чадь, что от дома *шн^{св}* этого» (*мрт нт пр шн^{св} пн*). И почему нельзя отвлекать людей «двора» от исполнения их непосредственных обязанностей, что этим запретом достигается? «Не дало величество (мое) творить им работы эти сверх того, что достигает (т. е. касается?) — — — жертвы дома *шн^{св}*, [из желания, (чтобы)] жречествовали, собирали месяц (т. е. приносили месячные жертвы), сторожили [каз]ну божью во дворе (т. е. храме) Мина в Кэбто в долготу вечности». Значит, данный «двор» служил прежде всего для обеспечения храма жертвами. Заметим сочетание «жертвы дома *шн^{св}*» и сопоставим с ним повторное запрещение брать людей данного заведения для обслуживания «другой жертвы божьей» (*кйй хэти-нчр*). Все это как нельзя лучше согласуется с представлениями о *шн^{св}* как съестном производстве, полученном на основании данных вельможеского хозяйства.

Второй указ касается того же «двора», только издан после смерти *Нфр-к'-р^с Пйñй II* одним из его преемников (UAR:293—295). В этом указе как «двор» не просто «двор» храма, а «двор „Укрепляет Мин *Нфр-к'-р^с*“ дома *шн^{св}*», так и жертвующая «пашня» становится не просто храмовою землею, а «пашнею дома *шн^{св}* этого». Назначение ее указано самою надписью: «— — — пашня эта, чтобы сотворить жертву божью там для Мина в Кэбто как постоянную жертву [всякого дня],

внеочередную жертву праздников всяких — — — там». Сходное назначение имела, видимо, и пашня, выделенная кумиру покойного царя. Заметим и само обозначение дара, посвященного, согласно концу надписи, со всею обрядовой торжественностью: «Жертва, данная царем, данная им жертве божьей его (т. е. Мина)». Таким образом, и второй указ ставит «дом *шн^{св}*» в связь с жертвами, т. е. пищевыми изделиями, и повелевает «набрать чадь (*мрт*) в дом *шн^{св}* этот из чади — — —», из какой, к сожалению, неизвестно.

От третьего указа мало что осталось; по времени он принадлежит тоже исходу Старого царства (UAR:303—304).

И в этой грамоте «дом *шн^{св}*» оказывается тоже в окружении жертвоприношений, притом самых что ни на есть съестных, от которых «насыщаются» идола.

Таким образом, три указа, посвященные дому *шн^{св}*, не только поддерживают распространенное представление о нем, но и указывают, хотя и совсем не так ясно, как гробничные изображения, что он был продовольственной мастерскою. Возможно, что мнение о доме *шн^{св}* как земледельческом рабочем доме обязано своим происхождением особенно обельной грамоте царя *Нфр-йр-к'-р^с* храму в Эботе, хотя она и не посвящена в целом дому *шн^{св}*.

Эта обельная грамота имеет в виду охрану жреческого землепользования, жреческих личных земледельческих хозяйств, ведущихся на храмовой земле, выделенной за службу, с помощью работников — «чади» (*мрт*). Грамота определенно «земледельческая». Но следует ли отсюда, что и кары, налагаемые на нарушителей ее установлений, обязательно земледельческие? Разумеется, нет. «Направишь ты его (т. е. правонарушителя) в дом *шн^{св}* двора божья, (причем) помещен будет [сам] он на дело [всякое], или место пахоты ячменя — — — —» (*м^с.к св р пр шн^{св} хэвт-нчр м шср нб [р']-пв ст ск'йт* — — — — —).

Отнесение к «дому *шн^{св}*» одного «дела всякого» с противоположением «места пахоты» не «делу всякому», а «дому *шн^{св}*», бесспорно, правильно. Выражение *м...ст ск'* не может значить «в место пахоты», потому что в одной из обельных грамот VI царского дома возбраняется пахать соответствующие пашни «месту пахоты чади жены царевой, месту пахоты чади детей царевых, месту пахоты чади (царского) друга (или) сановника» (UAR:210). Иначе, *ст ск'* — устойчивое обозначение определенного хозяйственного установления, и в грамоте *Нфр-йр-к'-р^с* в действительности дом *шн^{св}* противопоставляется месту пахоты.

Противопоставление *шн^{св}* и одноименного с ним установления *шн^{св}т* земледелию — обычное явление как раз в староегипетских царских указах.

В упомянутой выше грамоте *Нфр-к'-р^с* *Пйпй* II соответствующее место написано так:

«кто будет	$\left\{ \begin{array}{l} \text{приставником (чего-то)} \\ \text{пашенного} \\ \text{(или)} \\ \text{распорядителем дома} \\ \text{шн}^{\text{св}} \end{array} \right\}$	от	$\left\{ \begin{array}{l} \text{городца этого} \\ \text{(или)} \\ \text{дома шн}^{\text{св}} \text{ этого}. \end{array} \right\}$
------------	--	----	---

«Городец», или поселок,— это тот «двор „Укрепляет Мин Нфр-к'-р^с“, что от шн^{св} этого», который расположен на «холме», как полагается египетскому селению ввиду угрозы затопления половодьем, и вместе со своею «чадью» «охранен» и «защищен» царским указом. Из упомянутого тоже распоряжения преемника Нфр-к'-р^с Пй^н II земледельческое назначение названного «двора» вытекает достаточно ясно, так как пашня, передаче которой храмовому дому шн^{св} посвящен указ, чуть ли не сама объявляется тем «двором»: «Пашни сот 3 в (области) „двух богов“ — — — управа (?) — — — — — урочная (работа) (?) умиротвор(ил) он — — — — — отрезать ее, половина сотворена пашнею, [нав]одняемую — — — сотворя(ют?) имя ее „Двор Укрепляет Мин Нфр-к'-р^с“». Также и областной князь Йбйй заявляет у себя в гробнице, что то-то и то-то имело место, «когда я (был) властителем двора дома шн^{св} пашни 203 сот, данной мне величеством владыки (моего), чтобы (хозяйственно) укрепить (меня)» (UAR:145). Поскольку, как мы видели, и «чадь» «двора», и пашня должны были обеспечивать храмовые жертвоприношения, «двор», очевидно, снабжал дом шн^{св}, к которому был приписан. Тем самым в выделенном месте из грамоты Нфр-к'-р^с Пй^н II противоположность между земледельческим производством, которое осуществляет принадлежащее дому шн^{св} селение («городец»), и самим домом шн^{св} выражена как нельзя лучше.

Менее резко противопоставление в другом указе VI царского дома, где обельные люди и предметы, выделенные для заупокойной службы по царской родне, перечислены в таком порядке (UAR:307):

«слуга божий (т. е. жрец)	домá,	
(и)	пашня ('хэт),	городцы,
слуга двойника (т. е. заупокойный жрец)	домá шн ^{св} ,	чадь».

Однако и тут дома шн^{св} обеляются как особая хозяйственная величина, стоящая рядом с пашнями, как самостоятельное заведение, имеющее свое хозяйственное задание. Обелять постройку или ночлег для сельскохозяйственных работников никто бы, конечно, не стал, а что под домом шн^{св} разумеется не совокупность работников, доказывает упоминание «чади» в конце перечня.

Наконец, дом шн^{св} упоминается еще в двух царских указах — обельных грамотах Нфр-к'-р^с Пй^н II, данных всей совокупности служащих и работников храма Мина в Кэбто. В первом указе обеляются, в частности, «дом шн^{св} (с опреде-

лителем мужчины и женщины, следовательно, работников этого заведения) (и) горшечники» и еще раз «дом *шн^{св}* (и) горшечники эти» (UAR:282).

Рядышком были названы «дом [*шн^{св}*] (и) [гор]шечники» и во втором указе (UAR:284).

Слово *кэдв*, переведенное как «горшечники», написано знаком *кэд* с сопроводительным изобразительным знаком стены и могло бы само по себе быть переведено как «строители». Первый перевод мне кажется тут уместнее, потому что не совсем понятно, зачем стародавнему и, очевидно, скромному по размерам, как и другие староегипетские городские святилища, кэбтоскому храму нужны были бы постоянные работники — «строители»? Напротив, горшечники при употреблении глиняной посуды для хранения не только жидкостей, но и других припасов были необходимы всякому большому хозяйству. Если бы действительно имелись в виду горшечники, упоминание их неизменно сразу за домом *шн^{св}* было бы как нельзя более естественным. Вспомним горшечников на изображении дома *шн^{св}* в гробнице *Чйй*, работающих преимущественно пивную посуду для своих соседей-пивоваров. То, что «дом *шн^{св}*» написан в указах с сопроводительными знаками мужчины и женщины, побуждает думать, что речь шла не столько о хозяйственном сооружении, сколько о совокупности занятых в нем работников. Во всяком случае, эти последние или их заведения выделялись из храмовой «чади» вообще (*мрт*), которая во всех трех случаях названа особо и представляла по преимуществу земледельческую рабочую силу. Тем самым даже эти глухие упоминания дома *шн^{св}* отнюдь не говорят в пользу того, что он мог быть земледельческим *ergastulum*.

Помимо надписанных хозяйственных изображений и царских указов *шн^{св}*, или дом *шн^{св}*, многократно упоминается и другими староегипетскими памятниками и во многих случаях совершенно недвусмысленно как пищевое производство.

В староегипетской летописи, на так называемом Палермском камне, под правлением царя V дома *Нфр-йр-к'-р^с* значится:

«Царь (и) государь *Нфр-йр-к'-р^с* сотворил как памятник [свой] солнц[у] — жертвенник 1 на стене властелина, постоянную жертву [дня] всякого, жертв божьих 210.

Царь и государь *Нфр-йр-к'-р^с* сотворил как памятник [свой] Хатхор — жертвенник 1 на стене властелина, постоянную жертву [дня] всякого, жертв божьих 203.

Сотворены были дома *шн^{св}* для этого, набрана была чадь для этого» (UAR:247; подчеркнутое одною чертою — общее начало для нескольких разделов, выписанное во главе их; подчеркнутое двумя чертами — выписанное единожды в данном отрывке, но относящееся к обоим сообщениям).

Дома *шн^{св}* и здесь поставлены в связь с жертвоприношениями, и эта связь особенно заметна благодаря учреждению для каждого из обоих жертвенников по своему дому *шн^{св}*. Если дом *шн^{св}* приготавливал жертвенную еду, то это было только последовательно. И заметим, что говорится только о жертвенниках, их домах *шн^{св}* и о набранных туда людях, без малейшего намека на какие-либо земли для содержания жертвенников.

В связи со снадью же назван дом *шн^{св}* в жизнеописании областного князя *Хв.ф-хър*. Когда князь возвращался с зарубежного юга, везя в дар мальчику-фараону представителя одного из тамошних карликовых племен, двор проявил особую заботу о поспешавших в столицу путешественниках.

«Доставлены были приказы властителю города нового, другу (цареву), распорядителю слуг божьих (т. е. жрецов) [всякому (?)], чтобы приказать брать довольствие из руки его во дворе всяком дома *шн^{св}*, во дворе божьем (т. е. храме) всяком, не творя охранения там (т. е. несмотря на обеление)» (UAR:131).

Чрезвычайно поучительны и титулы должностных лиц, ведавших домами *шн^{св}*. Еще в начале IV царского дома обладатель бесчисленных званий *Пхъ-р-нфр* величал себя между прочим «распорядителем дома *шн^{св}* внутренней (страны, т. е. Верховья) пивовар(ов), распорядителем дома *шн^{св}* Низовья пивовар(ов)» (ZASA LXXV:68). Лучше выразить пивоварное назначение изучаемого заведения трудно.

Придворный *Ирв* состоял «распорядителем дома *шн^{св}* завтрака царева» (G III:61=XXI 1, 63=XXIV, 66), а жрица [Хат-хор] *Хъкне* — «наставницею дома *шн^{св}* завтрака царева» (AIKMB:67). Связь дома *шн^{св}* с едою сквозит и в титуле «(тот), кто при вещи царицы, распорядитель дома *шн^{св}* жертвы божьей *Нфр-хътпв*» (AIKMB:28).

В других титулах заведование домом *шн^{св}* упоминается рядом с должностями, явно связанными с приготовлением пищи: «(тот), кто при вещи царицы, наставник пекарей завтрака царева, распорядитель дома *шн^{св}* 'х-йб» (GR:VII A), «охладитель (напитков?) дома большого (т. е. дворца или двора), распорядитель варки (или: печения, *фст*)... *джр*», и он же «любимый владыкой своим, состоящий в чести у бога большого, распорядитель дома *шн^{св}* (храма) „Место сердца солнца...“» (DARMK:23), «направитель шатра (обычное звание управляющего столовой у больших господ), распорядитель дома *шн^{св}* (такой-то)» (RIEMRCB:7).

Возможно, что кое-какие из перечисленных званий имели в виду дом *шн^{св}* не столько как место, где приготавлилась пища, сколько как место, где она находилась по приготовлении. Вспомним вереницы закупоренных пивных сосудов на изображениях дома *шн^{св}*. Предположить двойное назначение домов *шн^{св}* как мест производства и мест хранения пищи вполне

естественно. И действительно, встречаются указания на «дома *шн^{св}*» как на складочные помещения для пищи.

В гробнице верховного сановника *Мрр-в(й)-к'* имеется пять комор по числу пяти черед поминальных жрецов с надписями над входом в каждую из комор, указывавшими, которой из пяти черед данная комора служила *шн^{св}* (ММ:СХСІХ). Очевидно, череды складывали, а может быть, и подготавливали для приношения умершему в этих *шн^{св}* жертвенные припасы. Надписанные именами поминальных жреческих черед *шн^{св}* имелись и в гробнице *М''-нфр* (АІКМВ:112—117).

В гробнице верховного сановника *'хт-хътп* было обнаружено пять кладовых, из которых некоторые были в два яруса. Около входа в одну из них была найдена плита, помещавшаяся некогда над входом и содержащая надпись: «Великой череды (имя одной из пяти поименованных жреческих черед) *шн^{св}* под рукою (т. е. в ведении) судьи, старейшины палаты, наставника слуг двойника (т. е. поминальных жрецов) *Ббй* (и) надзирателя слуг двойника *Ймй*» (АSАЕ XXXVIII:514).

В домах *шн^{св}* сообразно с их хлебопекарным и пивоваренным назначением мы могли бы ожидать известные запасы готового хлеба и пива. Однако, поскольку дом *шн^{св}* имел в своем составе кладовые, ими могли пользоваться и для хранения изделий, самим заведением не производившихся. Насколько вместительны должны были быть хранилища дома *шн^{св}*, можно судить по тому, что в заведении, изображенном в гробнице *Чйй*, рассчитанном на множество работников и производившем в основном хлеб и ячменное пиво, была «житница, которая в доме *шн^{св}* с нарезком (?) потребности месячной» (ТТ: LХVI, LXX=GT:LXXXIV=GAR:LXX). Что содержимым этой житницы была не месячина для работников, а месячный запас для производства, доказывает само изображение: изымаемое из житницы зерно поступает тут же в работу (один мужчина набирает зерно из житницы в кадь, другой подсыпает его из кади молольщикам).

Итак, образительные и письменные свидетельства совершенно единодушно доказывают, что староегипетский дом *шн^{св}* был производственным заведением, приготавлившим пищу, преимущественно хлеб и пиво, а также — по меньшей мере иногда — необходимую для последнего посуду и одновременно служившим складочным помещением для изделий — как собственных, так и посторонних. Возможно, что вторая особенность и заслужила нашему учреждению его имя, так как *шн^{св}*, естественно, хочется сопоставить с глаголом *шн^с* «возбранять». Если бы слово *шн^{св}* было действительно такого корня, оно могло бы значить что-то вроде «заказанный», «заповедник», «затвор». Собственно, «заказанными» были, вероятно, склады; во всяком случае, на изображении дома *шн^{св}* у *Чйй* мы застаем в рабочем помещении ребенка (ТТ:LХVI=GT:LXXXIII—

LXXXVI=GAR:LXX), также на ложной двери (И)т-х'х' (SPhE:I).

Попытаемся теперь связно изложить, насколько позволяют нам источники, кто и как трудился в доме-заповеднике и как дом-заповедник был устроен.

Выше были приведены данные и сделаны соответственные выводы касательно земледельческих «дворов», приписанных к дому-заповеднику, очевидно, в целях снабжения его. Такие «дворы» (хэвт) дома-заповедника вряд ли чем отличались от прочих земледельческих дворов, изученных в § 15—17 этой работы. Как мы видели выше, в состав «двора» дома-заповедника входили пашни (UAR:293—295); люди, обелявшиеся в связи с устройством и обелением двора дома-заповедника, были той же «чадью» (мрт) (UAR:288—293), считавшейся «чадью» дома-заповедника (UAR:293—295), во главе двора дома-заповедника стоял, как у обычного двора, «властель двора» (хэкх' хэвт, G III:95). Возможно, что всякий рядовой властель двора дома-заповедника привлекался к такому же суровому отчету перед управою, как те властели дворов, что изображены в связи с домом-заповедником в гробнице Иххй (GAR:LXXI = MKhCI:IX), и как то бывало обычно с прочими властями (см. § 15—16). Двор дома-заповедника — особая статья, частный случай дворов вообще и здесь может занимать нас лишь в связи с домом-заповедником, как таковым.

Кто были те люди, которые трудились над приготовлением пищи, преимущественно хлеба и пива, в самом доме-заповеднике? Эти люди считались «чадью» (мрт). В царских обельных грамотах двору «Укрепляет Мин Нфр-к'-р» под «чадью» подразумеваются, возможно, одни работники сельскохозяйственного придатка к дому-заповеднику, т. е. самого двора. Однако в обельной грамоте поминальному храму двух царц-матерей времени VI дома понятие «чадь» распространено, возможно, и на работников самих заповедников (UAR:307):

«Приказало величество (мое) охранять (и) защищать

слуг божьих (т. е. жрецов)	дома,	
(и)	пашню,	городцы,
слуг двойника (т. е. поминальных жрецов)	заповедники,	чадь».

В староегипетской летописи, где говорится не о земельных владениях домов-заповедников, а только об обслуживании этими заведениями жертвенников, набранная для того «чадь» представляет собою работников самих домов-заповедников (перевод см. выше).

Тем самым к работникам дома-заповедника приложимо все, что может быть сказано о «чади». Глагол *чзй* «набирать» употреблен летописью применительно к работникам собственного дома-заповедника, так что способ получения рабочей силы путем набора применялся и для домов-заповедников.

От распорядителя дома белого (т. е. казнохранилища) *Ир.н-вр* дошло несколько изваяний его людей, в том числе двух молольщиц и одной пивоварки, представленных за теми занятиями и в тех положениях, за которыми и в которых мы привыкли видеть на стенных гробничных изображениях именно работников дома-заповедника. У всех троих вид и имена совершенно египетские, и каждая обозначена как *джт*, т. е. собственный человек, распорядителя дома белого. В § 4 показано, что *джт* не значило ни «раб», ни даже «зависимый работник», а просто свой, личный человек и что так обозначались сплошь и рядом люди, которые никак не могли быть невольниками. И четвертое изваяние, составляющее одно целое с теми тремя, изображает «собственного (человека), слугу двойника (т. е. заупокойного жреца) *К(')-м-кзд*». Молольщицы изданы — SSKPMK:86, 88—89=XXV, пивоварка — SSKPMK:91=XXVI, жрец — SSKPMK:91=XXVI. От Старого царства до нас дошли еще другие изваяния работников, занятых работами дома-заповедника, и ни об одном изваянии не скажешь с уверенностью, что изображено лицо неегипетского происхождения (см. соответственные части в ESS). На ложной двери *Идй* изображены две работницы, из которых каждая названа «молольщицей» и носит хорошее египетское имя (ZASA XXXV:123). На изображении хлебо-пивного производства в гробнице *Хзтп-хзр-'хт(й)* налицо все признаки дома-заповедника: очистка зерна, растирание, толчение в большой ступе, хлебопечение и т. д.; над работником, накаливающим изложницы для хлебов, стоит: «Разжигание хлебных изложниц подмастерьем (*хзр(й)-хзм(в)*)» (DAR:X).

Возможный намек на рабское состояние некоторых работников дома-заповедника содержится, да и то весьма неопределенно, на обломке гробницы *Нчр-нфр* (DARMK:137=XXXIV 1451). Это, наверное, кусок изображения изучаемого нами заведения. Молольщица надписана *Чнтт*, что не может не быть ее именем — сходные староегипетские имена известны во множестве. *Инт* над человеком, поддерживающим огонь под изложницами для хлебов и *Вн(.й)-н.с* перед работницей, кладущей на огонь изложницу, должны быть тоже именами. Они могли бы значить: первое — «Добытая» в смысле приобретенная, купленная или доставленная в виде дани добыча, второе — «Есмь (я) для нее», т. е. я принадлежу ей, своей хозяйке. Тогда это были бы подходящие рабские имена. Насколько, однако, даже такая тяжелая работа, как растирание зерна вручную между жерновами, не воспринималась как обязательно рабский труд, видно по тому, что одно изваяние молольщицы объявлено надписью на нем изображением хозяйской дочери: «дочь его *Нбт-м-пт*» (ESS:XVa, ср. 18). Хозяин данного погребения был небольшим человеком — кладбищенским камнесечем, но тем не менее достаточно обеспеченным для того, чтобы взять с собою на тот свет каменные изваяния,

подобия житниц и т. п. О том, были ли рабами *йсвв*, изображенные на ложной двери (*И*)*т-х'х'* (SPH:E:I), см. § 11. Име-на у мужчины, восьми женщин и ребенка египетские.

Таким образом, если в составе работников домов-заповедников и могли быть настоящие рабы, в общем и целом рабочая сила туда набиралась как обычная «чадь».

Не подлежит, конечно, сомнению, что средства производства в домах-заповедниках — как орудия труда, так и сырье — принадлежали хозяину. У нас нет прямых указаний на получение работниками содержания, но было бы удивительно, если бы производители пищи не питались от произведений своих рук. Получали ли работники кроме пищевого довольствия еще вещевое, как, скажем, отряды, занятые в каменоломнях (ASAE XXV:242—255=JEA XIII:75—78), на основании наличных сведений нельзя ни отрицать, ни утверждать, но само собой это, разумеется, очень вероятно.

Нет также прямых свидетельств о способах понуждения к работе, применявшихся в домах-заповедниках. Но если даже начальник такого заповедника представлял перед «управой личного дома» в сопровождении пристава с палкою (гробница *Чйй*, TT:LXVI—LXVII=GT:LXXXV—LXXXVI=GAR:LXX), а связанные как-то с нашим заведением вельможеские «властели дворов» в случае нерачительности подвергались той же управой беспощадному истязанию (гробница *Йххй*, GAR:LXXI=MKhCI:IX), то и внутри дома-заповедника вряд ли господствовали иные порядки.

Только что упомянутое изображение отчета властелей занимает вместе с изображением счета зерна у житниц два пояса посреди посвященных хлебопечению и пивоварению, и, как уже было сказано выше, властели представляли перед управой, по всей видимости, с образцами своих произведений — зерном (?) в мешочке и маслом (?) в сосудике. Надо полагать, что от поставок этих властелей и наполнялись изображенные ниже житницы, а от них зерно поступало пекарям и пивоварам. Со всем необязательно, чтобы «властели дворов» и житницы в гробнице *Йххй* были самого вельможеского хлебо-пивного производства, но можно думать, что взаимоотношения между двором и домом-заповедником в хозяйстве Мина кэбтоского были примерно того же рода. Также уже говорилось о наличии в самом хлебо-пивном заведении у *Чйй* «житницы, которая в доме-заповеднике, с нарезкой (?) потребности месячной» и о том, что из нее изымалось и подсыпалось работницам зерно (TT:LXVI=GT:LXXXIV=GAR:LXX). Можно только добавить, что на том же изображении работник и сам достает пшеницу из огромного лежащего сосуда (TT:LXVI=GT:LXXXIV=GAR:LXX).

Изображения превосходно знакомят нас с распределением труда в заведении. Там работали одинаково мужчины и женщины, но некоторые работы выполнялись преимущественно

мужчинами, другие — исключительно женщинами. Так, толкли зерно в большой ступе обыкновенно двое мужчин (гробницы *Чйй*, TT:LXX=GT:LXXXIII=GAR:LXX; *Хэп-хэр-хт(й)*, DAR:X; *Й-н-нфрт*, AeGGASK:VI), раз втроем с женщиной (из гробницы *К'-м-рмч(?)*, DARMK:XLVIII); две женщины толкут зерно в такой ступе в гробнице *Сшм-нфр* (G XI:159) и на ложной двери (*Й)т-х'х'* (SPhE:I). Растирают зерно на зернотерке только женщины (гробницы *Чйй*, несколько раз, TT:LXXVII, LXX=то и другое GT:LXXXIII—LXXXVI и GAR:LXX; *Хэп-хэр-хт(й)*, DAR:X; *Й-н-нфрт*, AeGGASK:V; *Сшм-нфр*, G XI:159; *К'-м-рмч(?)*, DARMK:XLVIII; *Нй-вдж'-птхэ*, ExG:109—115; *К'-м-снх*, G IV:VIII; ложная дверь (*Й)т-х'х'*, SPhE:I четырежды; ср. изваяния молольщиц в ESS).

Просеивают через сито опять только женщины (гробницы *Чйй*, несколько раз, TT:LXVI=LXVII+LXX=GT:LXXXV—LXXXVI=GAR:LXX; *Й-н-нфрт*, AeGGASK:V, VI; *Сшм-нфр*, G XI:159, два раза; *К'-м-рмч(?)*, DARMK:XLVIII, два раза). Лепят округлые хлебы обыкновенно мужчины (гробницы *Чйй*, TT:LXX=GT:LXXXV—LXXXVI=GAR:LXX; *Й-н-нфрт*, AeGGASK:IV; *К'-м-рмч(?)*, DARMK:XLVIII), редко — женщины (гробница *Мнйв*, RTM V:XLVIII). Накаливают изложницы для хлебов по большей части мужчины (гробницы *Чйй*, TT:LXVI=LXX=GT:LXXXIII—LXXXVI=GAR:LXX; *Хэп-хэр-хт(й)*, DAR:X; *Й-н-нфрт*, AeGGASK:V; *Иххй*, GAR:LXXI=MKhCI:IX; ложная дверь (*Й)т-х'х'*, SPhE:I), но нередко и женщины (гробницы *Чйй*, TT:LXVI=LXVII=GT:LXXXIII—LXXXVI=GAR:LXX; *Сшм-нфр*, G XI:159; также, возможно, DARMK:XLVIII+234; ср. гробницу *Пйпй*, RTM V:XLIV, и ложную дверь (*Й)т-х'х'*, SPhE:I). Отжимают пиво на гробничных изображениях обычно мужчины, притом обыкновенно вдвоем (гробницы *Чйй*, TT:LXVI=LXXI, два раза; *Й-н-нфрт*, AeGGASK:VI; *Пйпй*, RTM V:XLIV; *Иххй*, GAR:LXXI=MKhCI:IX; *К'-м-рмч(?)*, DARMK:XLVIII), но на ложной двери (*Й)т-х'х'* это делают две женщины (SPhE:I), и среди соответственных изваяний имеются женские (ESS:XXX b).

Вымазывают пивные сосуды глиною только мужчины (гробницы *Чйй*, TT:LXXI=GT:LXXXIII—LXXXIV=GAR:LXX; *Й-н-нфрт*, AeGGASK:V; *Мнйв*, RTM V:XLVIII; *Сшм-нфр*, G XI:159; *К'-м-рмч(?)*, DARMK:XLVIII). Предпочтение в отдельных случаях мужского труда женскому, в других — женского мужскому нетрудно объяснить. Толчение зерна в громадной ступе громадными пестами хотя производилось иногда женщинами, но вообще было больше под стать мужчинам. Особой силы требовало и выжимание из моченого хлеба пива (через решето в подставной сосуд). Напротив, просеивание зерна не требовало силы. Растирать его между жерновами было крайне утомительно, но по силам женщинам. Почему, однако, лепили, прихлопывая, округлые хлебы мужчины — понять не легко.

По-видимому, работники часто, если только не обычно, на время или постоянно закреплялись за определенным видом работы, становились мастерами по определенной части. Об этом можно заключить по тому, что Старое царство тщательно различало виды производственной деятельности, представленные в вельможеских домах-заповедниках. Так, еще в начале IV царского дома один много служивший сановник, *Пхъ-р-нфр*, различал в своем титуле следующие звания:

«руководитель хлебопеков-*рthътй*»,

«руководитель пекарей-*фсв*»,

«распорядитель двора молольщиц островерхого хлеба-*хъч*»,

«распорядитель двора молольщиц (хлебного изделия) *бй(?)*»,

«руководитель сладник(ов)»,

«распорядитель дома-заповедника верхов страны (т. е. верховых) пивовар(ов)»,

«распорядитель дома-заповедника Низовья пивоваров» (ZASA LXXV:63—84).

По этому перечню получается как будто, что в царском хозяйстве того времени дома-заповедники были пивоваренными заведениями, а пекарни и мельницы были от них отличны, являлись особыми заведениями. В вельможеском хозяйстве, однако, во всяком случае во вторую половину Старого царства, дом-заповедник хотя и занимался в первую очередь пивоварением, но не ограничивался им и пек не только хлебцы, нужные для пивоварения, но и иные — округлые хлеба, приготовляя сладь из фиников и из зерна, потреблял не один ячмень, шедший на пивоварение, но также пшеницу (однорядка *эт* упомянута в гробницах *Чйй*, TT:LXVI=GT:CXXI=GAR:XLIX; *Сшм-нфр*, G XI:159; *К'-м-рмч(?)*, DARMK:XLVIII, дважды; двурядка *бдт* — в гробнице *Хътп-хър-'хт(й)*, DAR:X). В гробнице *Й-н-нфрт* показано даже изготовление мясных блюд домом-заповедником, да и сами дворцовые и храмовые дома-заповедники не были тогда только пивоварнями, но приготовляли завтрак для фараона и жертвоприношения для алтарей. Представленные у *Пхъ-р-нфр* обозначения производителей почти все засвидетельствованы и для вельможеского хозяйства. Две «молольщицы» поименованы на ложной двери *Йдйй* (ZASA XXXV:123), «хлебопек (*рthъ*)» изображен в гробнице *нх-м-с-хър* (GAR:LXXII=RTS:XXV), возможно, также в гробницах *Йххй* (GAR:LXXI=MKhCI:IX) и *Й-н-нфрт* (AeGGASK:IV), «пивовар» имеется в гробнице *Сшм-хъвт-хър* (BMMA III:221).

В доме-заповеднике изделие проходило последовательно через руки различных работников. Ячмень толкли, просеивали, мололи, ячменные хлебцы пекли и, намочив, отжимали, ячменное пиво разливали все разные работники. Взаимосвязанные работы сочетались воедино даже пространственно, путем соот-

ветственного расположения производителей. Если и в гробницах *Й-н-нфрт* (AeGGASK:V) и *Сим-нфр* IV (G XI:159) молольщица и просевальщица работают вместе, то в гробнице *Чйй* мы находим не только молольщицу, но и просевальщицу рядом (TT:LXVI=LXX=GT:LXXXVI=GAR:LXX), но дважды — одну просевальщицу на трех молольщиц (TT:LXVI=LXX=GT:LXXXIII—LXXXVI=GAR:LXX) и дважды, по-видимому, одну просевальщицу на двух молольщиц (там же; однако, хотя молольщицы оба раза повернуты лицом к одной просевальщице, налицо каждый раз еще одна просевальщица позади молольщиц, только с ситом, из которого ничего не сыплется). В гробнице *Йххй* наглядно показана целая цепочка взаимодействий производителей: один лепит хлеб, второй одною рукою принимает хлеб у первого, другою передает хлеб третьему, который одною рукою принимает, а другою переправляет хлеб к печи, где четвертый накаливает изложницы, а пятый кладет в них хлеб (гробница *Йххй*, GAR:LXXI=MKhCI:IX).

Во главе заведения стоял «распорядитель дома-заповедника» или просто «заповедника» (*ймй-р' пр-шн^{св}, ймй-р' шн^{св}*), одинаково у вельмож (гробница *Чйй*, TT:LXVI=LXVII, отчасти LXIX=GT:LXXXV—LXXXVI=GAR:LXX; *Й-н-нфрт*, AeGGASK:VI, 26 (*ймй* разрушено); *снх-м-с-хэр*; RTS:XXV=GAR:LXXII (полуразрушено); неизвестного лица, AIKMB:22 (наверно, также *Пйй-нхт*)), храмов (указы *Нфр-йр-к'-р^с*, UAR:172; *Нфр-к'-р^с*, UAR:293; одного из его преемников, UAR:295; *Нфр-к'-хэр*, UAR:304; остатки гробниц *Нфр-хэгнв*, AIKMB:28; *Н(й)-снх-хьнм* Сироты, ASAE XLII:121; жертвенники того же лица, AIKMB:60; — — — *джр*, DARMK:23; *В'ш-к'*, HTESBM:XXII; ложная дверь того же лица, HTESBM:XXII) и царя (гробница *Йрв*, G III:61=XXI 1, 66=XXIII, 66=XXIV). «Распорядитель» мог заведовать большим домом-заповедником с разносторонним производством. Так, у *Чйй* «распорядитель дома-заповедника» то стоит один посреди заведения, надзирая за его многообразной деятельностью, то один же отчитывается в его изделия перед «управою дома собственного». Также и у *Й-н-нфрт* «распорядитель заповедника» стоит с краю, надзирает за производством разной пищи, разных видов хлеба, пива, сласти, даже мясных блюд. Но другие «распорядители» заведовали, по-видимому, более дробными «заповедниками», производившими определенный вид или даже разновидность еды и питья. Вспомним звания *Пхэ-р-нфр* — «распорядитель дома-заповедника внутренней (страны, т. е. Верховья) пивоваров», «распорядитель дома-заповедника Низовья пивоваров» (ZASA LXXXV:68) — и троих «распорядителей заповедника» в гробнице неизвестного, отчитывающихся перед писцами: один — в остром хлебе, другой — в пиве, третий — в округлом хлебе (AIKMB:22=AV AeAG:57). «Распорядителем дома-заповедника» могла быть женщина: в гробнице *Пйй-нхт* в числе творя-

щих поминки по князе находится и «распорядительница дома-заповедника *Мрйт*» (СМІЕА:174).

Второстепенное начальство — «наставник дома-заповедника» (*схѣдж пр-инѣ*) — засвидетельствовано лишь для храмового и царского хозяйств: на ложной двери *Сннв* он величается «наставником дома-заповедника (царского солнечного храма) „Приемлет сердце Рэ“» (НТЕSBM:XXVII), а на жертвеннике, принадлежавшем «служанке божьей (т. е. жрице) [Хатхор]» *Хѣкнв*, она зовется «наставницей дома-заповедника завтрака царева» (АІКМВ:67). Таким образом, даже в царском хозяйстве эту должность могла занимать женщина.

Третьестепенное начальство — «присмотрщик» (*ймй-хт*, т. е. «тот, кто сзади») — засвидетельствовано для заповедников, к сожалению, без указания на хозяйство, к которому они принадлежали, ложною дверью *Хв.н-птхъ* (DARMK:217), но странным образом он был «присмотрщиком» сразу нескольких заведений — «присмотрщик домов-заповедников», хотя рядом изображена и поименована женщина, заведовавшая только одним: «распорядитель дома-заповедника *Мр.с-ѣнх*».

Дом-заповедник имел свое собственное делопроизводство. В гробнице *Чйй* среди пивоваров стоит «писец дома-заповедника» (ТТ:LXVI=LXVII=GT:LXXXIII=GAR:LXX). Это, конечно, не мешало «писцам дома собственного», т. е. писцам хозяйственного управления вельможи в целом, принимавшим отчет от дома-заповедника, появляться в нем, так же как то показано в гробнице *Йххй* (GAR:LXXI=MKhCI:IX).

Жизнь дома-заповедника была подчинена мере и счету, отчету и проверке. В гробнице *Йххй* учет зерна у житниц включен в изображение хлебо-пивного производства (GAR:LXXI=MKhCI:IX), и отпуск из них потребного для него был, несомненно, строго упорядочен. Но внутри самого дома-заповедника зерно, вынутое из «житницы, которая в доме-заповеднике, с нарезкой (?) потребы месячной» отмеривалось работникам; над мужчиною, подсыпавшим это зерно молольщице, так и написано: «Отмеривание зерна» (гробница *Чйй*, ТТ:LXVI=GT:LXXXIV=GAR:LXX).

Приемка изделий производилась с поразительной тщательностью. При этом прибором для проверки — как ни странно, одинаково для хлеба и для пива — служил большой воронкообразный сосуд, куда опускали испытуемый хлеб или вливали испытуемое пиво и заглядывал, слегка нагнувшись, приемщик. К сожалению, в чем тут было дело, непонятно; изображены загадочные сосуды неоднократно: гробницы *Чйй*, ТТ:LXVI=GT:LXXXIII—LXXXVI=GAR:LXX; *Йххй*, GAR:LXXI=MKhCI:IX; *ѣнх-м-ѣ-хѣр*, GAR:LXXII=RTS:XXV; неизвестного лица, AVAeAG:57=АІКМВ:22. Надписание изображенных действий у *Йххй* как «сотворение места» («сотворение места в (округлом) хлебе», «сотворение места в пиве» и т. д.), расчет в объемных мерах (приемщик говорит писцу у *ѣнх-м-ѣ-хѣр*: «Запи-

ши-ка ты расчет: сотворено на 6 хэ́кэ'т (1 хэ́кэ'т=4,7 л), округлый хлеб»; у *Йххй*: «сотворено 6 хэ́кэ'т» — речь идет о пиве и т. д.) позволяют думать, что изделия проверялись с помощью сосудов по заполняемому ими объему. При неполноценности требовалось представить замену. «Дай прийти другому [островерхому] хлебу», — говорит приемщик у *снх-м-с-хэр*. «Он полон весьма», — возражает работник. Хотя писцы одинаково у *Йххй* и у *снх-м-с-хэр* предписывают: «Ввергай (*стй* — так называлось погружение в поверочный сосуд — гробницы *Чйй*, *Йххй*, *снх-м-с-хэр*, ср. также у неизвестного) это отлично», ствечики не всегда находили приемы приемщиков беспспорными: «Да творишь ты по-правильному», — говорит ствечик у *снх-м-с-хэр*. У *Йххй* и *снх-м-с-хэр* изделия принимаются у простых работников (поскольку все предъявители представлены обнаженными, хотя, впрочем, так изображен и надписанный «[распоряди]тель заповедника» у *снх-м-с-хэр*), но у *Чйй* и у неизвестного подле поверочных сосудов показаны «распорядитель дома-заповедника» (у *Чйй*) и «распорядители заповедника» (у неизвестного). При этом у *Чйй* опускает хлеб в поверочный прибор «мерщик».

Кого обслуживал дом-заповедник? В случае царских и храмовых заведений это явствует иногда из самого титула начальников: «распорядитель дома-заповедника завтрака царева» (гробница *Йрв*, G III:61=XXI 1, 63=XXIV, 66), «наставница дома-заповедника завтрака царева» (жертвенник *Хэ́кнв*, АІКМВ:67), «распорядитель дома-заповедника жертвы божьей» (обломок из гробницы *Нфр-хэ́тпв*, АІКМВ:28). С последним титулом перекликаются царские указы, ставящие, как мы видели, храмовой дом-заповедник и его двор совершенно недвусмысленно в связь с жертвоприношениями (см. выше), равно как сообщение летописи об учреждении двух домов-заповедников для обслуживания двух жертвенников — солнца и Хатхор (см. выше). Изображая на стенах гробницы приготовление хлеба, пива, сладостей и жаркого, тоже имели в виду хозяина заведения, именно посмертное волшебное удовлетворение жертвами почившего и его родни. Иногда назначение изделий лично для хозяина выражено самими приписками. В гробнице *Сшм-нфр* на изображении пивоварни над молольщицей написано: «Сотворение *вхэ́с*т для *Сшм-нфр*» (G XI:159), в гробнице *Й-н-нфрт* «[распоря]дитель заповедника» говорит своим работникам: «Торо[питесь] — ² —. Имеют нести поступление (*с'кэ*)» (AeGGASK:VI=27); глагол *ф'й* «возносить — нести — приносить» в связи с храмовыми домом-заповедником и жертвоприношением имеется в указе *Нфр-к'-хэр* (UAR:303—304).

Высказанное мне раз в беседе академиком В. В. Сгруве предположение, что вельможеский дом-заповедник кормил подневольных работников, занятых в хозяйстве сановника, я не могу подтвердить прямыми свидетельствами времени Старого

царства, хотя для Среднего таковые имеются. Косвенное свидетельство содержится, быть может, в гробнице *Йххй* (GAR: LXXI=MKhCI:IX), где на изображении пекарни-пивоварни при приемке островерхого хлеба присутствует рядом с приемщиком направитель шатра (*хрп зхъ*) *Снджм*, а у поверочного прибора для пива приемщиком выступает, по-видимому, «руководитель *свтйв Мхъв*». Прочитать иначе второе титуло как будто нельзя; по меньшей мере так представляется на основании снимка. Возможно, то были какие-то работники самого дома-заповедника, а не сельскохозяйственное население, приписанное к заповеднику. Участие их «направителя» в приемке изделий пекарни-пивоварни намекает как будто на причастность его к дальнейшему продвижению этих припасов, именно к его подчиненным для их кормления. Присутствие тут же «направителя шатра» (т. е. хозяйской столовой), иными словами, лица, определенно связанного с дальнейшей судьбою изделий, позволяет думать, что и появление тут «направителя *свтйв*» не случайно, хотя звание его и имя, как и титуло заведующего столовой, вставлены задним числом небрежными письменами.

МАСТЕРСКИЕ (§ 27—32)

§ 27. «Мастера-камнеделы» и общее обозначение для ремесленников

Дальше в этой главе будет показано, что общим обозначением для ремесленников служило слово *хъмт*, собирательное обозначение, которое точнее всего было бы передать как «мастерство» — в смысле совокупности мастеров, но за отсутствием такого значения у русского слова придется передавать как «мастера». В словаре раньше общих значений корня, на первом месте, следовательно, как основное, от которого могли произойти остальные, приведено особое, частное значение: *хъмй* — «сверление (каменных сосудов сверлом таким-то)». Слово засвидетельствовано лишь в Старом царстве и считается в словаре глаголом с неопределенным наклонением женского рода¹. Действительно, словом, которое можно читать *хъмт* (знак сверла + *т*), надписаны некоторые из староегипетских изображений сверлильщиков каменной посуды: в гробнице *Чйй* — GAR:XXXV = GT:CXXXIV (дважды); в гробнице *Йбйй* — RTDG I:XIII (дважды и раз с пропавшим знаком сверла), по-видимому, также на обломке GAR:XXXIII. Однако это слово не значит «сверление», и вот почему. В этой же гробнице *Чйй* на том же самом изображении рядом со сверлильщиками сосудов показаны другие камнеделы — двое мужчин, молотами обрабатывающие изваяние. Само оно надписано словом «изображение», работник позади его — словом *хъмт* (знак сверла + *т*), работник впереди — общим пояснением действия: «Творение работы (людьми) *хъмт* (то же написание)». Это пояснение относится только к обрабатывающим изваяние, не к их соседям — сверлильщикам посуды, потому что над теми свое пояснение: «Творение работы сверла (*снхът*)». Значит, *хъмт* имеет в виду производственную деятельность более широкую, чем одно сверление посуды, раз прилагается и к камнеделам-молотобойцам. Затем в пояснение к ним оно определено и несомненно может обозначать только работников, а

¹ Erman A., Grapow H. Wörterbuch, Bd. 3, с. 82.

не работу, так как вводится предлогом *йн*: «сотворение работы *со стороны* (таких-то)». Заметим также, что ни в одном из пояснений — ни к сверлильщикам, ни к молотобойцам — не употреблено *хъмвт*, что было бы вполне подходящим, если бы оно значило «сверление», а сказано описательно: «сотворение работы» тем-то или теми-то. В гробнице *Пйпй-снх Хънйй* изображены четверо сверлильщиков каменной посуды, но ни к одному из них не приписано слово *хъмт*. Напротив, в надписи над ними стоит то же описательное «творить работу»: «Твори(те) работу гораздо; смотрите, сновник жалует вас» (RTM V:XVII=XVI). Зато над их соседом, лошашим каменным лошлом изваяние, написано *хъмт*. Затем то же слово, притом все в том же написании — знак сверла + *т*, стоит у следующего изображения — мужчины, отнюдь не сверлящего, а подносящего князю готовый каменный сосуд. Ни в том, ни в другом случае *хъмт* не может здесь значить «сверление», в случае подносящего сосуд оно даже не может обозначать производственного действия. Также в гробнице *снх-м-с-хър* словом *хъмт* написан работник, не сверлящий, а лошаший каменный сосуд (GAR:XXXIV=RTS:XXXIII). Надписания *хъмт*, выходит, обозначает не работу, а самих работников и значит не просто «сверлильщик», но шире по значению — «камнедел». Читать это слово только как *хъмт* тоже не годится, так как оно вовсе не неопределенное наклонение от некоего глагола, а существительное, вдобавок мужского рода, так как обозначает мужчин. Оно не может кончаться на *т*, потому что тут *т* могло бы быть лишь окончанием женского рода, а должно быть словом мужского рода, производным от женского, кончающегося на *т*, произведенным с помощью окончания *й*. Иными словами, это слово надо читать *хъмтй* или — полнее — *хъмвтй*, если то женское слово, от которого произведено наше мужское, есть собирательное *хъмвт* — «совокупность мастеров-камнеделов». Это *хъмвт* как обозначение именно камнеделов, а не ремесленников вообще, возможно, представлено в гробнице *снх-м-с-хър*. Начальник кузнецов назван здесь «распорядителем кузнецов», начальники кожевников — «распорядителями палаты (*йз*)», начальники же камнеделов — «распорядителями *хъмт*» (GAR:XXXIV=RTS:XXXIII). Один «распорядитель *хъмт*» сверлит сосуд, и то же делает его подчиненный; над ними, поясом выше, «распорядитель *хъмт*» лошит каменный сосуд, и тою же работою занят тут же рядовой *хъмт(й)*. Поскольку надписание последнего — знак сверла + *т* + знак *хъм* (кслодец) — совершенно совпадает с написанием *хъмт* в обоих титулах «распорядитель *хъмт*», кажется все-таки более вероятным, что и в титулах распорядителей надо читать *хъмт(й)*, и эти титулы значат не «распорядитель камнедельчества (совокупности камнеделов)», а «распорядитель мастеров-камнеделов» (*ййм-р' хъмт(в)тйв*).

Слово *хъмвтй* известно словарю, но только для Среднего и

Нового царств². В надписях Старого царства, в написаниях родственных рассмотренным, его усматривал Х. Юнкер³. Если такие надписания — *хэмт* — приданы отдельным изображениям мужчин, никаким сверлением и вообще работою не занятым, можно читать только *хэм(в)тй*, и тем самым к приведенным уже примерам этого слова прибавляются новые. Рыботорговец взывает к покупателю: «(Рыба) *бгт* добрая, весьма, *хэм(в)т(й)!*» (ход к пирамиде *Внйс*, ASAE XXXVIII:XCVI); среди свидетелей завещания сидит «*хэм(в)т(й) Б'к*» (гробница *Вп-м-нфрт*, EG II:против 190); в обоих случаях *хэм(в)т(й)* написано знаком сверла и буквою *т*. Это же слово содержится, очевидно, в одной надписи, утверждающей право умершего на гробницу как на благоприобретенное достояние: «(Что) до человека всякого, сотворившего для (меня) это (т. е. гробницу), никогда не дулся он на (меня), будь то *хэм(в)т(й)*, будь то каменотес: умиротворил (т. е. удовлетворил) (я) его» (из гробницы *Мнй*, UAR:23). Эта надпись позволяет уточнить производственное лицо *хэм(в)т(й)* как в ней самой, так и в перечне свидетелей у *Вп-м-нфрт*. Гробницу для *Мнй*, если она была каменная, соорудили каменных дел мастера. Ими, бесспорно, были «каменотесы» (*хэртй-нчр*), и вряд ли кем иным мог быть *хэм(в)т(й)*, названный перед «каменотесом». В списке свидетелей *Вп-м-нфрт*, удостоверявших передачу им сыну части своей гробницы, *хэм(в)т(й)* назван опять-таки перед «каменотесом»: «*хэм(в)т(й) Б'г*», и сразу за ним «каменотес *Кп'*», т. е. точь-в-точь так же, как в надписи *Мнй*. В обоих случаях *хэм(в)т(й)* назван первым, можно думать, в силу большей тонкости его работы. Поскольку он отличен от каменотеса, на его долю приходились скорее всего отделка гробницы, ваяние ложной двери, изображений, надписей, жертвенников и т. д., вряд ли одна раскраска, тем более что назван был бы тогда у *Мнй* не он, а живописец — «писец очерка»; у *Вп-м-нфрт* «писец очерка *Х'й-р'*» значится в списке свидетелей как особое лицо. И уж конечно, *хэм(в)т(й)* ни тут, ни там не «ремесленник» или «мастер» вообще, раз у *Мнй* отличен от другого ремесленника — «каменотеса», а у *Вп-м-нфрт* состоит в списке рядом с такими ремесленниками, как «строитель (*кэд*)», «писец очерка», «ваятель», «каменотес». К *хэм(в)т(й)*, которого приглашает купить рыбу торговец у *Внйс*, нам придется еще вернуться.

Слово *хэм(в)т* встретится нам в дальнейшем как общее обозначение для ремесленников — нечто вроде «мастачество», в смысле «совокупность мастаков-мастеров». Но было ли это основным, а тем более единственным значением слова?

В разделе главы о «чистой (мастерской)» будет приведена полностью надпись *Н(й)-схх-схмт* о сооружении ему царем

² Там же, с. 86.

³ *Junker H.* Giza VI. Wien und Leipzig, 1943 (DAWW. Bd. 72, Abh. 1), с. 23.

ложных дверей для гробницы (см. § 29). «Дало величество его доставить ему две ложные двери из (каменолом) *P'-в* (подле Мэнфе), из камня. Поместили их внутри чертогов (дворца) „Воссиявает великий (венец) *С'хъ-в(й)-р*“. Поместили двух великих (среди) предводителей мастеров (*хъмвт*) (и) мастеров (*хъмвт*) чистой (мастерской) на них. Творили работу на них в присутствии царя самого. Появлялась (положенная) часть работы (?) повседневно. Смотрели, (как) творили на них во дворце ежедневно. Дало затем (*дй йн*) величество его поместить краску на них, расписали их лазурью» (UAR:38—39). Делом «мастеров» была здесь явно отделка доставленных из каменоломни плит и затем раскраска, надо полагать, надписей в синий цвет. Эти «мастера» были определенно камнеделами, хотя и умели раскрашивать вырезанные ими надписи. На камнях поминального храма царя *Мн-к'в-р*^c сохранилось немало пометок, сделанных обычно красною краской и сообщающих, какое подразделение «мастеров», обыкновенно с добавлением слова «нагорье» (т. е. кладбище), выполняло данную работу. Примечательно, что все такие пометки (М:чертеж XII, многократно) стоят только на твердом камне (граните), тогда как на мягком камне упоминаются другие работники (см. ниже)⁴.

Единственное исключение — пометка на известняке, называющая «мастеров», но без добавления «нагорья» (М:чертеж XI, № XXVI). Конечно, эти *хъмвт* могут быть только камнеделами. Притом это мастера своего дела, потому что лишь им поручается трудный камень; легкий камень — дело обыкновенных работников. Ниже будет приведен ряд надписей, удостоверяющих выдачу вознаграждения «мастерам» (*хъмвт*), соорудившим гробницу тому или иному частному лицу. Поскольку речь в этих заявлениях идет о каменных гробницах или каменных частях гробниц, на которых начертаны надписи, «мастера», их соорудившие, должны были быть в первую очередь опять-таки камнеделами. В каменоломнях в пустыне, по дороге от Кэбто к Красному морю, перечислены на скалах лица, руководившие предпринимавшимися туда походами за камнем. В одной надписи в числе таких лиц названо пять «смотрителей мастеров (*хъмвт*) дома большого (т. е. дворца)» (UAR:95 = DAeAe II:115 c), в другой — пять «смотрителей мастеров (*хъмвт*)» (UAR:93). В первой надписи упомянут еще «распорядитель строителей пирамиды», во второй — трое «тех, кто при вещи царицы, распорядителей строителей (ей)». Никаких других ремесленников не названо, если только не счесть за такового сановного «рубильщика царицы, строителя в обоих домах (т. е. обеих половинах царства) *Мрй-р^c-мрй-птхъ-снх*» из второй надписи. Названы только *хъмвт* и «строители» — в составе титулов и их начальников. Ясно, что такому количеству «мастеров» —

⁴ Reisner G. A. Mycerinus. The Temples of the Third Pyramid at Giza. Cambridge, Mass., 1931, c. 70—71, 86—87, 179—180.

каждый раз под пятью начальниками — иного в каменоломнях нечего и было делать, как только добывать и обрабатывать камень. При этом в каменоломнях добывались ценные твердые породы камня, так что снова, как и в храме при пирамиде *Мн-к'в-р*^c, «мастера» оказываются привлеченными для работы над твердым камнем. Очевидно, они-то и были искусными камнеделами, каменных дел умельцами. Среди ремесленных начальников «чистой» мастерской имелись начальники «мастеров» (*хэмвт*): «распорядитель мастеров чистой» (гробница *Птхб-в'ш*, EG II:VI=8—12; гробница *Хэпв*, не сама, а *Нфр-сшм-птхб*, MAE:392), «наставник мастеров чистой» (жертвенник *Хэпн-йб*, ETSOSMAEUC:VI=UAR:230; *Нсй-всйр*, DARMK:127; гробница *Птхб-в'ш*, его сын *Птхб-шпсс*, EG II:10; притолока *Хмтв*, сам и сын *Нфр*, DARMK:226), «распорядитель десяти мастеров чистой» (жертвенник *Хэпн-йб*, ETSOSMAEUC:VI=UAR:230). Но по «чистой» мастерской числились начальники и других ремесленников помимо *хэмвт*: «наставник каменотес(ов)» (*хьртй-нчр*) чистой» (изваяние *Йр-птхб-к(.'й)*, DPMH:417), «распорядитель кузнецов чистой» (изваяние *К'-хр-птхб*, SSKPMK:170), «распорядитель столяров (*фнх(в)*) чистой» (гробница *Птхб-хэпн* градоначальника, его «брат собственный» *Шсчф*, GAR:II=TP:XLI). Значит, *хэмвт* «мастера» были здесь не мастерами вообще, не вообще ремесленниками, а определенными мастерами, определенными ремесленниками, отличными от других: каменотесов, кузнецов, столяров. Очевидно, и в «чистой» мастерской *хэмвт* обозначало камнеделов. Вспомним, что звание «распорядитель мастеров» дважды надписано над производителями каменной посуды в многоремесленной мастерской в гробнице *снх-м-с-хэвр*, один раз — над сверлящим, один раз — над лощащим сосуд человеком (GAR:XXXIV=RTS:XXXIII).

Выходит, что должности начальников над «мастерами» — будь то «распорядители» их в «чистой» или многоремесленной вельможеской мастерской, будь то «наставник» их в «чистой», «смотритель» их в каменоломнях или «начальники десяти их» по «чистой» же мастерской — имели в виду определенный вид ремесленников, именно камнеделов. Придя к такому выводу, мы будем, пожалуй, в состоянии определить значение *хэмвт* и в титуле ведущих сановников Старого царства⁵ — двух «великих (среди) предводителей мастеров (*хэмвт*)».

Мы уже читали в надписи *Н(й)-снх-схмт*, как для работы над двумя ложными дверями, доставленными из каменоломни для его гробницы, «поставили двух великих (среди) предводителей мастеров (и) мастеров чистой (мастерской) над ними» (UAR:38=MAE:204—205). В гробнице *Дбхб.н(й)* мы находим тех же сановников опять-таки занимающимися камнем: «Ска-зывает он: (Что) до гробницы этой, (то) это царь (и) государь

⁵ *Maystre Ch. Sur les grands prêtres de Ptah.*— JNES. 1949, vol. 8, № 2, с. 84—89.

Мн-к'в-р^с [—жив он вечно!—] (есть) давший отцу (моему). Вот объявилось, (что?) — — — — — дорога рядом с высотой (т. е. местоположением великих пирамид подле Мэнфе). Смотрение (на) работу, твор(ивших?) (пирамиду) „Божествен *Мн-к'в-р^с*“ — — — — — [рубельщик царев], строитель с [двумя] великими (среди) предводителей мастеров, [с мастер]ами. Остановка на нем, чтобы посмотреть работу твор(ивших?) — — — — — два великих (среди) предводителей мастеров — — — — —. Доставили камень из каменоломен *Р'-в* (подле Мэнфе), чтобы отделать известняком храмину там, с двумя ложными дверьми врат в гробницу эту. То (были) два (??) судна с двумя великими (среди) предводителей мастеров и рубельщиком царевым, строителем, что пришли — — — — —» (UAR:18, 20=DAeAe II:XXXVII b). Будучи сами высшим начальством над «мастерами», эти сановники числят в своем окружении более мелких начальников над теми же «мастерами». Так, «распорядитель мастеров *Сбк-хэпн*» и «распорядитель мастеров *Йрй*» доставляют потребное для поминок «великому (среди) предводителей мастеров» *Птхэ-шпсс* (SM:XXIX=отчасти MAE:379). Таковыми начальниками бывали нередко собственные сыновья сановника. У того же вельможи сыновья *С'бв* и *Птхэ-шпсс* состояли каждый «надзирателем (*ймй-хт*) мастеров» (SM:XXIX, XXX, XXXI=MAE:378). У «великого (среди) предводителей мастеров» *С'бв* находим «сына его, надзирателя мастеров дома большого (т. е. дворца) *С'бв*», и «сына сына его (т. е. внука), надзирателя мастеров дома большого *Птхэ-шпсс*» (DARMK:XXI=94). Как было только что выяснено, обозначение «мастера» в подобных должностных званиях имело в виду не ремесленников вообще, а определенный род таковых, именно камнеделов. Тесная связь носителей таких званий с «великими (среди) предводителей мастеров» подтверждает связь этих сановничьих должностей с каменным делом и одновременно изложенное выше понимание званий рядовых начальников над мастерами. Как известно, «великие (среди) предводителей мастеров» были по совместительству жрецами богов Мэнфе Птаха и Сокера. «Слугою божьим Птаха, слугою божьим Сокера» названы «распорядители мастеров» *Ффй* (DARMK:27=MAE:101) и *Хв.н-птхэ* (SM:III 3; DARMK:I=1), «распорядитель мастеров чистой (мастерской)» или просто «распорядитель мастеров» *Хэпв* (MAE:392). Исправление одних и тех же жреческих должностей «великими (среди) предводителей мастеров» и «распорядителями мастеров» опять подтверждает связь между теми и другими и, следовательно, причастность тех и других к каменному делу.

Что в сане «великого (среди) предводителей мастеров» последнее слово обозначало не ремесленников вообще, а только определенный вид ремесленников, возможно, пожалуй, умозаключить и по следующему любопытному обстоятельству. В титулах вельмож, имевших этот сан, неоднократно встречается

ся наряду с ним еще одно звание, содержащее слово «мастера» (*хѣмвт*). К нему в этом звании неизменно добавляют определение «всяческие» (*нбт*): «предводитель мастеров всяческих». Надо думать, что определение добавляется не зря, но должно указывать, что имеются в виду всякие ремесленники, а не одни камнеделы. Так что в этом случае слово «мастера» значит «ремесленники» вообще. Это подтверждено как будто и тем, что в титулах «великих (среди) предводителей мастеров» звание «предводитель мастеров всяких» следует сразу за званием «распорядитель чистой (мастерской)»: «распорядитель чистой (мастерской), предводитель мастеров всяких» (*С'бв Иббй*, МАЕ:375; *Птхъ-шпсс*, МАЕ:130=НТЕSBM:XIII, но в последнем издании опущено *нбт*; другой *Птхъ-шпсс*, SM:XXVIII). «Чистая (мастерская)» была многоремесленной мастерскою, включала в себя разных мастеров (см. § 29), и потому упоминание в титулах сановников вслед за нею «мастеров всяких» было в порядке вещей. Без предшествующего «распорядитель чистой (мастерской)» звание «предводитель мастеров всяких» стоит в титуле «великого (среди) предводителей мастеров» *Птхъ-шпсс* (UAR:53=НТЕSBM:XI, XIII=МАЕ:113). Вероятно, ремесленников вообще имеет в виду и звание «распорядитель мастеров всяких», включенное в титула *Хѣтп-хѣр-н-птхъ* (UAR:231) и *Йний-снх* (МАЕ:255), не бывших «великими (среди) предводителей мастеров». Первое лицо, большой вельможа, хотя и был, между прочим, «распорядителем работ всяких», подобно многим крупным сановникам того времени, по производственной части имел скорее отношение к строительству вообще, а не к каменному делу, как таковому. Числя за собою по одной должности по земельному и по поварскому управлениям («властитель двора большого» и «предводитель места пищи»), он носил до шести званий, начинавшихся словом «рубильщик»: «рубильщик царя Низовья», «рубильщик (ладьи) *нвд*(?)» (т. е. ладьи египетского бога точил)», «плотник (священного города) *Нхн*», «плотник дома», «рубильщик власов земли (т. е. растительности)», «рубильщик...». Если нельзя утверждать, что каждое из этих «рубильщичьих» званий имело отношение к действительному плотничеству, то такие звания, как «рубильщик (ладьи) *нвд*(?)» и «рубильщик власов земли», как бы ни понимать их, имели в виду уж никак не каменное строительство. Другой «распорядитель мастеров всяких» был неким производственником «дома большого», т. е. дворца, и соответствующее звание упорно и на первом месте повторяется в его титулах: «кузнец... великий (или: „старший“) дома большого», «плавильщик (?)... дома большого». К каменному делу он, значит, вряд ли был причастен.

С «мастерами всякими» мы встречаемся еще раз в титуле «великих (среди) предводителей мастеров», но уже не в названии должности, а в одном хвалебном обозначении этих сановников: «делающий сладостными (т. е. приятными) мастеров

всяких» (*С'бв Иббй*, UAR:82=MAE:413—415), «делающий сладостными мастеров всяких у царя» (*Птхъ-шпсс*, UAR:53=HTESBM:XI=MAE:113). Навряд ли вельможи хвалились, что снискали милость царя одним камнеделам; более вероятно, что они хвалились обретением ее для «всех» ремесленников.

Итак, похоже на то, что прибавка определения «всякие» превращала *хъмвт* из «мастера-камнедела» в «мастера вообще». Последнее значение слово *хъмвт*, несомненно, имело. Оно уже в Старом царстве нередко служило общим обозначением ремесленников. Князь смотрит, как работают разные ремесленники: кузнецы, столяры, плотники, каменотесы, изготовители каменной посуды, камнерезы, сборщики ожерелий (гробница *Ибйй*, RTDG I:XIII—XVI), а надпись гласит: «Смотрение на работу всякую в палате мастеров в руках мастеров всяких (царского) местожительства (и) извне, счет рук мастеров всяких писцами собственными его (т. е. князя), сотворение замысла работы всякой в присут[ствии кн]язя» такого-то (гробница *Ибйй*, RTDG I:XIII). Кое-кто из изображенных работников надписан еще особо по роду своего ремесла: «рубильщик (т. е. плотник)» (RTDG I:XIV), «каменотесы» (RTDG I:XVI), «камнерезы» (RTDG I:XIII, XIV) и т. д. Этим самым еще резче оттенено, что *хъмвт* в общем заголовке изображения есть обозначение для всех родов ремесленников. В том же смысле слово употреблено в надписи к изображению другого князя, смотрящего на разных ремесленников: камнеделов, кузнецов, изготовителей украшений: «Смотрение (на) работу всякую мастеров» (RTM V:XVII). Тут же отдельные виды ремесленников несут особые обозначения: «сборщики украшений», «кузнецы» и т. д., что опять-таки оттеняет обобщающий смысл *хъмвт* в общем надписании изображения. Обозначением для всяких ремесленников служит это слово и в приписке к людям на том же изображении, несущим — позади князя — довольствие ремесленникам: «Доставка (съедобных) вещей мастерам». К наброску, изображающему разных работников судостроительной мастерской, двух плотников и одного кузнеца, приписано сбоку: «Мастера (хозяина гробницы) *К'-м-к'*» (ошибочно вместо *К'-м-снх*, G IV:X). В так называемом папирусе «Рамессеум Е», среднеегипетском списке древнего погребального чина, восходящем к староегипетскому подлиннику⁶, разные ремесленники озаглавлены вкуче как *хъмвт*: «Мастера всякие, орудия (я) [их в руках их]: золотарь, ожерелье в руке его, плотник-пильщик, пила в руке (его), [(какой-то ремесленник, что-то)] в руке его, пекарь, *сmdжв* (или: *нмджв*), [какой-то ремесленник], убиратель (волос? — *шкрй[й]*), печатник (т. е. изготовитель печаток), [(какой-то ремесленник)]» (JEA XLI:V, строки 96—107). Употребление сочетания «мастера всякие» как заголовка для перечня разных ремесленников подтверждает изложенное немногим выше понимание «всякие» в этом выра-

⁶ Gardiner A. An Unique Funerary Liturgy.— JEA. 1955, vol. 41, с. 17.

жении. Среди ремесленников в данном месте рукописи, судя по остаткам разрушенных слов и по продолжению⁷, не числились как будто бы камнеделы, если не считать таковым резчика печаток. Не было таковых и среди работников на наброске. Тем не менее и те и другие обозначены были как *хъмвт*. Выходит, что, раз уж это слово стало значить сверх «мастера-камнедела» также «мастера вообще», им сделалось возможным обозначать разных ремесленников, даже не имевших в числе своим камнеделов. Мало того, им можно было обозначить при случае представителей какой-нибудь отдельной отрасли ремесла, ничего общего не имевших с каменным делом. Быть может, это нельзя утверждать о двух лошильщиках, лошущих каменными ложилами ложе с надписью сверху: «Лошение кровати мастерами» (гробница *Йбйй*, RTDG I:XIV), поскольку такими же камнями ложили каменные предметы. Но и над судостроителями, строящими большое деревянное судно, написано: «Судостроение мастеров дома собственного» (гробница *Джсв*, RTDG II:X).

Самый широкий смысл искусства, ремесла, мастерства вообще, в том числе даже непроизводственного, влагали в родственное, если только не тождественное слово *хъм(в)т* «мастерство». Производственное «мастерство», хотя и совсем не камнедельческое, слово *хъм(в)т*, по-видимому, обозначает в приписке к изображению пекаря, накаливающего изложницы для хлеба: «Разжигание изложниц тем, кто с (досл. под) мастерством (*хър(й) хъм(в)т*, т. е. искусником?)» (гробница *Хътп-хър'хт(й)*, DAR:X). Может статься, что мирообразующее «мастерство» подразумевается под *хъмвт* в имени одного из приближенных частного лица: *Н(й)-хъм(в)т-птхъ* «Тот, кто от мастерства,— Птах» (*Дд-хъкнв*, CE:XCIV=RIEMRCB:36). Но *хъм(в)т* употребляли еще более отвлеченно: говорили о «мастерстве заклинателя (досл. того, кто со (свитком с обрядовым) чином, *хърй-хъбт*)» (MM:CXXX; RTDG I:XIII; UAR:187, 190, 202; G VIII:против 116=UAR:186; MK:V). Общее значение «быть искусным, мастёрым» имел также глагол *хъмв*. Царь писал своему верховному сановнику: «Величество (мое) знает, (что) мастёрее ты распорядителя работ всякого» (UAR:63).

Подобное расширение первоначального значения имело, по-видимому, место и у слова, обозначавшего «сверло». В упомянутой рукописи строка 82 гласит: «Сверлильщик, сверло в руке его» (JEA XLI:V). Первое слово *нхъптй* имело определителями знаки сверла и мужчины и было, наверное, сродни среднегипетскому *нхъп* «гончарный круг»⁸ и позднегипетскому *нхъп* «делать на гончарном круге»⁹; поэтому перевод «сверлильщик», вероятно, недалек от истины. Слово, переведенное как «сверло», написано знаком сверла с выписанным женским

⁷ Там же, с. 15—16.

⁸ Там же, с. 14; Erman A., Grapow H. Wörterbuch, Bd. 2, с. 294.

⁹ Erman A., Grapow H. Wörterbuch, Bd. 2, с. 295.

окончанием *т* и черточкой, вообще указывающей, что знак передает слово, которое изображает. В строке 96 той же рукописи и в пропавшей 97-й стояло: «Мастера всякие, орудие [их в руке их]» (JEA XLI:V). Так как это служило заголовком к последующему перечню разных ремесленников (см. выше), то слово, написанное точно так же, как «сверло» в строке 82, не может значить здесь «сверло», но должно значить «орудие» вообще¹⁰. Жаль только, что нельзя быть совсем уверенным, что это слово «сверло/орудие» действительно читалось *хэм(в)т*, как того требовало бы обычное значение знака¹¹. Староегипетское слово для сверла, которым сверлили каменную посуду и которое изображал занимающий нас знак, было *снхът* (гробница Чйй, GAR:XXXV=GT: CXXXIV).

Вернемся к слову *хэмвт* «мастера». Выходит, что у него было два значения: одно — более узкое, другое — более широкое: «мастера-камнеделы» и «мастера-ремесленники вообще». Второе значение хорошо всем известно из справочных пособий, но и первое придавалось иногда нашему слову при переводе¹². Неправдоподобно, чтобы первоначальным и правильным было более отвлеченное значение, а более узкое и определенное — производным. Ведь и пишется-то само слово в обоих употреблении знаком сверла для каменной посуды, т. е. знаком, отвечающим более узкому словоупотреблению. Но почему тогда расширено было значение именно этого слова, почему именно обозначение камнеделов, а не каких-нибудь других ремесленников стало обозначением для мастеров вообще?

Пережитки каменного века были очень сильны не только в Раннем, но и в Старом царстве. От того и от другого дошло очень много каменных орудий. Изготовление их представляло собою существенную отрасль производства. Однако нет оснований полагать, что изготовители каменных орудий назывались *хэмвт*, и, во всяком случае, сверло, изображеньицем которого это слово писали, не употреблялось для производства кремневых орудий. Старое царство бесконечно много строило из камня; то было время пирамид и целых мертвых городов, составленных из каменных вельможеских гробниц. Как мы видели, «мастера-камнеделы» участвовали в этом строительстве. Их было очень много, они были очень нужны, необыкновенно искусны и у всех на виду. Не затем ли и слово, обозначавшее их, сделалось обозначением для мастеров вообще? Заметим, что и сверлом пользовались строившие из камня. Однако невозможно доказать, что слово *хэмвт* не получило своего более широкого значения еще в Раннем царстве, прежде великого каменного строительства. Правда, нельзя также показать, что оно это значение тогда уже имело, но, может быть, лишь

¹⁰ Gardiner A. An Unique Funerary Liturgy, c. 14.

¹¹ Там же.

¹² Reisner G. A. Mycerinus. The Temples of the Third Pyramid at Giza. Cambridge, Mass., 1931, c. 279.

потому, что наше слово в *раннеегипетских надписях, очень коротеньких и касающихся преимущественно продовольствия, вообще не встречается. Древнейший известный мне пример употребления слова хъмвт не старше рубежа III и IV царских домов. Это — должность «предводитель мастеров», наминающая позднейшее «предводитель мастеров всяких»¹³, но без заключительного определения и потому, возможно, имевшая в виду не «всяких» мастеров, а лишь одних камнеделов (Х^с-б'в-зкр Хъчс, SM:I=DARMK:X=45). Не отсутствуя определение «всякие», ее можно было бы хорошо истолковать в смысле предводительства разными мастерами, потому что сановник был разносторонним производственным, занимал еще должность «предводителя столяров» (SM:I, II=DARMK:X=45, 47), а может быть, и некоторые другие производственные должности. Также «предводитель мастеров» значит скорее всего лишь «предводитель камнеделов», и само употребление тут же рядом звания «предводитель столяров» оборачивается в пользу толкования сочетания «предводитель мастеров» в смысле «предводитель определенного рода мастеров», отличных от «столяров». Вдобавок оба звания входят в состав целой цепи подобных званий, начинающихся словом «предводитель» и следующих одно за другим: «предводитель (плясунов) рвт Верховья (и) Низовья, предводитель (неких женщин) с'т, предводитель (ткачих??) бт, предводитель столяр(ов), предводитель мастеров», «предводитель рвт Верховья (и) Низовья, предводитель столяр(ов), предводитель с'т, предводитель бт, предводитель мастеров» (SM:I=DARMK:X=45). Оба раза «предводитель мастеров» звучит не как обобщение предшествующего, а как одно из ряда званий, равных по широте значения.*

Прочие известные мне случаи употребления хъмвт при IV царском доме не выходят за границы узкого смысла слова «мастера-камнеделы»: «мастера нагорья» в пометках на камнях поминальных сооружений царя Мн-к'в-р^с (М:чертеж XII; без определения «нагорья» — чертеж XI, № XXVI), «великие (среди) предводителей мастеров», руководители строительных кладбищенских и каменоломных работ в надписи Дбхъ.н(.й) (UAR:18, 20=DAeAe II:XXXVII b). Однако расширенное значение — «мастера вообще» — можно считать засвидетельствованным уже для начала V царского дома надписями Птхъ-шпсс, именно его званием «предводитель мастеров всяких» (MAE:130=HTESBM:XIII, но в последнем издании опущено «всяких») и хвалебным обозначением «делающий сладостными (т. е. приятными) мастеров всяких у царя» (UAR:53=HTESBM:XI=MAE:113). Если бы можно было быть уверенным, что прав Я. Черны¹⁴ и содержание рукописи «Рамессеум Е» восходит к Раннему царству, расширенное значение хъмвт — «мастера вообще» — было бы засвидетельствовано для

¹³ Erman A., Grapow H. Wörterbuch, Bd. 3, c. 85.

¹⁴ См.: Gardiner A. An Unique Funerary Liturgy, c. 9—17.

времени раньше великого каменного строительства. В погребальном чине, изложенном в рукописи, участвуют «дети царевы» (JEA XLI:V), присутствие их предполагалось, очевидно, как обязательное при погребении тех, на кого был рассчитан чин. Естественно предположить, что покойником был царь. Гробница же, при которой справляется чин, не пирамида, а прямоугольное надгробие в виде «завалинки», арабской мастаба. Такие надгробия вышли из употребления для царей в начале III царского дома и были заменены пирамидами, так что чин должен быть старше начала великого каменного строительства. Однако при желании можно возразить, что «дети царевы» могли быть лишь по имени позаимствованы из царского погребального чина, что чин был вельможеский и роль «детей царевых» играли совсем не царственные лица и что, наконец, прямоугольное надгробие — в виде громадного ящика — было вместо пирамиды и у *Шпсс-к'.ф*, одного из последних царей IV дома. Но если бы рукопись и не была по своему содержанию настолько старой, чтобы свидетельствовать об употребительности слова *хэмт* в смысле «мастера вообще» еще до пирамид и каменных вельможеских гробниц, то наши данные слишком случайны и скудны, чтобы можно было заранее отрицать возможность такого словоупотребления в Раннем царстве. Далее, хотя мы и знаем, что сверла употреблялись, и одно время даже, по-видимому, очень широко, при каменном строительстве, нельзя быть уверенным, что в большинстве случаев они походили на то орудие, которое изображал знак для слов корня *хэм*. Когда на стенах гробниц бывают изображены каменотесы — при VI царском доме в гробницах верховых князей, то они всегда орудуют молотами и резцами (гробница *Йбйй*, RTDG I:XVI; гробница *Пйпй снх Хэнийй*, RTM V:XXI); сверла не были их отличительным признаком. Напротив, где на гробничных стенах бывают показаны изготовители каменной посуды, в числе их всегда имеются люди, сверлящие сосуды сверлами, одинаково при V и VI царских домах: в гробницах *Нб-м-хт(й)* (DAeAe II:XIII), *Чйй* (GAR:XXXV), *Мрр-в(й)-к' Мрй* (MM:XXX), *снх-м-с-хэр* (GAR:XXXIV=RTS:XXXIII), *Пйпй-снх Хэнийй* (RTM V:XVII=XVI), *Йбйй* (RTDG I:XIII). При этом появляющиеся иногда — у *Чйй* и у *Пйпй-снх Хэнийй* — вместе с камнеделами-посудниками камнеделы-ваятели, хотя и обозначаются, как и те, словом *хэмт(й)* «мастер», однако обрабатывают изваяния не сверлами, а молотами. Ясно, что сверло было отличительным орудием не кого иного, как изготовителей каменной посуды. Их звали *хэмт*, *хэмтй*, эти слова писали знаком, изображавшим сверло. Более чем вероятно, что первоначально *хэмт* были изготовителями каменной посуды. Общеизвестно, как распространена была каменная посуда в Раннем и Старом царствах. Бесчисленные вещественные находки, изображения в староегипетских гробницах, росписи «сокровищам» доказывают то как нельзя более наглядно.

Притом, как давно доказано вещественными находками, в Раннем царстве производство каменной посуды достигло изумительного развития как в количественном, так и в качественном отношении. *Было б только в порядке вещей, если б уж тогда слово, обозначававшее изготовителей каменных сосудов, стало обозначать искусников-камнеделов в целом и, наконец, мастеров вообще.*

§ 28. Общее обозначение для мастерской

Разные ремесленники — кузнецы, столяры, плотники, камениотесы, мастера каменной посуды, мастера по обработке самоцветов, сборщики ожерелий и ваятели — работали вместе в одном заведении, названном *йз хъмввт* «палата мастеров» (RTDG I: XIII—XVI). Слово *йз*, которое мы пока условно переводим как «палата», употреблялось также для обозначения отдельных мастерских, занятых одним каким-нибудь видом производства: в кожевенной мастерской вельможи работает «распорядитель палаты», и то же слово «палата» содержится в полуразрушенной надписи над другим работником мастерской (GAR: XXXIV = RTS: XXXIII). Такое же словоупотребление налицо в надписи G VIII: 174, если читать «распорядитель палаты рубильщиков дома царева». Однако, поскольку сочетание «палата рубильщиков» нигде больше не встречается, а «распорядитель рубильщиков» вполне употребительно (см. ниже), лучше читать: «распорядитель плотников палаты (т. е. мастерской) дома царева»; второму чтению благоприятствует и расположение знаков. Конечно, «палата дома царева» necessarily только плотническая мастерская, она могла вмещать в себя кроме плотников еще других мастеров, но, так или иначе, она, наверное, производственное заведение. Производственным заведением, именно продовольственной мастерской, будет, несомненно, и «палата пищи» (*йз джф'*), упоминающаяся еще первое время на хозяйственных печатях начинающегося Старого царства. Так как она упоминается на них в связи с именем царя *Джср*, виноградниками, «Стенами белыми», т. е. будущим Мэнфе, и местностью *Джср*(?), то имеются в виду, очевидно, заготовочные мастерские при царских виноградниках, расположенных в названных местах (MBK: IX, 5 a, b). Поскольку печати были оттиснуты на глиняных закупорках сосудов по помещении в них заготовленных впрок припасов, «палата пищи», опечатавшая их, была явно самим производством, а не просто складом.

Менее ясно значение слова «палата» в звании «распорядительница палаты дома царева» (G VIII: 175). По тому, что носительница этого звания была матерью «рубильщика дома царева», можно было б умозаключить, что ее «палата» тоже имела какое-то отношение к плотничеству, однако о женщинах-плотниках в Старом царстве ничего не слышно, и совсем не-

правдоподобно, чтобы плотническая мастерская или много-
ремесленная мастерская, включавшая в себя плотников, состояла
под женским руководством. Гораздо проще предположить, что
эта особа заведовала придворной «палатой», имевшей отноше-
ние к уборам и нарядам. Возможно, что соответствующую
мужскую должность называла надпись EG II:82. Умерший был
«распорядителем палат[ы] — — —» и носил сплошь придвор-
ные звания, из которых некоторые имели прямое отношение к
царскому убранству. Он был «тем, кто в переднем покое (*ймй
хнт*)», «предводителем дворца», «служугою божьим *Нхбт*» и «слу-
гою божьим *В'джт*», т. е. жрецом обеих царских богинь, «при-
ставником переда», «предводителем творцов волос» (EG II:82,
85). Но у нас есть и прямое свидетельство о существовании
при дворе «палаты», занимавшейся царским убранством, имен-
но «палаты волос», мы бы сказали — придворной парикмахер-
ской. При этом во главе ее оказывается тоже женщина: «Кра-
са царева, та, что при вещи царевой, предводительница шатра
(т. е. столовой), распорядительница палаты волос *Мрт-йт.с*»
(DAR:XXIV=RME:IV; ср. G V:184). Сходную «палату» по ча-
сти принадлежностей царского наряда мы имеем, наверно, в
«палате (палицы) 'мс». Один из занимавших должность «рас-
порядителя палаты 'мс» был, по-видимому, только придвор-
ным: «[распоряд]ителем завтрака царя в местах его всех»,
«таинником дома утра», т. е. посвященным в тайны помещения,
где утром убирался и облачался царь, «энхабцем главным»,
т. е. опять-таки лицом, причастным к облачению царя, ведал
царским полотном (?) и был «распорядителем ожерелья (оже-
релий?) царя» (MAE:185). Последняя должность названа не-
посредственно перед нас занимающей. Другой заведующий
«палатою (палицы) 'мс» был верховным сановником, и она
упомянута в его титуле сразу после «дома оружия», на наш
лад арсенала, притом так, что оба, если точно издание, объ-
единены под одним общим для обоих управляющих словом,
хотя в предыдущих званиях «распорядитель» повторено каж-
дый раз снова: «Распорядитель работ всех царя, распори-
тель писц(ов) грамоты царевой, распорядитель дома оружия
(и) палаты (палицы) 'мс *К'й*» (MAE:228). В объединении
«дома оружия» с палатою 'мс нет ничего удивительного, пото-
му что палица 'мс могла употребляться и как оружие. Наконец,
употребление двойственного числа — «обе палаты» — как со-
кращения для «обе палаты (чего-либо) царева», о чем будет
сейчас сказано ниже, тоже благоприятствует пониманию просто
«палаты», без определения, как обозначения некоего придвор-
ного учреждения по части царского убранства.

Если уже выражение «палата (палицы) 'мс» способно за-
ронить сомнение в том, что слово *йз* в подобных сочетаниях
надо всегда понимать как «мастерская», то в обельных грамо-
тах VI царского дома так толковать *йз* совсем невозможно.
«(Что) до распорядителя Верховья, что сотворит наряд (на)

них (т. е. служащих и работников храма) в палату наряд(ов) (?)¹⁵ царев(ых), дома надзирателя обращения (т. е. продовольственных выдач), дома книг (т. е. ведомостей) и того, что под печатью (т. е. грамот), чтобы поместить их на работу всякую дома царева, (то) впадающий в слово (т. е. дело) мятежа это. (Что) до (областного) главы всякого, великого (из) десяти Верховых всякого, распорядителя черед Верховых всякого, распорядителя поручени(й) всякого, того, кто при вещи царевой всякого, распорядителя джб' всякого, распорядителя царевых (людей) всякого, что изымет (их по) наряду, доставленному в палату грамот царев(ых), дома надзирателя обращения (продовольствия), дома книг (и) того, что под печатью, чтобы поместить их на работу всякую дома царя, (то) впадающий в слово (т. е. дело) мятежа это» (UAR:281=KDAR:против 88; то же UAR:284—285=KDAR:против 120, но с повреждениями, перестановкою «того, что под печатью, дома книг», множественным числом «распорядители черед верховых всякие», выписанными словами «их по» и заменю оба раза угрожающих заключений словами: «(то) ненавидимый царем [э]то [право, право]»; подчеркнутое выписано в надписях только раз). «(Что) до распо[рядителя] [Верховья всякого], (областного) гла[вы всякого, великого] (из) десяти Верховых [всякого], распо[рядителя черед Верховых всякого], распо[рядителя поручений всякого, того, кто при вещи] царевой [всякого], распо[рядителя джб' всякого], распо[рядителя (царевых (людей)) всякого], что сотворит наряд (на) них, — — — — [выход всякий], направление всякое, [ра]бота всякая — — — — на другой выход, на другое направление в палате {чего-то}, в палате наряд(ов) (?) царев(ых), в палате того, что под печатью, в палате дома надзирателя [обращения (продовольствия)], в палате [дома книг], чтобы поместить [и]х (?) н[а?] [работу всякую дома царя, (то) ненавидимый царем это право, право]» (UAR:290—291=KDAR:против 120; подчеркнутое выписано в надписи только раз). Ясно, что это «палаты» приказного назначения и какая-нибудь «палата грамот царевых» никак не была производственным заведением. Но может быть, *йз*-мастерская и *йз*-учреждение два уже совсем обособившихся значения, производные от некоего первоначального содержания слова? Оказывается, нет.

В староегипетских надписях, особенно в титлах верховных сановников, довольно часто попадает слово *йз* в двойственном числе — *йзвй* «обе палаты», изредка без определения, обыкновенно же с ним. Двойственное число говорит об общег-

¹⁵ См.: Goedicke H. Königliche Dokumente aus dem Alten Reiche. Wiesbaden, 1967 (Ägyptologische Abhandlungen. Bd. 14), с. 100.

сударственном значении двойных «палат», так как отвечает двойственному составу царства — из Верхнего и Нижнего Египта. Мне известны следующие учреждения такого наименования: 1) «обе палаты убора царева» (например, DARMK: XIX=79; MAE:228, 230; EG I:XI 2=15; EG III:XL=133, 135; ASAE XL:LXXXI; MG II:II=16 91, XXXIV=18 146; MM:LXII; RTS:XI; SM:IV, V, VI 1; MFPII III:61, два раза, 64; AIKMB: 120); 2) «обе палаты того, что под печатью» (DAeAe II:LXIV b; SM:IV, VI 1, VIII; RTS:XI); 3) «обе палаты чади (мрт)» (DAeAe II:LXIV b; SM:IV; MAE:230); 4) «обе палаты дома надзирателя обращения (продовольствия)» (DAeAe II:XLVIII = AIKMB:14; MAE:230). С «палатою того, что под печатью» и «палатою дома надзирателя обращения» в единственном числе мы уже столкнулись в обельных грамотах, в постановлениях, толкующих об этих палатах отнюдь не как о производственных заведениях. Видеть такое заведение «в двух палатах чади» у нас нет причины, тем более что в титулах сановников звание «распорядитель обеих палат чади» охотно примыкает к званию «распорядитель обеих палат того, что под печатью», а один раз даже написано так, что общие для обеих слова вынесены вперед в виде общего «заголовка» к остальным словам (DAeAe II:LXIV b):

«распорядитель обеих палат	{	того, что под печатью чади».
----------------------------	---	---------------------------------

Что «обе палаты дома надзирателя обращения» имели *прямое касательство к распределению вещественных благ*, несомненно¹⁶, но, что эти блага находились и тем более изготовлялись в самих «палатах», ниоткуда не видно. Иное дело — «обе палаты убора царева». В них доподлинно имелись вещественные блага, и в количествах, достаточных для раздачи знати на заупокойные нужды: «Будет дано ему (т. е. умершему) возглашение (т. е. поминальная жертва) из обоих домов белых, обеих житниц, обеих палат убора царева, из дома доставляемого (? — *схпт*) — тому, кто в чести Хъззй» (DARMK:XIX=79). Тем, что шло для поминальной службы из «обеих палат убора царева», могло быть растительное масло. «Умашение» (*мрхът*) входило в состав «убора царева», как то видно по должностям: «распорядитель умашения убора царева» (DARMK:94; MAE:300 = INCE II:LXXXVIII), «приставленник умашения убора царева дома большого (т. е. дворца)» (MAE:299, 301; с пропуском «приставленник» — MAE:301 = AIKMB:21). И это было так на самом деле, потому что в других подобных перечнях благ, отпускаемых царским «местожительством» на заупокойные нужды, именно умашение выводится из «обеих палат»: «Будет дано ему возглашение (т. е. поминальная жертва): ячмень (и)

¹⁶ См.: Gardiner A. H. The Mansion of Life and the Master of the King's Largess. — JEA. 1938, vol. 24, с. 85—88.

пшеница-двузернянка из житниц, одежда из обоих домов белых, умашение из обеих палат, вещь(и) сладкие из дома (плодов дерева) *йшд*» (MAE:279); «Будет дано ему возгласение из Местожительства: ячмень (и) пшеница-двузернянка из обеих житниц, одежда из обоих домов белых, умашение из обеих палат, (зерновидный плод) *вхъ* из дома входящего (?—*кът*), вещь всякая сладкая из дома *йшд*» (UAR:177—178). Что эти надписи пишут «обе палаты» вместо «обе палаты убора царева» — в порядке вещей. «Обе палаты убора царева» упоминаются на памятниках Старого царства много чаще, чем все прочие двойные «палаты», вместе взятые. Это были «обе палаты» по преимуществу, и сокращение «обе палаты» вместо полного «обе палаты убора царева» прослеживается совершенно отчетливо на должностных званиях. Титло «повелитель (и) князь, привратный судья (т. е. главный судья), правитель (т. е. верховный сановник), распорядитель писц(ов) грамот царев(ых), распорядитель обеих палат убора царева *Птхъ-хътп*» стоит рядом с титлом «привратный судья, муж, распорядитель писц(ов) грамот царев(ых), распорядитель обеих палат *Птхъ-хътп*» (SM:IV). Встречается даже звание «распорядитель убора царева в обеих палатах» (MAE:228), притом бесспорно вместо общепринятого «распорядитель обеих палат убора царева», так как стоит в титле верховного сановника, то звание часто его носившего, и стоит точно в том окружении, в каком то звание, бывало, употреблялось, — между званиями «распорядитель обоих домов белых» и «распорядитель обоих домов золота» (EG III:XL=133; с теми же двумя званиями, но не в том порядке и вперемежку с другими должностными обозначениями — в титле верховного сановника MG II:XLI+20 219). То, что во всех трех росписях учреждений, отпускающих блага не поминки, «обе палаты убора царева», или, что то же, «обе палаты», соседят с хранилищами разных вещественных ценностей — «обеими домами белыми» и «обеими житницами», позволяет считать и «обе палаты убора царева» не более как местом хранения потребного для царского убранства. И я не могу привести ни одного места, где они были бы прямо названы в связи с какой-нибудь производственной их деятельностью, в качестве хотя бы отчасти производственного заведения. Тем не менее косвенно кое-что намекает на то, что они все-таки, быть может, производили. Несколькими строками выше было приведено звание «распорядитель убора царева в обеих палатах» и было сказано, что оно только замена обычного «распорядитель обеих палат убора царева». В титле другого верховного сановника имеем: «распорядитель обеих чистых (мастерских); распорядитель убора царева (и?) обоих домов золота» (DAeAe II:CIII c). «Распорядитель убора царева», несомненно, заменяет более полное «распорядитель обеих палат убора царева», встречающееся в близком соседстве со званиями «распорядитель обеих чистых (мастерских)» и «распорядитель обоих домов золота»,

как в титуле верховных сановников (EG I:XI; MG II:XVI=19 154, XXXIV=18 146, XLI+20 219; MAE:228), так и в титуле «распорядителей обоих домов белых», т. е. сокровищницы (EG III:125, XL=133). Один большой вельможа состоял «распорядителем обеих палат убора царева» (EG I:XI 2+15) и одновременно величался «распорядителем убора царева всякого» (EG I:XXXV 3+34) и «распорядителем убора царева в обоих домах» (EG I:XIX=2 16). Выходит, что в званиях «распорядителей» краткое «убор царев» значило, по меньшей мере иногда, то же или почти то же, что и более подробное «обе палаты убора царева». Если же это так, то нельзя с уверенностью отрицать, что некоторые ремесленные звания по части изготовления «убора царева» могли иметь в виду «обе палаты убора царева», которые иногда были бы учреждениями, также и производящими отчасти этот «убор». Звания эти следующие: «распорядитель кузнецов золота убора царева» (MAE:116), «сборщик ожерелий убора царева» (DAeAe II:LX), «распорядитель ваятелей убора царева» (MAE:135, 350), «распорядитель мастеров убора царева» (DARMK:27=MAE:101). «Мастера убора царева» были, возможно, камнеделами (см. § 27), изготовлявшими каменную посуду для умашений. Заслуживает тоже внимания частое совмещение одним и тем же лицом явно производственных должностей с должностями по «убору цареву». О том, что «распорядители» «убора царева» или «обоих палат убора царева» бывали также «распорядителями обоих чистых (мастерских)» (см. ниже), было уже сказано. Теперь же можно добавить, что не один «распорядители», но и другие должности одинакового наименования занимали одни и те же люди по обоим установлениям — «убору цареву» и «чистым (мастерским)». Так, «распорядитель писцов чистых (мастерских)» был и «распорядителем обеих палат убора царева» («распорядителем писцов» он был еще и «обоих домов золота», и «обоих домов белых», AIKMB:120). На двух жертвенниках одного и того же лица находим сочетание «писец убора царева, писец чистой (мастерской)», хотя у умершего были и другие писцовые звания, с которыми он мог бы перемежать те два (DARMK:8, 24). Некий крупный мастер — «кузнец... в обоих домах, одаренный царев» был также «распорядителем — — — убора царева» (MAE:297). Отец этого мастера был «кузнецом дома большого (т. е. дворца), любезным, предводителем одаренных царевых, распорядителем убора царева всякого тайного дома большого, распорядителем чистой (мастерской), распорядителем обоих домов золота., распорядителем двора золота (т. е. златокузнецов)» (UAR:191=MAE:296). Однако невозможно быть уверенным в том, что «обе палаты убора царева» на самом деле что-то производили сами. «Убор царев» могли производить другие установления, и связь между ними и «обеими палатами», а также совмещение одними и теми же лицами производственных долж-

ностей и должностей «палатных», могли проистекать из единства предмета попечения, «убора царева», производимого в одном случае и блюдомого в другом. Возможно, такое объяснение даже надо предпочесть, так как при нем четко разграничивается, а не смешивается деятельность «чистых» мастерских и «обеих палат убора царева». Нельзя также не учесть, что «обе палаты убора царева» называются одним духом и в одном ряду с другими «обеими палатами», в том числе такими, которые никак не сочтешь за производственные заведения: «распорядитель обеих палат убора царева, распорядитель обеих палат того, что под печатью, распорядитель обеих палат чади (мрт)» (в титуле верховного сановника, SM:IV). Создается впечатление, что все это в какой-то мере однородные установления.

Итак, слово *йз*, хотя иногда и обозначало производственные помещения, по своему значению много шире, чем «мастерская», и перевод «палата» представляется поэтому более уместным. «Палатою» может быть как учреждение, так и на худой конец производственное заведение. За нее могла бы сойти и гробница, если считать слово *йз*, обозначавшее ее или поминальное помещение в ней (см. § 1), за то же слово, что и только что нами изучавшееся. Может статься, что связующим звеном между *йз*-мастерской и *йз*-учреждением было то, что оба в какой-то степени служили складами. Для учреждения — «обеих палат убора царева» это было показано выше, для мастерской, именно пищевой мастерской, показано в § 26.

§ 29. Изображения многоремесленных мастерских и «чистая» мастерская

Переведенное выше (в начале § 28) общее надписание изображения многоремесленной мастерской не оставляет места сомнению в том, что все изображенные тут ремесленники работают в одном заведении — «палате мастеров». Напомню еще раз, кто эти работники: кузнецы, камнерезы по части самоцветов, изготовители каменной посуды, камнесечцы, сборщики ожерелий, ваятели, столяры и плотники (RTDG I:XIII—XVI). Очень возможно, что сходным образом, с приурочением к той же «палате мастеров», было надписано изображение в соседней княжеской гробнице, потому что, насколько позволяют судить остатки самого общего надписания, а также отдельные изображения и надписи, изображенное здесь было в целом лишь вольной переделкою того, что имелось в более ранней гробнице (см. § 28). На втором, более позднем изображении видны и поныне кузнецы, ваятели, столяры и плотники; на изготовителей каменной посуды и сборщиков ожерелий намекают столы с изделиями этих ремесел — сосудами и ожерельями, но изображения самих работников если были, то пропали в со-

седних пробелах. Камнерезы и камнесечцы, возможно, были пропущены. В еще одной гробнице, тоже княжеской, но в другой, хотя и среднеегипетской области имеются надписания, касающиеся всех изображенных вместе ремесленников. Здесь князь глядит, как камнеделы сверлят каменную посуду и лощат изваяние, кузнецы плавят и куют руду, а сборщики ожерелий изготавливают украшения. Надпись перед вельможей слишком общего содержания, чтоб из нее можно было с определенностью заключить, что ремесленники трудились в одном месте и в одном заведении: «Смотрение (на) работу всякую мастеров» (RTM V:XVI). Однако небольшое надписанное изображение позади князя — «Доставка (съедобных) вещ(ей) мастерам» — подразумевает как будто если не единство заведения, то единство места. Ноша каждого из трех доставщиков дополняет ношу другого: первый несет горшок, две сумы и хлеб, второй — большой винный (?) сосуд, третий — мясо. Поэтому вряд ли хотели изобразить шествие, расходящееся по разным направлениям к далеко отстоящим друг от друга мастерским, тем более что и доставленные припасы изображены сложенными вместе (RTM V:XVI). Но в этой гробнице оба надписания имеют в виду одних камнеделов, кузнецов и сборщиков украшений; столяры/плотники, ваятели и живописцы изображены особо, на другой, хотя и соседней стене помещения, тоже на виду у князя, но только уже не стоящего, а сидящего (RTM V:XVIII—XIX). На третьей стене и, наверное, в связи с сидячим изображением вельможи над соседнею с нею дверью показаны — опять-таки особо — сапожники вместе с работниками, занятыми за станками, похожими на ткацкие (RTM V:XV 3—4, см. § 30). Оставив пока в стороне вопрос о работниках-станочниках, которые больше нигде, насколько знаю, не встречаются на староегипетских изображениях, обратим свое внимание на явное изобразительное обособление здесь камнеделов, кузнецов и сборщиков украшений с одной стороны от столяров/плотников, ваятелей и живописцев с другой и сапожников с третьей. На обоих прежде рассмотренных изображениях первые три вида ремесленников были объединены со столярами, плотниками и ваятелями, притом в первом случае определенно в одной «палате мастеров»; сапожников, правда, на тех двух изображениях не было. В других гробницах мы тоже найдем большие изображения, на которых разные ремесленники будут показаны работающими, скорее всего, вместе, однако без таких общих надписаний, которые подтверждали бы, что и тут видимость соответствует действительности. Глядя же на то, как распределены мастера по трем самостоятельным изображениям в третьем из рассмотренных нами случаев, мы при желании будем вправе усомниться в том, что показ работников вместе на изображении обязательно предполагает их совместную работу в действительности. При этом надо заметить, что состав изображений не совсем устойчив.

Отчасти мы это уже могли наблюдать на первых двух изображениях. И так же обстоит дело даже на наиболее близких к ним изображениях в других гробницах: 1) кузнецы, изготовители каменной посуды, ваятели, столяры, скорняки/сапожники, изготовители палок (остальные части изображения разрушены, GAR: XXXV=GT:CXXXIII); 2) кузнецы, сборщики ожерелий, ваятели, столяры/плотники (гробница *Вп-м-нфрт*, EG II:против 190); 3) кузнецы, изготовители каменной посуды (только остатки изображений), живописцы с ваятелями?], столяры/плотники, кожевенники, маслоделы (гробница *Йй-мрйй*, DAeAe II:XLIX); 4) кузнецы, изготовители каменной посуды, сборщики ожерелий, ваятели, столяры, маслоделы (гробница *Нб-м-хт(й)*, DAeAe II:XIII); 5) кузнецы, изготовители каменной посуды, сборщики ожерелий, ваятели и живописцы, кожевенники (гробница *Снх-м-с-хэр*, GAR:XXXIV=RTS:CXXXIII); 6) кузнецы, сборщики ожерелий, ваятель, живописцы, плотники, столяры (?), кожевенники (прочие части изображения разрушены; гробница *Йнтй*, D:XIII); 7) столяры/плотники, изготовители палок, кожевенники (гробница *Ттй Шдв*, D:XXI).

Однажды большое изображение ремесел оказывается перерезанным надвое поясом изображений мужчин, влекущих на нескольких санках несколько божниц с изваяниями вельможи. Внизу видны еще кузнецы и сборщики ожерелий, вверх — изготовители каменной посуды, ваятели, столяры/плотники, изготовители палок (часть изображений, особенно вверх, пропала; *Мрр-в(й)-к' Мрй*, MM:XXX). Маловероятным может показаться объединение в действительности в одном месте маслодели с другими ремесленными работами, тем более что оно бывает представлено и совсем в другой связи — в связи с виноградарством и виноделием (D:XVI; сама добыча масла на изображении, должно быть, отсутствовала, но сосуда под пробелом, несомненно, для растительного масла). Если во многих гробницах среди ремесел не изображено кораблестроение, то в других плотники-судостроители представлены вместе с прочими ремесленниками — в гробницах *Йбйй* (RTDG I:XV—XVI), *Джсв* (RTDG II:X), *Йнтй* (D:XIII, почти разрушено), но бывает и так, что кораблестроение имеется, но показано отнюдь не там, где большинство ремесел, а отдельно (*Чйй*, плотники-судостроители — GT:CXIX=GAR:XXXVI). Все это снова предостерегает нас от слишком поспешного переноса единства места с ремесленными изображениями в ремесленную действительность. О том же говорит и то обстоятельство, что изредка на одном изображении с обычными в таких случаях ремеслами объединяются хлебопечение, пивоварение и связанные с ними подсобные работы: кузнецы, сборщики ожерелий, ваятели, столяры — плотники, с одной стороны, и хлебопеки, пивовары — с другой (гробница *Вп-м-нфрт*, EG II:у 190); кузнецы (?), сборщики ожерелий и пивовары (*Снджм-йб*, DAeAe II:LXXIV a). В § 26 показано, что хлебопечение и пивоварение были сосредоточены

в особом заведении, ничего общего с обыкновенными ремесленными мастерскими не имевшем. То было, конечно, известно художнику, работавшему в гробнице, и потому у него пекари и пивовары никак не смешаны с остальными мастерами, но строго обособлены от них. Им отведены правая половинка каждого из четырех поясов изображений, тем же — левая, и все-таки пекари и пивовары оказываются рядом с другими ремесленниками в каждом из четырех поясов. Последний пример имеет, впрочем, не только отрицательную, но и положительную силу, поскольку показывает, что намеренное обособление или объединение тех или иных ремесел на изображении может выражать положение дел в самой жизни. В этом же смысле очень показательно, что пищевая мастерская — «затвор» — обыкновенно изображается совсем особо от других ремесел и что также особняком появляется на изображениях «дом ткачих». Как будет потом видно, это были и на деле два отчетливо обособленных производства, выделявшиеся из множества остальных.

Получается, что одних изображений совокупленных ремесел еще недостаточно, чтобы утверждать, что всегда и везде в подобных случаях изображена единая «палата мастеров». Станным образом, кроме надписи *Ибий*, она вообще нигде больше не упомянута. Ее не называет ни одно должностное звание Старого царства, и можно подумать, что обозначение «палата мастеров» было всего лишь нарицательным, общепризнанное же и общепринятое обозначение многоремесленной мастерской звучало как-то иначе. Спрашивается как?

В Старом царстве бытовало некое слово *в'бт*, которое можно перевести как «чистая»¹⁷, которое писалось всегда с определителем дома и достоверно обозначало мастерские. Какие то были мастерские — для одного из употреблений этого слова разъяснено в печати¹⁸. Именно «чистой» называлась мастерская, обрабатывавшая трупы для вечности. «Дочь царева *Мр.с-снх*; года раз 1-го (счета скота), месяца 1-го (времени года) Безводья, числа 21-го; умиротворение (т. е. опочение) двойника ее; отправление ее в чистую (мастерскую). Жена царева *Мр.с-снх*; года после счета 1-го, месяца 2-го (времени года) Выхождения, числа 18-го; отправление ее в гробницу ее добрую» (гробница *Мр.с-снх*, UAR:156—157). Иными словами, царственная покойница со дня смерти до дня погребения находилась в течение 372 дней в «чистой» мастерской. «И истребовал (я) у владыки (моего, т. е. у царя) достав[ить] ему (т. е. отцу сановника) гроб из (каменоломен) *Р'-'в* (против Мэнфе) в гробницу его эту, сотворенную (мною) ему за год (и) 3 месяца, тем временем как он (находился) в чистой (ма-

¹⁷ *Erman A., Grapow H. Wörterbuch*, Bd. 1, c. 284.

¹⁸ Там же; *Wilson J. A. Funeral Services of the Egyptian Old Kingdom*. — JNES. 1944, vol. 3, № 4, c. 201—218.

стерской положенного) срока (и) в доме собственном своем, который в (городе у пирамиды) „Иссы доброденствует“» (Снджм-йб Интй, UAR:65=DAeAe II:76). Следовательно, пока спешно сооружалась гробница, умерший пребывал сперва так долго, как надо было для обработки трупа, в «чистой» мастерской, а потом в своем городском доме. «Друг (царев) единственный Иххй рассказывает: О уставщик, люди чистой (мастерской), повивальщик (трупов), 80 (?) человек (царского) кладбища, что спуститесь в место это (т. е. склеп)! Любо ли вам, (чтобы) жаловал вас царь, (чтобы) было бытие в чести ваше добрым у бога большого, владыки погребения на (царском) кладбище? (Тогда) положите вы мне дверь эту (т. е. крышку гроба) на мать ее (т. е. гробовой ящик) способом превосходным, какой (знаете вы). Я — Хнт(й)-к', (достойный) любви. (Я) буду (за то стоять) за вами (защитником с того света)» (Хнт(й)-к' Иххй, MKhCI:XXXIX=UAR:205). Вот изображено, как несут гроб в «чистую» мастерскую. Впереди «уставщик», «повивальщик», «плакальщица», затем трое мужчин с гробом. Над носильщиками написано: «Препровождение в чистую (мастерскую) повивальщик(ов) (после того, как) состарился добре весьма». Над мастерскую надпись: «Препровождение в чистую (мастерскую) повивальщик(ов)». Видна лицевая сторона здания: высокая, прямоугольная, без окон; посреди ее дверь внутри великолепного наличника, и перед дверью навес на двух стройных столбах, увенчанных как бы пальмовыми листьями (гробница Пйпй-снх, RTM V:XLII; к такому же зданию шествие с гробом направляется там же, RTM V:XLIII). Во всех этих случаях «чистая» мастерская, конечно, то место, где готовились трупы для вечности. Но словарь отличается от *в^{сбт}* как «места бальзамирования» *в^{сбт}* как «мастерскую (для украшений и т. п.)» и ставит последнее значение на первом месте. Более того, особенно частые упоминания *в^{сбт}* в двойственном числе — «обе чистые (мастерские)» — он целиком относит к *в^{сбт}* — «мастерской (украшений и т. п.)». Другое толкование слова, сохраняя за *в^{сбт}* значение хозяйственной мастерской, сливает его воедино со значением мастерской по приговору трупу и получает единую мастерскую похоронных дел, готовившую одновременно трупы и все, что требовалось для погребения. Египетское *в^{сбт}* «чистое место» будет здесь передано как «погребальная мастерская» (mortuary workshop) предпочтительно перед «место бальзамирования». В Древнем царстве то было не только место бальзамирования, но также мастерская, где были заняты погребальных дел мастера разных родов; например, в UAR:38 мастера *в^{сбт}* ваяют и раскрашивают две ложные двери. В RTS:XXXIII (ср. XLVII) «живописец южной *в^{сбт}* Мсй» показан раскрашивающим статую. Слово «южная» подчеркивает тот факт, что имела пара этих мастерских, аналогичных другим учреждениям региональной двойственности. Например, везир К'-гм.н(й) является «надзирате-

лем двух погребальных мастерских»¹⁹. Таким образом, и «обечистые (мастерские)» объявляются двойственными по назначению: зарази и место обработки трупов, и производство всего необходимого для погребения. Которое же толкование правильнее? Ответ на это зависит, понятно, от того, окажется ли «чистая» мастерская местом обработки трупов и в тех случаях, когда такое ее назначение неочевидно на первый взгляд.

Только что встреченное нами полное обозначение заведения по обработке трупов как «чистой (мастерской) повивальщиков» намекает как будто на то, что были еще другие «чистые» мастерские — не «повивальщиков». Мне дважды попалось в надписях такое обозначение: «чистая (мастерская) царева», оба раза в составе звания «таинник чистой (мастерской) царевой» (гробница *Чнтй*, DАеАе II:XXXVII е; *Йн-к*(?)*.ф*, его сын, G IX:173, «таинник» полуразрушено, но несомненно). Может быть, это и есть мастерская, отличная от мастерской «повивальщиков»? Оказывается, навряд ли. В первом случае титул гласит: «Тот, кто при вещи царевой, властель (царского) кладбища, таинник чистой (мастерской) царевой *Чнтй*». Близость к кладбищу выражена и в другом титуле того же лица: «Тот, кто при вещи [царевой — — — (?)], распорядитель (ведомства) *гс-пр* (царского) кладбища *Чнтй*». «Властель (царского) кладбища (*хѣкѣ' хѣрт-нчр*)» принимал непосредственное участие в погребении вельмож, более того, в сообществе с теми же людьми, что и «люди чистой (мастерской)». Сравните с переведенною выше просьбою к совершающим погребение другую такого же рода: «Распорядитель работ всех царя в земле до края (ее) *Зэй* сказывает: О 80(?) человек, повивальщик, властель (царского) кладбища, должность всякая, что спустятся в место это (т. е. склеп)! Любо ли вам, (чтобы) жаловал (вас) царь, (чтобы) возглашали (т. е. приносили поминальную жертву) (для) вас на (царском) кладбище, (чтобы) было бытие ваше в чести добрым у бога большого? (Тогда) положите вы мне дверь (т. е. крышку) эту гроба этого на мать ее (т. е. на гробовой ящик) способом превосходным, какой знаете вы, подобно тому как творите вы (для) блаженного (покойника) гораздо, творившего то, что жалует владыка его. Я — *Зэй*, (достойный) любви» (гробница *снх-м-с-хѣр Зэй*, ТРС II:VI А = ТРС I:93). Возможно, что под должностью всякой как раз кроются те «люди чистой (мастерской)», что значатся в перечне первой надписи. Итак, «чистая (мастерская) царева», наверное, погребальное заведение.

Вельможи рассказывают порой о производственном заведении, которое они называют «чистой (мастерской)». Это настоящая производственная мастерская, вдобавок определенно крупная, но только что же она производит? Гробницы и части гробниц! «(Что) до гробницы этой, (то) это царь (и) государь»

¹⁹ Wilson J. A. Funeral Services, с. 202, примеч. 5.

Мн-к'в-р^c [—жив он вечно!—] (есть) давший (ее) отцу (моему), тем временем как [объ]явилось(?) — — — — — дорога рядом с плоскогорьем, (где стояли пирамиды). (Имело место) смотрение (на) работу сотворявших(?) (пирамиду) „*Мн-к'в-р^c* божествен“ — — — — — [плотник царев (и)] строитель вместе с [двумя] великими (среди) предводителей мастеров, [вместе с мастер]ами. (Имела место) остановка на нем (т. е. плоскогорье?), чтобы посмотреть (на) работу сотворявших(?) — — — — —, [при]чем поставлено было 50 людей, чтобы творить работу над [нею] повседневно в[месте с]... чистой (мастерской). Приказало величество его — — — — — [не бр]ать на урочный (труд) всякий сверх сотворения работы на ней, пока не умирогворится (т. е. закончится?) он(а?)» (*Дбхъ.н.(й)*, UAR:18—19=DAeAe II:XXXVII b). Как ни повреждена надпись, участие «чистой» мастерской в сооружении гробницы по царскому приказу, отданному при посещении строящейся пирамиды, кажется несомненным. «Великий (среди) врач(ей) *Н(й)-снх-схмт* сказал величеству его: Пускай прикажет двойник твой этот (т. е. ты), возлюбленный солнца, дать мне (подобие) двери из камня в гробницу (мою) ту (царского) кладбища. И положило величество его доставить ему (подобия) двери два из (каменоломен) *Р'-в* (против Мэнфе) из камня. Поместили их внутри хором „Воссиявает Великий (Венец) *С'хъ-в(й)-р^c*“. Приставили двух великих (среди) руководителей мастеров (и) мастеров чистой (мастерской) к ним. Творили работу над ними в присутствии царя самого. Появлялась... (положенная часть работы?) повседневно. Смотрели (фараон, что) творили с ними во дворце ежедневно. И положило затем величество его (при?)ставить подручных(?) к(?) ним, (и) расписали их лазоревой (краской)» (*Н(й)-снх-схмт*, UAR:38—39).

Менее ясно из первой и совсем ясно из второй из только что приведенных надписей видно, что двое сановников, величавшиеся «великими (среди) предводителей мастеров», как-то начальствовали над мастерами «чистой» мастерской. И эта «чистая» мастерская в обоих случаях производила работы для кладбища, была связана с ним, подобно «чистой мастерской царевой», о которой мы говорили до того. Дошло вельможеское титуло, по которому «великий (среди) предводителей мастеров» распоряжается не иною какой, как именно царевой «чистой» мастерской: «Великий (среди) предводителей мастеров в обоих домах (т. е. в обеих половинах царства), распорядитель чистой (мастерской) царя *Птхъ-шпсс*» (SSKPMK:194). Круг замыкается, и можно быть почти уверенным, что краткое «распорядитель чистой (мастерской)», без добавления «царевой», когда стоит в титуле «великого (среди) предводителей мастеров», имеет в виду то же звание, что и более полное «распорядитель чистой (мастерской) царевой».

Но «чистую (мастерскую)» упоминают титула еще многих других должностных лиц помимо «великих (среди) предводи-

телей мастеров». Одного ли и того же рода эти «чистые» мастерские с теми, которыми ведали те сановники? Два раза, в случае «чистой (мастерской) царевой», мы могли показать, что такая тождественность более чем вероятна. Теперь можно показать это и для тех званий, которые называют «мастеров чистой (мастерской)». В § 27 показано, что основным значением слова *хэмвт*, обозначающего «мастеров» вообще, было «камнеделы». Из дальнейшего будет видно, что именно *хэмвт* «камнеделы» или «мастера» по преимуществу чаще всех других ремесленников, вместе взятых, упоминаются в составе «чистых» мастерских, и прежде всего это наблюдается именно в титулах. Там, где возможно проследить, чем руководили «великие (среди) предводителей мастеров» в «чистой» мастерской, этим оказываются работы над сооружениями из камня или каменными же частями (см. выше). Слово «мастера» (*хэмвт*) в титуле этих сановников было обозначением не столько мастеров вообще, сколько мастеров по преимуществу, т. е. камнеделов, если верны излагаемые в дальнейшем соображения о смысле этого слова в староегипетских званиях второстепенных ремесленных начальников. Именно таких начальников — «распорядителей мастеров» и «смотрителей мастеров», иными словами, «распорядителей» и «смотрителей», наверное, камнеделов — мы находим в окружении «великих (среди) предводителей мастеров» (см. ниже). И определенно камнеделами — «мастерами» (*хэмвт*) чистой (мастерской) руководят два «великих (среди) предводителей мастеров» в одной из приведенных выше надписей. Тем самым мы имеем довольно веские основания для сближения, если не для отождествления «чистой» мастерской, подведомственной этим сановникам, с упоминаемой в титулах других должностных лиц.

Некоторые вельможи, большей частью верховные сановники, величают себя довольно часто «распорядителями обеих чистых (мастерских)». Одно ли и то же «чистая» мастерская и «обе чистые» (мастерские), или это существенно различные установления? Последнее может показаться не столь уж невозможным, если учесть, что «чистою» мастерскою распоряжаются обыкновенно «великие (среди) предводителей мастеров», а «обеими чистыми» мастерскими — чаще всего верховные сановники. «Распорядитель чистой (мастерской)» одновременно «великий (среди) предводителей мастеров»: *Птхъ-шпсс*, МАЕ:113=НТЕSBM:XII; другой *Птхъ-шпсс*, МАЕ:130=НТЕSBM^{п.е.}. XX (одному из этих двух *Птхъ-шпсс* принадлежит ²⁰, возможно, изваяние с разночтением звания: «Распорядитель чистой (мастерской) царя», SSKPMK:194); третий *Птхъ-шпсс*, МАЕ:377; SM:XXVIII; *С'бв Йббй*, МАЕ:375. «Распорядитель обеих чистых (мастерских)» одновременно верховный сановник:

²⁰ Borchardt L. Statuen und Statuetten von Königen und Privatleuten in Museum von Kairo, Nr. 1—1294. T. I. B., 1911 (Catalogue général des antiquités égyptiennes du Musée du Caire. Vol. LIII), c. 194.

Снджм-йб Мхэй, DAeAe II:LXXV=MAE:502; *Птхэ-хэпн*, DAeAe II:CIИ c; *Мрр-в(й)-к' Мрй*, MM:CCXII c, CCXVIIIb; *К'-гм.н(й)*, MG II:XXXIV=18 146; *Нфр-сим-р^с*, RTS:XI; *Нфр-сим-си'т*, MAE:407+409; *Пйпй-снх*, RTM IV:IV A; *Х^с-б'в-хьнм*, MFP II III:LII; *Нфр Йдв*, G VIII:XII=75. Иногда эти звания носили также люди, не состоявшие ни в «великих (среди) предводителей мастеров», ни в верховных сановниках: «распорядитель чистой (мастерской)» — *Р^с-вр*, большой придворный, EG I:XI 2=15, ср. XXXVI 6=34; *Смнх-в(й)-птхэ Йтвиш*, UAR:191=MAE:296, видный умелец; «распорядитель обеих чистых (мастерских)» — *С^снх-н'-хт(й)*, EG III:125, и *с^снх-хэ'ф*, EG III:133=XL, оба — «распорядители обоих домов белых», т. е. сокровищницы. Но имеются и такие случаи, когда «великий (среди) предводителей мастеров» оказывается «распорядителем обеих чистых (мастерских)» — (*С'бв Чтйй*, MAE:390), а верховный сановник — «распорядителем чистой (мастерской)» (*Птхэ-хэпн*, SM:VIII, от звания уцелели лишь ступня знака *в^{сб}*, буква *т* и определитель дома; *Нфр Йдв*, G VIII:90). Особенно примечателен верховный сановник *Нфр Йдв*, так как в своей гробнице он величается то «распорядителем чистой (мастерской)», то «распорядителем обеих чистых (мастерских)». И то была не какая-нибудь случайность, а вполне закономерное явление, так как сходное чередование наблюдается и в случае других званий. Так, один сановник величает себя в гробнице то «распорядителем дома белого» (*Джф'в*, MAE:251—254), то «распорядителем обоих домов белых» (MAE:252), а другой — то «распорядителем дома оружия» (*Снджм-йб Мхэй*, DAeAe II:LXXV=MAE:507), то «распорядителем обоих домов оружия» (DAeAe II:LXXV=MAE:502). Затем можно показать, что «распорядитель чистой (мастерской)» более старое, а «распорядитель обеих чистых (мастерских)» более новое звание. Из перечисленных выше «распорядителей чистой (мастерской)» первый *Птхэ-шпсс* — современник конца IV и начала V царского дома, *Р^с-вр* — середины V царского дома, *Смнх-в(й)-птхэ Йтвиш* — предпоследнего царя того же дома, второй и третий *Птхэ-шпсс* — начала V царского дома; из «распорядителей обеих чистых (мастерских)» *Снджм-йб/Мхэй* жил в конце V царского дома, все остальные — *Птхэ-хэпн*, *Мрр-в(й)-к' Мрй*, *К'-гм.н(й)*, *Нфр-сим-р^с*, *Нфр-сим-си'т*, *Пйпй-снх*, *Х^с-б'в-хьнм*, *Нфр Йдв* — были современниками VI царского дома. Таким образом, все как будто говорит за то, что «обе чистые (мастерские)» только более новое издание «чистой (мастерской)».

Титла должностных лиц и повествовательные надписи в гробницах позволяют установить, какие ремесла были представлены в государственных «чистых» мастерских помимо подготовки трупов для вечного существования, которую осуществляла «повивальщики» (*вт*) и о которой было сказано выше (в начале настоящего параграфа). Больше всего сведений о камнеделах «чистой» мастерской, особенно если причислять к ним

«мастеров» (*хъмвт*) в узком смысле, как то будет предложено сделать в подразделе главы о камнеделах. Выше уже были приведены надписи *Дбхъ.н(й)* и *Н(й)-снх-схмт*, которые повествуют о сооружении «чистой (мастерской)» по царскому приказу гробницы и частей гробницы для вельможи. То были определенно камнедельческие работы, и вторая надпись называет исполнителей «мастерами» (*хъмвт*); в первой надписи от обозначения работников остались только определители мужчин, но, надо думать, что К. Зете правильно восстанавливает его как *хъмвт*. «Мастера» — *хъмвт* неоднократно упоминаются в связи с «чистой» мастерскою в званиях должностных лиц: «распорядитель мастеров чистой (мастерской)» (*Птхъ-в'ш*, EG II:VI, 8—12; *Нфр-сшм-птхъ*, MAE:392), «наставник мастеров чистой (мастерской)» (*Птхъ-в'ш*, EG II:10, *Хмгнв*, DARMK:226; *Н(й)-св-всрт*, DARMK:127; *Хътп-йб*, ETSOSMAEUC:VI=UAR:230), «распорядитель десятка мастеров чистой (мастерской)» (*Н(й)-св-всрт*, DARMK:26; *Хътп-йб*, ETSOSMAEUC:VI=UAR:230). В случае двух «распорядителей мастеров» и одного «наставника мастеров» можно показать, что их «чистая» мастерская была, наверное, та же, что и производившая камнедельческие работы на столичном кладбище под руководством двух «великих (среди) предводителей мастеров», согласно надписям *Дбхъ.н(й)* и *Н(й)-снх-схмт*. Как известно, «великие (среди) предводителей мастеров» были тесно связаны с божествами Мэнфе — Птахом и Сокером, состояли жрецами — «слугами божьими» Птаха и Сокера (*Птхъ-шпсс*, MAE:112=HTESBM^{п.е.} XI, XIII; другие *Птхъ-шпсс*, MAE:129, 375 (=HTESBM^{п.е.} XVII), 377, SSKPMK:194; *Рс-нфр*, MAE:123=SSKPMK:20; *З'чв*, DARMK:3=I; *С'бв Йббй*, MAE:375; *С'бв* Черный, MAE:157=SSKPMK:105), а также «распорядителями дома Сокера» (*Птхъ-шпсс*, MAE:113=HTESBM:XI, XIII; другие *Птхъ-шпсс*, MAE:130, 375; SSKPMK:194; *Рс-нфр*, MAE:123=SSKPMK:20; *С'бв Йббй*, MAE:375; *Сн-мн*, DARMK:74). И вот оба «распорядителя мастеров чистой (мастерской)» — *Птхъ-в'ш* и *Нфр-сшм-птхъ* — не только сами носили имена, сложенные с именем Птаха, но и состояли каждый «слугами божьими» Птаха и Сокера. Сын *Птхъ-в'ш* — *Птхъ-шпсс* тоже носил имя в честь Птаха и был «наставником мастеров», надо думать, той же самой «чистой» мастерской, что и отец, будучи ко времени сооружения памятника, как то часто бывало, чином ниже отца по одному с ним ведомству. О существовании в «чистой» мастерской еще других родов работников по камню можно заключить по званию «наставник камнесеч(ев) (*хърт(йв)-нчр*) чистой (мастерской)» (DPMH:51).

Что в «чистой» мастерской обрабатывали руду, видно по должности «распорядителя плавильщик(ов) чистой (мастерской)», которую занимал тоже человек с именем в честь Птаха — *К'(й)-хр-птхъ*, так что и тут «чистая» мастерская могла быть все тою же — столичного Мэнфе (SSKPMK:170). О дере-

вообрабатывающей деятельности «чистой» мастерской свидетельствует звание «распорядитель столяр(ов) (*фнх*) чистой (мастерской)», которое носил «брат собственный» большого столичного вельможи, «распорядителя город(ов)» при трех пирамидах *Птхъ-хэп*, прозывавшегося, как и один из его старших сыновей, в честь Птаха (TP:XL1=GAR:II). Можно предполагать, что и эта «чистая» мастерская была столичной. Что «чистая» мастерская имела своих живописцев, доказывает должность «писца южной (стороны) чистой (мастерской)» (GAR:XXXIV=RTS:XXXIII). Так как таковым является живописец, раскрашивающий изваяние верховного сановника, предназначенное, несомненно, для заупокойных нужд, «чистая» мастерская не может быть иною, как столичной. Одновременно заметим, что и тут она опять определенно занята обслуживанием погребальных нужд. Правда, в этом случае нельзя быть заранее уверенным, что «чистая» мастерская — царская, а не собственная вельможи, хотя для приготовления для вечности труп другого верховного сановника передавался на время в «чистую (мастерскую) срока (потребного для его обработки?)», так что вряд ли его собственную (гробница *Снджм-йб Интй*, UAR:64—65=DAeAe II:LXXVI c, см. выше). Впрочем, «писцы» бывали в «чистых» мастерских, относительно которых можно быть почти уверенным, что они были государственными. «Писцом чистой (мастерской)» был *Схнт-хэр(??)-к'(й)*, занимавший целый ряд писцовых должностей, в частности должность «писца убора царева» (DARMK:I=8(=MAE:438), VI=25); «распорядителем писцов обоих чистых (мастерских)» состоял *Птхъ-шпсс*, перебывавший на своем веку также «распорядителем писцов» в «обоих палатах убора царева», «обоих домах золота» и «обоих домах белых» (по ведомству сокровищницы он дослужился до «распорядителя обоих домов белых», AIKMB:120=ThIAe:1484). Конечно, эти писцы могли и не быть живописцами, особенно второй из них. Однако живописцам необязательно было прозываться «писцами очерка», они прозывались и просто «писцами». Областной князь, говорится, смотрит на «писцов очерка», и еда поставлена для «писцов очерка», но раскрашивает изваяние князя «заклинатель, писец дома книги божьей дома большого (т. е. дворца), тот, кто в чести, *Йхйй-м-з'-пйпй*, имя его доброе (т. е. обиходное) *Йрй*», он же расписывает поставец для утвари, а сосуд расписывает «писец *Зшшн*» (гробница *Пйпй-снх Хэньй*, RTM V:XVIII—XIX). Заметим, что должность первого художника — «писец дома книги божьей дома большого» — напоминает должность *Схнт-хэр(??)-к'(й)* — «наставник писцов дома книги божьей», а также свидетельствует о существовании дворцовых библиотек со штатом переписчиков.

Получается, что в «чистых» мастерских работали разные ремесленники: камнеделы, каменотесы, кузнецы, столяры, живописцы. Если бы наши источники были менее случайными, мы, наверное, знали бы еще других ремесленников из «чистых» ма-

стерских. Но и так состав их работников сильно напоминает состав ремесленников, изображаемых вместе в гробницах вельмож. Об этих ремесленниках один раз прямо сказано, что они работают в одном заведении — «палате мастеров» (гробница *Йбйй*, RTDG I:XIII, см. § 28). Затем они обыкновенно изображаются особо от пивоваров и пекарей, равно как нет в их среде и ткачей. И обособление на изображениях отвечало действительности, потому что ткачество и пивоварение с хлебопечением были выделены в особые заведения — «дом ткачих» и «затвор» (см. § 26, 30). Значит, очень возможно, что ремесла на гробничных изображениях — иные, чем ткачество и пивоварение с хлебопечением, — мыслились не только создателями гробницы *Йбйй*, но и обыкновенно составляющими одно заведение. Но что бы это тогда могло быть — тоже «чистая» мастерская или нечто совсем иное?

За исключением «повивальщиков», обрабатывавших трупы, на ремесленных изображениях налицо все ремесла, которые становятся в связь с «чистой» мастерской (см. § 29). Мало того, и обозначения на изображениях те же. Изготовители каменных посуды и изваяний зовутся «мастерами» (*хъмвт(й)*) — в гробницах *Чйй* (GAR:XXXV=GT:CXXXIII), *снх-м-с-хър* (GAR:XXXIV=RTS II:XXXIII), *Йбйй* (RTDG I:XIII), *Пйпй-снх Хънйй* (RTM V:XVII=XVI). «Камнесечцы» названы у *Йбйй* (RTDG I:XVI), также у *Пйпй-снх Хънйй* (RTM V:XXI), но здесь они изображены отдельно от других ремесленников. «Кузнецы» упоминаются у *Йй-мрйй* (DAeAe II:XLIX b), *Вп-м-нфрт* (EG II:против 190), *снх-м-с-хър* (GAR XXXIV=RTS:XXXIII), *Пйпй-снх Хънйй* (RTM V:XVII=XVI), затем у *Тп-м-снх* (RME:XII), но налицо только обломок с кузнецами без других ремесленников; «кузнец золота» и, может быть, просто «кузнецы» названы у *Йзй* (RTDG II:XIX). «Столяры» (*фнх*) упомянуты у *Чйй* (GAR:XXXV=GT:CXXXIII) и у *Вп-м-нфрт* (EG II:против 190). Живописцы, раскрашивающие у *Пйпй-снх Хънйй* сосуд, поставец для посуды и изваяние, названы вместе «писцами очерка», но в отдельности — «писцом» и «писцом дома книги божьей» (RTM V:XVIII=XIX). Да и знаем мы о существовании «писцов» — живописцев в «чистой» мастерской — прежде всего по изображению такого — «писца юга чистой (мастерской)» — за работою над изваянием вельможи среди других ремесленников (*снх-м-с-хър*, GAR:XXXIV=RTS:CXXXIII).

Также и начальство у ремесленников в «чистой» мастерской и на многоремесленных изображениях в гробницах, там, где это возможно проследить, оказывается одинаковым. «Распорядителя мастеров»-камнеделов, изготавливающих каменную посуду, мы находим дважды у *снх-м-с-хър* (GAR:XXXIV=RTS:CXXXIII). «Распорядителя кузнецов» имеем у *снх-м-с-хър* (GAR:XXXIV=RTS:CXXXIII), *Пйпй-снх Хънйй* (RTM V:XVI=XVII), *Тп-м-снх* (RME:XII); «наставник кузнецов» есть у *Йй-мрйй* (DAeAe II:XLIX b).

Ремесленники на гробничных изображениях очень часто изготавливают предметы, которые одинаково были нужны как в повседневном быту, так и, по египетским представлениям, в гробнице. Но немало изображенных изделий имело только погребальное и заупокойное назначение. «Лощильщики» лощат гроб у *Вп-м-нфрт* (EG II:против 190). Ваятели создают изваяние у *Нб-м-хт(й)* (DAeAe II:XIII), *Чйй* (GAR:XXXV=GT:CXXXIII), *Мпр-в(й)-к' Мрй* (MM:XXX), *снх-м-с-хър* (GAR:XXXIV=RTS:CXXXIII), *Йнтй* (D:XIII), *Йбйй* (RTDG I:XIV), *Джсв* (RTDG II:X), *Пйпй-снх Хънйй* (RTM V:XVIII); то же делают камнеделы у *Чйй* (GAR:XXXV=GT:CXXXIII) и *Пйпй-снх Хънйй* (RTM V:XVII=XVI); изваяния же расписывают живописцы у *снх-м-с-хър* (GAR:XXXIV=RTS:CXXXIII) и *Пйпй-снх Хънйй* (RTM V:XVIII). Божницы, надо полагать, для тех же изваяний умершего изготавливаются у *Чйй* (GAR:XXXV=GT:CXXXIII), *Йбйй* (RTDG I:XIV), *Джсв* (RTDG II:X), возможно, у *Нб(.й)-м-хт(й)* (DAeAe II:XIII); у *Йй-мрйй* божница стоит уже на полозьях, готовая к перевозке в ней изваяния в гробницу (DAeAe II:XLIX). У *Йбйй* между «мастерами», изготавливающими каменную посуду, и князем изображены готовые сосуды с надписью над ними: «Потребное (для) жертвы мастерства уставщика», т. е. для совершения им поминального обряда (RTDG I:XIII). В таких сосудах помещались растительные масла, и семь избранных масел составляли необходимую принадлежность гробничных возлияний. Добыча масла бывает иногда изображена вместе с другими ремеслами — у *Йй-мрйй* (DAeAe II:XLIX), *Нб(.й)-м-хт(й)* (DAeAe II:XIII); у *Йй-мрйй* пояс, занятый маслodelьческими изображениями, содержит также перечень семи масел, чем ясно указано заупокойное назначение производимого работниками масла. У *Йттй Шдв* изображены вместе скорняки, сапожники, изготовители палок и столяры (D:XXI). Общая сопроводительная надпись перед князем, немного отбитая вверху, поясняла, что изделия должны были доставляться «ему в (ново)месячье всякое, праздник всякий добрый, повсе[дневно]», т. е. прежде всего в праздничные, но также и в обычные дни, как требовалось в случае заупокойных жертв. Соответственно и надпись над сапожником говорит о приготовлении приветственного дара (*нджт-хър*): «сотворение подношения». У *снх-м-с-хър* над двумя кузнецами, куящими золото, прямо написано: «Битье золота для погребального снаряжения (*р кърстт*)» (GAR:XXXIV=RTS:CXXXIII). Не иначе как части гробницы, каменные брусья или плиты, обрабатывают резцами и молотами «каменотесы» у *Йбйй* (RTDG I:XVI) и *Пйпй-снх Хънйй* (RTM V:XXI); само обозначение их, досл. «те, кто от того, что под богом», т. е. люди кладбища у подножия пирамиды фараона, полностью отвечало тут их занятию. Правда, во втором случае «каменотесы» изображены отдельно от других ремесленников.

Выходит, что многоремесленные мастерские, изображенные

у вельмож, выполняли такие же работы, как и «чистая» мастерская, и так же обслуживали погребальные нужды, как и она. Не значит ли это, что многоремесленная мастерская была тою же «чистой» мастерской? Прямой и утвердительный ответ на это дает как будто надписание живописца, раскрашивающего изваяние на многоремесленном изображении у *снх-м-с-хър*, так как то «писец юга чистой (мастерской) Мсй» (GAR: XXXIV=RTS:XXXIII). Однако, как мы скоро увидим, в многоремесленных мастерских вельмож работали также мастера со стороны — из царских мастерских. Печально, что не совсем ясна надпись над плавильщиками на многоремесленном изображении у *Ибйй* (RTDG I:XIV): *нб(й)т бй' н джрв* (или: *нджрв*) *р в'бт нт* нечеткий в издании знак +в. Первые два слова понятны, это «плавка меди». Но следующее выражение уже возможно читать двояким способом: *нджрв* и *н джрв*. Второе чтение менее вероятно, потому что *н* помещено над знаками *джр* и *р*, а не перед ними и составляет скорее всего одно целое с ними; трудно также найти сколько-нибудь приемлемый перевод при втором чтении. Остается только, как мне кажется, читать: *нджрв* и видеть в нем причастие от глагола *нджр* «хватать, держать». Лучше обстоит дело с нечетким в издании предпоследним знаком надписи. В позднем списке ее в гробнице времени XXVI царского дома этот знак воспроизведен как жезл *сб'*, *хрп* или *схм*. Однако ни одно из этих трех значений не дает удовлетворительного смысла, и потому позволено видеть в загадочном знаке знак *хъс*. Он очень похож на знак жезла и близок к начертанию у *Ибйй* (в издании нечто вроде знака *й* — метелки тростника, но со срезанным под прямым углом верхом). При таком чтении мы получаем *в'бт нт хъсв*, т. е. выражение, знакомое нам по надписи *Снджм-йб Интй*. Там говорилось о пребывании его трупа в течение некоторого времени в «*в'бт нт хъсв*» «чистой (мастерской) срока, (потребного для обработки трупа?)» (UAR:64—65=DAeAe II:LXXVI с). Разница лишь в том, что у *Снджм-йб Интй* слово *хъс* с определителем времени — знаком солнца, а у *Ибйй* нет определителя. Поэтому, может быть, надпись *Ибйй* значит нечто вроде: «Плавка меди, забираемой (??) в чистую (мастерскую) срока». «Чистая (мастерская) срока» готовила труп для вечности, и потому вполне мыслимо, что какая-то потребная для нее медь приготавлилась в другом месте. Но только какая то могла быть медь? У *Пйпй-снх Хъний* наглядно представлено, как в «чистую (мастерскую) повивальщиков» доставляют гроб с трупом и как через некоторое время приходят за ним и уносят его. При этом гроб не оставляют в «чистой» мастерской, а уносят его и потом снова приходят с ним, чтобы взять труп. И никаких других погребальных принадлежностей, естественно, не приносят в мастерскую. У *Снджм-йб Интй* после «чистой (мастерской) срока» труп находится в «доме собственном» в ожидании завершения гробницы (UAR:64=DAeAe II:

LXXVI с). У *снх-м-с-хър* похороны производятся также не из мастерской, а из «дома собственного»: «Выход из дома собственного на запад добрый» (*снх-м-с-хър*, RTS:LXXII). Правда, у *Птхъ-хъти* над погребальной ладьей написано: «Переправка из дома ткачих на запад (до)брый к богу большому» (DAeAe II:CI b), но «дом ткачих» — не «чистая» мастерская. Поэтому у нас нет оснований утверждать, что в место приготовления трупа поступали какие-либо погребальные принадлежности. Но тогда становится непонятным, какую медь могли плавить для такого места? Потому, может быть, «чистая (мастерская) срока» у *Йбйй* все-таки тождественна с мастерскою, где плавят медь? Если б это было так, тождество «чистой» мастерской, притом той именно, где готовили и трупы для вечности, с мастерскою многоремесленной, изображенной в гробницах, было бы доказано полностью. Также нам придется удовольствоваться заключением, что оно вполне вероятно и что все как будто говорит в пользу его.

Есть, однако, одно обстоятельство, которое при таком допущении способно вызвать недоумение. Чьи многоремесленные мастерские, изображенные в гробницах вельмож, — их самих или царские? Если их самих, то не странно ли, что сановники содержали большие многоремесленные заведения для таких редких и исключительных случаев, как кончина хозяина или его близких, приключавшаяся, надо полагать, никак не повседневно? Последний вопрос, несомненно, уместен, потому что, как мы сейчас увидим, на первый вопрос — чьи были мастерские? — ответить надо в том смысле, что они сполна или отчасти принадлежали вельможам. Это видно прежде всего потому, что люди, занятые в многоремесленных мастерских, бывают обозначены определенно, как принадлежащие к собственному дому, т. е. хозяйству вельможи. «Лощение ложа черного дерева лощильщиком дома собственного», «Бьется ларь лощами лощильщиками дома собственного» (*Чйй*; GAR:XXXIV—XXXV=GT:CXXXII, CXXXIII); «Собственный (человек), рубильщик [имярек]» (*Тп-м-снх*, RME:XII — столяр изготовляет ложе). У областных князей к собственным их работникам присоединяются царские, совершенно так же как на земледельческих работах (см. § 23). Один ларь лошат «рубильщик(и) дома собственного», другой — «рубильщики (царского) местожительства» (*Йбйй*, RTDG I:XIV), камень обрабатывают сообща «каменотесы (царского) местожительства (и) дома собственного, творящие то, что жалуют» (*Йбйй*, RTDG I:XVI). Соответственно надписание мастерской в целом обобщает так: «Смотрение (на) работу всякую в палате мастеров в руках мастеров всяких (царского) местожительства (и) извне» (*Йбйй*, RTDG I:XIII; полный перевод и перечень изображенных ремесел см. в § 29). У *Джв*, преемника *Йбйй*, судостроители на сходном изображении надписаны: «Судостроение мастеров дома собственного», а надпись ко всему изображению обобщает

ла: «[См]отрение (на) работу (?) — — — (царского) местожительства (и) дома собственного» (*Дж^{св}*, RTDG II:X; перечень изображенных ремесел в § 29).

Частный случай присутствия фараоновского служащего в многоремесленной мастерской имеется у *с^{нх}-м-с-хър*: над женским изваянием здесь работает «распорядитель ваятелей дома большого (т. е. дворца) *Дж^{ссм}*» (GAR:XXXIII=RTS:XXXII—XXXIII). Несмотря, однако, на присутствие среди работников царских мастеров, мастерская в целом была подотчетна управлению личного хозяйства вельможи. В многоремесленной мастерской у *Йбий* — «палате мастеров» — перед князем сидят четверо писцов, надписанных так: «писец, распорядитель дома, творящий приказ владыки своего; писец, распорядитель дома, творящий то, что жалует владыка его, (тот), что в сердце владыки [своего] — — — распорядитель дома, что в сердце владыки [своего] — — —» (RTDG I:XV). В общем надписании изображения, непосредственно за вышеприведенным началом, соответственно читаем: «счет рук мастеров всяких писцами собственными его» (RTDG I:XIII). Также у князя той же области *Йзй* запись изготовленным кузнецами сосудам ведет «писец, распорядитель дома собственного» (RTDG II:XIX).

Участие в работах княжеской мастерской царских работников не должно нас удивлять. Ведь и на поле у областных князей вместе с их личными рабочими «дружины дома собственного» трудились «слуги царицы» (см. § 23). Особенность положения областных князей в том и состояла, что в их лице соединялись частный землевладелец и областеначальник, располагавший рабочей силой своей области. Труднее объяснить появление дворцового главного ваятеля в многоремесленной мастерской у *с^{нх}-м-с-хър*, но нельзя забывать, что она работала на первого сановника государства, и даже царский ваятель мог считать честью для себя послужить такому человеку.

Вернемся к поставленному выше вопросу: зачем было содержать вельможам собственные многоремесленные мастерские, если они обслуживали только погребальные потребности и, следовательно, нужны были лишь в редких случаях — когда кончался хозяин или кто-нибудь из его близких? Бесспорно, существование многоремесленных исключительно погребальных мастерских в составе частного хозяйства вельмож вовсе не правдоподобно. Потому надо полагать, что вельможеские многоремесленные мастерские если и обслуживали погребальные нужды, то больше работали как обыкновенные мастерские на живых людей. Как уже было сказано, большинство изготавливаемых предметов вполне годилось и для живых, так как представляло собою вещи, употребительные в повседневном быту. Сам умерший мыслится на изображениях обрезающим работы еще при жизни. У *Чйй* — правда, не в многоремесленной мастерской, а в кораблестроительной, изображенной отдельно от той, — умерший даже показан стоящим на строящемся судне

посреди «рубильщиков (т. е. плотников) дома собственного» (GAR:XXXVI=GT:CXX=CXIX). В многоремесленной мастерской *Пйпй-снх Хънйй* над работниками, сверлящими каменную посуду, помещена надпись: «Смотрите вы, сановник жалует вас» (RTM V:XVII=XVI); иными словами, князь, изображенный рядом смотрящим на работы («смотрение (на) работу всякую мастеров», RTM V:XVI), является не просто потусторонним наблюдателем, но и обыкновенным зримым для работников хозяином. Да и ведут его туда за руки два его домоправителя, совсем как в обыденной жизни.

Значит, уверенными в том, что вельможеские многоремесленные заведения были «чистыми» мастерскими, мы не можем быть. Если считать последние исключительно погребальными, то не только уверенности — простой возможности предположить это у нас не останется почти вовсе. То, что удалось собрать касательно государственных «чистых» мастерских, не дает пока что права говорить об использовании их для житейских нужд помимо погребальных. Поэтому осторожнее будет — до новых известий — не отождествлять многоремесленные мастерские вельмож с «чистыми». И так поступать будет, возможно, не только осмотрительнее, но и на деле правильнее. Ведь в надписании многоремесленной мастерской, с которого мы начали эту главу, заведение, где работают многообразные ремесленники, названо не «чистой» мастерскою, а «палатою мастеров» (*Йбйй*, RTDG I:XIII). Это тем более многозначительно, что *владелец мастерской не просто придворный или столичный вельможа, а областеначальник, не частное, а владетельное лицо, которое располагало одновременно своими собственными средствами и средствами области, государственной единицы управления, которая, вообще говоря, могла бы иметь свою «чистую» погребальную мастерскую.*

Сравнение вельможеской многоремесленной мастерской с «чистой» позволяет нам, однако, сделать один положительный, и притом значительный, вывод. *Вельможеские многоремесленные мастерские и «чистая» мастерская не только совпадали во многом по составу представленных в них ремесленников, но являли по самому строению один и тот же вид промышленного заведения: объединение разных ремесел.* Тем самым, если «чистая» мастерская была отлична от изображенных у вельмож многоремесленных мастерских по своему назначению — да и то лишь отчасти, поскольку они тоже работали на умерших, — то по строению она была тою же многоремесленною мастерскою. Если не считать — для чего у нас пока что нет достаточных оснований — «чистую» мастерскую тем самым местом, где «палаты „убор царев“», а считать таковым местом «палаты убора царева» (см. выше), то эти «палаты» были бы также многоремесленными заведениями. Ведь «убор царев» обслуживали те же виды ремесленников, которые имелись в «чистой» мастерской и в многоремесленных мастерских вель-

мож. «Кузнецы золота убора царева» — в титуле *Птхъ-вср* (MAE:116) и «кузнец золота» в вельможеской многоремесленной мастерской — у *Изй* (RTDG II:XIX; изображения без званий см. в § 29). «Сборщик ожерелий убора царева» — у *Рс-инсс* (DAeAe II:LX) и «сборщики» в многоремесленной мастерской вельможи — у *Пйпй-снх Хънйй* (RTM V:XVII=XVI), также, возможно, «сборщики ожерелий», а не «сборка ожерелий» — у *Ибйй* (RTDG I:XIII) и на обломке DARMK:XLVIII+ +235 (об изображениях без таких надписаний см. в § 29). «Мастера убора царева» в титуле *Ффй* (DARMK:27=MAE:101) и «мастера» в смысле камнеделов многократно в вельможеских многоремесленных мастерских также в связи с «чистой» мастерской (см. выше). «Ваятели убора царева» — в титулах *Рс-хътп* (MAE:135) и некоего *Ттй* у *Дв'-н-рс* (MAE:350) и «ваятели», надписанные и ненадписанные, многократно в многоремесленных мастерских вельмож (см. выше); «писец юга чистой (мастерской) *Мсй*» расписывает изваяние в многоремесленной мастерской у *снх-м-с-хър* (GAR:XXXIV=RTS II:XXXIII). Естественно полагать, что многообразные ремесленники, обслуживавшие «убор царев», были сосредоточены в одном многоремесленном заведении и что этим заведением были «обе палаты убора царева», или, что то же, «обе палаты». Разумеется, такое заведение работало не на одного мертвого, но также и на живого царя, может быть, даже только на живого, если убранство умершего царя приготавливала «чистая» мастерская. Полностью выключать обслуживание мертвого царя из числа задач мастерских царского убора навряд ли возможно, потому что, как мы видели (см. выше), умощение, а может быть, еще что другое поступало из «обеих палат убора царева» даже для «нужд» нецарственных мертвецов. Обслуживание одним и тем же многоремесленным заведением как житейских, так и погребальных нужд мы могли бы с большей степенью вероятности предположить и в случае многоремесленных вельможеских мастерских. Тем самым мы будем, пожалуй, вправе считать многоремесленный состав распространенной особенностью подобных промышленных заведений в Старом царстве. С подобною многоремесленностью мы столкнулись и в староегипетском пищевом производстве при рассмотрении «затвора» (см. § 26).

§ 30. Ткацкие мастерские

Если в пищевых заведениях работали мужчины и женщины, а в других — одни мужчины, то в ткацких мастерских непосредственными производителями были женщины. Да и название ткацкой мастерской было «дом ткачих» (*пр хнм(с)т*), а не «дом ткачей». Зато руководство — а руководили знатоки данного дела — бывало в вельможеских ткацких мастерских сплошь мужским: «распорядитель», «направитель», «писец до-

ма ткачих» (писец, конечно, не был ткачом). Впрочем, нельзя исключить возможность руководства той или иной ткацкой мастерской лицом женского пола, потому что во главе даже царских заведений стояли иногда женщины. Так, у «распорядителя домов ткачих» *Нчр-нфр* старший сын был, как и отец, «распорядителем домов ткачих», дочь же *Всрт-к'* — «распорядителем дома ткачих» (DARMK:131=XXXIII). *Рвдж-з'в.с* состояла «распорядителем дома ткачих (царского) Местопребывания» (UAR:229, строки 4—5=EG I:112=LXIX I).

Насколько я знаю, ткацкий станок ни разу не изображен в староегипетских гробницах, хотя, разумеется, был издавна во всеобщем употреблении. Нечто отдаленно напоминающее такой станок изображено по соседству с вышеописанным изображением в гробнице князя *Пйпй-снх* (RTM V:XV). Идут двое «распорядителей полотна» и один «ключник», из которых второй и третий несут куски ткани, а позади работают два сапожника и девять мужчин, занятых чем-то вроде тканья или вязки. Из девяти двое работают на своеобразных лежащих станках, трое или четверо готовят нити, один лошит(?) ткань(?), над одним надпись: «Сотворение паруса». Девятый сидит подле одного из работающих на станках, как если бы всё это занятие заключалось в помощи тому. «Наполни мне иглу эту спешно. Вот, игла пуста», — говорит работник. И помощник вдевает нить или веревку в большую деревянную иглу: «Творю я согласно тому, что жалуешь ты».

В гробнице одного из верхнеегипетских областных князей времени VI царского дома, *Пйпй-снх*, перед восседающим в кресле вельможею изображены двое писцов, сидящих на земле и рассчитывающие, сколько рабочих единиц требуется в месяц и сколько в год. Что речь идет о ткацкой мастерской, доказывает то, что требуются одни лишь женщины, и то, что позади тех писцов стоит ключник (*сдж'в*) (ключники ведали также бельем), а третий писец учитывает куски ткани, которые не то вынимает, не то укладывает в ящик склонившийся над ним мужчина. Над писцами, занятыми расчетом, надпись: «Запись рук (досл. „двух рук“) служанок (*хэм(в)т*), что для потребы месячной, — 84, итого для потребы годичной — 996» (RTM V:XV). Воображаемая мастерская — довольно крупное заведение, и выражение «две руки» (*свй*) обозначало *рабочую единицу* («человеко-руки»!). Такое словоупотребление мы встретим и в гробнице другого верхнеегипетского князя того же времени — *Йбйй* (RTDG I:XIII; см. § 29). Там писцы учитывают работников многоремесленной мастерской. Видимо, «две руки» были принятым обозначением для рабочей единицы при учете и расчете.

На исходе Старого царства областной князь **нк'эв* заверял население своей области: «Никогда не отправлял (я) в ней мужчину в гребц(ы), дочь его в дома» (RTDG II:XXIV, строка 16=UAR:77). Если в «дома» и, следовательно, в «дом ткачих»

князь мог забрать даже дочь «независимого», самостоятельного жителя области, то это, конечно, мог делать вельможа с дочерьми и женами своих «собственных», зависимых людей, набирая работниц в свой «дом ткачих».

Из изображений, имеющих отношение к снабжению и награждению работниц и служащих ткацкого производства, самым обстоятельным является сохранившееся в гробнице *Птхъ-хътп* (DAeAe II:CIIIa; воспроизведено оттуда G V:49). Оно имеет и то преимущество, что подробно надписано.

Изображена приемка ткани от ткачих мастерских — «домов ткачих», мастерских, несомненно, не царских, а самого вельможи. Сопутствующее награждение работниц (о нем см. ниже) протекает как будто бы в домашней, а не в служебной обстановке: в присутствии не только самого *Птхъ-хътп*, но и его супруги. Ведь никем иным не может быть женщина, сидящая у ног вельможи, между его креслом и сложенными перед ним наградами ткачихам, одною рукою обнимающая ногу сановника, а другою держащая цветок лотоса; при этом под обоими одна циновка. Благодарственные возгласы, вложенные в уста ткачихам, относятся к одному *Птхъ-хътп*: о царе они не упоминают и зовут вельможу своим «владыкою». Награжденная украшениями женщина восклицает: «Да даст Хатхор жизнь *Иптй* (сокращение от *Птхъ-хътп*)», и ей вторит другая, получающая «отличную» ткань: «Да даст Хатхор жизнь *Иптй*, владыке (моему)». Позади писца, ведущего «запись полотна», выдаваемого работницам и их начальникам, стоят три «распорядителя полотна», но за ними «наставник ключников», и ведерко, которое он держит в правой, и длинный чехол, который он прижимает к груди левой рукой, хорошо известны как принадлежности личных прислужников вельможи, сопровождающих его при выходах. «Наставник ключников», как и три «распорядителя полотна», помещается непосредственно ниже вельможеского кресла и неотделим от предшествующих ему собратьев, так как ключники тоже ведали бельем. В пользу отнесения мастерских к вельможескому хозяйству говорят, наконец, и соображения общего порядка: староегипетским гробницам в противоположность позднейшим свойственно, как известно, довольствоваться изображениями из частного быта сановника; изображения служебной деятельности являются здесь редчайшим исключением.

К личному хозяйству, а не к государственному относятся, вероятно, даже изображения в гробнице карлика *Снб*, хотя он был не только «руководителем карликов белья» (G V:41), но и «распорядителем ткацкой мастерской дома большого (т. е. дворца)» (G V:27). Над изображением приемки им тканей и награждения ткачих сопроводительная надпись гласит: «Смотри ткани(?) дома ткачих дома северного» (G V:43), и добавление «дома северного» способно навести нас на мысль, что в виду имеется государственное заведение, именно низовое, которым

бы тогда и ведал сановитый карлик²¹. Звание «направитель дворов низового венца» в его титле (G V:27), связанное, по-видимому, с ткацким же производством²², подкрепляло б такое толкование. Но есть веские обстоятельства, ему противоречащие. Среди писцов, ведущих учет ткани, на данном изображении первое место занимает некий *Хэм-йвн(й)*; то же имя носит и первый из писцов, следующих за «распорядителем дома», при предъявлении сановнику ведомости его, несомненно, личного хозяйства: «Давание писания дома собственного (*пр джт*)» (G V:89). Далее, на изображении приемки ткани именами надписаны не только писцы и служащие мастерских, но и все пять работниц. Если последние были государственными ткачихами, подобное попечение о них в частной гробнице было бы явлением совершенно исключительным среди бесчисленных староегипетских изображений. Наоборот, если эти пять женщин были собственными работницами хозяина гробницы, увековечение их под надлежащими именами на ее стенах было бы только в порядке вещей, особенно в случае данного памятника, так как карлик заботливо закреплял в усыпальнице образы и имена своих личных слуг: карличих (G V:62, 67), гребцов (G V:67), носильщиков носилок, опахалоносца, провожатого прислужника (G V:89), скотовода, стражника (G V:77). Представление хозяину описи его хозяйства (G V:89), отчет пастухов в поголовье скота (G V:77, 78), доставка селениями, названными по имени хозяина, своих произведений (G V:45), изображенные на стенах гробницы, явно имеют в виду частное хозяйство сановника. Среди этих изображений посвященное ткацким мастерским, если б оно изображало государственное заведение, стояло бы совсем особняком. Более того, наиболее веское (наряду с титлом карлика) основание для признания данных мастерских государственными — их принадлежность к «дому северному» — не является надежным. Частное хозяйство вельможи могло тоже распадаться на две половины в зависимости от нахождения в Низовье или Верховье. В гробнице *Нфр-йрт-н.ф* при уборке льна присутствует «распорядитель дома земли Низовья» (RIEMRCB:10+207a). Может быть, разрешение трудностей кроется в своеобразном сочетании казенного и частного в вельможеском хозяйстве, о чем будет сказано в надлежащем месте. Далее, представление ведомости и ткани изображено также в гробнице *Мр-йб* (DAeAe II:XXa=AIKMB:95), и надпись при этом: «Смотр ткани (?) дома ткачих» — в точности совпадает с карликовой помимо добавления «дома северного». И тем не менее вряд ли кто заподозрит царевича, военачальника, верховного жреца Она и «распорядителя работ всех царя» *Мр-йб* в том, что он заведовал еще государствен-

²¹ Junker H. Giza V. Die Mastaba des *Šnb* (Seneb) und die umliegenden Gräber. Wien und Leipzig, 1941 (DAWW. Bd. 71, Abh. 2), с. 13.

²² Там же, с. 13—14.

ными ткацкими мастерскими и изобразил их, а не свои собственные в своей гробнице.

Вернемся к изображению в гробнице *Птхъ-хътп*. В нижнем поясе, справа, представлено не менее десятка житниц, каждая или каждые две с особым видом зерна или зерновых плодов: две с верховым, две с низовым ячменем, две с пшеницей и т. д. Налево от житниц груды зерна и двое мужчин: один с меркою в руках, нагнувшись, отмеривает зерно, другой, стоящий прямо, считает его, несомненно, вслух, поскольку это «крепкий голосом житницы». Надпись над кучей и обоими мужчинами гласит: «Отмеривание ячменя (и) полбы для *мчнт* домов ткачих». Слово *мчнт* и занесено в словарь, очевидно, только на основании данной надписи со значением «Unterhalt(?)»²³. Словарь никак не сопоставляет это староегипетское слово с засвидетельствованным только с Нового царства корнем *мтн*. Под ним в словаре находим два слова, глагол и производное от него существительное: *мтн* кого-нибудь чем-нибудь (с предлогом *м*) одарить, наградить; также только: чем-нибудь снабдить, и затем *мтнв.т* награда²⁴. Как известно, в пору Среднего царства звук *ч* в значительной части слов, его первоначально содержавших, заменился звуком *т*. Таким образом, в звуковом отношении нет препятствий для отождествления обоих корней, занесенных в разные места словаря. Значение «подарок — награда — снабжение» подходит к изучаемому изображению, где награда и содержание сплетаются воедино (см. ниже). Левее отмеривания зерна изображено сходное действие, только с заменой хлеба зерновидным плодом *вхъ*^с. Куча плодов, перед нею склоненный мужчина с меркою и стоящий прямо счетчик, вверху надпись: «Отмеривание (плода) *вхъ*^с для *мчнт*». Изображение издано в книге более чем столетней давности, и вместо *мчнт* «снабжение» там показано *с'чнт*. Однако, несомненно, лежащий столбик *с'* должен быть заменен волнистой водой (*н* «для»), а коршун ' — совою *м*²⁵.

Но не только зерно отпускается в довольствие ткацким мастерским. На следующем налево изображении внушительная груды всевозможных видов мяса, хлебов и закупоренных сосудов с пивом. Что все это предназначено для тех же мастерских, доказывается положением между описанными уже зерновыми кучами и не менее любопытным изображением в крайнем левом углу пояса.

Здесь должностное, судя по переднику, лицо вручает женщине перевязанный сверток, такой большой, что оба, дающий и принимающая, вынуждены держать его каждый двумя руками. За женщиной писец, записывающий выдачу, перед ним надпись: «Запись хлеба». Что сверток содержит хлеб, явствует из речи дающего мужчины, обращенной к получательнице: «Вот

²³ *Erman A., Grapow H. Wörterbuch*, Bd. 2, с. 176.

²⁴ Там же, с. 170.

²⁵ Таково и мнение *Junker H. Giza V*, с. 51.

хлеб. Это есть золото, которое дам (я)». Вторая часть этого обращения переводится только гадательно. Возможно, что в ней хлеб шутливо приравнен к «золотым» украшениям, раздаваемым в награду в верхнем поясе. Сходное замечание встретится нам и на изображении в левом углу следующего по направлению вверх среднего пояса.

Тут тоже видна грудa плодов, на этот раз смокв, и перед нею стоит мужчина, отмеривающий их, согнувшись, своею меркой. Над грудой, к сожалению, только краткое: «Смоквы». Позади мужчины с меркою стоит другой, со смоквою в руках. Это «писец дома ткачих». Он оборачивается к веренице мужчин и женщин, ткачих начальников и работников, приближающихся к нему с выданным им полотном, с призывом: «Идите ко (мне). Есть одежда, которую дам (я)». Перевод и значение последнего замечания сомнительны; может быть, как и в случае хлеба, здесь кроется шутка: писец раздает смоквы, что одеждy?

В самом верхнем из уцелевших поясов, где представлено оделение ткачих ожерельями и маслом, один из вручающих вознаграждение говорит получательнице: «Есть для жалуемой (постоянно)». Это может навести на мысль, что украшения предназначались только для отличившихся работников и что, может быть, вообще все изображение посвящено исключительному случаю — награждению мастерских за особенно хорошую работу. При нашем недостаточном знании староегипетской деловой речи отрицать возможность этого безоговорочно нельзя. Все зависит от того, какой смысл имело слово *мчнт*. Выше путем сопоставления с позднейшими *мтн* и *мтнвт* было получено тройное значение: дар — вознаграждение — снабжение. Можно перевод свести к простому и удобному «оделению», но от этого смысл слова в данном месте не станет яснее, так как неизвестно, какое оделение имелось в виду. Единственно только строение предложения, где *мчнт* стоит в сочетании с «домами ткачих» дает как будто бы некоторое основание понять его — вместе со словарем — как «довольствие». «Отмеривание ячменя (и) полбы для оделения домов ткачих» по-египетски будет: *х' (йт) йт бдт н мчнт пр.в хнм.вт*. Поскольку нет никаких powodов видеть в *мчнт* неопределенное наклонение, это слово не должно выражать действие, направленное на «дома ткачих», — оделение их; скорее оно должно выражать нечто, принадлежащее или причитающееся «домам ткачих», которые приданы ему как определение: «оделение-довольствие дома ткачих». Это толкование находит себе поддержку в словоупотреблении родственного изображения, о котором речь будет в дальнейшем, — награждение ткачих из гробницы 'хт-хзтп (МОР:370; воспроизведение от руки по тому же снимку — G V:46). Там при раздаче украшений дважды наряду с «даванием золота» употреблено выражение «давание пожалования (=награды)». «Пожалование» (*хззвт*) — существительное, производное от глагола

хэзй «жаловать». Этот глагол употреблен и в гробнице *Птх-хэти* на изображении раздачи украшений применительно к одной из награжденных: «Есть для жалуемой (постоянно)» — *йв н хэззт* (см. выше). Если бы и зерновые выдачи шли в порядке «пожалования», можно было бы ожидать и в случае их употребления слова *хэзвт*, но возможно, это слово было неприменимо к зерновым выдачам. Как бы то ни было, употребление *мчнт* наряду с *хэзвт* доказывает, что в первом имелся свой смысл, нетождественный с обычным словом для «пожалование — награда — знак милости». Может быть, в *мчнт* следует видеть образование от глагола *чнй* «возвышать — отличать» с помощью хорошо засвидетельствованной для отглагольных слов приставкою *м*? Тогда *мчнт* могло бы значить: «повышенное — добавочное довольствие». Это хорошо подошло бы к повышенному, праздничному настроению изображения, ср. приведенные выше возгласы ткачих в честь *Птх-хэти*, а также хвалебные отзывы о выдаваемых тканях, которые переведены будут ниже. Сочетание выдачи хлеба и пива с раздачею ожерелий и подвесок, наблюдающиеся на изображении у *Птх-хэти*, засвидетельствованы уже несомненно как особая награда в надписи *Нхбв* (JEA XXIV: I 1=II=UAR:217—219). Здесь несколько раз отличившийся управитель царских работ получает от своего владыки не только ожерелье и подвески, но также хлеб и пиво. Таким образом, истолкование изображения в гробнице *Птх-хэти* как награждение мастерских за особенно хорошую работу яствами и напитками, высококачественной тканью, украшениями и благовонным умщением является наиболее правдоподобным. Если мы сочетаем сказанное выше о принадлежности *мчнт* «домам ткачих», названным как определение к нему, с его наградным значением, мы придем к тому же его осмыслению, как «повышенное — добавочное довольствие». Но и при таком понимании данного выражения изображение и приписки остаются свидетельством о продовольственном снабжении мастерских, так как повышенное или добавочное довольствие предполагает как свою противоположность обыкновенное или основное, наградное — повседневное. К подобному выводу побуждает и само бытовое положение ткачих *Птх-хэти*. Они *ткали не на дому, а сообщая в мастерских, сдавали не часть выработанной у себя, своей ткани, а то, что произвели в хозяйском заведении*. Их награждали за хорошую работу, следовательно, *дорожили их трудом и рабочим временем, использовали их в меру возможности*. При таком положении дел кормить и поить подневольных работниц было только естественным.

По существу своему изображенное у *Птх-хэти* представляло, наверное, повседневную действительность ткачих мастерских, лишь по-праздничному приукрашенную по случаю награждения. *Выдача довольствия счетом и мерою со строгой записью и была, очевидно, тем способом, которым крупное*

ткацкое хозяйство обеспечивало воспроизводство своих работниц.

Маловероятно, чтобы свою одежду они ткали самостоятельно на дому, а не получали от того же хозяйства. Памятники полностью поддерживают такое умозаключение.

На обсуждавшемся уже изображении в гробнице *Птхт-хтп*, на котором представлены отмеривание и выдача продовольствия ткачихам, изображена и раздача им ткани, украшений и умощения. В правом углу верхнего пояса уцелели ноги восседавшего на кресле вельможи и туловище присевшей перед ним женщины, — несомненно, его жены (см. выше). Перед вельможной четою расставлены сосуды с умощениями и ларь с ожерельями. Далее налево мужчина подносит ожерелье с подвеской женщине, обеими руками укрепляющей на голове только что полученную повязку (уцелели поднятые руки, голова в повязке отбита), затем мужчина подает круглое ожерелье женщине, судя по движению рук поправляющей на груди подвеску другого ожерелья и на голове повязку²⁶ (сами украшения ныне не видны). Пораженная обилем даров, женщина восклицает: «Да даст Хатхор жизнь *Иптй*!» (*Иптй* — сокращение имени *Птхт-хтп*). Еще левее — женщина с руками в сходном положении, следовательно тоже уже получившая венчик и ожерелье с подвескою, получает вдобавок от мужчины сосуд с умощением. Украшения не уцелели, так же как сосуд, за исключением дна и подставки, но, что дар состоял из умощения, следует из речи награждающего: «Смотри, умощение сладостное». Что мужчина вручает следующей налево женщине — сейчас опознать трудно, но в одной руке, по-видимому, ожерелье. Мужчина говорит: «Есть (это) для (постоянно) жалуемой». Последние три женщины в левом углу пояса отходят — спиной к вельможе — с какою-то поклажею на плечах и полосками ткани, перекинутыми через их приподнятые руки. У двух, кроме того, по свертку под мышкою. Судя по изображениям в следующем поясе, эти женщины уходят с выданными им вещами²⁷.

Пояс, тянувшийся под только что описанным, построен сходно с ним. Справа, где в верхнем поясе за раздачею наблюдал сам вельможа, здесь стоят его представители: трое «распорядителей полотна» и впереди них «судья (и) писец *Ихтйй Красный (Рыжий)*», ведущий «запись полотна». Стоящий позади всех «наставник ключников *Ирй*» придает «домашнюю окраску» изображению, так как в одной руке у него длинный полосатый мешок, в другой — ведро со щеткой — обычные принадлежности вельможных выходов, носимые сопровождением. Ключники имели прямое отношение к хозяйскому белью и уборам, и потому нет ничего удивительного в появлении «наставника ключников», т. е. второстепенного надзирателя за ними, с дорожным мешком и умывальными принадлежностями

²⁶ Junker H. Giza V, с. 50.

²⁷ Там же.

около кресла своего господина. Но поскольку ключники ведали хозяйским бельем, а нашего «наставника ключников» никак нельзя отделить от стоящих впереди трех «распорядителей полотна», то и эти последние должны были быть не государственными должностными лицами, а служащими самого вельможи. В таком мнении укрепляет сравнение с одним из изображений в гробнице *К'-гм.н(.й)* (MG II:V=16 101, 17 102—103). На этом изображении сановник смотрит на «дары (и) овощи всякие, доставляемые из дворов его (и) из городцов его Земли низовья (и) Верховья (и) дворов двойниковых его от того, что между обоими (право- и левобережными) рубежами дома собственного», следовательно, занят не государственными, а своими частными делами. Соответственно и сопровождают его личные его «писцы дома собственного, записывающие дар». Но кроме писцов за вельможею следует еще пятеро мужчин с надписанным над каждым званием: два «распорядителя полотна», один «наставник» и два «ключника». Первые трое стоят сложа руки, совсем как «распорядители полотна» в гробнице *'хт-хътп*; первый «ключник» несет две лопатообразные палки и ведро со щеткой, участвующие и в выходе *'хт-хътп*, в руках у «наставника ключников»; второй «ключник» несет на спине бельевой мешок и хозяйскую обувь. Сходство между званиями, порядком следования, положениями и снаряжением изображенных лиц в обеих гробницах настолько разительно, что вряд ли можно сомневаться в том, что как в той, так и в другой мы имеем дело с одним и тем же общественным явлением, и, поскольку совершенно очевидно, что изображенные у *К'-гм.н(.й)* люди — его личные прислужники, «распорядители полотна» у *'хт-хътп* должны быть тоже частными служащими последнего. Этот вывод очень существен, так как, как мы сейчас увидим, «распорядители полотна» присутствуют у *'хт-хътп* при выдаче ткани управлению и работницам ткацких мастерских, и тем самым эти мастерские оказываются не государственными, а самого вельможи.

Левее писца, ведущего «запись полотна», трижды изображена раздача его, так что писец учитывает не приходящую, но расходуюмую ткань. А что изображена действительно раздача, а не приемка ткани, доказывают сами изображения, если их рассмотреть внимательно²⁸. Непосредственно перед писцом и стоящими за ним «распорядителями полотна» безымянный мужчина вручает сложенный кусок ткани «распорядителю дома ткачих». Что последний не сдает, а получает ткань, видно по его вытянутым для приема ладоням — в противоположность сжимающим ткань рукам выдающего. Свое восхищение «распорядитель» мастерской, как истый знаток своего дела, выражает восклицанием: «Смотри, ткань добрая поистине!». Левее мужчина передает, а женщина принимает продолговатый тю-

²⁸ Там же, с. 50.

чок, который каждый держит двумя руками. Мужчина говорит женщине: «Смотри ты: ткань хорошая», на что получательница разражается благодарственным возгласом в честь вельможи: «Да даст Хатхор жизнь *Иптй*, владыке (моему)!» Далее налево мужчина одною рукою протягивает полосу ткани женщине, а другою помогает ей утвердить на голове полученный тючок. Что мужчина — дающий, а женщина — получающая, видно по тому, что он действительно держит ткань между пальцами, тогда как женщина протягивает за нею раскрытую ладонь, и, наоборот, женщина держит рукою на голове тючок, в то время как мужчина только касается его ладонью, т. е. явно только поддерживает или подправляет на голове получательницы, а никак не снимает. За передачею ткани следует отход оделенных: справа налево движется шествие из трех мужчин и двух женщин. У каждого мужчины по полосе ткани в руке и по продолговатому тюку на плечах; из женщин передняя несет свой тючок на голове, задняя — на плече. Мужчины представляют руководство мастерских; позади второго написано: «руководитель дома ткачих», позади третьего: «распорядитель дома ткачих», и только первый мужчина не снабжен никаким званием. Передняя ткачиха оборачивается к задней со словами: «О(?), смотри (?), вижу (я) ткань твою».

На изображении раздача ткани и украшений соединена с выдачею тем же ткацким мастерским добавочного(?) довольствия. Та часть изображения была уже описана и обсуждена выше. Слова, обращенные к одной из получающих украшения: «Есть для (постоянно) жалуемой (*йв н хъззт*)» — указывают, что изображено было награждение за хорошую работу. Благодарственные возгласы, вложенные в уста двум женщинам, получающей украшения и принимающей полотно, говорят о том же, равно как и восторженные отзывы о ткани со стороны одного из оделенных и одного из раздающих мужчин. На то же намекает и желание женщины, обернувшейся к подруге, посмотреть ее ткань. Выданные ткани были особенно хорошего качества. Таким образом, изображенная вещевая и продовольственная выдача была, наверное, наградною за отличную работу, хотя сдача и приемка самих произведений отличившихся мастерских на изображении не показаны.

Этот пробел заполняет изображение из гробницы 'хт-хътп (МОР:370=G V:47), хотя на нем и отсутствует выдача полотна и продовольствия и награждение сводится к раздаче украшений и умещения. Вельможа, сидя, не то щупает кусок ткани, не то принимает опись, в последнем случае весьма длинную, поскольку ее подносят в развернутом виде двое мужчин. Так или иначе, дело касается полотна, потому что позади подносящих мужчин стоят несколько других и предъявляют вельможе полосы ткани, и тут же показана «укладка полотна в ларь». У ног сановника несколько родов посуды с умещениями и длинные ящики с ожерельями и венчиками. Трое мужчин, из

них один «приставленный вещей», вручает трем женщинам ожерелья. Две из них получили уже и венчики и немедленно надели на головы. Одна женщина еще ничего не получила и ждет очереди. Зато другая, получив все, отходит прочь, поправляя на груди ожерелье и венчик на голове. В нижнем поясе двое мужчин, нагнувшись, натягивают над своеобразным станком длинный кусок полотна. Каждый одною рукою оттягивает свой конец, другою — касается полотна посередине. Маловероятно, что изображено складывание ткани, потому что рядом изображен мужчина с полосой ткани в руках, а за ним два ящика, и приписка гласит: «Вынимание полотна». У станка отвесные низкие концы, между которыми вставлена почти на уровне земли длинная перемилька на низких подпорках. К сожалению, надпись, пояснявшая это действие, не может быть переведена надежно, так как ни чтение, ни значение ее глагола не может считаться достоверно установленными: «... (неопределенное) наклонение неизвестного глагола: делание чего-то относительно) четверной ткани (?) висса (т. е. тончайшего полотна) перво- (качественного), что от красного полотна». Надпись над спиною правого мужчины могла быть речью другого, что стоит между ним и ящиками с полотном. Она могла бы значить: «(Я) с палкой», если бы только в руках этого мужчины была палка, а не полотно. Также надпись должна содержать речь нагнувшегося мужчины и относиться к его деятельности. «(Я) с палкой» или «(Я) под палкой» было бы в его устах бессмыслицей; перевод же: «Есть под деревом» — дал бы приемлемый смысл, если бы дело шло о соотношении между натянутым полотном и станком — «деревом». Как видно на изображении, концы полотнища, за которые тянут мужчины, намного выдаются за края станка и, опустившись, свесились бы «под» него (под верхнюю поверхность). Если мы представим себе станок в виде низенького стола, на котором мужчины растягивают полотнище, боковой край последнего, опускающийся на изображении ниже концов станка, тоже свешивался бы «под» него, т. е. под верхнюю поверхность. Таким образом, станок мог служить измерительным прибором, на котором проверяли полноценность сдаваемых полотнищ; испытываемые куски полотна не должны были быть меньше поверхности измерительного стола, и было хорошо, если края полотнища свешивались за нее. Подобные измерительные приборы находили себе широкое применение в тогдашнем производстве, точнее, при приемке его изделий. Так, принимаемые хлебы опускались в особые сосуды, и, по тому, как тот или иной хлеб заполнял такой сосуд, определялась полноценность хлеба (гробница Чйй, GT: LXXXVI = GAR: LXX = TT: LXVII = LXVI; *снх-м-с-хър*, RTS: XXV; *Тп-м-снх*, GKN: 123; *Хнт(й)-к' Йххй*, MKhCI: IX). Пиво также сливалось в испытательные сосуды (гробница *Хнт(й)-к' Йххй*, MKhCI: IX; ср. в гробнице *Тп-м-снх*, GKN: 123). Подробнее о поверочной посуде и способах приемки произведений пекарни

см. в § 26. С предложенным толкованием согласуется и левая сторона изучаемого изображения. В этой части пояса, непосредственно около станка, стоит «писец дома белого», т. е. хранилища всевозможных вещественных ценностей, и ведет запись полотна. Левее писца стоит домоправитель, т. е. главный управляющий (или один из главных управляющих) вельможеского хозяйства в целом. Перед домоправителем надпись, начинающаяся тем же загадочным глаголом, что и надпись над станком: «... (т. е. делание чего-то относительно) полотна в присутствии распорядителя дома». Позади домоправителя, следовательно, в крайнем левом углу пояса стоят двое мужчин, из которых каждый назван «распорядителем дома ткачих». Странно было бы, если б писец дома белого, распорядитель дома и двое распорядителей дома ткачих только затем здесь и присутствовали, чтобы наблюдать за раскладыванием и складыванием полотна. То обстоятельство, что писец пишет, ясно показывает, что происходит учет изделий. Зачем писец и остальное начальство ждали бы, пока разложить и сложат каждый кусок, вместо того чтобы просто пересчитать полотнища, если б эта раскладка не была бы связана с проверкой каждого из них? Проверка могла быть *качественной* и *количественной*. Для первой низенький станок, над которым начальству пришлось бы нагибаться почти до земли, чтобы рассмотреть достоинства или недостатки ткани, был бы прямой нелепостью. Встряхнуть и развернуть полотнище перед поверяющим, предоставив ему с удобством глазами и руками убедиться в добротности ткани, было несоизмеримо проще и целесообразней. Очевидно, только *количественная* проверка могла нуждаться в такого рода станке как испытательном приборе. Любопытно, что при приемке хлеба и пива с помощью поверочной посуды также присутствуют и пишут писцы (гробницы *сх-м-с-хър, Чйй, Хнт(й)-к', Тп-м-схх*), «распорядитель дома» возглавляет приемку (гробница *Чйй*), а руководство производства является сдающим (гробница *Чйй*) — совсем как на нашем изображении.

Итак, последовательность действий, изображенных в гробнице *'хт-хътп*, можно представить себе так. Сперва домоправитель принимает полотно от управляющих ткацкими мастерами — с проверкою размера полотна по столу установленной величины и с занесением в опись; затем высшие должностные лица вельможеского хозяйства — двое домоправителей, не управляющих мастерами, так как в передниках с выдающимся передом, — вручают опись (?) хозяину, которому предъявляется и само полотно, после чего оно закладывается в ларь. Награждение работниц ожерельями, венчиками и умашением ведомости(?) и ткани или вслед за тем, но только, наверно, по окончании приемки домоправителем.

Что оделение ткачих у *'хт-хътп* было наградою за хорошую работу, а не очередной выдачею, доказывается составом да-

ров: одни украшения, ожерелья и венчики, и умашение без полотна. Да и надписи сами дважды говорят о «даче пожалований» (*рдыт-хъзвт*). Что ткачихи, награждаемые *'хт-хътп*, были его собственными, а не государственными работницами, доказывается тем, что поверка и учет выработанного ими полотна производится в присутствии «распорядителя дома», каковой на староегипетских гробничных изображениях неизменно возглавляет личное хозяйство вельможи.

Очень близко к изображению из гробницы *'хт-хътп* сильно поврежденное изображение в гробнице *Нб-м-'хт(й)* (DAeAeE: XXXIV=G V:51). Изображение самого хозяина целиком погибло, но, судя по остаткам женского изображения позади, вельможу сопровождала на этот раз его супруга (как у *Птхъ-хътп*). Перед четою четыре пояса изображений. В конце верхнего уцелел только последний мужчина со сложенным полотенцем в руке,—вероятно, здесь была показана доставка ткани вельможе. В нижнем поясе остались двое мужчин, в противоположность верхнему идущие от вельможи со сложенными полотенцами в руках, и третий, к которому те двое направляются и который, судя по согбенной спине, укладывал предьявленную сановнику ткань в ныне разрушенный ящик. В средних двух поясах было показано награждение ткачих, чьи изделия осматривал вельможа. В верхнем из этих поясов видны два ящика, полные украшений, и мужчины, подносящие эти последние хозяину. В нижнем мужчины вручают работницам ожерелья, и те прилаживают на груди их подвески, а на головах награжденных венчики. Перед двумя женщинами, занятыми этим делом, стоит на земле по высокому сосуду с умашением. На то, что мастерские были частными, как на сходных изображениях у *'хт-хътп* и *Птхъ-хътп*, указывает участие в осмотре ткани и награждении работниц супруги *Нб-м-'хт(й)*. Видимое отсутствие полотна среди раздаваемых предметов, сводящихся как у *'хт-хътп*, к украшениям и умашению, указывает на то, что изображена была не очередная выдача, а награждение.

Значительно менее подробно изображение в гробнице *Снб*. В верхнем поясе (G V:43=Va) двое мужчин предьявляют хозяину гробницы сложенные полотнища. Надпись поясняет, что это «смотр произведений (?) дома ткачих двора северного». Поясом ниже трое писцов ведут учет (G V:43=Va). Писца же и мужчину с перевязанным свитком мы видим в третьем поясе (G V:45=Va), только здесь записывают явно не полотно, а выданные в награду украшения, так как перед писцом стоят два ткача, только что награжденные ожерельями и венчиками: один прилаживает на затылке ожерелье, другой—венчик на голове. В нижнем поясе (G V:45=Va) три ткачихи; все три в наградных ожерельях; у одной, кроме того, на голове венчик, тоже только что полученный, так как награжденная еще занята его надеванием.

Естественно, подарки следуют за сдачею изделий, и за

отсутствием других даров помимо украшений изображено может быть только награждение, а не очередная выдача. Сложнее вопрос, собственные ли мастерские изображены у *Снб* или государственные, состоявшие под его управлением. Сам карлик *Снб* состоял наравителем карликов полотна, ведавших царским бельем (G V:41, 109, два раза), и одно из званий сановитого карлика можно понять как «распорядитель ткацкой мастерской (*мр*) дома большого», т. е. дворца²⁹. Некоторые другие звания *Снб* также могут указывать на его причастность к ткацкому делу³⁰. Наконец, определение «дома ткачих» в пояснении к осмотру *Снб* тканей как мастерской «дома северного» подходит как будто бы более к государственному, чем к частному, заведению. Тем не менее есть веские обстоятельства считать, что мастерская принадлежала самому *Снб*. Один из писцов, ведущих запись по ткацкой мастерской во втором поясе нашего изображения, носит имя *Хэм-йвн(вй)*, и с таким же именем находим мы писца на другом изображении, на котором представлена «подача писания дома собственного» *Снб* распорядителем дома *Йн-к(')*.ф, «писцом *Хэм-йвн(вй)*» и «писцом *Хэп-к'*». Если одноименные писцы тождественны (а тождество их вполне правдоподобно³¹), один и тот же писец обслуживал бы и ткацкие мастерские, и частное хозяйство *Снб*, так как дом-то его «дом собственный» (см. главу «Понятие собственности»). Далее, все лица, причастные к ткацким мастерским, названы у *Снб* по имени, не только писцы и мужчины, предъявляющие полотно или получающие украшения, но также ткачихи. У *Снб* же как раз было в обычае надписывать изображения людей, находившихся в услужении лично у него, их именами. Так, названы по имени двое гребцов (G V:62), кормчий (G V:62) и лодочник (G V:67), катающие хозяина в челноках, пастух и вводящий его для отчета мужчина (G V:77), двое слуг, несущие *Снб* в носилках, служитель, держащий над ним сень, и слуга, несущий вослед ему его трость и дорожный мешок (G V:85), вышеупомянутые «распорядитель дома» и двое писцов, предъявляющие хозяину ведомость по его личному хозяйству («дому собственному») (G V:89), наконец, все девять мужчин, заупокойных жрецов или домоладцев, несущих умершему яства и напитки (G V:87, 93). А то, что дом ткачих отнесен к «дому северному», следовательно низовому, в противоположность «южному», верховому, не много значит: частное хозяйство («дом») вельможи могло тоже распадаться на два дома — низовый и верховый. На изображении уборки льна в гробнице *Нфр-йрт-н.ф* прислуживает распорядитель дома Земли низовья (RIEMRCB:10+207a=GAR:XLV). Правда, «дом Земли низовья» (*пр н т' мхѳв*) и «дом северный» (*пр мхѳт(й)*) разные наименования — а все, что нам известно о «доме

²⁹ Там же, с. 12.

³⁰ Там же, с. 13—15.

³¹ Там же, с. 21.

северном», и есть его наименование,— но вполне возможно, что оба «дома» означали одно и то же, т. е. хозяйство вельможи в Низовье. И это тем более возможно, что оба «дома» в гробницах, где они упомянуты, стоят в связи с одним и тем же видом сырья — льном, только в одной усыпальнице лен убирают с поля, а в другой уже предъявляют хозяину переработанным в полотно.

Остается упомянуть еще обломок изображения награждения работниц украшениями (G V:53). Стоят четыре женщины с надписанными вверху именами и ожерельями в руках. Изображение примечательно, потому что на нем отчетливее, чем на более полных, приметна неодинаковость в награждении отдельных работниц³². В то время как у трех женщин из четырех в руках только по одному ожерелью и нет никаких украшений вокруг шей, у женщины, стоящей впереди этих трех, в руках два ожерелья, а вокруг шеи дважды обмотано еще третье, спадающее затем на грудь и заканчивающееся на ней подвескою (возможно, что это сложное украшение состоит из трех самостоятельных частей: двух нашейных обручей и цепи с подвеской³³; тогда у передней женщины было бы еще больше ожерелий — не три, а целых пять, но мне кажется, что предложенное выше толкование нашейного убора проще и правдоподобнее). Хотя на обломке нет никаких указаний, что изображенные четыре женщины — ткачихи, однако сходство с соответствующей частью изображения у *Снб* настолько велико, что данное изображение должно быть одного рода с описанными выше³⁴. У *Снб* три награжденные украшениями женщины стоят в нижнем поясе узкого, вытянутого в длину изображения, и над каждой написано ее имя; то, что видно на обломке, тоже нижний пояс, притом такого же узкого изображения, женщин несколько, и все они стоят, и все снабжены украшениями, и над каждой написано ее имя. Все говорит за то, что женщины с ожерельями в руках — награжденные работницы, и, так как других изображений раздачи наград работницам, кроме как ткачихам, в староегипетских гробницах как будто бы нет, а таковые изображения зато встречаются неоднократно, те четыре женщины на обломке должны быть тоже ткачихами. Передняя женщина, награжденная в отличие от остальных несколькими ожерельями, будет тогда или старшей ткачихой, или особой искусницей.

Награждение ожерельями производилось не только в производстве. Раздача их изображена также в поминальном храме царя *С'хъ-в(й)-р^c*, очень сходно с описанными выше гробничными изображениями³⁵, только награжденные здесь отнюдь не работницы, а виднейшие царедворцы (GKS II:LIII, LIV), равно как и в поминальном храме царя *Нй-вср-р^c* (GKN:76). Из

³² Ср. там же, с. 52.

³³ Там же.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же, с. 55.

жизнеописания распорядителя царских работ *Нхбв* мы также узнаем, что этот сановник неоднократно получал от царя в награду за успешное выполнение порученных работ ожерелья, а также хлеб и пиво (JEA XXIV:I 1=II=UAR:217—219). Награждение сановника хлебом и пивом тем любопытнее, что их мы находим и среди продовольствия, выдаваемого одновременно с ожерельями ткачихам *Птхъ-хъти*. Но тогда подлинно ли простые работницы те женщины, что получают украшения на гробничных изображениях? Не надзирательницы ли они или низшие руководительницы производства, т. е. тоже должностные лица, люди до известной степени чиновные? Ведь даже самые ответственные должности по руководству ткацким производством были доступны женщинам. Так, в гробнице *Мр-св-снх* на видном месте названа мать хозяина: «распорядительница дома ткачих Местопребывания, та, что в чести у бога большого (на том свете), *Рвдж-з'в.с*» (EG I:112=LXIX 1=UAR:229). Эта особа была действительно ткацкою «сановницею», так как стояла во главе мастерских, была «распорядительницею», не подчиненной надзирательницею, притом мастерских столичных — самого царя. Такими важными особами женщины, награжденные *Птхъ-хъти* и прочими хозяевами гробниц, конечно, не были, и вообще никаких заведений не возглавляли. У *Птхъ-хъти* наряду с женщинами получают награды (ткани, смоквы) также и мужчины; эти мужчины и оказываются начальством мастерских. Здесь и «распорядители мастерских» — следовательно, главное начальство, — и «направители дома ткачих» — надо думать, начальство второго разряда, — и, наконец, «писец дома ткачих». В гробнице *Снб* ожерельями наделяются также мужчины, и притом изображены они поясом выше награжденных женщин, ближе к хозяину, восседающему в самом верху изображения. Вполне возможно, что эти мужчины были начальством стоящих под ними ткачих, однако у *Снб* выписаны только имена награжденных, без указания званий, и поэтому возможно также, что те мужчины были рядовыми ткачами. Сравнение с изображением в гробнице *Птхъ-хъти* говорит, правда, в пользу первой возможности. Но возвратимся к женщинам, награжденным этим вельможею. Они не были ни «распорядителями», ни «направителями», ни «писцами» «дома ткачих» — все эти должности присвоены на изображении мужчинам. Но не были ли эти женщины все-таки не простыми работницами, а низшим начальством мастерских? Однако ни у одной из изображенных женщин — а изображено их много — ни разу не указано должностное звание, в то время как у всех награжденных мужчин, за одним исключением, это звание указано. Далее, даже на уцелевшей части изображения число награжденных женщин значительно превышает число награжденных мужчин. Сохранись верхние изображения, разница в числе могла бы быть еще разительнее. Но и так количественное соотношение между чиновными мужчинами и нечиновными

женщинами примерно такое, какого можно было бы ожидать на условном изображении между руководством производства и производителями. Не будут также начальственные мужчины управлением производства, а нена начальственные женщины непосредственным производственным руководством. Как показано в § 29, начальники староегипетских ремесленных производств были вовсе не управленческими работниками, а мастерами своего дела, поэтому подобное обособление управления от непосредственного производства не соответствовало бы египетской действительности. На родственном изображении в гробнице *'хт-хътп* производственная природа даже такой начальственной должности, как «распорядитель дома ткачих», подчеркнута скромным рабочим нарядом обеих ее носителей — куском ткани, обернутым вокруг бедер, резко отличным от чиновного передника с широким выступом на присутствующем тут же управленческом работнике — «писце дома белого», ведущем учет полотна. Если же начальственные должности и руководство производством были одно и то же и первые были присвоены на изображении у *Птхъ-хътп* одним мужчинам и ни одной из многочисленных женщин, последние должны были быть простыми работницами. Да и согласно приписке к изображению «отмеривания ячменя (и) полбы для *мтнт* дома ткачих», довольствие выдается не руководству, а «домам ткачих» в целом. Получательницей хлеба при этом изображена женщина безо всякого звания.

Может показаться странным, что простые работницы в частном хозяйстве получают такие ценные награды, как «золото». Но в этом «золоте» золотыми были разве только оправы, сами же ожерелья и подвески были, несомненно, из муравленых бус. А то, что подневольным ткачихам давались почетные награды, совсем как высшим чинам двора и государства, не столь уж удивительно после изложенного в главе «Отношение к труду»*.

Где находились вельможеские ткацкие заведения? В гробнице *Шпсс-р^c* имеется полуразрушенное изображение, посвященное ткацкому делу. Перед сидящим сановником помещена надпись, сохранившаяся почти целиком, за исключением небольшого пробела, содержавшего, очевидно, второй ' от глагола *м''* «смотреть»: «Смотрен[ие] (на) учет (в издании: *хъс* + + звезда + свиток, читать надо, конечно, *хъсб* + скрещенные палочки + свиток) властелей дворов его Низовья (и) Верховья» (DAeAe II: LXI b, LXIV).

Перед вельможею расположены были четыре пояса изображений, и один пояс помещался еще в самом низу, под теми и под изображением умершего. Верхний пояс вовсе разрушен. Во втором поясе сверху видны еще должностное лицо, представляющее сановнику ведомость, и другое такое же лицо (су-

* Глава в рукописи отсутствует.

дя по выступающему переднику), возможно, со свертком ткани под мышкой. Пишущий, сидя на земле, писец мог быть, судя по остаткам титла, «[распорядителем] черед Верховья», но такое звание как будто слишком для него высоко. В третьем поясе сверху можно опознать «распоря[дителя] (уцелело только *м, р* разрушено) дома», предъявляющего хозяину ведомость, и пишущего, сидя на земле, писца, повернувшего в данное мгновение лицо свое назад. В остатках надписи перед писцом можно при желании прочесть слова «бить» и «властель». В четвертом поясе сверху опять должностное лицо со свертком (ткани?) под мышкой и пишущий, сидя на земле, писец, остальное все разрушено. Несколько содержательнее самый нижний длинный пояс. Помимо писцов здесь можно опознать еще должностное лицо — в выступающем переднике, — стоящее у больших весов. Весы помещены примерно посередине пояса, и вот поверху его, налево от весов, тянется двухстрочная надпись, как на беду тоже поврежденная. Но кое-что все-таки можно уразуметь по воспроизведению более чем столетней древности.

«Смотрение ...управа дома (читай: *пр* вместо *х*), которая за [(деланием чего-то по отношению к)] властелям.

— — — писец в ткани... — — — [(такой-то ткани(?))] сотворена (?) жердь (?) (ткань?) *тп шсп* (?)³⁶ сотворено (?) столько-то (?; или это *мнт* = новоегипетскому *мнй* ~ „род меры платья“³⁷)» (DAeAe II: LXIV).

Конец надписи переведен мною только полноты ради и, наверно, совсем неверно. Единственное достоверное, что можно вычитать из обеих строк, это то, что перед «управою (*дж'дж'т*) дома (собственного)» вельможи отчитываются его властели и что, очевидно, отчет этот касается полотна, которое как раз и записывается. Что речь шла действительно о полотне, представляется несомненным, потому что прямоугольный знак с выступающей по бокам каймою вверх и загнутой крючководно веревкой или нитью посередине, переданный в моем переводе как «полотно», не может означать ничего другого, как ткань. Умерший был правителем или верховным сановником государства (так называемым везиром), и потому возможно было бы предполагать, что отчет касался государственного ткачества. Однако упоминание «управы дома (собственного)» в нижней надписи и появление «распоря[дителя] дома», т. е. управляющего личным имуществом вельможи, с ведомостью в руках в среднем поясе исключают такую мысль. Потом общая приписка к изображению полностью подтверждает частновладельческий смысл его, называя хозяйственные единицы, с властелями которых сводит счет вельможа, «дворами *его*». Приписка к верхнему писцу, если она вправду содержала его должностное звание и оно было государственным и немаловажным, отнюдь не противоречила бы прочим недвусмысленным показани-

³⁶ Ср.: Junker H. Giza V.

³⁷ Erman A., Grapow H. Wörterbuch. Bd. 2, с. 66 (*mn*).

ям, так как очень многие лица тогда, даже будучи в крупных чинах, совмещали государственную службу со службою у больших господ.

Таким образом, изображение в гробнице *Шнсс-р^c* как будто действительно свидетельствует о том, что в его «дворах», управлявшихся властями, производилось для него полотно. Подтверждением тому может служить появление в списках селений, принадлежащих ему или иному вельможе, названий 'хт-хътп в области Чебеннута (греч. Севеннита) упомянуто селение «Ткачиха *Птхъ-хътп*» (MPAS II:XXXIV), названное так, очевидно, еще при отце хозяина, градоначальнике *Птхъ-хътп*. Такое же название содержит и список селений в гробнице *Птхъ-хътп* правителя (SM:XII), притом для того же Низовья (SM:XVII 7), только *Птхъ-хътп*, чьею объявлялась «ткачиха», был другим лицом. В перечне селений в гробнице *Сим-нфр*, по прозвищу *Хъб'*, одно из селений именуется «Ткачихою *Сим-нфр*» (MAE:398). От царя, несомненно, перешло к вельможе селение «Двор „Ткачиха (царя) *С'хъ-в(й)-р^c*“, упомянутое на видном месте в списке деревень в гробнице *Пхъ.н-в(й)-к'* (DAeAe II:XLVII); возможно, что селение оставалось ткаческим и по пожаловании вельможе. Первое и последнее селения, бесспорно, существовали на самом деле, о втором и третьем утверждать это с решительностью нельзя: они могли быть выдуманы нарочно для гробничного списка; но, как бы то ни было, они свидетельствуют о распространенности «ткаческих» прозваний для деревень в те годы.

Изображение в гробнице *Шнсс-р^c*, если правильно наше понимание, показывает, что расположенные в селениях, управлявшихся властями, ткацкие заведения вельмож в какой-то мере находились и в ведении властей, и те тоже были за них в ответе.

Нетрудно понять и то, почему ткацкие мастерские были расположены в селениях. Ткачихами, как мы видели, были «служанки» (*хъмвт*), а таковые могли быть женами и дочерьми зависимого мужского населения деревень³⁸.

§ 31. Руководство мастерских

Как и прочие отрасли вельможеского хозяйства, мастерские были подотчетны «управе дома собственного» (см. § 33). В гробнице *Чйй* при вельможе, смотрящем на ремесленные производства, находится и «управа дома собственного» (GT: CXXXII). Вельможеские «распорядители дома» входили в состав этих управ. Подобно тому как мы видим «распорядителей дома» за расчетом рабочих рук, нужных ткацкой мастерской (RTM V:XV), при приемке изделий ткацких мастерских

³⁸ См. для Среднего царства: Берлев О. Д. Трудовое население Египта в эпоху Среднего царства. М., 1972, с. 67.

(MOP:370=G V:47) и отчете пищевых заведений (GT:LXXXV—LXXXVI=GAR:LXX), так и в «мастерских мастеров» дело не обходится без этих высших управляющих вельможеским хозяйством (о них см. § 33). В гробнице верховного сановника *Мрр-в(й)-к'* показано, как его «распорядитель дома» *Йхй* отвешивает медь, а писец ведет ей запись (MM:XXX). В гробнице областного князя *Йзй* запись выкованным сосудам ведет «писец, распорядитель дома собственного» (RTDG II:XIX). Когда областной князь *Пйний-снх* идет «смотреть работы всех мастеров», его ведут за руки два «распорядителя дома», а третий следует сзади (RTM V:XVI).

На надписанных изображениях в гробницах вельмож, насколько знаю, нет ни «распорядителей» мастерской мастеров (см. § 28), ни «распорядителей чистой (мастерской)» (см. § 29). Может быть, таковых и не было у вельмож? Зато «распорядители» отдельных отраслей ремесленного производства обильно представлены на изображениях. Только эти «распорядители» не были просто управляющими работниками, они были знатоками своего ремесла и сами участвовали в производственной работе наряду с простыми ремесленниками. «Распорядитель кузнец(ов) *К'-хр-[п]тхъ*» кует медь на одной наковальне со своим кузнецом (RME:XII). Но конечно, «распорядитель» выполняет и начальнические обязанности: «распорядитель кузнецов» отвешивает работникам медь, сидя вместе с писцом, ведущим запись отпускаемому под навесом на изящных столбиках (GAR:XXXIV), и «распорядитель кузнец(ов)» предъявляет вельможе выкованный сосуд (RTM V:XVI=XVII; подобное, впрочем, мог сделать и простой работник, RTM V:XVI=XVII). «Старейшина судостроительного заведения, распорядитель древоделов (*мджхъвв*), (тот), кто в головах (у) царя» (значит, одновременно царский чиновник!) *Хъннийтй*(?) сидит, как подобает начальству, на циновке подле двух работников, лошащих ложе, и тешет длинный брус (RTM V:XVI=XVII). Тот же, «кто в головах (у) царя, распорядитель древодел(ов) *Хъннт(й)*» работает теслом, сидя на циновке, и говорит двум работникам, которые обрабатывают топорами бревнышко: «Обрубите дерево это, спешите, (да) дадите вы (м)не его, (и) сотворю я работу с ним» (RTM V:XVI=XVII).

В гробнице областного князя *Йбйй* «распорядитель древодел(ов)» отделяет топором доску подле строящейся ладьи (RTDG I:XV), но тут же мы видим «распорядителя древоделов» уже не в простом рабочем опоясании, а в начальственном — с выступом спереди — и отдающего распоряжение (RTDG I:XIV). В гробнице *снх-м-с-хър* «распорядитель камнедел(ов)» показан сидящим на земле вместе со своим подчиненным и, как он, сверлящим каменный сосуд (GAR:XXXIV). Начальник торопит работника, а тот отвечает: «Сотворю (так), что пожелаешь ты, распорядитель!» Тот же или другой распорядитель камнедел(ов) лощит каменный сосуд, сидя на земле

против простого «камнедела», занятого такой же работой (GAR:XXXIV). Два кожевенных работника сидят на земле и работают. Перед тем, который кроит обувь, стоит «распорядитель мастерской» (*ймй-р' йз*) и растягивает на подставке кожу (RTS:XXXIII). Само собой разумеется, что «распорядители ваятел(ей)», одни ли (RTS:XXXIII) или с помощниками (RTS:XXXIII; RTM V:XVIII), собственноручно работали над изваяниями. В последнем случае (RTM V:XVIII) «[распо]рядитель ваятел(ей) *Ч'в*» представлен большим и в длинном опоясании, а «ваятель *Сбк-м-хѣ'т*» — маленьким и в опоясании коротком.

Если «распорядители» участвовали в общей ручной работе, то в ней, естественно, принимало участие и второразрядное руководство — «наставники» (*схѣджв*). «Наставник кузнец(ов) *К'й*» обрабатывает самолично сосуд (DAeAe II:XLIX *b*). «Наставники мастеров (т. е. камнеделов)» лощат изваяние вельможи (SO XVII 2:[10]). «Наставник(и?) ваятелей» работают над вельможескими изваяниями (SO XVII 2:[10]).

§ 32. Снабжение работников продовольствием

О продовольственном снабжении мастеров повествуют изображения в пяти гробницах.

В гробнице областеначальника *Пйпй-снх* князь, ведомый двумя управляющими хозяйством («распорядителями дома») и сопровождаемый третьим, шествует «смотреть работу всякую мастеров» (RTM V:XVI). Одни мастера сверлят каменную посуду и лощат изваяния, другие плавят и куют медь, третьи изготавливают украшения. Позади князя трое мужчин несут довольствие работникам. Первый держит, опирая о плечи, большой чан и продолговато-округлый хлеб, а с согнутых локтей свисает по суме. Второй несет большой сосуд, наполненный чем-то намного выше краев, если только это не большой хлеб. Третий мужчина несет на плечах какую-то увесистую снедь («переднюю бычью ногу?); через согнутый локоть у него подвешен кусок мяса. Над мужчинами представлены сложенные на земле рыбы, мясо, две груды длинных хлебов, рядом же стоят два больших сосуда. Надпись перед несущими и сваленною едою поясняет, что изображена «доставка вещи (с определителем продолговатого хлеба, значит, „доставка пищи“) мастерам».

В гробнице другого областного князя, *Пйпй-снх* (по прозвищу *Хѣнйй*), князь занят «смотрением на писц(ов) очерка (и) на работу вая(телей)». Один из «писцов очерка», т. е. художников, человек с известным положением в обществе — «(жрец-)уставщик (*хѣрй-хѣбт*), писец дома книги божьей (т. е. дома священной письменности) дома большого (т. е. царского дворца), чтимый *Йхѣйй-м-с'-пйпй*, (а) имя его доброе (т. е. дружеское) *Йрй*» (в одном случае он окрашивает изваяние князя,

RTM V:XVIII, в другом — расписывает поставец с сосудом, RTM V:XIX). Тут же «писец *Зишин*» раскрашивает сосуд (RTM V:XVIII). «[Распо]рядитель ваятел(ей) [*И?*]ч'ий» и его помощник, «ваятель *Сбк-м-хѣ'т*», делают вместе статую князя (RTM V:XVIII). Над просто «писцом» и просто «ваятелем» изображены две груды еды (мясо, хлеба, лук) и между ними большой закупоренный сосуд. Надо всем этим надпись: «— — — пища (уцелели знаки хлеба и пива) для писц(ов) очерка (и) ваятелей» (RTM V:XVIII).

Угощающимися ваятелей мы видим вне мастерских. В гробнице *Шпсс-р^c* подле кресла вельможи, развлекаемого пляской, пением и игрою (на арфе и дудке), сидит на полу «баловень (*мхънн*) его (т. е. вельможи), ваятель *Нфр-йхй*», и перед ним низенький столик со смоквами и еще каким-то плодом, а рядом сосуды с напитками (DAeAe II:LXIa). В гробнице *Птхѣ-хѣтп* «баловня его, возлюбленного им, того, кто в чести у него, распорядителя ваятелей *нх-н-птхѣ*» везут в легком челноке; перед ваятелем поставлена разная еда, а мальчик поит его из длинного сосуда (TP:XXXII=E:65 111).

В гробнице того же областного князя *Пйй-снх*, по прозвищу *Хъний*, представлены за работою пятеро «камнесечцев» (*хъртй-нчр*) (RTM V:XXI). Что они не люди со стороны, а свои работники, видно по тому, что их изображения надписаны не только их рабочим званием, но также их именами. Рядом навалена особенно богатая пища: хлеб, мясо, овощи, плоды, напитки.

В гробнице областного князя *Йбйй* нижний пояс стены занят следующим изображением. В крайнем правом углу производится «взвешивание меди» на больших стоячих весах. Далее, в направлении слева направо, следуют одна за другой такие работы: «сверление сердолика», «лощение сердолика», «битье золота, сотворенного листом» (т. е. листового золота), «плавка меди». Медники, раздувающие огонь через свои трубки, занимают крайнее слева положение. В остающемся в левом узком пространстве стоит мужчина с сумкой и корзиной, полной небольших закупоренных сосудов, предназначенных, может быть, для разгоряченного горла плавильщиков³⁹. Вряд ли возможно сомневаться в правильности определения издателям предметов в корзине как пивных сосудов. Можно было бы подумать, что мужчина подносит плавильщикам слитки меди, такие же продолговато-яйцевидные, как изображенные в знаке «медь» в двух надписях данного пояса. Однако оба эти знака окрашены в синий цвет, свойственный в египетском искусстве меди, тогда как низ одного из шести яйцевидных предметов в корзине сохранил красную раскраску. Далее, все шесть предметов перехвачены выше середины поперечной чертой, точь-в-

³⁹ Davies N. de G. The Rock Tombs of Deir el Gebrâwî. Pt I: Tombs of Aba and Smaller Tombs of the Southern Groups. L., 1902 (=Archaeological Survey of Egypt. 11 memoir), с. 20.

точь как пивные сосуды на изображениях обыкновенно пересе- чены в этом месте чертою, знаменующей начало глиняной шап- ки — закупорки. Пивные сосуды, закупоренные остроконечною шапкой из глины (ила), были тоже продолговато-яйцевидными, как предметы в корзине, и, сделанные из обожженной глины, были сами красного цвета, как на изучаемом изображении. Если в корзине у мужчины было пиво, естественно предполо- жить вместе с издателем, что в суме была еда⁴⁰. Можно было б и тут начать сомневаться, не нес ли мужчина в своем коше- ле сыры для рабочих, поскольку к весам в правом углу пояса, снабженным вместо чашек крючками, подвешено с каждой стороны по кошелю. Однако кошель носильщика и весовщиков разного рода. Кошель с медью или с гирями, как содержащий большой груз, имеет две ручки зеленого цвета, без всякого узора и относительно мелок. Кошель же у мужчины с корзи- ною имеет одну, зато длинную ручку, частично по меньшей мере красного цвета, пересечен поперечными полосами и снаб- жен каймою, к тому же относительно глубок. Все указывает на то, что сумка у мужчины не рабочая и не рассчитана на пере- носку тяжелой руды. Существенно и то, *как* мужчина несет кошель. Он надет на согнутую руку, без того уже отягчен- ную корзиною с пивом, свешиваясь с руки в месте сгиба в локте, так что содержимое явно не может быть слишком уве- систым. Да и вообще вряд ли египтянин изобразил бы мужчи- ну с напитками в одной руке и с сурою с производственным сырьем, а не съестными припасами на другой. Вдобавок сума тождественна с двумя сумами, которые нес, притом также на согнутых руках, мужчина у *Пйпй-снх*.

⁴⁰ Там же.

ВЕЛЬМОЖЕСКОЕ ХОЗЯЙСТВО КАК ЦЕЛОЕ (§ 33)

Общим обозначением для рабочего населения вельможеских хозяйств служило слово *мрт*. На основании ряда его написаний О. Д. Берлев показал, что еще в среднеегипетскую пору ощущали связь *мрт* с корнем *мрй* «любить»¹. Поэтому подходящим переводом для *мрт* было бы русское слово «дружина» как производное от слова «друг». Однако с «дружиной» у нас связываются представления, настолько отличные от смысла египетского слова, что лучше будет передать *мрт* древнерусским «чадь», родственным слову «чадо» и тем самым оттеняющим «дружескую» связь между *мрт* и тем, чья она была. Что для египтян Старого царства слово *мрт* не значило «челядь», показывает одно из надписанных изображений в гробнице областного князя *Пйпй-снх* Среднего (RTM IV:IX). Шествие восьми мужчин с разными приношениями надписано так: «Приход *мрт* дома собственного, подносящих (?) годовую жертву (?) всякую, вещь всякую добрую». И вот перед каждым мужчиною значится его титул, совсем не вяжущееся с обычным представлением о *мрт*: «(Тот), кто в головах (?) (у) царя, брат его (т. е. князя) *Птхъ-п*», «Честной (муж) царев, б[р]ат его *Пйпй-снх* Черный», «Честной (муж) царев, б[р]ат его *[Х]в-[н]-вх*», «(Тот), кто в головах (?) (у) царя, брат его *Хъпй*», «Распорядитель дома *Птхъ-п*», «Наставник врач(ей) *Н(й)-снх-хънм*», «Распорядитель дома *Н(й)-св-хънв (?)*», «Старшина дома — — —». Конечно, все восемь — лица не слишком высокопоставленные, но все же и не из народа. Если титула и были приписаны впоследствии (за исключением одного, они выведены лишь белую краскою) и не эти лица имелись в виду, когда надписывалось изображение в целом, то все-таки не сочли же зазорным подвести под наименование *мрт* лиц с заметным положением в обществе.

Старое царство делало различие между сельским населением и рабами.

Царский зодчий *Мрй-р^с-мрй-птхъ-снх*, состоявший в молодом

¹ Берлев О. Д. Трудовое население Египта в эпоху Среднего царства. М., 1972, с. 128, 142—144; он же. Общественные отношения в Египте эпохи Среднего царства. Социальный слой «царских *ḥmww*». М., 1978, с. 5.

сти при своем состоятельном брате, так повествует о том времени:

«И назначили его рубильщиком царевым — строителем, (и) властвовал (я) [для] него (над) городцом (т. е. управлял принадлежащим брату селением); творил (я) для него вещь всякую (т. е. все) в нем (т. е. городце) гораздо.

И назначили его другом единственным (царевым), рубильщиком царевым — строителем в обоих домах (т. е. обеих половинах царства), (и) учитывал (я) для него им[уще]ство его всякое; больше было вещей (т. е. добра) в доме его против дома сановника всякого.

И назначили его распорядителем (государственных) работ, (и) повторял (я) речь его всякую (т. е. передавал все его распоряжения) там (тем самым образом), за кои жаловал он.

А учитывал (я) для него вещь(и) (т. е. имущество) в доме собственном его сроком до 20 лет.

Никогда не бил (я) человека всякого (т. е. какого-либо) там до (того, что) являлся он павшим под пальцами (моими).

Никогда не порабощал (б'к) (я) людей всяких (т. е. каких-либо) там» (UAR:216—217).

Значит, те поселения, которыми он управлял, не считались рабами, не были «порабощенными».

В распоряжении о своих заупокойных жрецах вельможа, неизвестный нам по имени, пишет: «Не даю быть властну [детям (моим), братьям (моим)], сестрам (моим), потомству (моему) всякому, наставник(ам) (т. е. второразрядным начальникам) слуг двойника, надзирателям (т. е. третьеразрядным начальникам) слуг двойника, [слугам двойника всяким в пашне], люд[ях], вещь[и] всяк[ой], сотворенных (мн)ою им (т. е. слугам двойника), чтобы возглашать (т. е. приносить заупокойную жертву) мне, в работнике (б'к) и[х], [работнице их], в братьях их, в сестрах их помимо возглашения (т. е. принесения заупокойной жертвы) [(мн)е там] (на кладбище) в гробнице собственной (моей), что у (пирамиды) „Велик Х'.ф-р“, согласно с повинностью (?), (связанной) с пашней, людьми, [вещью всякою, сотворенными (мною) им, чтобы возглашать для (меня)] там» (UAR:11—12). В самом же конце сохранившейся части распоряжения сказано: «(Что) до городцов (моих) собственных, что от *в'бвт* (чистоты, т. е. чистых??), за которые [о]ни жречествуют — — —» (UAR:15).

Продолжение, к сожалению, отсутствует, но если сопоставить последние уцелевшие слова с неоднократным упоминанием в надписи «пашни, людей, вещи всякой, сотворенных (т. е. выделенных) (мною) им (т. е. заупокойным жрецом)» за отправление поминальной службы, то можно предположить, что «пашня, люди, вещь всякая» были городцов вельможи. Неоднократное упоминание в этом словосочетании «людей» (*рмч*), а не «рабов», тогда как именно «рабами» названы слуги самих заупокойных жрецов, заслуживает внимания. «Люди», выделяе-

мые вместе с пашнею вельможею, видимо, не считались рабами, хотя *незаконно* их было возможно продать (см. § 12).

Чадь населяла «городцы», на наш лад села или деревни, но у египтян Старого царства одно и то же слово «нэ» (*нвт*) обозначало и сельские поселки, и города, вплоть до столичных (см. § 15). Областной князь *Йбйй* изобразил у себя в гробнице двенадцать селений в виде женщин с приношениями в корзинах на головах и подписал под ними, в частности, такие слова:

«Сотворил (я) эти (селения) [к]ак городцы собственные (мои) чисто из „(да) умиротворится (и) даст царь“ (т. е. из царского дара), данного (мн)е величеством владыки (моего), [чтобы] сотворить (мн)е па[шн]ю — — — [э]ти с (*хър*) чадью собственною, причем были полны они быками, козами, ослами и [з] сотвор[енного] мышцею (моею) (?)»² помимо вещ[ей] (т. е. имущества) отца (моего)» (RTDG I:VII=UAR:144—145). Городцами управляли «властели» (*хъкхъ'в*, см. § 15), и им была подвластна чадь. Недаром в гробнице *Хв-н-вх* чадь названа в тесной связи с ними: «Доставка приветственного подношения детьми его, братьями его, властелями его, чадью его дома собственного, слугами двойника дома собственного» (ASAE XII:140=ASAE III:256). Хотя заупокойные жрецы, казалось бы, были выше по общественному положению, чем чадь (см. § 12), однако она названа впереди них, непосредственно следом за властелями, как тесно с ними связанная (управляемые и управляющие). Властели, в свою очередь, были подведомственны «управам дома собственного», в состав которых входил «распорядитель дома» (т. е. управляющий хозяйством — *ймй-р'пр*).

Вельможеские городцы могли быть и часто бывали разбросаны по всему Египту: и по Нижнему и по Верхнему (см. § 15), притом по разным областям. В гробнице *Птхъ-хътп* и *'хт-хътп*, отца и сына, перечислено до дюжины областей и в некоторых из них по многу селений (TP:XXXIV, XXXV; MPAS II:X, XIII=XV, XIV=XVI).

Основываясь на изображении в гробнице *Нфр-йрт-н.ф* (GAR:XLIV=RIEMRCB:10), легко было бы счесть, что крупное вельможеское хозяйство состояло из двух половин, низовой и верховой, находившихся каждая под управлением особого «распорядителя дома». На этом изображении полевыми работами распоряжается «распорядитель дома Земли низовой». Однако у вельмож бывало и по несколько «распорядителей дома». Областного князя *Пйпй-снх* ведут за руки два «распорядителя дома» — *Йч'й* и *Вх-м-з'ф*, а позади идет еще третий — *Нфр-хър* (RTM V:XVI). *Нфр-хър* упоминается и в другом месте княжеской гробницы (RTM V:XII), и ввиду сходства титулов с ним, возможно, тождествен «распорядитель дома» *Нфр-хър-вх* (RTM V:XXXIII). Всего чаще изображен в гробнице «распорядитель дома *Йч'й*» (помимо RTM V:XVI еще RTM

² Восстановление издателя.

V:XV, XXVI, XXXII, XXXIV). Но в ней упомянут и четвертый «распорядитель дома» — *Бйв* (RTM V:XV). У другого князя той же области, *Пйпй-снх* Среднего, было не менее трех домоправителей — *Хьнм-снх* (RTM IV:IX), *Мр-вх-снх.ф* (RTM IV:XIV), *Нфр-б'кът* (RTM IV:XVI). У верховного сановника *Мрр-в(й)-к'* их было по меньшей мере четыре: *Ихй* (MM:XXX), *Х'й* (MM:LI), *Хъв.ф-р.й* и *Мрйнн* (GAR:XC).

Вельможеский «распорядитель дома» ведал как сельским хозяйством, так и ремесленным производством. В гробнице *Нфр-йрт-н.ф* изображены полевые работы (пахота, сев, теребление и унос льна), и тут же «распорядитель дома Земли низовой» (GAR:XLV=RIEMRCB:10). В гробнице *Пйпй-снх* Среднего позади князя, смотрящего на пахоту, стоит «распорядитель дома *Мр-вх-снх.ф*» с ведомостью в руках (RTM IV:XIV). В ведении «распорядителя дома» находилось и собранное зерно. В гробнице *К'-зм.н.(й)* мы видим «распорядителя дома» у житниц, откуда отмеривают зерно и плоды (GAR:128, ср. LXV; MM:XII). При учете зерна он присутствует и в гробнице *Н(й)-к'в-хър* (ES III:LXII). Он находится при вельможе, когда переучитывают скот — гробницы *Пйпй-снх* Среднего (RTM IV:XVI), *'х-мрвт-н(й)-свт* (GAR:LXIX), а в гробнице *Пйпй-снх* *Хънйй* «[рас]порядитель дома *Ич'й*» даже сам ведет запись (RTM V:XXXII). То же делает в гробнице *Ибйй* «писец, распорядитель дома, что в [сер]дце владыки своего, *Снй*» (RTDG I:XXI=XI). Не менее деятелен «распорядитель дома» в вельможеских мастерских. В гробнице *Хнт(й)-к'* «распорядитель дома *Ихй*» отвешивает медникам медь, а писец ведет ей запись (MM:XXX). В гробнице *Изй* запись выкованным сосудам ведет «писец, распорядитель дома собственного» (RTDG II:XIX). В гробнице *Пйпй-снх* рассчитывает количество рабочих единиц, потребных ткацкой мастерской, «писец, распорядитель дома *Ич'й*» (RTM V:XV), и тот же *Ич'й* подносит для осмотра князю готовую ткань (RTM V:XXVI). В гробнице *Чйй* приемку изделий в пекарне возглавляет «распорядитель дома *Хън*» (GT:LXXXV—LXXXVI=GAR:LXX). В гробнице *Мрр-в(й)-к'* за носилками жены вельможи шествует «распорядительница дома», но, каков был круг ее обязанностей, неизвестно (GAR:XI).

При такой всеобъемлющей хозяйственной деятельности «распорядители дома» не могли не быть близкими и influentialными лицами у вельможного хозяина, и неудивительно, что ими нередко бывали лица с заметным положением в обществе: «писец грамоты царевой, распорядитель писц(ов) пашни, возлюбленный владыки своего, творящий жалуемое им повседневно, распорядитель дома, что в сердце владыки своего, *Ич'й*» (гробница *Пйпй-снх*, RTM V:XVI, XXVI, XXXIV); «наставник слуг божьих (т. е. жрецов), (тот), кто в головах (?) (у) царя, распорядитель дома *Нфр-хър-вх*» (там же, RTM V:XXXIII, ср. XII); «(тот), кто в головах (?) (у) царя, дома большого (т. е. дворца), наставник слуг божьих, распорядитель дома

Мр-вх-снх.ф» (гробница *Пйпй-снх* Среднего, RTM IV:XIV); «судья, распорядитель [пис]ц[ов], распорядитель дома *Птхъ-кхр*» (гробница *'хт-хътп*, MPAS II:XX); «(тот), кто в головах (?) (у) царя, распорядитель дома, ...творящий жалуемое владыкой своим, *Бйв*» (гробница *Пйпй-снх*, RTM V:X1); «врач дома большого (т. е. дворца), распорядитель дома *Н(й)-снх-хьнм*» (гробница *Пйпй-снх* Среднего, RTM IV:IX).

Сохранились гробницы, принадлежавшие домоправителям больших вельмож, пусть относительно скромные, но тем не менее каменные. Гробница «(того), кто при вещи (?) царевой, распорядителя дома (жреца) *с(т)м*, предводителя (одетых в опоясание-)шенто» *Мр-в(й)-к'* была пристроена к стене пышной гробницы большого сановника *Рс-вр*, домом которого он управлял (EG I:XLII=63, 62). Имел гробницу и «распорядитель дома, писец житницы, писец дома белого (т. е. хранилища вещественных ценностей), писец череды, собственный (человек) его (т. е. вельможи) *Птхъ-нб-нфрт*», хозяином же «дома» был «князь правильный, распорядитель работ всех царя *Мхъй*» (G VI:226—227).

Как и *Птхъ-нб-нфрт*, «распорядители дома» были одновременно писцами. Мы часто видим их ведущими записи (RTM V:XV, XXXII; RTDG II:XIX) или стоящими с письменным набором под мышкой (G VIII:83=XIV; MG:V, XII; GAR:LXV, CXXVIII). В их титулах иногда впереди звания «распорядителя дома» значится звание писца (RTDG II:XIX; RTM V:XV). Но домоправители возглавляли и целое писцовое управление, включавшее в себя помимо самого «распорядителя дома» то или иное количество писцов и «(того), кто при книге» (т. е. блюстителя ведомостей) (GAR:LXX=GT:LXXXV—LXXXVI; GT:CXXIX, CXXXII; ASAE XVI:266; GAR:LI; G IV: между 36 и 37). «Распорядитель дома» изображен обыкновенно на первом месте, впереди своих помощников (GAR:LXX=GT:LXXXV—LXXXVI; ASAE XVI:266; GAR:LI; GT:CXXXII; DAeAe II:LXXI); исключение — G XI:209, где, видимо из-за своего титула, «распорядителю дома *Сшм-нфр*» предшествует с ведомостью в руках «судья, писец, наставник слуг двойника (т. е. заупокойных жрецов) *Схътпв*» (G XI:209=A1KMB:10). Иногда к этому писцовому управлению присоединяются учетные работники житницы: «мерящий» (зерно меркою, DAeAe II:LXXI), «писец житницы» (G XI:209; GAR:LI), «крепкий голосом» (выкрикивающий количество измеряемого, GAR:LI; DAeAe II:LXXI, с добавлением определения «житницы»).

Поскольку данное учреждение называлось «управою (*дж'дж'т*) дома собственного», было бы естественно думать, что оно имело отношение к вельможескому хозяйству в целом, было одно на все хозяйство. Однако, насколько я знаю, нигде в составе управы не показано более одного «распорядителя дома». Но если управа была одна, то в ней должно было состоять несколько «распорядителей дома», когда их было у вельмо-

жи три или четыре (см. выше). К несчастью, в гробницах таких вельмож как раз нет изображений управы, так что остается неясным, бывало ли в подобных случаях по несколько управ в хозяйстве при каждом «распорядителе дома», или домоправители все вместе состояли в единой управе.

Как учреждение, ведавшее учетом и отчетностью вельможеского хозяйства, управа показана в гробницах вникающей в разные его отрасли. Вот она шествует для выполнения своих обязанностей: «управа дома собственного, считающая вещи в городцах его (т. е. вельможи)» (гробница *Хэп-н(й)-пхъ*, DAeAe II:LXXI). Она сопровождает хозяина при «смотре (за) битьем (т. е. тереблением) льна, жатвой ячменя (и) пшеницы-двузернянки, уборкой (т. е. увозом на ослах с поля), нагромождением на гумнах в городцах дома собственного» (гробница *Чйй*, GT:CXXI). А вот «управа дома собствен[ного], которая мерит [(какое-то зерно)] — — —...доставленное из Верховья дворов его дома [собственного] — — —...» (гробница *Шнсс-р^c*, DAeAe II:LXII); она же принимает зерно от управляющих, когда производится «учет (поставок) властей управую дома собственного» (гробница *К'-м-нфрт*, MAE:246). Управа ведет учет скота — «счет управую дома собственного» (гробница *Чйй*, GT:CXXIX); возможно, представляет соответствующую ведомость (гробница *Сшм-нфр* IV, G XI:209); записывает птицу (гробница *Шнсс-р^c*, DAeAe II:LXI b); присутствует при смотре хозяином птицы (гробница *Чйй*, TT:XXVII = XIX = GT:XXIII). «Управа дома собственного» принимает отчет от заведующего «заповедником» — хлебным и пивным производством (та же гробница, TT:LXVII = LXVI = GT:LXXXV—LXXXVI). Она тут как тут при смотре вельможею своих ремесленников — медников, ваятелей, столяров, кожевников и т. д. (та же гробница, GT:CXXXII). Она заседает и пишет подле хозяина даже тогда, когда тот под звуки игры и пения тешится с женою шашками (гробница *К'-м-нх*, G IV:между 36 и 37).

В вельможеском хозяйстве непрестанно велись учет наличия, учет поступлений, равно как и учет выдач. На гробничных изображениях писцы присутствуют и пишут, где только можно. Готовые описи вельможе представлял «распорядитель дома» (GT:CXXVIII; TT:XLIV; DAeAe II:XCVI; MM:LI; VZGPG:18—19), или сын вельможи (VZGPG:V; DAeAe II:IX, где помимо старшего сына представляющими опись «писцами» названы еще три или четыре сына), или кто-нибудь другой, имеющий отношение к писцовому делу (DAeAe II:LXXXIX c). Хранили и ведомости за прошлое время: в гробнице *Шнсс-р^c* «(тот), кто при ведомост(ях)», т. е. их хранитель, достает для вельможи «писание прошлого года» (DAeAe II:LXI b). В гробнице *Пйй-нх* «писец, распорядитель дома *Йч'й*» ведет «запись рукам служан(о)к (*хъмт*)», нужным ткацкой мастерской (RTM V:XV).

В конечном итоге вся власть в хозяйстве восходит к вельможе, владельцу «дома собственного». Вельможа осуществляет верховный надзор за всем, на изображениях постоянно за всем смотрит, и ему обо всем докладывают. Все хозяйство — его «дом собственный»: должностные лица и подневольное население, поселки, угодья, производственные заведения, животные. И все это как «дом собственный» *противополагалось как свое государственному.*

**СОКРАЩЕННЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ ИЗДАНИЙ,
В КОТОРЫХ ВОСПРОИЗВЕДЕНЫ ИЛИ ОПИСАНЫ ИСТОЧНИКИ**

- ДССГЭ — *Лапис И. А., Матве М. Э.* Древнеегипетская скульптура в собрании Государственного Эрмитажа. М., 1969.
- ИГАИМК — Известия государственной Академии истории материальной культуры. Л.
- ИДЕ — *Шуринова Р.* Искусство древнего Египта. Живопись, скульптура, архитектура, прикладное искусство. М., 1972.
- ГИДЕМСС — *Павлов В. В., Матве М. Э., Беляев Н. А.* (фотографии). Памятники искусства древнего Египта в музеях Советского Союза. М., 1958.
- ПИДЕЭ — *Пиотровский Б. Б.* (редактор), *Ланда Н. Б., Лапис И. А.* Памятники искусства древнего Египта в Эрмитаже. Л., 1974.
- ХДИТ — *Лурье И. М.* Хрестоматия древнеегипетских нератических текстов. Вып. 1. Л., 1948 (Ленинградский государственный университет. Восточный факультет. Кафедра египтологии и африканистики).
- ЧСПЕСЦ — *Перепелкин Ю. Я.* Частная собственность в представлении египтян Старого царства. М.—Л., 1966 (=Палестинский сборник. Вып. 16 (=79)).
- ЭИСПКСА — *Струве В. В.* Этюды по истории северного Причерноморья, Кавказа и Средней Азии. Приложение — Эрмитажные стелы (с. 270—346). Л., 1968.
- A — *Petrie W. M. F.* Abydos. Pt 2. With a chapter by F. Ll. Griffith. L., 1903 (Egypt Exploration Fund. Memoir 24).
- Ae — *Aegyptiaca.* Festschrift für Georg Ebers zum 1. März 1897. Lpz., 1897, с. 8—15. — *Borchardt L.* Ein Rechnungsbuch des königlichen Hofes aus dem Alten Reiche.
- AeIKKHV — *Wreszinski W.* Aegyptische Inschriften aus dem K. K. Hofmuseum in Wien. Lpz., 1906.
- Ath — *Petrie W. M. Flinders.* Athribis. With chapters by J. H. Walker and E. B. Knobel. L., 1908 (British School of Archaeology in Egypt and Egyptian Research account. 14 year, 1908).
- AeGGASK — *Wiedemann A., Pörtner B.* Aegyptische Grabreliefs aus grossherzoglichen Altertümer—Sammlung zu Karlsruhe. Strassburg i(n) E(lsas), 1906.
- AIKMB — *Schäfer H.* Aegyptische Inschriften aus dem königlichen Museen zu Berlin. H. 1—2. Lpz., 1901, 1903.
- AO — *Acta orientalia.* Leiden.
- ArO — *Archiv Orientální.* Praha.
- AP — *Sethe K.* Die altaegyptischen Pyramidentexte. Bd. 1—2. Lpz., 1908, 1910.
- APHKKAW — Anzeiger der philosophisch—historischen Klasse der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften. Wien.
- AbP — *Posener—Krieger P., Cenival J. L. de.* The Abu Sir Papyri. Edited, together with Complementary Texts in Other Collections, by Paule Posener—Krieger and Jean Louis de Cenival. L., 1968 (Hieratic Papyri in the British Museum. 5 series).
- ASAE — *Annales du Service des Antiquités de l'Égypte.* Le Caire.
- AVAeAG — Ausführliches Verzeichnis der ägyptischen Altertümer und Gipsabgüsse². B., 1899 (Königliche Museen zu Berlin).
- BAA — *Schäfer H.* Ein Bruchstück altaegyptischer Annalen. Mit Beiträgen von

- Borchardt L. und Sethe K. B., 1902 (Abhandlungen der königl. Preussischen Akademie der Wissenschaften. Philos.-hist. Klasse. Jg. 1902, Nr. 1).
- BMFA — Bulletin of the Museum of Fine Arts. Boston.
- BMMA — The Metropolitan Museum of Art. Bulletin. N. Y.
- CE — *Mogensen M.* La collection égyptienne. Copenhague, 1930 — (La Glyptothèque Ny Carlsberg). Texte. Planches.
- CFSDMRC — *Capart J.* Chambre funéraire de la Sixième dynastie aux Musées royaux du cinquantenaire. Bruxelles, 1906.
- CMA — *Mariette-Bey A.* Catalogue général des monuments d'Abydos découverts pendant les fouilles de cette ville. P., 1880.
- CMIEA — *Morgan J. de, Bouriant U., Legrain G., Jéquier G., Barsanti A.* Catalogue des monuments et inscriptions de l'Égypte antique. 1 sér. Haute Égypte. T. 1: De la frontière de Nubie à Kom Ombo. Vienne, 1894.
- D — *Petrie W. M. Flinders.* Deshasheh 1897. L., 1898 (15 Memoir of the Egypt Exploration Fund).
- Den — *Petrie W. M. Flinders.* Denderah 1898. L., 1900 (17 Memoir of the Egypt Exploration Fund).
- DAeAe — *Lepsius R.* Denkmäler aus Aegypten und Aethiopien, 1—2. Abth.: Denkmäler des Alten Reiches. B., [circa 1850].
- DAeAeE — *Lepsius R.* Denkmäler aus Aegypten und Aethiopien. Ergänzungsband. Hrsg. von E. Naville unter Mitwirkung von L. Borchardt bearb. von K. Sethe. Lpz., 1913.
- DAeAeT — *Lepsius R.* Denkmäler aus Aegypten und Aethiopien. Text. Hrsg. von E. Naville unter Mitwirkung von L. Borchardt bearb. von K. Sethe. Bd. 1. Lpz., 1897.
- DAR — *Holwerda A. E. J., Boeser P. A. A., Holwerda J. H.* Die Denkmäler des Alten Reiches. Leiden, 1905 (Leyden, Rijksmuseum van Oudheden, Beschreibung der aegyptischen Sammlung. [1]).
- DARMK — *Borchardt L.* Denkmäler des Alten Reiches (ausser den Statuen) im Museum von Kairo. Nr. 1295—1808. T. 1: Text und Tafeln zu Nr. 1295—1541. B., 1937 (Catalogue général des antiquités égyptiennes du Musée du Caire. Nr. 1295—1808).
- DAeS (=DAS) — *Bissing Freiherr W. von.* Denkmäler ägyptischer Skulptur. 1. München, 1914.
- DAWW (=DOAW) — Akademie der Wissenschaften in Wien. Philosophisch=historische Klasse. Denkschriften. Wien und Leipzig (=Österreichische Akademie der Wissenschaften).
- DPMH — *Roeder G.* Die Denkmäler der Pelizaeus-Museum zu Hildesheim, unter Mitwirkung von A. Ippel. B., 1921.
- DRAEE — *Weill R.* Les décrets royaux de l'Ancien Empire égyptien. P., 1912.
- E — *Maspero G.* Égypte. P., 1912 (Ars una — species mille).
- ECAVITP — *Sottas H.* Étude critique sur un acte de vente immobilière du temps des pyramides. P., 1913.
- EG — *Selim Hassan.* Excavations at Giza.
[Vol. 1.] 1929—1930. With the collaboration of Foad Boghdady. Oxf., 1932.
[Vol. 2.] 1930—1931. With the collaboration of Abdel-salam Abdelsalam. Cairo, 1936.
Vol. 3. 1931—1932. With the collaboration of Banoub Habashi. Bulâq, 1941.
Vol. 4. 1932—1933. With the collaboration of Mahmoud Darwish. Bulâq, - 1943.
Vol. 5. 1933—1934. With the collaboration of Mahmoud Darwish. Bulâq, 1944.
- ExG — *Abdel-Moneim Abu-Bakr.* Excavations at Giza 1949—1950. With a Chapter on «Brick Vaults and Domes in the Giza Necropolis» by A. Badawy. Cairo, 1953.
- ELDMOMK — *Gardiner A. H., Sethe K.* Egyptian Letters to the Dead. Mainly from the Old and Middle Kingdoms. L., 1928.
- ENE — *Boreux Ch.* Études de nautique égyptienne. L'art de la navigation en Égypte jusqu'à la fin de l'Ancien empire. Le Caire, 1925 (Mémoires publiés

- par les membres de l'Institut Français d'Archéologie Orientale du Caire. T. 50).
- ES — *Quibell J. E.* Excavations at Saqqara. Vol. 1—3, 6. Le Caire, 1907—1923 (Service des antiquités de l'Égypte).
- ESS — *Breasted J. H.* Egyptian Servant Statues. Wash., 1948.
- ETSOSMAEUC — *Lutz H. F.* Egyptian Tomb Steles and Offering Stones of the Museum of Anthropology and Ethnology of the University of California. Lpz., 1927 (University of California Publications. Egyptian Archaeology. Vol. 4).
- FD — *Morgan J. de*, avec la collaboration de *Legrain G.* et *Jéquier G.* Fouilles à Dahchour en 1894—1895. Vienne, 1903.
- G — *Junker H.* in Verbindung mit *K. Holey*. Giza I. Wien und Leipzig, 1929 (DAWW. Bd. 69, Abh. 1).
- Junker H.* Giza II. Wien und Leipzig, 1934 (DAWW. Bd. 70, Abh. 3).
- Junker H.* Giza III. Wien und Leipzig, 1938 (DAWW).
- Junker H.* Giza IV. Wien und Leipzig, 1940 (DAWW. Bd. 71, Abh. 1).
- Junker H.* Giza V. Wien und Leipzig, 1941 (DAWW. Bd. 71, Abh. 2).
- Junker H.* Giza VI. Wien und Leipzig, 1943 (DAWW. Bd. 72, Abh. 1).
- Junker H.* Giza VII. Wien, 1944 (DAWW. Bd. 72, Abh. 3).
- Junker H.* Giza VIII. Wien, 1947 (DAWW. Bd. 73, Abh. 1).
- Junker H.* Giza IX. Wien, 1950 (DÖAW. Bd. 73, Abh. 2).
- Junker H.* Giza X. Wien, 1951 (DÖAW. Bd. 74, Abh. 1).
- Junker H.* Giza XI. Wien, 1953 (DÖAW. Bd. 74, Abh. 2).
- Junker H.* in Verbindung mit *O. Daum*. Giza XII. Wien, 1955 (DÖAW. Bd. 75, Abh. 2).
- GAe — *Breasted J. H.* Geschichte Ägyptens. [Zürich, 1936].
- GAR — *Schäfer H.*, unter Mitwirkung von *H. Grapow*. Gräber des Alten Reiches. Lpz., 1936 (Atlas zur altägyptischen Kulturgeschichte von *W. Wreszinski*. T. 3).
- GECBM — *Budge E. A. Wallis*. A Guide to the Egyptian Collections in the British Museum. [L.], 1909.
- GKN — *Borchardt L.* Das Grabdenkmal des Königs Nefer-ir-ke', rec. Lpz., 1909 (11. wissenschaftliche Veröffentlichung der Deutschen Orient-Gesellschaft. Ausgrabungen der Deutschen Orient-Gesellschaft in Abusir 1902—1908. V).
- GrKN — *Borchardt L.* Das Grabdenkmal des Königs Ne-user-rec. Lpz., 1907 (7. wissenschaftliche Veröffentlichung der Deutschen Orient-Gesellschaft in Abusir 1902—1904. I).
- GKS — *Borchardt L.* Das Grabdenkmal des Königs Sa', hu-rec. Bd. 1. Der Bau. Lpz., 1910 (14. wissenschaftliche Veröffentlichung der Deutschen Orient-Gesellschaft. Ausgrabungen der Deutschen Orient-Gesellschaft. Ausgrabungen der Deutschen Orient-Gesellschaft in Abusir 1902—1908. VI).
- Borchardt L.*, Das Grabdenkmal des Königs Sa', hu-rec. Bd. 2. Die Wandbilder. Lpz., 1913 (26. wissenschaftliche Veröffentlichung der Deutschen Orient-Gesellschaft. Ausgrabungen der Deutschen Orient-Gesellschaft in Abusir 1902—1908. VII).
- GR — *Petrie W. M. Flinders*. Gizeh und Rifeh. With chapters by sir Herbert Thompson and *W. E. Crum*. L., 1907 (British School of Archaeology in Egypt and Egyptian Research Account. 13th year, 1907).
- GT — *Steindorff G.* Das Grab des Ti. Lpz., 1913 (Veröffentlichungen der E. von Sieglin Expedition in Aegypten. Bd. 2).
- HAA — *Perrot G.* et *Chapiez Ch.* Histoire de l'art dans l'antiquité. T. 1: L'Égypte, P., 1882.
- HGN — *Reisner G. A.* A History of the Giza Necropolis. Vol. 1. Cambridge, Mass., 1942.
- HPKMB — Hieratische Papyrus aus den königlichen Museen zu Berlin. Bd. 3, B., 1911.
- HTESBM — [Scott-Moncrieff *P. P.*] Hieroglyphic Texts from Egyptian Stelae, etc. in the British Museum. Pt 1. L., 1911; n. e.— new edition by *T. G. H. James*. L., 1961.
- ICN — *Fischer H. G.* Inscriptions from the Coptite Nome. Dynasties VI—XI,

- Roma, 1964 (Analecta Orientalia. Commentationes scientificae de rebus Orientis antiqui. 40).
- IHCE — *Rougé E. de*. Inscriptions hiéroglyphiques copiées en Égypte pendant la mission scientifique de M. le vicomte E. de Rougé, publiées par M. le vicomte J. de Rougé. P., 1877—1878 (Études égyptologiques, livraisons 9—11).
- JEA — The Journal of Egyptian Archaeology. L.
- JNES — The Journal of Near Eastern Studies. Chicago.
- KAO — *Schäfer H.* und *Andrae W.* Die Kunst des alten Orients. B., 1925 (Propyläen—Kunstgeschichte. II).
- KDAR — *Goedicke H.* Königliche Dokumente aus dem Alten Reiche. Wiesbaden, 1967 (Ägyptologische Abhandlungen. Bd. 14).
- M — *Petrie W. M. Flinders*. Medum. With chapters by Griffith F. Ll., Wiedemann A., Russel W. J. and Crum W. E. L., 1892.
- My — *Reisner G. A.* Mycerinus. The temples of the Third pyramid at Giza. Cambridge, Mass., 1931.
- MAE — *Mariette A.* Les mastabas de l'Ancien empire. Fragment du dernier ouvrage de A. Mariette publié d'après le manuscrit de l'auteur par Maspero G. P., 1889.
- MBK — cm. MK.
- MDAIK — Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts, Abteilung Kairo. Wiesbaden.
- MENND — *Champollion le Jeune*. Monuments de l'Égypte et de la Nubie. Notice descriptives conformes aux manuscrits autographes rédigés sur les lieux par Champollion le Jeune. T. 2. Autographié en entier par Maspero G. P., 1889.
- MFPII — *Jéquier G.* Le monument funéraire de Pepi II. Le Caire (Service des Antiquités de l'Égypte. Fouilles à Saqqarah).
T. I. Le tombeau royal. 1936.
T. II. Le Temple. Planches dessinées par Ahmed eff. Youssef. Plan dressé par J. Ph. Lauer. 1938.
T. III. Les approches du temple. Planches dessinées par Ahmed eff. Youssef. Plans dressés J.-Ph. Lauer. 1940.
- MG — *Bissing F. M. von*. Die Mastaba des Gem-ni-kai.
Bd. 1. Im Verein mit A. E. P. Weigall. B., 1905.
Bd. 2. In Verbindung mit M. Bollacher und A. E. P. Weigall. L., 1911.
- MIO — Mitteilungen des Instituts für Orientforschung (Deutsche Akademie der Wissenschaften zu Berlin). B.
- MK (=MBK) — *Garstang J.* Mahāsna and Bêt Khallāf. L., 1902 (=Egyptian research account. 7th year, 1901).
- MKhCI — *James T. G. H.* The Mastaba of Khentika Called Ikhekhhi. L., 1953 (Archaeological Survey of Egypt. 30 memoir).
- MM — *Duell P.*, field director; *Cowern R. T.*, *Lack H. M.*, *Nash D.*, *Shepherd S. R.*, *Shuford C.*, *Strekalovsky V.*, *Warren E. A.* [in p. 1], artists; *Nims Ch. F.*, *Seele K. C.*, epigraphers; *Leslie F. Th.*, photographer; *Kossoff M.*, assistant. The Mastaba of Mereruka. Chicago, Illinois, 1938 (by the Sakkarah Expedition).
Pt 1 (The University of Chicago Oriental Institute Publications. Vol. 31).
Pt 2 (The University of Chicago Oriental Institute Publications. Vol. 39).
- MMOA — Mélanges Maspero I: Orient ancien; 2^d fascicule. Le Caire, 1935—1938 (Mémoires publiés par les membres de l'Institut français d'archéologie orientale du Caire. T. 66).
- MOP — *Capart J.* avec la collaboration de *M. Werbrouck*. Memphis à l'ombre des pyramides. Bruxelles, 1930.
- MPAS — *Davies N. de G.* The Mastaba of Ptahhetep and Akhethetep at Saqqarah. L.
Pt 1. With chapters by F. Ll. Griffith, 1900 (Archaeological Survey of Egypt. 8 memoir).
Pt 2. With notes by F. Ll. Griffith, 1901 (Archaeological Survey of Egypt. 9 memoir).

- MU — *Kayser H.* Die Mastaba des Uhemka. Ein Grab in der Wüste. Hannover, 1964.
- MUSJ — *Mélanges de l'Université Saint-Joseph. Beyrouth (Grand-Liban).*
- NAWG — *Nachrichten der Akademie der Wissenschaften in Göttingen. I. Phil.-hist. Klasse.*
- PA — *Fechheimer H.* Die Plastik der Ägypter. B., 1. Aufl. 1914; 2. Aufl., 1920.
- PM — *Michałowski K.* Piramidy i mastaby. Warszawa, 1973.
- POu — *Jéquier G.* La pyramide d'Oudjebten. Le Caire, 1928 (Service des Antiquités de l'Égypte. Fouilles à Saqqarah).
- PRAR — *Goedicke H.* Die privaten Rechtsinschriften aus dem Alten Reich. Wien, 1970 (Beihefte zur Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes. Bd. 5).
- R — *Quibell J. E.* The Ramesseum. L., 1898.
- RE — *Revue égyptologique. Nouv. série. P.*
- RIEMRCB — *Speleers L.* Recueil des inscriptions égyptiennes des Musées royaux du cinquantenaire à Bruxelles. Bruxelles, 1923.
- RIHGNC — *Koefoed-Petersen O.* Recueil des inscriptions hiéroglyphiques de la Glyptothèque Ny Carlsberg. Bruxelles, 1936 (Bibliotheca aegyptiaca. 6).
- RME — *Capart J.* Recueil de monuments égyptiens. Bruxelles.
[1] série, 1902.
2 série, 1905.
- RRLGAR — *Erman A.* Reden, Rufe und Lieder aus Gräberbildern des Alten Reiches. B., 1909 (Abhandlungen der Preussischen Akademie der Wissenschaften. B., Phil.-hist. Klasse. № 15).
- Junker H.* Zu einigen Reden und Rufen auf Grabbildern des Alten Reiches. Wien — Leipzig. 1943 (SBAWW. Bd. 221, Abh. 5).
- RTDG — *Davies N. de G.* The Rock Tombs of Deir el Gebräwi. L., 1902.
Pt 1 (Archaeological Survey of Egypt. 11 memoir).
Pt 2 (Archaeological Survey of Egypt. 12 memoir).
- RTM — *Blackman A. M.* The Rock Tombs of Meir. L.
Pt 4. 1924 (Archaeological Survey of Egypt. 25 memoir).
Pt 5. 1953 (Archaeological Survey of Egypt. 28 memoir).
- RTRPhAE — *Recueil de travaux relatifs à la philologie et à l'archéologie égyptiennes et assyriennes. P.*
- RTS — *Capart J.* Une rue de tombeaux à Saqqarah. Bruxelles, 1907.
Vol. 1. Texte.
Vol. 2. Planches. Photographies exécutées par l'auteur en collaboration avec Mathien Ch.
- RTShS — *Davies N. de G.* The Rock Tombs of Sheikh Saïd. L., 1901 (Archaeological Survey of Egypt. 10 memoir).
- SBAWW — *Akademie der Wissenschaften in Wien. Philosophisch-historische Klasse. Sitzungsberichte. Wien und Leipzig.*
- SM — *Murray Margaret A.* Saqqara mastabas. With drawings by Hansard F. and Mothersole J. Pt 1. L., 1905 (Egyptian Research Account. 10 year. 1904).
- SO — *Svět v obrazech XVII 2 7. Ledna, 1961.*
- SPhE — *Abd el-Mohsen Bakir.* Slavery in pharaonic Egypt. Le Caire, 1952 (Supplément aux Annales du Service des Antiquités de l'Égypte. Cahier № 18).
- SSKPMK — *Borchardt L.* Statuen und Statuetten von Königen und Privatleuten im Museum von Kairo. T. 1. B., 1911 (Catalogue général des antiquités égyptiennes du Musée du Caire. Vol. 53).
- SVPTÉAE — *Montet P.* Les scènes de la vie privée dans les tombeaux égyptiens de l'Ancien empire. Strasbourg, 1925 (Publications de la Faculté des lettres de l'Université de Strasbourg. Fasc. 24).
- ThIAe — *Brugsch H.* Thesaurus inscriptionum aegyptiacarum. Altaegyptische Inschriften gesammelt, verglichen, übertragen, erklärt und autographiert von H. Brugsch. 5. Abth.: Historisch-biographische Inschriften altaegyptischer Denkmäler in hieroglyphischer, hieratischer und demotischen Schrift gesammelt, besprochen und autographiert von H. Brugsch. Lpz., 1891.
- TP — *Paget R. F. E. and Pirie A. A.* The Tomb of Ptahhetep. L., 1898 (Egyptian Research Account 1898. 2).

- TPC — *Firth C. M. and Gunn B.* Teti Pyramid Cemeteries. Le Caire, 1926 (Service des antiquités de l'Égypte. Excavations at Saqqara).
Vol. 1. Text.
Vol. 2. Plates.
- TPCPII — *Jéquier G.* Tombeaux de particuliers contemporains de Pepi II. Le Caire, 1929 (Service des antiquités de l'Égypte. Fouilles à Saqqarah).
- TT — *Épron L., Daumas F., Goyon G., Montet P.* Le tombeau de Ti. Fasc. 1. Le Caire, 1939 (Mémoires publiés par les membres de l'Institut Français d'Archéologie Orientale du Caire. T. 65).
Wild H. Le tombeau de Ti. Fasc. 2. Le Caire, 1953 (Mémoires publiés par les membres de l'Institut Français d'Archéologie Orientale du Caire. T. 65).
- TTEDRBK — *Garstang J.* Tombs of the Third Egyptian Dynasty at Reqâqnah and Bêt Khallâf. Westminster, 1904.
- UAR — *Sethe K.* Urkunden des Alten Reichs. H. 1—4. 2. Aufl. Lpz., 1932—1933 (Urkunden des ägyptischen Altertums. 1. Abt.).
- VZGPG — *Junker H.* Vorbericht über die zweite Grabung bei den Pyramiden von Gizeh vom 16. Dezember 1912 bis 24. März 1913. Wien, 1913 (Aus dem Anzeiger der philosophisch-historischen Klasse der kais. Akademie der Wissenschaften vom 11. Juni [Jahrgang 1913, № 14] separat abgedruckt).
- ZASA — Zeitschrift für ägyptische Sprache und Altertumskunde. Lpz., B.

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора	3
Введение	5
Понятие собственности (§ 1—5)	8
• § 1. <i>джт</i> — не заупокойное имение	8
• § 2. <i>джт</i> — вообще не земельная собственность	11
• § 3. <i>джт</i> противопоставлено государственному	19
• § 4. Существо понятия <i>джт</i>	29
• § 5. <i>джт</i> как обозначение отдельных лиц	33
Рабство (§ 6—11)	53
§ 6. <i>хэм</i>	53
§ 7. <i>б'к</i>	61
§ 8. Последователи (<i>хтв</i>)	69
§ 9. Долговое рабство	70
§ 10. Иноплеменные невольники	72
§ 11. Купленники	83
«Слуги двойника» (§ 12)	89
Наемный труд (§ 13)	112
Селения (§ 14—17)	123
§ 14. Виды селений	123
§ 15. <i>Нэ</i> — «город/городец»	126
§ 16. <i>Хо</i> (<i>хэвт</i>)	135
§ 17. <i>Ха-ко</i>	155
Корабельные ватаги (§ 18—24)	165
§ 18. На судах	165
§ 19. За переноской тяжестей	170
§ 20. За подсобной работой	175
§ 21. За доставкой скота и степных копытных	180
§ 22. За ловлей зверей, птиц и рыб	182
§ 23. На поле и гумне	182
§ 24. Довольствие ватаг	187
Скотоводство, рыболовство, птицеводство и птицеводство (§ 25)	199
«Заповедники» (§ 26)	210
Мастерские (§ 27—32)	229
§ 27. «Мастера-камнеделы» и общее обозначение для ремесленников	229
§ 28. Общее обозначение для мастерской	241
§ 29. Изображения многоремесленных мастерских и «чистая» мастерская	247
§ 30. Ткацкие мастерские	264
§ 31. Руководство мастерских	282
§ 32. Снабжение работников продовольствием	284
Вельможеское хозяйство как целое (§ 33)	287
Сокращенные обозначения изданий, в которых воспроизведены или описаны источники	294

Юрий Яковлевич Перепелкин
ХОЗЯЙСТВО
СТАРОЕГИПЕТСКИХ ВЕЛЬМОЖ

*Утверждено к печати
Институтом востоковедения
Академии наук СССР*

Редактор *Н. Г. Михайлова*
Младший редактор *Н. Е. Серегина*
Художник *Н. П. Ларский*
Художественный редактор *Э. Л. Эрман*
Технический редактор *В. П. Стуковнина*
Корректор *Е. В. Карюкина*

ИБ № 15925

Сдано в набор 19.04.88. Подписано к печати
20.10.88. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага типограф-
ская № 1. Гарнитура литературная. Печать вы-
сокая. Усл. п. л. 19. Усл. кр.-отт. 19. Уч.-изд.
л. 20,9. Тираж 3800 экз. Изд. № 6422. Зак. № 326.
Цена 2 р. 50 к.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука»
Главная редакция восточной литературы
103051, Москва К-51, Цветной бульвар, 21
3-я типография издательства «Наука»
107143, Москва Б-143, Открытое шоссе, 28